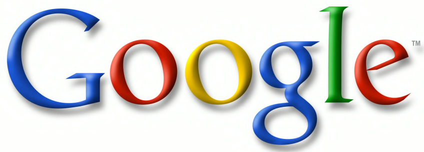
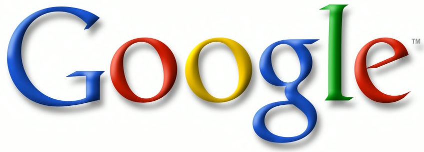
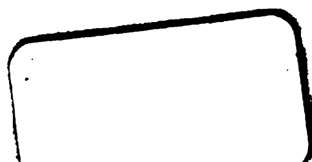

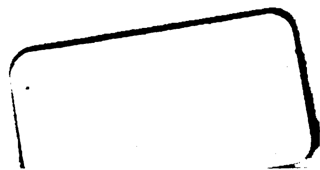

КЪ РѢШЕНІЮ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА.

КЪ РѢШЕНІЮ

ЖЕНСКАГО ВОПРОСА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1888

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 2 Л. 7

1451

I.

ПРАВА ЖЕНЩИНЫ.

Кто бы ты ни былъ, благосклонный читатель, прочти эту брошюру sine ira et studio, какъ я предлагаю ее тебѣ.

О, если бы мнѣ удалось предлагаемой брошюрой обратить вниманіе возможно бо̀льшаго числа вліятельныхъ лицъ на вопросъ, касающійся благоденствія всего человѣчества!

Я сама много терпѣла отъ того ложнаго положенія, которое еще и по нынѣ отведено женщинѣ въ обществѣ и которое мужу, даже доброму и нѣжному, даетъ возможность и дозволеніе грабить свою жену и терзать ея сердце; я терпѣла такъ много, что потеряла всякое желаніе жить...

Дѣлая общіе выводы изъ окружавшихъ меня обстоятельствъ и изъ пережитаго мной, опираясь на замѣчанія выдающихся и благонамѣренныхъ мыслителей, уже ломавшихъ свое копье въ защиту добраго дѣла, я очень желала бы хотя сколько-нибудь способствовать тому, чтобы женщина не страдала болѣе отъ причиняемыхъ ей несправедливостей, чтобъ она научилась во̀-время защитить себя отъ этихъ несправедливостей, а главное, чтобъ она вообще была предохранена отъ нихъ. При всѣхъ испытанныхъ мною бѣдствіяхъ сладостное утѣшеніе доставляетъ мнѣ та мысль, что, ясно понимая основную причину этихъ бѣдствій, я тѣмъ самымъ, по мѣрѣ силъ своихъ,

могу принести и свою лепту, чтобы способствовать движенію, повсемѣстно охватившему нынѣ женщинъ. Дабы сколь можно основательнѣе и разумнѣе обсудить этотъ вопросъ, необходимо, конечно, коснуться кое-чего такого, о чемъ я при жизни своей не могла бы говорить съ посторонними; но я желала бы, по крайней мѣрѣ, чтобы послѣ того, какъ меня не будетъ на этомъ свѣтѣ, настоящія мои замѣтки, содержащія въ себѣ признанія, желанія и просьбы за женщину, дошли до слуха какого-нибудь добросердечнаго, человѣколюбиваго мужчины, который имѣлъ бы склонность и достаточное вліяніе для того, чтобы устроить болѣе счастливую и бо́льшими правами надѣленную участь женщины. О, если бы слова мои, выражающія все то, что я ощущаю и что желала бы высказать, тронули сердце такого человѣка!

И тотъ, кто исполнилъ бы поставленныя мною требованія, могъ бы стать истиннымъ благодѣтелемъ половины рода человѣческаго, даже—позволяю себѣ сказать это—всего рода человѣческаго!

1.

Введеніе.

„Человѣчество не будетъ имѣть полнаго понятія ни объ одномъ предметѣ до тѣхъ поръ, пока имъ не займутся какъ умъ женщины, такъ и умъ мужчины“.

Всякій безпристрастно смотрящій на жизнь человѣкъ не можетъ не признать той истины, что судьба женщины въ человѣческомъ обществѣ не такова, какою она могла бы и должна бы быть. Кто серьезно относится ко всему, касающемуся женской половины рода человѣческаго, тотъ необходимо долженъ согласиться, что жребій ея незавиденъ. Я даже ни мало не колеблюсь сказать, что глубоко сожалѣю о немъ, такъ какъ этотъ жребій никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ тому, къ чему природа сдѣлала женщину способной и къ чему она ее предназначила. Я съ трудомъ удерживаюсь отъ горькихъ слезъ сострадання не къ собственной моей участи, а ко всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, какія еще придется претерпѣть женщинѣ, прежде чѣмъ наступитъ для нея лучшее время, и потому я должна опять повторить свое желаніе, чтобы излагаемыя мною мысли смягчили сердце какого-нибудь вліятельнаго мужчины и побудили его заняться преобразованіемъ положенія женщины. Конечно, въ цивилизованномъ мірѣ положеніе женщины вовсе не такъ ужасно, чтобы она впадала въ искушеніе, подобно столь многимъ матерямъ индѣйскихъ племенъ Америки, которыя

считають за лучшее лишать жизни свое новорожденное дитя, если оно дѣвочка, нежели ростить ее для такого же горькаго жребія, какой и ей самой выпалъ на долю. Но при всемъ томъ и у насъ положеніе женщины все еще довольно печально.

Положеніе женщины? Въ томъ-то и дѣло, что мужчина не предоставилъ женщинѣ никакого самостоятельнаго положенія.

Въ силу своего физическаго превосходства, мужчина во всѣ времена могъ господствовать надъ женщиной или, что̀ одно и то же, препятствовать ея самостоятельности. И теперь еще, даже въ томъ цивилизованномъ состояніи, какого достигло нынѣ человѣчество, когда кулачное право давнымъ давно уже исчезло и, какъ звѣрство, недостойное человѣка, отнесено къ пережитому прошлому—это кулачное право еще и теперь практикуется по отношенію къ женщинѣ. За женщиною, по крайней несправедливости, не признается общечеловѣческаго значенія; она разсматривается всегда только по отношенію къ мужчинѣ, а не сама по себѣ, не какъ существо, имѣющее право предъявлять свои требованія. Важнымъ и достойнымъ вниманія считается только ея отношеніе къ мужчинѣ. Прошло почти пять тысячелѣтій съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество пишетъ свою исторію, какъ философы, поэты, мыслители, основатели религій стали заботиться о благѣ человѣчества. Всѣ они думали о томъ, чтобъ устроить сколь можно пріятнѣе и удовлетворительнѣе бытъ членовъ человѣческаго общества, насколько это касается одного лишь мужчины.

Рабы, люди въ древнія времена угнетенные, находили себѣ заступниковъ и борцовъ за ихъ человѣческія права. Бывшее въ пренебреженіи, бюргерское сословіе добилось равноправности съ привилегированными сословіями: для него открытъ теперь доступъ ко всѣмъ почестямъ и должностямъ. Только за женщину не нашлось ни одного вполнѣ энергичнаго голоса; она не признается за равное съ мужчиною существо; она «только» женщина; она «рождена для служенія».

Насколько неопровержима та истина, что высшее призваніе человѣка на землѣ состоитъ въ томъ, чтобы развивать всѣ свои тѣлесныя и духовныя силы и, при помощи ихъ, достигать возможно бо́льшаго счастья, настолько же неопровержимо и то, что эта истина одинаково относится какъ къ мужчинѣ, такъ

и къ женщинѣ, потому что природа надѣлила женщину такою же потребностью счастья, какъ и мужчину. Это положеніе вовсе не исключаетъ того, что вѣрное исполненіе обязанностей навсегда остается высшимъ закономъ, ибо истинное счастіе невозможно безъ исполненія обязанностей. Отвергать это можетъ лишь тотъ, кто считаетъ истиннымъ счастьемъ пустыя, мимолетныя наслажденія, которыя онъ смѣшиваетъ съ чувствомъ истиннаго счастія, далекимъ отъ нихъ, какъ небо отъ земли. И какъ мужчина, конечно, хотя сколько-нибудь образованный и воспитанный, при правильномъ пользованіи своими силами, всѣмъ существомъ своимъ готовъ на жертвы ради вѣрности своему призванію, такъ и для женщины, склонной горячо привязываться къ человѣку, является потребность въ самоотверженномъ принесеніи жертвъ ради того, кого она любитъ.

Если такъ создана женщина, то не рождена ли она именно для служенія? Если она охотно чтитъ то, что̀ любитъ, если въ ея любви заключается нѣкотораго рода смиреніе, то не значитъ ли это, что мужчина имѣетъ право быть ея господиномъ? Какое чудовищное, вызывающее тяжелыя послѣдствія заблужденіе, проклятіе котораго ложится именно на женщину, пользующуюся обманчивыми мимолетными выгодами!

Послѣдствіемъ такого заблужденія является грубость, умножающая соціальные недуги, которые будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока не прекратится самая причина ихъ. Никакое законодательство не побѣдитъ этой грубости, никакія мѣры предосторожности не смогутъ предохранить отъ нея, пока одна половина рода человѣческаго будетъ находиться въ такой зависимости отъ другой, въ какой въ настоящее время находится женщина отъ мужчины. Дурно, если какой-нибудь человѣкъ смѣетъ сказать себѣ про другаго: «я его господинъ». Безотвѣтственность вызываетъ равнодушіе и небрежность. Совершенно естественнымъ послѣдствіемъ бываетъ то, что прежде всего принимается въ соображеніе не счастіе другой, подчиненной личности, а выгода и удовольствіе господствующей. Конечно, не всегда такъ бываетъ. Я охотно вѣрю, что и среди мужчинъ встрѣчаются нѣжныя, внимательныя натуры, заботливо относящіяся къ благу и страданію существа, по-

ставленнаго, по волѣ рока, въ столь неестественное къ нимъ отношеніе; но такія натуры, какъ показываетъ опытъ, рѣдки; по большей части, это именно тѣ натуры, которыя сами познали всю несправедливость и фальшивость такихъ отношеній. Добрыя три четверти мужскаго пола, такъ или иначе, будутъ злоупотреблять несправедливо предоставленной имъ властью. И пусть не думаетъ государство, что ему не приходится испытывать на себѣ послѣдствія такого порядка вещей. Разъ мужчина привыкнетъ злоупотреблять своими силами въ отношеніи подчиненнаго ему существа, настаивать всегда на своемъ, вмѣсто того, чтобы столь же часто подчинять свою волю тому существу, которое должно бы стоять рядомъ съ нимъ, какъ и приводить ее въ исполненіе, то станетъ ли такой человѣкъ признавать рядомъ съ собой какую-нибудь власть, а надъ собой—какой-нибудь законъ? Правильное отношеніе къ своей женѣ должно бы подать мужчинѣ первый поводъ къ оказанію справедливости, должно бы научить его самопожертвованію ради блага другихъ, помимо всякаго эгоизма.

Несомнѣнно, что лучшимъ средствомъ для искорененія вредныхъ соціалистическихъ бредней и козней было бы освобожденіе женщины. Это значило бы подсѣчь корни соціализму постольку, поскольку онъ покланяется коммунистическимъ идеямъ. Женщина всѣмъ существомъ своимъ противится соціалистическимъ (въ смыслѣ коммунистическихъ) принципамъ и теоріямъ, которые слишкомъ абстрактны и вовсе не соотвѣтствуютъ физическимъ и душевнымъ потребностямъ человѣческой натуры. Если мужъ стремится къ общественной жизни, любитъ общественные союзы и т. д., то стремленіе жены къ индивидуальной жизни всегда съумѣетъ умѣрить, насколько нужно, эту его склонность. Общія жилища, общая кухня и пр., все это никогда не будетъ женщинѣ по вкусу. Поэтому безъ всякаго опасенія за существующій порядокъ можно уравнять женщину съ мужчиною, сдѣлать ее свободною. Это освобожденіе не произвело бы никакого переворота, ни даже перемѣны въ обыденныхъ явленіяхъ жизни,—напротивъ, оно придало бы этимъ явленіямъ нужный отпечатокъ счастія.

Да, — освобожденіе женщины отъ всякаго ненавистнаго деспотизма, тяготѣющаго надъ нею и препятствующаго ей до-

стичь той красоты характера, которая составляетъ основу истиннаго благополучія—вотъ что̀ долженъ проповѣдывать каждый истинный другъ человѣчества, вотъ къ чему долженъ стремиться каждый, имѣющій вліяніе на законодательство.

Подъ освобожденіемъ женщины я разумѣю совершенно равноправное положеніе ея съ мужчиной и прежде всего въ отношеніи воспитанія и допущенія женщины къ почестямъ и должностямъ.

Міровымъ переворотомъ, страшнымъ пугаломъ покажутся эти слова тому мужчинѣ, который тамъ, гдѣ онъ отыскиваетъ для самого себя какое-либо поле дѣятельности, находитъ всѣ отрасли уже занятыми. «Кто же будетъ завѣдывать моимъ хозяйствомъ?» озабоченно спрашиваетъ онъ при мысли, что такое требованіе женщины будетъ исполнено: «неужели же я самъ? Вѣдь это совершенно уронитъ достоинство мужчины!» О, суета суетъ! Изъ послѣдующихъ главъ будетъ ясно видно, какъ всѣ эти опасенія сами собой должны исчезнуть, разъ что ихъ оставятъ безъ вниманія. Но естественно, что мужчина, этотъ притѣснитель, будетъ отказывать притѣсненному во всякомъ самостоятельномъ со стороны послѣдняго требованіи, пока не изслѣдуетъ дѣла, пока не убѣдится въ томъ, что своимъ отказомъ онъ можетъ повредить самому же себѣ. Ожидать повѣрки сказаннаго до тѣхъ поръ, пока сама женщина не вооружится духовнымъ оружіемъ настолько, что съумѣетъ сама отразить всякое возраженіе и совершенно послѣдовательно, основательно и убѣдительно доказать свои права—значитъ не знать человѣческой природы и порабощающей ее силы привычки. И въ самомъ дѣлѣ, упорное отстаиваніе того, что̀ существуетъ уже цѣлыя тысячелѣтія, составляетъ прекрасную, необходимую черту человѣческаго характера, но черта эта столь же необходима, какъ, съ другой стороны, необходимо стремленіе къ чему-либо новому, лучшему, къ усовершенствованію. Но хотя въ нѣкоторыхъ натурахъ мы видимъ одностороннее проявленіе одного изъ направленій, однако же есть пунктъ, относительно котораго всѣ мужчины одинаково консервативны, какъ ультра-консерваторы, такъ равно и радикалы, — именно относительно упорнаго отстаиванія ими предпочтительнаго передъ женщиною, привилегированнаго положенія мужчины.

Всѣ ученые согласны между собою въ томъ, что женщина

дѣйствуетъ болѣе по инстинкту, тогда какъ мужчина живетъ преимущественно абстрактнымъ разсудкомъ. Но чрезъ это образъ дѣйствія того или другаго не умаляется въ цѣнѣ. Какъ вѣрно то, что инстинктъ постоянно находится въ несомнѣнномъ согласіи съ природою, такъ вѣрно и то, что инстинктъ можетъ служить вѣрною поддержкою, руководителемъ для абстрактнаго разума тамъ, гдѣ онъ самъ не въ силахъ помочь себѣ.

Пусть допустятъ, напримѣръ, въ политикѣ и философіи совмѣстное участіе обоихъ элементовъ, мужскаго и женскаго. Какого прекраснаго, недостающаго еще до сихъ поръ, согласія достигли бы въ томъ случаѣ, если бы и женскому элементу предоставили право голоса! Инстинктъ, если даже онъ и прекрасенъ и согласенъ съ природой, нуждается въ томъ, чтобы имъ руководилъ и его направлялъ абстрактный разумъ, если имѣется въ виду установить прекрасную, удовлетворяющую всѣ стороны, жизнь человѣческаго общества. Но направлять или руководить — не значитъ подавлять и считать себя лучшимъ. Почтительное уваженіе къ живущему съ нимъ одною жизнью существу, принятіе въ соображеніе его интересовъ и самоотверженное принесеніе жертвъ, гдѣ этого требуетъ взаимное благополучіе—все это необходимо каждому мужчинѣ, какъ и женщинѣ. Неужели въ этомъ требованіи заключается что-нибудь такое, чего слѣдовало бы опасаться благородно-мыслящему, справедливому мужчинѣ? Пусть спроситъ себя тотъ, кто всѣхъ громче кричитъ противъ освобожденія женщины, какая задняя мысль таится при этомъ въ его умѣ, какія побудительныя причины заставляютъ его говорить: «нѣтъ».

Я боюсь, что, при добросовѣстной повѣркѣ, такими причинами окажутся одни лишь нечистыя побужденія: опасеніе самому черезъ это остаться въ накладѣ, удовольствіе, находимое мужчиною въ тиранніи (слѣдствіе не совсѣмъ, впрочемъ, несправедливаго сознанія физической силы мужской натуры), боязливая забота о томъ, что ему представится необходимость напрягать умственныя свои силы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прежде достаточно было деспотическаго: «я хочу»,—суетность, стремленіе единолично и безраздѣльно пользоваться почетомъ и отличіями, не оказывая того же самаго другимъ, а пожалуй также иногда и страхъ быть обязаннымъ сдерживаться при обыден-

ныхъ сношеніяхъ съ близкимъ существомъ. Не это ли самыя главныя причины, заставляющія мужчину непріязненно относиться къ притязаніямъ женщины?

«Почтительное уваженіе къ женщинѣ»—такое требованіе многимъ мужчинамъ кажется смѣшнымъ, потому что оно плохо гармонируетъ съ той точкой зрѣнія, съ которой мужчина привыкъ смотрѣть на женщину. Но такое самовозвышеніе одного пола надъ другимъ есть не болѣе какъ чудовищное притязаніе, никоимъ образомъ не согласующееся ни съ естественной точкой зрѣнія, ни съ точкой зрѣнія истинно христіанской любви.

Изумительно, какъ мало поступаютъ въ мірѣ истинно похристіански, и притомъ самые явные поборники христіанства!

Собственно говоря, въ отношеніяхъ между мужемъ и женой вообще, сущность христіанства, ученіе о заботливой любви еще недостаточно примѣняются на дѣлѣ.

Когда же мужская половина человѣческаго рода станетъ примѣнять къ женщинѣ превосходное, увлекательно-возвышенное ученіе: «Люби своего ближняго какъ самого себя!»?

«Что же станется съ супружествомъ, если жена не будетъ болѣе подчинена мужу?» спроситъ какой-нибудь заурядный мужъ въ страхѣ лишиться своего привилегированнаго положенія. — Оно сдѣлается тогда учрежденіемъ вполнѣ достойнымъ, учрежденіемъ облагораживающимъ, дающимъ счастье и миръ супругамъ. Между тѣмъ теперь бракъ зачастую лишаетъ ихъ мира, теперь замужество служитъ для многихъ женщинъ лишь средствомъ ихъ матеріальнаго обезпеченія, и это послѣднее обстоятельство является зачастую главной и даже существенной причиной, побуждающей дѣвушку къ замужеству.

Однако же любовь, только истинная любовь, должна быть единственнымъ поводомъ ко вступленію въ бракъ, если онъ долженъ возвыситься надъ уровнемъ продажной любви и представлять намъ ручательство въ томъ, что происходящее отъ этого брака потомство будетъ обладать энергическимъ стремленіемъ къ тому прекрасному идеализму, котораго вообще еще такъ недостаетъ человѣчеству. Между тѣмъ дальнѣйшее распространеніе этого идеализма есть единственная почва, на которой произрастаетъ не только психическое, но и физическое счастье,

Но,—скажутъ мнѣ,—одинаковость въ положеніи съ мужчиною—вѣдь это противно натурѣ женщины, вѣдь природа не приспособила ее къ этому. Такое возраженіе приводится всего чаще, а между тѣмъ оно опирается на весьма крупное заблужденіе; въ пользу равноправности, напротивъ, говорятъ вполнѣ убѣдительныя доказательства. Перечисляю здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ кажутся главнѣйшими:

1. Женщина имѣетъ физическое и нравственное право желать совершенно одинаковаго съ мужчиною положенія, такъ какъ отсутствіе такого положенія вредно отражается на дарованныхъ ей природою и потому справедливыхъ притязаніяхъ на физическое и моральное счастье.

2. Женщина имѣетъ съ мужчиною одинаковое по значенію тѣлесное устройство; ея тѣлесное здоровье и ея тѣлесныя функціи точно такъ же важны для продолженія и успѣшнаго развитія рода человѣческаго, какъ и со стороны мужчины. Но эти физическія функціи и здоровье женщины не принимаются теперь въ соображеніе только вслѣдствіе положенія ей назначеннаго или, лучше сказать, ей насильно навязаннаго.

3. Женщина и мужчина надѣлены хотя и разнообразными, но при всемъ томъ одинаковыми по достоинству душевными способностями. Не найдется ни одного поприща для духовной дѣятельности, на которомъ женщина не могла бы подвизаться вмѣстѣ съ мужчиною; нѣтъ ни одного такого поприща, на которомъ она не могла бы съ пользою трудиться, въ одинаковой ли съ мужчиною, или отличной отъ него формѣ—это, конечно, можетъ рѣшить только опытъ, но во всякомъ случаѣ трудъ ея будетъ дополнять трудъ мужчины и будетъ сопровождаться неменьшимъ успѣхомъ.

4. Равенство женщины съ мужчиною по положенію, вызывая собою измѣненіе въ существующей системѣ ея воспитанія, значительно возвысило бы духовную и тѣлесную крѣпость и дѣльность женщины, и черезъ то избавило бы грядущее поколѣніе отъ многихъ страданій и способствовало бы бо́льшему его совершенству.

5. Не только развитіе различныхъ способностей женщины, но также и удовлетвореніе ея душевныхъ и тѣлесныхъ потребностей, —насколько она имѣетъ право предъявлять на нихъ

притязанія,—невозможно для женщины, если ей будетъ отказываемо равенство съ мужчиною въ положеніи и правахъ. Неудовлетворенность же потребностей, причиняя массу бѣдствій, крайне тяжело отзывается, въ свою очередь, на всемъ родѣ человѣческомъ, между тѣмъ какъ освобожденіе женщины способствовало бы его благополучію.

6. Величайшая изъ всѣхъ несправедливостей заключается въ томъ, что обычай и законъ подчиняютъ женщину мужчинѣ. Пусть сама женщина подчинится мужчинѣ,—она подчинится ему по любви, -- но законъ не долженъ касаться ея внутреннихъ влеченій; напротивъ того, такъ какъ эти влеченія существуютъ сами по себѣ, и такъ какъ мужчина, пользуясь своими привилегіями, склоненъ злоупотреблять этими влеченіями, законъ по тому самому вдвойнѣ обязанъ дать женщинѣ одинаковыя съ мужчиною права, и всѣ воззрѣнія мужчины должны быть проникнуты чувствомъ справедливости равнаго съ нимъ положенія женщины, дабы цѣлая масса женскихъ жизней, въ самомъ существѣ своемъ, въ своихъ справедливѣйшихъ требованіяхъ счастья, не была сломана и раздавлена.

2.

Равноправность, какъ физическое и нравственное право женщины.

> „Жить и умереть сообразно съ требованіями природы и помогать другимъ поступать точно такъ же. Подумали ли мы хоть разъ о томъ, какъ много добродѣтели, обязанности и религіи заключается въ этой, повидимому, столь простой и при всемъ томъ безконечно трудно-достижимой цѣли?“

Одна чрезвычайно умная женщина сказала мнѣ какъ-то: «мнѣ кажется, что во всемъ, что̀ говорено и что̀ сдѣлано по женскому вопросу, съ цѣлью доставить женщинѣ лучшіе источники заработка, не коснулись самаго существеннаго, потому что если женщинѣ будетъ даже открытъ путь къ болѣе легкому

способу пріобрѣтенія средствъ для жизни, то все же одинокая, незамужняя женщина, именно по причинѣ печальнаго своего одиночества, не можетъ чувствовать себя удовлетворенною».

Мнѣніе это, дѣлающее большую честь сердцу высказавшей его, столь же вѣрно, какъ и просто: всѣ стремленія возвысить жизненное положеніе женщины до наиболѣе для нея благопріятнаго, должны ставить своею исходною точкою такое устройство общественнаго быта, при которомъ для каждой женщины являлось бы возможнымъ вступленіе въ бракъ.

Необходимо признать, что центръ тяжести женскаго вопроса лежитъ въ выпадающей на долю дѣвушекъ невозможности выполнить естественное призваніе женщины, какъ супруги и матери; но необходимо признать также и то, что причина такого явленія заключается не въ большемъ будто бы числѣ живущихъ на свѣтѣ дѣвушекъ, сравнительно съ числомъ мужчинъ,—нѣтъ, ее надо искать въ неблагопріятномъ положеніи женщины въ свѣтѣ и въ привилегіяхъ, данныхъ мужчинѣ. Выскажемся прямо: пока государствомъ будутъ терпимы частные или общіе притоны, въ которыхъ законнымъ образомъ допускается развратъ безъ вреда для добраго имени мужчины, до тѣхъ поръ многія дѣвушки, по необходимости, должны оставаться незамужними.

Такой выводъ легко сдѣлать, не прибѣгая даже къ помощи статистическихъ данныхъ, и въ немъ-то и заключается тотъ прямой практическій вредъ учрежденія проституціи, который, какъ все грубое и жесткое, ложится гнетомъ на женщину,—вредъ, отъ котораго терпятъ душа и сердце мужчины, что́ я постараюсь теперь обстоятельно изложить.

Выше я сказала, что женщина имѣетъ право домогаться совершенной равноправности съ мужчиной, потому что отсутствіе такой равноправности вредно отражается на ея законныхъ притязаніяхъ, на физическомъ и моральномъ счастіи. Что́ же слѣдуетъ понимать подъ физическими и нравственными *правами* женщины? Такой вопросъ, думаю я, предлагаютъ многіе, считающіе себя въ совершенствѣ знакомыми съ физическими и нравственными *обязанностями* женщины, съ ея природнымъ назначеніемъ.

Какъ будто можетъ быть обязанность безъ правъ? Разу-

мѣется—нѣтъ, равно какъ не можетъ быть и правъ безъ обязанностей!

Существуетъ одно право, которое составляетъ жизненное условіе и выполненіе котораго является по меньшей мѣрѣ такою же потребностью для женщины, какъ и для мужчины. Я смѣю даже сказать, что это такое право, отъ котораго не можетъ отказаться ни одна нормальная, т. е. гармонически, правильно организованная женская натура. Это право или потребность заключается въ слѣдующемъ: пользуясь любовью и уваженіемъ мужа, находиться съ нимъ въ тѣхъ святыхъ задушевныхъ отношеніяхъ, въ которыя она можетъ вступить только съ существомъ, дополняющимъ ее по чувству и полу и дающимъ ей надежду имѣть потомство.

Всякій, кто своими поступками лишаетъ какое-нибудь другое лицо возможности удовлетворять сказанной потребности, совершаетъ сознательно или безсознательно тяжелое преступленіе, не могущее быть оправданнымъ никакими побудительными причинами.

Статистическіе выводы свидѣтельствуютъ о томъ, что на каждыя 20 дѣвочекъ родится 21 мальчикъ. Изъ этихъ цифръ видно, что природа не допустила, такъ сказать, избытка въ женскомъ полѣ, потому что этотъ полъ—судя по весьма распространенному мнѣнію—для нея менѣе цѣненъ. Враги равноправности женщинъ часто говорятъ также слѣдующее: «Чего вы хотите? вѣдь васъ на свѣтѣ больше, чѣмъ нужно».

Конечно, статистическія данныя относительно числа людей зрѣлаго возраста представляютъ намъ неравенство, не говорящее въ пользу женщинъ, такъ какъ оказывается, что число женщинъ зрѣлаго возраста превосходитъ число мужчинъ, и что женщина, въ среднемъ выводѣ, достигаетъ болѣе зрѣлаго возраста, чѣмъ мужчина—явленіе, которое также можно было бы считать доказательствомъ малоцѣнности женщинъ.

«Старую бабу ничѣмъ не убьешь», или: «она живуча, какъ кошка»—таковы общественныя народныя поговорки. Но достиженіе женщиною, въ среднемъ выводѣ, болѣе зрѣлаго возраста еще не можетъ служить опроверженіемъ моихъ положеній, а скорѣе однимъ изъ доказательствъ, подтверждающихъ ихъ основательность. Достиженіе женщиною болѣе зрѣ-

лаго возраста есть только слѣдствіе большей умѣренности, къ которой женщину понуждаютъ и законы, и господствующія воззрѣнія. Такъ какъ различныя вредныя для здоровья излишества обусловливаютъ преждевременную смерть столь многихъ и молодыхъ людей, то понятно, что, въ концѣ концовъ, число незамужнихъ женщинъ оказывается нѣсколько большимъ числа неженатыхъ мужчинъ. Но все это служитъ скорѣе доказательствомъ необходимости выполненія моихъ требованій въ пользу женщины, нежели ихъ опроверженіемъ.

Общественный бытъ, имѣющій одинаково вредныя послѣдствія какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ, долженъ подвергнуться преобразованіямъ. Односторонняя терпимость мужскаго разврата дѣлаетъ мужчину порочнымъ, губитъ его здоровье, мѣшаетъ его дальнѣйшему совершенствованію, женщину же дѣлаетъ невыразимо несчастной.

Каждый взрослый человѣкъ, если онъ не состоитъ въ бракѣ и живетъ безъ потомства, находится внѣ той большой цѣпи человѣческаго общества, въ которой каждый долженъ *хотѣть* и *мочь* быть звеномъ, ибо одинокая, лишенная любви жизнь его подобна пустоцвѣту; такая жизнь не возведена на свой кульминаціонный пунктъ, она не есть собственно жизнь. Каждый человѣкъ, будь то мужчина или женщина, если его тѣло и духъ, сердце и чувство здоровы и чисты, долженъ сознавать эту истину, и признаніе такой истины дѣлаетъ ему болѣе чести, чѣмъ ея отрицаніе.

Высказанная здѣсь истина при настоящихъ условіяхъ общественной жизни всего тягостнѣе испытывается незамужнею женщиною, ибо, во-первыхъ, она, въ большинствѣ случаевъ, противъ своей воли исключается изъ цѣпи, образующей человѣчество, а во-вторыхъ, она ведетъ чистую со стороны половыхъ отношеній жизнь, чѣмъ сохраняется чистою и сильною естественность ея ощущеній. Неженатый мужчина, напротивъ, ведетъ, большею частью, противоестественную порочную жизнь. Жизнь эта унижаетъ и совершенно притупляетъ его естественные, чистые и здоровые инстинкты, которые въ противномъ случаѣ побуждали бы его искать себѣ любви только у симпатичнаго его сердцу существа и въ лицѣ своего потомства ожидать гордости и утѣшенія старости, лишенной радостей для хо-

лостяка. Кромѣ того, при неудовлетвореніи самаго естественнаго изъ всѣхъ правъ, неженатому мужчинѣ всегда еще бываетъ возможно, если только онъ захочетъ, найти—не скажу замѣну,—ибо невозможна никакая замѣна прекраснаго ощущенія,—но по крайней мѣрѣ нѣкоторое утѣшеніе и поддержку въ своемъ служебномъ поприщѣ, въ государственныхъ и общественныхъ почестяхъ, которыхъ онъ можетъ достигнуть; все это такія блага, которыхъ до сихъ поръ еще лишена женщина.

Такимъ образомъ, незамужняя женщина не только остается неудовлетворенною въ своихъ самыхъ справедливыхъ притязаніяхъ на человѣческое счастье, но еще и со стороны общества дѣлается все возможное, чтобы невниманіемъ и пренебреженіемъ обратить въ сущую пытку то положеніе, которое уже само по себѣ причиняетъ ей сердечныя страданія и которое, смотря по силѣ ея чувствованій, становится невыносимымъ.

Таковы условія нашей жизни! таково примѣненіе христіанскаго ученія о любви къ ближнему!

Англійскій писатель, Георгъ Пэнъ Джемсъ, въ своемъ романѣ «Цыганъ», высказываетъ слѣдующую глубоко прочувствованную и задушевную мысль: «Изображеніемъ физической и нравственной природы человѣка можно доказать, что семейныя узы составляютъ *необходимое требованіе* его бытія. Пусть человѣкъ заглянетъ въ будущее и представитъ себѣ, что между нимъ и его личными привязанностями образовалась стѣна, что его присутствіе не радуетъ ничьего дружескаго взора, что ничьи дружескія уста не улыбаются его счастью, что ни одна сочувственная слезинка не оплакиваетъ его горя, ничей веселый голосъ не разгоняетъ его тревожныхъ думъ, ничья заботливая рука не оправитъ подушки подъ головой его во время болѣзни, не закроетъ ему глазъ въ часъ его смерти, — пусть онъ представитъ себѣ свою жизнь одинокою, свои радости и страданія никѣмъ нераздѣленными, свое ложе, во время болѣзни, оправляемымъ лѣнивою рукою наемника, свои глаза, лишь только погаснетъ для нихъ свѣтъ, закрытыми грубымъ прикосновеніемъ утомленнаго и равнодушнаго слуги;—пусть онъ все это представитъ себѣ, и тогда онъ почувствуетъ, что семейныя узы необходимы для нашей жизни, если только онъ

не опьяненъ разнузданными страстями или если онъ не простая счетная машина».

А чтó же дѣлаетъ государство и его законодательство для обезпеченія женщинѣ того положенія, которое одно можетъ сдѣлать ея существованіе удовлетворяющимъ ее? Оно дѣлаетъ, съ своей стороны, все, чтобы превратить естественную, сердечную необходимость замужества въ необходимость общественную, въ вопросъ о насущномъ хлѣбѣ, такъ какъ оно не даетъ женщинѣ никакого заработка, кромѣ заработка начальной учительницы, съ положеніемъ болѣе низкимъ и трудомъ дешевле оплачиваемымъ, сравнительно съ положеніемъ и трудомъ мужчины. Этимъ самымъ государство указываетъ женщинѣ на бракъ, какъ на средство для обезпеченія, а черезъ то, въ столь прекрасное и, по своему назначенію, столь идеальное установленіе, какъ бракъ, вносится разладъ, ибо мужъ принужденъ смотрѣть единственно на себя, какъ на члена, способнаго къ добыванію средствъ для пропитанія своей семьи. Это придаетъ мужу характеръ властелина и препятствуетъ ему признавать равное съ своими трудами достоинство трудовъ жены, а многія жены становятся, напротивъ, сварливыми и стремятся къ тому, чтобы держать своихъ мужей подъ башмакомъ.

Государство признаетъ за женщиною одну только половую, т. е. животную цѣнность, и были даже законодатели, философы и моралисты, которые единственною задачею жизни женщины ставили рожденіе дѣтей и притомъ возможно частое.

Кто, говоря откровенно, не согласится съ тѣмъ, что продажная любовь есть ужаснѣйшая мерзость, совершенно противная природѣ и унижающая обѣ принимающія въ ней участіе стороны? И однако же она существуетъ!

Да, такая любовь одинаково унизительна для обѣихъ сторонъ—и для того, кто платитъ деньги за такой позоръ, и для того, кто получаетъ ихъ!

И однако же въ этомъ случаѣ мужчина остается совершенно правымъ и передъ закономъ, и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Если учреждать надзоръ за продажной любовью, стараясь на самомъ дѣлѣ обуздывать ее, то для достиженія успѣха необходимо обѣ участвующія въ такой любви стороны, т. е. мужчину и женщину, подвергать одинаковому наказанію и презрѣнію.

Кто же, какъ не само человѣческое общество, въ силу своихъ все еще несовершенныхъ учрежденій, бросаетъ массу безпріютныхъ женщинъ въ руки проституціи? И то же самое общество осмѣливается осуждать и предавать позору проститутокъ, тогда какъ оно не видитъ проступковъ со стороны мужчины. А между тѣмъ во многихъ случаяхъ падшая женщина первоначально была жертвою обольщенія со стороны не кого инаго, какъ мужчины же, и во всѣхъ случаяхъ она, разумѣется, только съ мужчиною и можетъ совершать проступокъ. И, не смотря на то, она одна несетъ послѣдствія потери чести, какъ будто бы цѣломудріе, т.е. отвращеніе къ продажной любви и всякой вообще любви, не согласующейся со священными обязанностями человѣка къ самому себѣ и къ другимъ людямъ, можетъ быть спеціальною добродѣтелью одной только женщины, а не должно быть добродѣтелью обоихъ половъ! Какъ будто бы эта добродѣтель не уничтожается сама по себѣ, коль скоро она уничтожается для мужчины! Ибо какъ же могла бы женщина быть постоянно добродѣтельною, если мужчина, при содѣйствіи котораго она только и можетъ нарушить свою добродѣтель, не нуждается въ сохраненіи ея и не сохраняетъ ея? Не значитъ ли это напередъ уже отрѣшать нѣкоторое число женщинъ отъ счастія и обрекать ихъ на порокъ?

Разуменъ ли обычай или законъ, если онъ самъ собою требуетъ своего нарушенія? Гдѣ же были простой здравый смыслъ, разумъ и логика при установленіи такого обычая или закона? Не покажется ли при этомъ, что мужчина какъ будто оставилъ безъ вниманія всякое примѣненіе той логики, которую онъ такъ блистательно обнаруживаетъ при развитіи разныхъ теорій.

Несомнѣнно, что при рѣшеніи вопросовъ, касающихся женщины, мужчина покидаетъ точку зрѣнія правды, здраваго человѣческаго смысла и логическихъ умозаключеній; въ отношеніи къ женщинѣ онъ, съ ослѣпленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вреднымъ для его собственныхъ священныхъ интересовъ эгоизмомъ, крѣпко держится за неестественныя, самому ему вредящія, привилегіи.

Равноправность и, какъ первый шагъ къ тому, отмѣна законности проституціи, — таковы тѣ дары, которыхъ должна

просить и домогаться женщина, и она не должна успокоиваться до тѣхъ поръ, пока не получитъ этихъ простыхъ, слѣдуемыхъ ей по справедливости, даровъ изъ рукъ мужчины. О, если бы мужчина согласился исполнить это требованіе,—какую честь всему его полу принесло бы это!

Можетъ быть, осмѣлятся утверждать, что здоровье мужчинъ требуетъ существованія проституціи? Ну, а какъ же относятся къ здоровью тѣхъ безчисленныхъ женщинъ, которыя при этомъ приносятся въ жертву? Справедливо ли жертвовать отчасти физическимъ, отчасти моральнымъ здоровьемъ множества однихъ человѣческихъ существъ для сохраненія здоровья другихъ и тѣмъ топтать въ грязь достоинство всего женскаго пола? И развѣ здоровье женщины заслуживаетъ меньшаго вниманія, чѣмъ здоровье мужчины? Развѣ безбрачіе не одинаково вредно для обоихъ половъ? Зачѣмъ же одному полу давать привилегію въ ущербъ другому? Это совершенно противно чувству справедливости. *Каждый долженъ нести на себѣ ту часть физическихъ страданій, какая возложена на него природою.* Но были ли выслушиваемы обѣ стороны при установленіи существующихъ порядковъ? Я не думаю, чтобы какая-нибудь женщина, обсуждая важность настоящаго вопроса, согласилась признать законность существованія проституціи. Но возможность имѣть право обсуждать этотъ вопросъ и составляетъ именно то, чего не признаетъ мужчина за женщиной: онъ учитъ ее не признавать и не беречь своихъ правъ. Выше было замѣчено, что государство, въ отношеніи къ женщинѣ, само себѣ противорѣчитъ; такъ, указывая женщинѣ на бракъ, какъ на средство для существованія, оно въ то же время санкціонируетъ проституцію и тѣмъ самымъ дѣлаетъ все возможное, чтобы помѣшать вступленію женщины въ бракъ. Попробуйте хоть разъ обсудить тѣ послѣдствія, какія вытекаютъ изъ этой санкціи проституціи и изъ того, какимъ образомъ практикуется это постыдное учрежденіе. Однимъ этимъ фактомъ значеніе женщины низводится на степень животнаго; а что никакого иного значенія и не придаютъ женщинѣ многіе мужчины, о томъ я уже упоминала. Мужчина, какъ образованный, такъ и необразованный, пріучается покупать за возможно низкую цѣну то отношеніе къ нему женщины, въ которомъ она, по своей фи-

зической природѣ, наиболѣе необходима ему. Отношеніе, могущее имѣть самыя серьезныя послѣдствія, именно такія послѣдствія, какія сами по себѣ должны бы были дѣлать для мужчины цѣннымъ и дорогимъ дотолѣ нелюбимое имъ существо, это отношеніе становится въ глазахъ какъ мужчины, такъ и женщины унизительнымъ. И будетъ ли мужчина, который можетъ въ высшей степени недостойнымъ образомъ истощить свою физическую природу,—будетъ ли онъ еще склоненъ къ тому, чтобы принести жертву и жениться на какой-нибудь женщинѣ, чтобы, отказавшись отъ привычныхъ уже ему удобствъ, дѣлить съ нею и съ могущимъ быть потомствомъ скромный свой заработокъ? Жена есть тогда не болѣе, какъ роскошь, которую онъ позволяетъ себѣ только въ томъ случаѣ, если при этомъ можно имѣть и всѣ удобства жизни; съ униженіемъ же женщины онъ и самого себя лишаетъ того прекраснаго влеченія, которое побуждало бы его находить удовлетвореніе у собственнаго своего очага и считать себя равно счастливымъ отъ возможности какъ давать, такъ и принимать,—влеченія, поддерживающаго въ немъ тотъ священный огонь, который очищаетъ его усилія и стремленія въ жизненной борьбѣ и воспламеняетъ его благороднымъ одушевленіемъ и самоотреченіемъ. Не то мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности. Пусть посмотрятъ безпристрастно на низшіе слои общества; пусть вникнутъ въ положеніе, которое занимаетъ тамъ мужъ по отношенію къ своей женѣ и своему семейству, такой именно мужъ, который рѣшается на «роскошь» обзавестись женою, быть можетъ, потому именно, что, по его соображеніямъ, такая роскошь будетъ для него дешевле. Захочетъ ли такой мужъ отказаться отъ эгоистическихъ наслажденій во вниманіе къ потребностямъ жены и дѣтей? Какъ часто, напротивъ того, бѣдной, слабой и безъ того уже имѣющей свои спеціально женскія обязанности, женѣ приходится непомѣрно работать ради того только, чтобы мужъ, этотъ хозяинъ дома, могъ удовлетворять всѣ свои прихоти! Сколько грубости приходится въ низшемъ сословіи переносить женѣ отъ мужа! Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто того пожелаетъ.

У кого не обливалось сердце кровью при видѣ такихъ сценъ, когда онѣ случайно попадались ему на глаза? Изум-

леніе, отвращеніе и глубочайшее состраданіе должны возбуждать онѣ въ томъ, кто любитъ своихъ ближнихъ. Изумленіе—при мысли о томъ, что въ христіанскомъ и столь высоко цивилизованномъ обществѣ возможны такіе случаи; отвращеніе—къ тому скотскому состоянію, до котораго можетъ опуститься человѣкъ, и глубокое состраданіе къ беззащитной половинѣ человѣческаго рода. Государство не можетъ, конечно, сдѣлать всѣхъ людей благонравными. Но что мужья такъ часто дурно поступаютъ со своими женами и эксплоатируютъ ихъ — это обстоятельство должно бы, кажется, навести законодательныя власти на мысль: хорошо ли онѣ поступили при составленіи законовъ, вовсе не спрашивая мнѣнія тѣхъ, на которыхъ должно, до извѣстной степени, распространяться дѣйствіе этихъ законовъ. Было бы совершенно своевременно подумать о какой-нибудь основательной помощи для женщинъ, дабы бо́льшая часть женскаго пола не продолжала оставаться несчастною или неудовлетворенною.

Да, несчастна, въ высшей степени несчастна бываетъ, въ большинствѣ случаевъ, бѣдная жена изъ низшаго сословія, такъ какъ ея мужъ, считая ее далеко ниже себя достоинствомъ,—и этому взгляду онъ находитъ поддержку въ законѣ и обычаѣ,—не только дурно съ нею обходится, но считаетъ себя даже въ правѣ удерживать лично для себя бо́льшую часть изъ получаемаго имъ для себя заработка и тратить на свои неумѣренныя наслажденія такую сумму, которая его женѣ и дѣтямъ доставила бы хорошую, здоровую пищу. Въ такомъ случаѣ недостатокъ равноправности составляетъ мучительное бѣдствіе для жены, равно какъ и для тяжело отъ этого страдающаго потомства. Замѣчательное, весьма характеристическое совпаденіе заключается въ томъ, что у народа, наиболѣе предающагося пьянству, истребляющему, судя по статистическимъ даннымъ, наибольшее количество спиртныхъ напитковъ,—у такого народа и женщина находится подъ бо́льшимъ гнетомъ и относительно улучшенія своего матеріальнаго быта встрѣчаетъ наиболѣе затрудненій.

Подумалъ ли когда-либо законодатель о томъ, какое деморализирующее вліяніе должно имѣть привилегированное положеніе мужчины на необразованные слои народонаселенія, на

элементы, не сдерживаемые никакими условіями образованности? Пользующійся привилегіями мужъ забываетъ, что онъ принадлежитъ женѣ и ихъ обоюднымъ общимъ интересамъ самъ въ такой же степени, какъ и она ему; что, насколько онъ имѣетъ право пользоваться ея временемъ, ея силами относительно домоводства, кормленія и воспитанія дѣтей и т. п., настолько же и она имѣетъ право на его время и его силы, т.-е. на его заработокъ для веденія хозяйства и для нуждъ дѣтей. Мужъ забываетъ, что все, чѣмъ онъ пользуется исключительно самъ, одинъ, есть уже снисхожденіе, которымъ онъ никогда не долженъ злоупотреблять въ такой мѣрѣ, чтобы оно вредило общимъ супружескимъ интересамъ. Если въ этомъ отношеніи и должна кому-либо принадлежать привилегія, основанная на особенныхъ заслугахъ, то такую привилегію слѣдуетъ предоставлять именно тому, на комъ лежитъ болѣе постоянное бремя, и кто даже подвергаетъ опасности свою жизнь при выполненіи своихъ обязанностей. Однако же я готова биться объ закладъ, что если бы для мужа и жены существовала равноправность, то ни тотъ, ни другая не домогались бы такихъ привилегій, и каждый старался бы сдѣлать что-либо угодное другому, насколько это въ его силахъ. Но все это лишь идиллическія и тщетныя мечтанія объ общемъ супружескомъ счастьи, которыя такими и останутся, пока не народится человѣкъ, обладающій необходимою властью и сердцемъ, исполненнымъ желанія улучшить участь женщины; а до тѣхъ поръ жена постоянно будетъ страдать отъ грубости и необузданной жажды наслажденій мужа.

Въ нѣкоторыхъ супружествахъ рабочаго сословія можно назвать сравнительнымъ счастіемъ уже и то, если мужъ тратитъ исключительно на одного себя только значительную часть своего собственнаго заработка. А какъ часто случается, что мужъ, заставляя свою жену работать до изнеможенія, отнимаетъ у нея все то, что̀ она успѣла пріобрѣсти усиленными трудами.

Несправедливо одной половинѣ человѣческихъ существъ предоставлять привилегію и безусловное господство надъ другою половиною, которая одарена точно такими же желаніями, чувствованіями и душевными силами, но беззащитна по причинѣ меньшей тѣлесной силы, еще болѣе ослабляемой подавленнымъ

положеніемъ женщины. И если громаденъ прямой, непосредственный вредъ, причиняемый женскому полу проституціею, то тяжелы и косвенныя бѣдствія, испытываемыя женщиною отъ проституціи, какъ напр. неестественное отвращеніе мужчины отъ женитьбы. Проституція приводитъ мужчину къ разъединенію обоихъ элементовъ любви: чувственности и сердечной привязанности; онъ исполняется скептицизмомъ къ чувству любви, этому энергическому и самому святому чувству, какое только дано человѣку; и вотъ на любовь и на женщину у него образуются тѣ циническіе взгляды, какіе такъ часто высказываются нѣкоторыми современными философами. Эти взгляды проникаютъ во все человѣческое общество, готовятъ женщинѣ невыразимыя огорченія и служатъ источникомъ ея тяжкихъ страданій.

Проституція научаетъ мужчину презирать самое существо женщины и бываетъ часто причиною того, что какой-нибудь мужчина, честный въ другихъ отношеніяхъ, становится грѣшникомъ относительно сердца дѣвушки. Кому не случалось видѣть, что мужчина, имѣвшій полную возможность жениться, овладѣвъ сердцемъ какой-нибудь женщины, успѣвалъ сосредоточить на своей личности всю ея мысль и все ея чувство и самъ постоянно искалъ возбуждающаго общенія съ одинаково съ нимъ настроенною душою, не помышляя о томъ, какія надежды все это должно было возбудить въ ней, и, въ концѣ концовъ, не осуществлялъ, однако же, этихъ ея надеждъ, потому лишь, что особа эта не обладала хорошимъ состояніемъ, а его положеніе было не изъ блестящихъ?!

Страсть, которая разгорается у дѣвушки въ яркое пламя, доводящее несчастную иногда до смерти, будетъ осуждаться и осмѣиваться свѣтомъ только потому, что тутъ идетъ дѣло о чувствѣ женщины, повидимому, не раздѣлявшемся мужчиной.

Но что̀ же дало мужчинѣ возможность не довести своей нѣжной, сердечной склонности до степени все преодолѣвающей страсти? или, лучше сказать, что́ ослабило энергію его прекраснаго чувства?

Проституція и существующія въ свѣтѣ воззрѣнія, позволяющія даже и вполнѣ порядочному, высокообразованному мужчинѣ дѣлить свое существо на двѣ части. Онъ не боится, какъ

бы ни было высоко его образованіе, нисходить до готовыхъ къ его услугамъ, необразованныхъ, грубыхъ существъ. Это — смерть всего идеальнаго въ мужчинѣ, это — причина господства въ жизни, въ различныхъ проявленіяхъ, грубости и пошлости.

Кто захотѣлъ бы, даже кто смѣлъ бы порицать мужчину за то, что въ своемъ ужасномъ эгоизмѣ онъ погубилъ счастье и жизнь дѣвушки? Вѣдь онъ сдѣлалъ то, что не составляетъ никакого юридическаго преступленія, что даже не отступаетъ отъ существующихъ нравовъ и обычаевъ.

Страсть, вызываемая полною любовью, во всей ея цѣльности, во всей ея нераздѣльности, оказываетъ благотворное вліяніе на человѣка; она формируетъ и развиваетъ человѣческій характеръ самымъ сильнымъ и самымъ благороднымъ образомъ. Тотъ же мужчина, который отдѣляетъ одну сторону любви отъ другой и предается чувственности безъ всякаго въ томъ участія сердца, вредитъ тому, что есть самаго благороднаго въ его существѣ; онъ какъ бы вырываетъ сердце изъ жизни своихъ чувствованій.

Конечно, настанетъ время, когда женщина будетъ пользоваться совершенно одинаковымъ съ мужчиною положеніемъ. Она сама заслужитъ это равенство, если все болѣе и болѣе будетъ доказывать и отстаивать свои права на него. Но много пройдетъ времени, прежде чѣмъ она, при настоящихъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ, докажетъ наконецъ свои права на равное съ мужчиною значеніе; прежде чѣмъ она поднимется на ту высоту, на которой мужчина будетъ признавать ея права на это равное съ нимъ положеніе. И много, безчисленно много бѣдствій, сердечныхъ огорченій и потрясеній ея внутренняго міра придется, можетъ быть, испытать женщинѣ; безчисленное число жертвъ поглотится, можетъ быть, до того времени, если только какая-нибудь спасительная рука не принесетъ женщинѣ въ даръ того, что принадлежитъ ей по праву.

О, если бы я могла говорить устами ангеловъ и возбудить въ сердцахъ властныхъ людей святую любовь, которая заботливо взвѣсила бы блага всего рода человѣческаго, которая ни одну часть его не оставила бы безъ вниманія и не отдала бы предпочтенія одной части передъ другой! Вѣдь и женщина

для мужчины есть также его ближній, котораго каждый долженъ любить какъ самого себя, т.-е. не причинять ему никакой несправедливости, почитать и уважать точно такъ же, какъ онъ самъ желалъ бы быть почитаемъ и уважаемъ, потому что гдѣ нѣтъ одинаковаго взаимнаго уваженія, тамъ не можетъ быть и продолжительной истинной любви.

3.

Женщина по тѣлесному своему устройству имѣетъ одинаковое значеніе съ мужчиною.

„Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ развитіе женщины извращалось и задерживалось отъ вмѣшательства въ это дѣло мужчины“.

При перечисленіи основаній, говорящихъ въ пользу равнаго съ мужчиною положенія женщины, было установлено, что тѣлесное устройство женщины имѣетъ такое же значеніе, какъ и тѣлесное устройство мужчины, т.-е., что ея физическое здоровье и ея физическія отправленія точно такъ же важны, какъ и физическое здоровье и отправленія мужчины для продолженія жизни и благопріятнаго развитія человѣческаго рода.

Общее основаніе этого мнѣнія заключается въ томъ положеніи, что истинные интересы каждаго индивида неразрывно связаны съ интересами всего человѣчества.

Какъ ни одинъ органъ тѣла не можетъ долгое время находиться въ болѣзненномъ состояніи, не вызывая страданій въ другихъ органахъ, такъ точно нельзя и какому-нибудь классу человѣческихъ существъ наносить вредъ безъ того, чтобы въ концѣ концовъ не повліять на счастье всего человѣчества...

Равенство положенія женщины съ мужчиною имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ благотворное вліяніе на мужчину; а именно: оно свело бы его съ того мѣста, на которомъ ему нѣтъ никакой надобности принуждать себя къ самообладанію, этой матери всѣхъ добродѣтелей. Даже самый необразованный человѣкъ сталъ

бы бояться прибѣгать къ насилію тамъ, гдѣ онъ не имѣетъ никакой привилегіи; онъ сталъ бы бояться этого, не смотря на превосходство своей тѣлесной силы.

Въ естественномъ порядкѣ и классификаціи существъ превосходство тѣлесной силы не ставитъ ни одно существо выше другаго; точно также и въ общественномъ людскомъ порядкѣ тѣлесная сила не должна составлять законной привилегіи, если менѣе сильный индивидъ можетъ достигать одинаковаго развитія съ болѣе сильнымъ; если онъ недостатокъ своей тѣлесной силы вознаграждаетъ выносливостью, неустаннымъ терпѣніемъ и другими качествами, и если для продолженія своей расы этотъ слабѣйшій индивидъ имѣетъ столь же важное значеніе, какъ и тѣлесно сильнѣйшій индивидъ.

Никоимъ образомъ не должно мало цѣнить ту дѣятельность женщины, которая составляетъ ея призваніе, ея назначеніе, т.-е. воспитаніе дѣтей, домашнее хозяйство и сбереженіе трудоваго заработка ея мужа. Если многое изъ необходимыхъ ежедневныхъ дѣлъ, выпадающихъ на долю женщины, совершается механически, то вѣдь и въ дѣятельности мужчины найдется не мало механическаго труда...

Я вовсе не желаю сказать, что мужчина долженъ взять на себя исполненіе женскихъ работъ въ тѣхъ видахъ, чтобы женщина могла заняться дѣломъ мужчины. Это былъ бы міръ навыворотъ, отъ чего пострадали бы какъ мужскія, такъ и женскія дѣла. Но въ интересахъ женщины нужно съ вѣрной точки зрѣнія смотрѣть на надлежащее естественное распредѣленіе необходимыхъ житейскихъ занятій. Это избавитъ женщину, не обладающую достаткомъ, отъ непомѣрнаго обремененія работой, на что она неизбѣжно осуждена теперь. Мужчина не долженъ исполнять женской работы не потому, что онъ слишкомъ хорошъ для нея, а потому что время и сила, потребныя для этой работы, нужны ему для исполненія его собственныхъ спеціальныхъ дѣлъ, и потому что по окончаніи ихъ онъ нуждается въ отдыхѣ, слѣдовательно потому, что исполненіе женскихъ работъ *непрактично* для него. Но считать, что женская работа сама по себѣ унизительна для мужчины — значитъ совершенно ложно объяснять вѣрное къ ней отношеніе съ его стороны. Коль скоро къ исполненію женскаго дѣла побуждаетъ мужчину какое-нибудь болѣе

высокое чувство, напр. любовь, вниманіе къ больной женѣ или забота о дѣтяхъ, лишившихся матери, короче сказать, коль скоро женское дѣло перестаетъ быть непрактичнымъ для мужчины,—исполненіе этого дѣла сдѣлаетъ его только болѣе достойнымъ любви и уваженія. Тѣ мужчины, которые самыя простыя работы по домашнему хозяйству считаютъ крайне унизительными для своего достоинства, принадлежатъ, обыкновенно, къ натурамъ далеко не самымъ возвышеннымъ и далеко не добросовѣстно исполняющимъ собственныя свои мужскія обязанности.

Какъ образовываютъ у насъ женщину? Принимается ли при ея образованіи въ разсчетъ зависимость отъ нея свойствъ будущаго потомства? Когда хотятъ дать женщинѣ болѣе высокое образованіе, то стараются развить въ ней сантиментальность, умѣнье блистать въ обществѣ и тому подобное, а также украсить ее знакомствомъ съ новѣйшими языками; что же касается серьезнаго развитія, укрѣпляющаго духъ и тѣло, то въ немъ женщинѣ упорно отказываютъ. Вѣдь не мало найдется мужчинъ, которыхъ пугаетъ даже одно представленіе о сильной духомъ женщинѣ. Безполезный, изъ предубѣжденія возникшій, страхъ: ибо сильно, правильно и прекрасно чувствующее сердце, — а это-то и желаетъ каждый мужчина найти въ женщинѣ,—мыслимо только при правильномъ развитіи характера и ума, которые должны укрѣплять и регулировать дѣятельность сердца. Но мужчина не хочетъ понимать этого; онъ бы желалъ быть руководителемъ слабаго, нѣжно чувствующаго сердца; это льститъ его тщеславію, и въ такомъ-то, имъ опредѣленномъ, раздѣленіи духовныхъ силъ и способностей видитъ онъ идеалъ супружеской жизни, идеалъ, который однако же онъ самъ впослѣдствіи всего менѣе въ состояніи осуществить.

Чтобы супружество было нормально и счастливо, въ немъ необходимо должно имѣть мѣсто взаимное дополненіе между двумя въ возможномъ совершенствѣ развитыми и во всѣхъ присущихъ имъ духовныхъ дарахъ равно крѣпкими существами,— существами, обладающими образованіемъ почти одинаковой степени или ревностно старающимися, послѣ своего вступленія въ бракъ, сравнять различія въ ихъ образованіи.

Когда эти условія будутъ выполнены, тогда и только то-

гда супружество можно назвать счастливымъ. Читатель, наблюдавшій извѣстныя ему супружескія четы, подтвердитъ высказанное мною мнѣніе.

Мужъ не всегда можетъ не разлучаться съ женой и находиться при ней неотступно; онъ не можетъ чувствовать за нее, терпѣть и страдать за нее; также мало можетъ онъ знать, гдѣ и когда ея сердце нуждается въ какомъ-либо руководствѣ. Поэтому-то ему придется подавать ей неумѣстные совѣты; а отсюда мало-по-малу образуется разладъ между супругами. Тогда мужъ начинаетъ жаловаться на своенравіе и упрямство жены, а жена находитъ мужа склоннымъ къ деспотизму и старается отстоять свою самостоятельность, что́ вовсе не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ мужа и его воззрѣнію на жену. Такимъ-то образомъ совершается полное разочарованіе въ томъ счастьѣ, которое ожидалось супругами.

Такое же разочарованіе переживаетъ и дѣвушка, своимъ превратнымъ воспитаніемъ приводимая къ надеждѣ всегда находить въ своемъ мужѣ вѣрнаго рыцаря-защитника, который старался бы угадывать всѣ ея желанія, который ее, слабую, постоянно носилъ бы на рукахъ; а между тѣмъ ей съ изумленіемъ приходится убѣдиться въ томъ, что, не думая о своей роли защитника, мужъ охотно предоставляетъ ее самой себѣ и подчеркиваетъ ея слабость только въ тѣхъ случаяхъ, когда это ему выгодно.

Взаимное пониманіе другъ друга, общность жизни въ каждой нити бытія и мышленія—все болѣе и болѣе исчезаютъ. Наконецъ, супруги приходятъ къ тому, что совершаютъ свой жизненный путь вполнѣ спокойными, хладнокровными, если не совершенно равнодушными другъ къ другу, и обнаруживаютъ лишь взаимную терпимость, вынуждаемую свѣтскими требованіями отъ людей хорошаго тона.

Не такова ли характеристика многихъ нынѣшнихъ супружествъ? Какая же тому причина?

То ложное мнѣніе, по которому жена не признается существомъ самостоятельнымъ, имѣющимъ равное достоинство съ мужчиною, и по которому женщина, даже въ томъ случаѣ, когда ей даютъ самое высшее женское образованіе, все же удерживается на нѣсколько ступеней ниже своего мужа и сильно отъ него обособляется.

Для обрисовки образа мыслей мужчинъ въ этомъ отношеніи характерны тѣ противорѣчія, въ какія запутался однажды въ разговорѣ со мной одинъ высокоразвитой ученый, врачъ по профессіи. — Онъ разсыпался въ похвалахъ своей женѣ, хвалилъ ея *острый умъ*, съ помощью котораго она устраивала его денежныя дѣла, на что у него, какъ онъ самъ откровенно признавался, не хватало смысла. Черезъ нѣсколько минутъ, когда по другому поводу зашла рѣчь объ умѣ женщины, онъ напрямки, энергично заявилъ, что женщинѣ вовсе не нужно ума, а что ей необходимо только чувство на то, чтобы осчастливить мужчину!

По моему мнѣнію, для правильнаго во всѣхъ отношеніяхъ исполненія обязанностей, касательно развитія своего потомства, женщинѣ нужны правильно соображающій разсудокъ и твердость характера; а если она принадлежитъ къ болѣе образованному сословію, то также и образованіе, которое дало бы ей возможность понимать душевныя дарованія своихъ дѣтей.

Всякій непремѣнно запутается въ противорѣчіяхъ, если исключительнымъ назначеніемъ женщины онъ поставитъ обязанность счастливить мужа.

Какъ будто природа могла сотворить одно существо съ какою-либо особенною спеціальною цѣлью для другого существа!

Женщина есть сама себѣ цѣль; ея счастіе должно быть единственною конечною цѣлью ея развитія; причемъ впослѣдствіи въ составъ ея счастья входитъ возможность осчастливливать другое, дополняющее ее, существо и быть заботливою матерью для имѣющаго произойти отъ нея потомства, точно такъ, какъ быть супругомъ и отцомъ входитъ въ составъ полнаго счастья мужчины. Но какимъ образомъ существо, воспитанное для несамостоятельной жизни, можетъ способствовать счастью другаго существа? Какъ можетъ оно служить достойнымъ образцомъ для подражанія подрастающему потомству?

Не будетъ ли женщина современемъ, если не принимать въ разсчетъ физической основы супружества, истиннымъ бременемъ для своего мужа? И можетъ ли она доставить своимъ дѣтямъ что̀ иное, кромѣ заботы объ удовлетвореніи ихъ физическихъ потребностей?

Говорятъ, что женская натура полна неисчислимыхъ про-

тиворѣчій; но гдѣ начинается и оканчивается счетъ противорѣчіямъ во взглядахъ мужчины на женщину?

Добрая часть его полныхъ противорѣчія сужденій о женщинѣ имѣетъ, быть можетъ, своимъ основаніемъ опасеніе не найти болѣе въ своей женѣ любящей и уступчивой подруги жизни, въ случаѣ если бы она могла существовать вполнѣ независимо отъ него...

Для меня всегда было непонятнымъ, почему именно женщины любятъ говорить дурно о «синихъ чулкахъ»; почему онѣ порицаютъ тѣхъ изъ своего пола, которыя домогаются такъ-называемой «женской учености»; почему онѣ предвидятъ, что такая женщина не выйдетъ замужъ, или же что ей не слѣдуетъ выходить замужъ, такъ какъ изъ нея должна выйти дурная хозяйка? За женщиной, отличающейся такимъ благороднымъ стремленіемъ, обыкновенно слѣдятъ съ усердіемъ истыхъ шпіоновъ, стараясь подмѣтить достойный порицанія «сучокъ» въ ея домашней жизни, за который ихъ и осуждаютъ, забывая о «бревнѣ» собственнаго домоводства.

Отбросьте ваши предразсудки; дайте женщинѣ такое воспитаніе, которое укрѣпляло бы ея тѣло и духъ; тогда число счастливыхъ супружествъ не уменьшится, а увеличится, ибо гдѣ господствуетъ сильный духъ, тамъ пребываетъ и сильная любовь. А сильная любовь отличается терпѣливостью и дружелюбіемъ, она не горячится и не чванится; она проста, естественна и не эгоистична; сильная любовь не раздражается; она все переноситъ, неустанно надѣется и со всѣмъ свыкается, потому что она вѣрна и искрення.

А такъ какъ любовь женщины уже по самой природѣ склонна къ вѣрности, то тѣмъ болѣе будетъ вѣрна, терпѣлива и кротка женщина, получившая высокое образованіе. Поэтому, давая воспитаніе женщинѣ, необходимо позаботиться, чтобы это воспитаніе способствовало усиленію и укрѣпленію ея ума, сердца, а вмѣстѣ съ ними любви; тогда женщина будетъ относиться къ мужу съ кроткой уступчивостью, но безъ той рабской подчиненности, продукта запуганности, трусости и притворства, при которой весьма часто за спиной мужа проявляется собственная воля жены. До такихъ трусливыхъ, до такихъ недостойныхъ пріемовъ никогда не унизится развитая

женщина; точно также будетъ ей чуждо и безразсудное упорство.

Прежде всего позаботьтесь о тѣлесномъ воспитаніи дѣвочки, какъ во время нахожденія ея въ школѣ, такъ и по выходѣ оттуда, и при томъ въ такой же степени, въ какой вы заботитесь о тѣлесномъ воспитаніи мальчика.

Внушите дѣвушкѣ, что физическая сила, бодрость и цвѣтущее здоровье столь же нужны и желательны для женщины, какъ и для мужчины, и что женщина должна гордиться тѣмъ, что въ ней развиты какъ душевныя, такъ равно и физическія доблести. Дѣвушка, въ позднѣйшей ея жизни, какъ для себя самой, такъ и для своего потомства нуждается въ физическихъ доблестяхъ, каковы: крѣпость, сила, бодрость и дѣятельность. Эти доблести, вопреки утвержденіямъ противной стороны, не только ничуть не умаляютъ данныхъ женщинѣ природою прелестей, но, напротивъ того, возвышаютъ ихъ и даже способствуютъ сохраненію ихъ до глубокой старости.

Возможно совершенная тѣлесная сила, физическая бодрость и крѣпость нервовъ и въ женщинѣ способствуютъ развитію прекраснаго характера; и въ женщинѣ физическая сила выше физической слабости, бодрость выше робости, крѣпость нервовъ выше ихъ слабости; только люди, имѣющіе болѣзненный, противоестественный взглядъ на жизнь, могутъ отрицать значеніе этихъ качествъ и противодѣйствовать ихъ развитію при воспитаніи дѣвушекъ.

Когда женщинѣ будетъ столь же легко найти средства къ заработку, какъ мужчинѣ; когда ея духу и тѣлу будетъ дано одинаково здоровое воспитаніе, тогда найдется лишь весьма немного женщинъ, которыя добровольно изберутъ проституцію своимъ призваніемъ. Это призваніе изберутъ развѣ такія женщины, которыя, по самой природѣ своей, страдаютъ чувственными пожеланіями, а такія, по самой природѣ своей безнравственныя женщины, довольно рѣдки. Конечно, существовала, напр., Мессалина; но съ другой стороны, Сарданапалы, принцы-регенты и др. неисчислимы.

Что касается собственнаго своего здоровья и здоровья своего потомства, то эти блага мужчина можетъ обезпечить себѣ

въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ теперь, если женщинѣ будетъ предоставлено одинаковое съ нимъ положеніе.

О, если бы язвы человѣческаго общества, которыми оно такъ сильно страдаетъ, не замедлили вызвать обсужденіе этого вопроса! Привести въ исполненіе предъявляемыя мною требованія было бы такъ легко и отнюдь не повлекло бы къ тѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ, которыя, какъ грозныя привидѣнія, являются въ воображеніи мужчины при словахъ: «равенство положенія обоихъ половъ». Привидѣній не существуетъ на свѣтѣ, и опасеніе, что, давая здоровую пищу здоровой и достойной любви натурѣ, тѣмъ самымъ мы повредимъ ея привлекательности, есть самое обманчивое изъ всѣхъ грозныхъ привидѣній, въ которыя еще вѣритъ человѣчество.

4.

Женщина по душевнымъ своимъ дарованіямъ имѣетъ одинаковое значеніе съ мужчиною.

„Нѣтъ такого предмета, который понятъ уже или можетъ быть понятъ и усвоенъ мужчиною, и котораго не могла бы понять и усвоить себѣ также и женщина, сообразно съ природными ея дарованіями".

Выше было высказано то положеніе, что женщина надѣлена одинаковыми по достоинству съ мужчиною душевными дарованіями. Нѣтъ ни одного такого поприща умственной дѣятельности, на которомъ женщина, если только ей будетъ открытъ доступъ къ тому, не могла бы подвизаться вмѣстѣ съ мужчиною, и на которомъ она не могла бы съ пользою трудиться— въ одинаковой съ нимъ или отличной отъ него формѣ — это, конечно, можетъ рѣшить только опытъ; но во всякомъ случаѣ такъ, что трудъ ея будетъ дополнять трудъ мужчины, и при томъ съ полнымъ успѣхомъ.

Что природа не спрашиваетъ о томъ, кого она надѣляетъ духовными дарами, женскій или мужской индивидъ,—это при-

знано уже многими разумными людьми, но лишь немногіе сдѣлали шагъ впередъ къ тому, чтобы обезпечить за духовными дарами женщины такое же развитіе, какъ и за духовными дарами мужчины.

Даже сами женщины всѣми силами вооружаются противъ одинаковаго съ мужчинами духовнаго развитія, частью, конечно, изъ опасенія, что тогда на нихъ будутъ возложены двѣ спеціальныя обязанности, для одновременнаго исполненія которыхъ у нихъ не хватитъ физическихъ силъ; частью же по умственной лѣни и природной долготерпѣливости, которая въ женщинѣ, въ томъ случаѣ, когда сердце ея полно любовью, бываетъ изумительна.

Но неограниченная любовь и привязанность, могущія доходить до покорности, должны бы были скорѣе возвышать женщину въ глазахъ мужчины, чѣмъ побуждать его къ эксплоатаціи; а онъ именно эксплоатируетъ эти трогательныя чувства, если, пользуясь ими, предоставляетъ женщинѣ болѣе низкое положеніе, чѣмъ то, на которое признаетъ право за самимъ собою. Но въ этомъ обстоятельствѣ только повторяется вѣчный круговоротъ того неопровержимаго нравственнаго закона, проявляющагося во всѣхъ земныхъ дѣлахъ, въ силу котораго всякая неправда, сдѣланная однимъ человѣкомъ другому, должна на немъ же отразиться, хотя бы и самымъ непонятнымъ для него образомъ, и тамъ, гдѣ онъ всего менѣе того ожидаетъ: давая привилегію собственному своему положенію, мужчина тѣмъ самымъ теряетъ прекрасныя свойства собственнаго своего характера и врожденное ему благородство образа мыслей. Привилегированнное его положеніе мѣшаетъ ему перенестись въ существо женщины настолько, чтобы быть въ состояніи на дѣлѣ примѣнить къ ней прекрасное ученіе: «Люби ближняго своего какъ самого себя».

До сихъ поръ онъ ограничивается только тѣмъ, что допускаетъ женщину въ отдѣльныхъ случаяхъ примѣнять къ нему самому это ученіе. И женщина дѣйствительно непрестанно примѣняетъ къ нему это ученіе, и выноситъ все, что̀ выпадаетъ ей на долю по капризу любимаго ею человѣка.

Каждая дѣвушка, вступая въ бракъ, надѣется, что бракъ этотъ будетъ идеальнымъ; — для сколь немногихъ, однако.

осуществляется эта надежда. Не слѣдуетъ ли думать, что такая надежда есть пустая, неосуществимая мечта? Но это могутъ утверждать развѣ только угрюмые филистеры. Не можетъ быть пустою мечтою то, на что вновь надѣется каждая молодая душа, какъ бы ни пожималъ при этомъ плечами старецъ, увѣренный въ своей мудрой опытности. Что надежда на идеальность брака осталась для многихъ и многихъ пустою мечтою и что при всемъ томъ юность надѣется найти въ бракѣ рай, это доказываетъ только, что здоровая натура, прекрасный природный инстинктъ должны всегда искать, покуда не достигнутъ осуществленія того, чему въ большинствѣ случаевъ препятствуютъ несовершенныя еще условія общественной жизни. Достигнуть же этого осуществленія было бы легко признаніемъ за женщиною равнаго съ мужчиною значенія. Безъ такого значенія женщины человѣчество не должно разсчитывать на общее продолжительное счастье въ жизни, потому что, пока женщинѣ отказываютъ въ такомъ значеніи, оба пола не могутъ достигать возможнаго для нихъ совершенства, и девять десятыхъ заключенныхъ браковъ должны быть несчастливыми или по крайней мѣрѣ недостаточно счастливыми.

Да, неопровержимъ тотъ фактъ, что умъ женщины одинаково способенъ къ образованію, какъ и умъ мужчины, хотя и попадаются иногда такіе физіологи, которые меньшею величиною головы и меньшимъ вѣсомъ мозга пытаются доказать противное; но вѣсъ мозга никогда еще не имѣлъ рѣшающаго значенія въ настоящемъ вопросѣ, и у величайшихъ мыслителей и мудрецовъ мозгъ не былъ ни самымъ большимъ, ни самымъ тяжелымъ. Тутъ все дѣло не въ массѣ мозга, а въ устройствѣ этого органа и въ отношеніи его величины ко всему остальному тѣлу.

Но самымъ лучшимъ доказательствомъ вышеприведеннаго мною положенія служитъ число высокоодаренныхъ женщинъ, проявившихъ свои дарованія передъ цѣлымъ свѣтомъ, не смотря на несовершенства образованія, даваемаго женщинѣ, несмотря на невыразимыя затрудненія, съ которыми сопряжено пріобрѣтеніе женщиною въ болѣе зрѣломъ возрастѣ познаній, необходимыхъ для умственной дѣятельности.

Точно также мало справедливымъ нахожу я, когда какую-

нибудь талантливую и съ возвышеннымъ чувствомъ женщину какъ бы хотятъ исключить изъ ея пола, утверждая, что она перестаетъ быть женщиной. Вѣдь это значитъ хотѣть исправить природу. Дѣйствительно, почему богатое дарованіе и стремленіе къ его развитію, тотъ прекрасный даръ, которымъ природа надѣляетъ своихъ любимцевъ, должно считать для женщины, по мнѣнію многихъ, какимъ-то роковымъ даромъ?

Или почему можетъ казаться, что такое дарованіе лишаетъ ее женственности? Какъ существуютъ болѣе возвышенныя и болѣе низкія мужскія натуры, такъ точно и женщины бываютъ различной организаціи; но подводить всѣхъ женщинъ подъ одну мѣрку и, не погрѣшая противъ природы, предписывать ей, до какой степени она должна надѣлять женщину духовными дарами, выставлять щедро одаренную отъ природы женщину какимъ-то гермафродитомъ—это верхъ безумія, до котораго можетъ дойти только лишь полъ, помѣшанный на идеѣ о своемъ величіи.

Конечно, къ блестящимъ женскимъ натурамъ трудно примѣняется то изреченіе, которое ограничиваетъ дѣятельность женщины тѣснымъ домашнимъ бытомъ (въ утѣшеніе всѣхъ малодушныхъ женщинъ, которыхъ можно сравнить съ лисицею въ баснѣ о лисицѣ и виноградѣ) и признаетъ счастливѣйшею и наиболѣе осчастливливающею другихъ ту женщину, про которую вовсе ничего не говорятъ. Я могу утверждать, что такое изреченіе есть одна изъ самыхъ пустыхъ фразъ, какія когда-либо были пущены въ ходъ. Гдѣ тотъ мужъ, который вполнѣ уважалъ бы и любилъ свою жену, которую никогда и никому не представляется случая хвалить и прославлять, хотя, быть можетъ, этотъ случай не представляется вслѣдствіе замкнутаго образа жизни его жены, имъ же самимъ устроеннаго?

Не развивается ли во многихъ случаяхъ любовь мужчины къ избранницѣ его сердца именно вслѣдствіе того, что другіе любили ее или, по крайней мѣрѣ, хвалили и уважали? И не ростетъ ли, не дѣлается ли болѣе продолжительною любовь отъ такой похвалы, какъ въ томъ случаѣ, когда похвала эта относится къ тѣлеснымъ качествамъ, такъ и тогда, когда она касается душевныхъ свойствъ жены.

Только какой-нибудь властолюбивый султанъ или деспотъ по

природѣ можетъ противиться тому, чтобы имя его возлюбленной произносилось съ уваженіемъ.

Конечно, найдется очень много живыхъ и поучительныхъ примѣровъ тому, какъ женщина, увлекаясь безъ призванія и гоняясь за славою на поприщѣ литературы или искусства, къ чему у нея нѣтъ даже необходимой подготовки, пренебрегаетъ своими обязанностями въ отношеніи мужа и дѣтей, лишаетъ ихъ жизнь необходимыхъ удобствъ и даже причиняетъ имъ своею мнимою ученостью семейныя огорченія. Но то, что̀ въ такихъ примѣрахъ собственно подлежало бы бичеванію, оставляется въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго вниманія.

Порицаютъ вообще умственную дѣятельность женщины и устраняютъ послѣднюю изъ областей, принадлежащихъ будто бы исключительно мужчинѣ, тогда какъ порицать слѣдовало бы то несерьезное, шуточное «высшее» образованіе, которое даютъ дѣвушкамъ, и ихъ претензіи на такія поприща дѣятельности, для которыхъ, такъ сказать, у нихъ не выросли крылья. Такое несерьезное образованіе и такія претензіи должны быть равнымъ образомъ порицаемы и въ мужчинѣ, котораго они, подобно женщинѣ, отвлекаютъ отъ другой, болѣе полезной спеціальности; разница лишь въ томъ, что мужчина, какъ получившій болѣе разумное воспитаніе, не такъ легко поддается такому смѣшному увлеченію. Вотъ именно такое-то воспитаніе, болѣе разумное, чѣмъ нынѣшнее, и нужно женщинѣ. Воспитывая женщину, не должно стараться развивать односторонне ея «сердце», ея «чувство». Изъ такого воспитанія выйдетъ лишь то, что эта цѣль не будетъ достигнута. Въ дѣлѣ воспитанія женщины слѣдуетъ совершенно отрѣшиться отъ того «женскаго идеала», для котораго всѣ добродѣтели, хвалимыя въ мужчинѣ, считаются преступленіемъ. Такой идеалъ совершенно ложенъ, какъ ложно и воспитаніе, стремящееся заглушить въ женщинѣ всѣ тѣ энергическія качества, къ развитію которыхъ она отъ природы такъ же способна, какъ и мужчина, и которыя она должна бы направлять къ высокимъ и благороднымъ цѣлямъ. Эти качества сами собою мстятъ за оказываемое имъ пренебреженіе: они принимаютъ совершенно противоположное роковое направленіе и производятъ такъ-называемыя причудливыя особенности женщины, чаще всего не очень пріятныя, между

тѣмъ какъ при разумномъ отношеніи къ свойствамъ женской природы они могли бы достичь самыхъ благотворныхъ результатовъ.

Взглянемъ, какъ ведется воспитаніе въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ для мужскаго и женскаго пола.

Въ народныхъ школахъ преподаваніе учебныхъ предметовъ ведется въ одинаковомъ объемѣ для обоихъ половъ, и какъ мальчики, такъ и дѣвочки достигаютъ одинаковой степени знанія. Это совершенно правильно, здраво и разумно. Но чѣмъ выше поставлены учебныя заведенія, тѣмъ болѣе является различія въ познаніяхъ, сообщаемыхъ тому и другому полу, и тѣмъ болѣе характеръ образованія дѣвушки переходитъ во внѣшнее усвоеніе множества поверхностныхъ свѣдѣній, весьма мало схожихъ съ истиннымъ научнымъ знаніемъ.

А вѣдь всѣ тѣ дѣвушки, которыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ такъ безсовѣстно забавляютъ пустячками, сдѣлаются когда-нибудь матерями будущихъ гражданъ государства. Поэтому-то было бы всего полезнѣе воспитывать и изъ нихъ сильно чувствующихъ гражданокъ государства, учить ихъ высокой, а не мелочной женственности, развивать въ нихъ полезныя качества, а не какія-либо причудливыя свойства.

Хорошо было бы, если бы наши педагоги по части женскаго воспитанія приняли къ своему сердцу слѣдующія прекрасныя слова извѣстнаго Юстуса Мезера (который во второй половинѣ прошлаго столѣтія своими различными сочиненіями, а въ особенности своимъ безсмертнымъ твореніемъ «Оснабрюкская исторія», пролилъ совершенно новый свѣтъ на сущность исторической учености), сказанныя имъ своимъ соотечественникамъ: «Вмѣсто множества ни къ чему непригодной дребедени, съ примѣсью французской болтовни, сообщайте нашей молодежи, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ, основательныя историческія познанія, и вы увидите, что современемъ нравственность приметъ совсѣмъ иное направленіе и мало-по-малу искоренятся тѣ гибельныя заблужденія нашего юношества, которыя внушаютъ государству и всему человѣчеству страхъ и опасеніе за его будущность. Дайте при этомъ нашей молодежи дѣльныхъ преподавателей, которые не губили бы разсудка и чувства дѣтей изученіемъ наизусть хронологическихъ данныхъ и иныхъ

фактовъ, но наглядно и всесторонне знакомили бы ихъ съ значенiемъ жизни, проявляющейся въ этихъ фактахъ».

Но если мы высказываемъ то мнѣнiе, что дѣвочкѣ нужно преподавать исторiю по прагматическому способу, то этимъ мы еще не исключаемъ необходимости сообщенiя ей также и возможно бо̀льшаго количества бiографическаго матерiала. Такой матерiалъ, какъ для мальчика, такъ и для дѣвочки, полезенъ уже по той причинѣ, что примѣръ составляетъ самое дѣйствительное воспитательное средство. Преподанная такимъ образомъ исторiя искусно выбранныхъ картинъ по легкости изученiя оказывается учащемуся доступнѣе всѣхъ другихъ предметовъ преподаванiя; такое преподаванiе дѣйствуетъ на умъ и на чувство, развивая вмѣстѣ съ тѣмъ и разсудокъ, потому что оно предлагаетъ учащимся по большей части реальные, конкретные предметы, о которыхъ легко можно составить себѣ наглядное представленiе. Было бы весьма полезно, чтобы каждый педагогъ, возвышающiй свой голосъ въ вопросѣ о женскомъ воспитанiи, принялъ къ сердцу слова одного дармштадтскаго школьнаго директора, который сказалъ: «Я думаю, что то равнодушiе современнаго женскаго юношества, видимо усиливающееся на подобiе какой-нибудь болѣзни, то безучастное отношенiе ко всему великому и имѣющему важное значенiе, которое современный педагогъ съ истиннымъ огорченiемъ замѣчаетъ въ подростающемъ поколѣнiи, будетъ все болѣе и болѣе исчезать, если *обученiю исторiи будетъ дано болѣе высокое значенiе*, и именно исторiи, такъ какъ предметъ ея составляетъ не одно только политическое, но также и культурно-историческое и художественное развитiе народовъ».

Всякiй художникъ, обучающiй рисованiю въ какой-нибудь женской школѣ, имѣетъ возможность наблюдать, какъ поверхностно воспитанiе дѣвочекъ, какъ мало способствуетъ оно развитiю ихъ ума.

Пластическiя искусства (живопись и ваянiе) отъ того, кто хочетъ заниматься ими, требуютъ, даже и на самой низшей ступени преподаванiя, полной имъ преданности, спокойствiя при началѣ дѣла, терпѣнiя и прилежанiя при дальнѣйшемъ выполненiи, сообразительности, умѣнiя дѣлать сравненiя. Занятiя пластическими искусствами не допускаютъ ни одного такого момента,

когда достаточно было бы одной только механической дѣятельности, какъ напр. при заучиваніи наизусть иностранныхъ словъ или при исполненіи музыкальныхъ упражненій для пальцевъ. Къ такой внимательной одновременной дѣятельности всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ своихъ дѣвочки вовсе еще не подготовлены воспитаніемъ; поэтому успѣхи ихъ въ искусствѣ бываютъ гораздо ниже, чѣмъ успѣхи мальчиковъ; въ ихъ работахъ не видно нисколько прирожденнаго имъ изящнаго чувства или вкуса, которые имъ такъ охотно приписываются. Я могу даже сказать, что работа мальчиковъ въ рисованіи вообще болѣе тонка и красива, чѣмъ работа дѣвочекъ одинаковаго съ ними возраста.

Причина этого заключается не въ природныхъ способностяхъ ихъ, а единственно лишь въ характерѣ женскаго воспитанія. По большей или меньшей опытности въ дѣлѣ, проявляемой дѣвочками на урокѣ рисованія, можно безошибочно судить о направленіи, господствующемъ въ учебномъ заведеніи. Поэтому я совѣтовала бы во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ ввести самое основательное преподаваніе рисованія, начиная съ самаго младшаго возраста. Такое преподаваніе составляетъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ для укрѣпленія воли и характера и для возбужденія самодѣятельности; оно составляетъ, можно сказать, еще недостаточно оцѣненное воспитательное средство. Такое преподаваніе, помимо своего воспитательнаго вліянія, имѣетъ важное значеніе и по отношенію къ тѣмъ качествамъ, достиженіе которыхъ составляетъ прямую его задачу, какъ-то: развитіе глазомѣра, даръ наблюдательности, вкусъ и сообразительность.

Все это такіе цѣнные дары, которые могутъ быть достигнуты даже и тамъ, гдѣ вовсе не существуетъ художественнаго дарованія, и которые могутъ служить на пользу будущей хозяйкѣ дома.

Порицаемое мною поверхностное преподаваніе повторяется во всѣхъ областяхъ знанія, въ которыя мужчина вводитъ женщину. Къ сожалѣнію, я должна сдѣлать еще другой упрекъ мужскому полу, а именно, за крайнюю ограниченность объема учебныхъ предметовъ. Учитель вообще относится не особенно серьезно къ преподаванію дѣвочкамъ и считаетъ свои уроки

въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ бы часами отдохновенія между классными своими занятіями съ мальчиками. Мать одного весьма добросовѣстнаго учителя и педагога увѣряла меня однажды, что если бы ея сынъ обучалъ однихъ только мальчиковъ, то никогда не могъ бы имѣть столько уроковъ, сколько онъ ихъ имѣетъ теперь.

Такъ какъ женскій полъ признается повсемѣстно менѣе цѣннымъ, чѣмъ мужской, то въ школахъ не считаютъ дѣвочку способною къ одинаковому напряженію съ мальчикомъ. Такое мнѣніе ложно въ своемъ основаніи и вредно. Все, чему учатъ дѣвочку, должно быть преподано ей точно такъ же, какъ мальчику. Ни всеобщая исторія, ни другія науки не должны быть обращаемы для нея въ предметы забавы.

Наука должна оставаться наукой, какъ для мужчины, такъ и для женщины, и въ такой же строгой послѣдовательности должна быть сообщена послѣдней, какъ и первому.

Какъ мало сходства между тѣми пріятными пустяками, которыми любятъ занимать дѣвушку, пока ея жизнь пользуется хорошими внѣшними условіями, и тѣмъ ужаснымъ равнодушіемъ, съ которымъ допускаютъ затѣмъ эту же дѣвушку изнурять себя, для пріобрѣтенія средствъ къ существованію.

Какъ трудно бываетъ ей тогда приниматься по необходимости за то, что̀ вовсе не соотвѣтствуетъ природнымъ ея способностямъ, и—что́ еще того хуже—какъ часто приходится ей тогда умѣрять и сдерживать свои законныя чувства! Какъ трудно ей тогда устроить жизнь согласно съ полученнымъ ею воспитаніемъ, съ укоренившимися въ ней привычками или чисто человѣческимъ, естественнымъ честолюбіемъ, потому что, повсюду оттѣсняемая мужчиною на задній планъ, она принуждена брать только то, что̀ дешевле оплачивается.

Было бы, конечно, хорошо, чтобы на жену возлагались однѣ только домашнія обязанности, чтобы жена наполняла домъ довольствомъ, чтобы она пеклась о дѣтяхъ и своею внимательностью и вѣрною любовью дѣлала бы домашній очагъ самымъ пріятнымъ, самымъ счастливымъ мѣстомъ на землѣ. Это было бы прекрасно, вполнѣ человѣчно и согласно съ требованіями природы. Но *именно только для этого* и воспитывать женщину, заграждать ей доступъ къ высшимъ мужскимъ поприщамъ дѣя-

тельности — это несправедливость, часто лишающая женщину возможности правильно выполнить свои прекрасныя, самыя женственныя обязанности, потому что мужчина только тогда сдѣлается вѣрнымъ и добросовѣстнымъ руководителемъ своей жены, когда ея положеніе станетъ равнымъ его собственному положенію.

Конечно, для женщины труднѣе, нежели для мужчины, исполненіе какой-либо мужской обязанности; *неестественно* также, чтобы и жена исполняла мужскую обязанность, однако это *необходимо*, или, по крайней мѣрѣ, необходимо, чтобы ей былъ доступенъ спеціальный мужской трудъ въ видахъ предохраненія ея отъ многаго такого, чтó должно быть для нея несказанно труднѣе и тяжелѣе.

Поэтому-то я смѣло говорю, что женщинѣ долженъ быть открытъ доступъ ко всякой высшей спеціальной дѣятельности. Мы должны пріучить себя смотрѣть на самостоятельное появленіе женщины тамъ, гдѣ до сего времени она была отодвигаема на задній планъ, и притомъ смотрѣть съ такимъ же полнымъ довѣріемъ, какое, по общеустановившемуся мнѣнію и рутинѣ, внушаетъ только особенное, сообразное съ установленнымъ планомъ, воспитаніе.

Что занятіе женщины какою-нибудь спеціально мужскою работою можетъ повредить ея привлекательной женственности— это не болѣе какъ заблужденіе; что женщинѣ недостанетъ физической силы для высшей духовной дѣятельности—это не имѣющій никакого основанія предлогъ, вытекающій не изъ благожеланія мужчины облегчить положеніе физически-слабѣйшаго существа, а изъ враждебнаго зложеланія обезпечить тѣмъ самому себѣ мнимыя привилегіи. Я также никогда не слыхала, чтобы какой-нибудь мужчина, ссылаясь на физическую слабость женщины въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о предоставленіи ей какого-нибудь высшаго спеціальнаго труда, постарался словомъ или дѣломъ избавить ее отъ дѣйствительно обременительнаго для ея физическихъ силъ труда, когда она занимается болѣе низкою дѣятельностью. Впрочемъ въ духовной дѣятельности женщинѣ легче выполнить болѣе высокія обязанности, нежели болѣе низкія. Для примѣра ограничимся разсмотрѣніемъ одной только учебной дѣятельности. Тутъ прежде всего придется при-

знать, что первоначальное обученіе, обученіе дѣтей самаго младшаго возраста, поручаемое нынѣ исключительно женщинѣ, наиболѣе истощаетъ физическія силы.

Какъ многія матери семействъ страдаютъ мучительными нервными болѣзнями не только отъ того, что имъ приходится часто рождать дѣтей, но преимущественно отъ крайне вредно дѣйствующаго на нервы присутствія малютокъ! А это вѣдь ихъ собственныя дѣти! Чѣмъ старше и зрѣлѣе становится ребенокъ и чѣмъ болѣе можно доводить его до самодѣятельности, тѣмъ легче становится воспитаніе. Поэтому-то прямо жестоко не допускать женщину до педагогической дѣятельности въ высшихъ классахъ. Если дать ей надлежащую образовательную подготовку, то она будетъ въ состояніи преподавать всѣ учебные предметы съ такимъ же успѣхомъ, какъ и мужчина—что̀ притомъ потребуетъ отъ нея мѐньшаго напряженія физическихъ ея силъ. И если мужчина дѣйствительно признаетъ, что женщина слабѣе его по своей натурѣ, если онъ желаетъ принять это во вниманіе, то онъ и долженъ облегчить ея положеніе, предоставляя ей высшую педагогическую дѣятельность.

Тогда образованная женщина, работающая для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, могла бы значительно облегчить свою дѣятельность, которая, какъ я уже замѣтила выше, по принадлежности ея къ женскому полу, достается ей труднѣе, чѣмъ мужчинѣ, и выполненіе которой, при настоящихъ условіяхъ, затрудняется для нея гораздо болѣе, чѣмъ требуетъ того необходимость. Какъ скоро женщина съ такою же увѣренностью, какъ и мужчина, будетъ имѣть возможность, какъ говорится, «дѣлать карьеру» на болѣе высокомъ поприщѣ дѣятельности, то ей будетъ даваться и болѣе основательное образованіе. Ей, какъ и учащимся юношамъ, будетъ тогда даваться досугъ, чтобы она могла шагъ за шагомъ, не торопясь, духовно развиваться, что̀, въ свою очередь, будетъ способствовать также и тѣлесному ея развитію, такъ какъ ея здоровью вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ дано время окрѣпнуть послѣ только-что окончившагося роста. Дѣвушка будетъ тогда совершенно развита для назначенной ей спеціальной дѣятельности, тогда какъ нѣкоторыя нынѣшнія 17 или 18-лѣтнія учительницы, вслѣдствіе крайняго разстройства нервовъ, обречены или на преждевременную смерть, или

на хилость, хворость въ продолженіе всей ихъ жизни. Если она, не смотря на полученное ею воспитаніе и ожидающую ее спеціальность, выйдетъ замужъ, прежде чѣмъ ей представится возможность занять мѣсто по этой спеціальности, тогда плоды ея воспитанія послужатъ въ пользу и мужу, и семейству, и даже всему ея полу, для ума и сердца котораго поднятіе на высшую ступень можетъ быть только благотворно. Тогда не придется жаловаться на издержки, брошенныя на ея воспитаніе, потому что онѣ принесутъ неисчислимыя блага. Здѣсь весьма умѣстно привести слова, сказанныя одною передовою поборницею женскаго вопроса: «Женскій умъ», сказала она, «раскрывается отъ 15-го до 18-го года со стремительною быстротою, и ничто при этомъ не способно такъ излечить его отъ природной вѣтренности, склонности къ мечтательности и происходящей отъ этого наклонности лгать, какъ продолженіе въ этомъ возрастѣ серьезныхъ занятій».

Основательное умственное—я готова сказать: мужское — воспитаніе, само уже, требуя умственной непрерывной и при томъ неторопливой работы, тѣмъ самымъ будетъ производить благотворное вліяніе на развитіе тѣлесныхъ силъ дѣвушки, гораздо болѣе благотворное, чѣмъ различныя пустяшныя занятія и излишнее напряженіе силъ надъ ними, коль скоро женщина поставлена въ необходимость этимъ жалкимъ способомъ зарабатывать средства для своего существованія.

Въ дѣлѣ образованія ничто не бываетъ такъ мучительно, какъ необходимость на шаткой и ненаучной основѣ продолжать дальнѣйшую постройку. И это мученіе большею частью считаютъ возможнымъ для дѣвушки какъ разъ во время ея развитія или вскорѣ послѣ его окончанія. А затѣмъ, когда бѣдняжка станетъ страдать дѣвичьей немочью и будетъ сокрушена подъ бременемъ наступающихъ затѣмъ спеціальныхъ занятій, такое явленіе приписывается умственной дѣятельности.

Правильно-научно образованной женщинѣ даже и въ позднѣйшее время будетъ гораздо легче исполненіе обязанностей по ея спеціальному занятію, чему будетъ способствовать также надежда на служебное повышеніе, на увеличеніе жалованья, между тѣмъ какъ скудно вознаграждаемая начальная учительница не можетъ на это надѣяться. Уже одна надежда на удо-

влетвореніе своего честолюбія, этого побуждающаго инстинкта, свойственнаго всякой человѣческой натурѣ и вовсе не неблагороднаго и не неженственнаго, одна эта надежда сообщитъ всему существу дѣвушки, ея характеру и ея дѣйствіямъ возбужденіе и энергію, способствующія укрѣпленію ея здоровья, между тѣмъ какъ разслабляющее сознаніе невозможности, не смотря на всѣ усилія пойти когда-либо далѣе приниженнаго и дурно оплачиваемаго положенія, должно подавлять энергію физической жизнедѣятельности.

Чтὸ я высказала здѣсь объ учительской дѣятельности, то же самое относится и ко всякому другому умственному труду. И нѣтъ ни одной спеціальности по части умственной работы, къ которой женщина не могла бы примѣнить свою дѣятельность, и каждая изъ этихъ спеціальностей болѣе прилична ей, чѣмъ нужда и бѣдность, въ которыя она часто впадаетъ по недостатку источниковъ для пріобрѣтенія жизненныхъ средствъ въ высшихъ сферахъ дѣятельности.

Какъ часто случается, что женщинѣ приходится зарабатывать жизненныя средства для существованія не только своего собственнаго, но и другихъ членовъ семейства; какъ прискорбно тогда бываетъ положеніе всѣхъ членовъ такой семьи; какъ мало является тогда для этой женщины возможности освободиться отъ домашнихъ работъ, найти досугъ, необходимый для тѣлеснаго развитія и укрѣпленія; какъ легко изнемогаетъ тогда женщина подъ бременемъ двойной работы, требующей силы, какой недостало бы даже и у гораздо сильнѣйшаго ея мужчины! Жестоко со стороны общества въ такихъ часто встрѣчающихся случаяхъ не придти на помощь женщинѣ посредствомъ улучшенія общественнаго быта, а именно посредствомъ предоставленія ей равнаго съ мужчиною положенія.

Такъ какъ женщинѣ можетъ встрѣтиться въ жизни необходимость въ пріисканіи себѣ заработка и такъ какъ существующія учрежденія не только не защищаютъ ее отъ такой необходимости, но, напротивъ того, во множествѣ случаетъ даже вызываютъ эту необходимость, то эти учрежденія должны быть измѣнены въ пользу женщинъ.

Сверхъ того, съ измѣненіемъ общественныхъ условій, женщинѣ дана будетъ возможность, не смотря даже на бѣдность,

занять болѣе почетное положеніе и удовлетворить требованіямъ собственнаго своего призванія, какъ женщины. Если она особенно способна, то она безъ труда достигнетъ хорошо вознаграждаемаго положенія и, въ силу свойственной ея полу бережливости, будетъ дѣлать сбереженія, благодаря чему, могущія явиться у нея наклонности не останутся неудовлетворенными по недостатку средствъ. Я готова даже сказать, что равенство мужчины съ женщиною по положенію и возможность для женщины имѣть заработокъ,—коль скоро глава семейства, мужчина, по своему характеру, способностямъ или состоянію здоровья не можетъ заниматься работою,—вызовутъ гораздо большее общее благосостояніе. Ни одной любящей четѣ не придется тогда отказываться отъ своего счастья изъ-за вопроса о существованіи.

Не насмѣхайтесь надъ этимъ заявленіемъ и не говорите, что оно годно только для утопіи, но испытайте его вѣрность. Именно ради бережливости,—этой столь необходимой для женщины добродѣтели,—нужно умственное развитіе женщины. Бережливость же есть основной камень всѣхъ хорошихъ качествъ характера; быть бережливымъ — значитъ преодолѣвать самого себя, одерживать побѣды надъ своими желаніями; а съ каждою новою побѣдою, одержанною человѣкомъ надъ самимъ собою, возрастаетъ нравственная его сила. Съ бережливостью рука объ руку идутъ умѣренность, довольство и прилежаніе. Недостаточная же склонность къ бережливости проистекаетъ отъ безпечности, отъ недостатка умственнаго и нравственнаго образованія, отъ рѣшительной наклонности къ непосредственному наслажденію, отъ слабости характера, не могущаго отказаться отъ мелкаго, чувственнаго, но возможнаго въ данный моментъ наслажденія, ради какого-нибудь гораздо бóльшаго, болѣе идеальнаго наслажденія въ будущемъ.

По истинѣ крайне несправедливо поступаетъ мужчина, все еще отстраняя женщину отъ занятій высшими спеціальностями, и это только вопросъ времени, когда женскому полу будетъ открыто всякое поприще.

Хорошо было бы, если бы появился великодушный человѣкъ, который разомъ, смѣло разрѣшилъ бы этотъ вопросъ!

Почему, напр., женщинѣ нельзя работать въ качествѣ врача?

Какъ пусты возраженія, приводимыя противъ этого мужчинами! Такъ одинъ говоритъ: «Если женщину позовутъ для поданія врачебной помощи куда-нибудь въ деревню, причемъ ей придется отправляться ночью по полю, когда идетъ сильный снѣгъ или градъ, то будетъ ли она въ состояніи исполнить свою обязанность, не разстраивая своего здоровья?»

На это можно возразить, что при тѣхъ условіяхъ, на которыя я выше указала и которыхъ я желаю достигнуть при помощи моихъ предложеній,—только очень немногія женщины будутъ принуждены добывать себѣ средства къ жизни: (какъ же мало женщинъ-врачей будетъ тогда?); и кромѣ того, этимъ немногимъ женщинамъ не будетъ надобности избирать деревню поприщемъ для своей медицинской дѣятельности. И развѣ при назначеніи на должность врача нельзя будетъ не посылать женщинъ въ деревню? Впрочемъ я никогда даже и не слышала, чтобы въ вопросѣ объ исполненіи низшихъ служебныхъ обязанностей кѣмъ-либо была обнаруживаема такая нѣжная заботливость о здоровьѣ женщины. Никому не приходитъ въ голову выказывать такую заботливость въ отношеніи сестеръ милосердія, повивальныхъ бабокъ и сидѣлокъ, короче сказать, относительно такихъ женщинъ, которымъ поручается не самое леченіе больныхъ, а только уходъ за ними. Предполагается, конечно, что всѣ эти женщины сами обзаведутся необходимою для предохраненія себя отъ непогоды одеждою и обувью, а на прочія неудобства смотрятъ какъ на принадлежность ихъ званія.

Выступаютъ и другіе возражатели, которые рѣшительно отказываютъ женщинѣ въ способности къ медицинѣ; и на чемъ же основываютъ они такое мнѣніе? На томъ, что повивальныя бабки (и почему не говорятъ они—также и сидѣлки?) нисколько не подвинули впередъ медицинскую науку. Тому обстоятельству, что такимъ женщинамъ было поручено главнымъ образомъ акушерство, хотятъ приписать вообще недостаточность познанія специально-женскихъ болѣзней.

Одинъ англійскій врачъ, одушевленный истинно человѣчнымъ чувствомъ дружелюбнаго расположенія къ женщинѣ, причину такого достойнаго сожалѣнія обстоятельства ищетъ въ кое-чемъ другомъ, а именно въ томъ, что сама женщина еще

не серьезно изучила свое тѣло, не была еще женщиною-врачомъ!

Въ числѣ многаго такого, чтó слѣдуетъ принять къ сердцу,— говоритъ онъ,—«всѣ науки, всѣ искусства ждутъ въ настоящее время, чтобы рука и мысль женщины пробудили ихъ къ новой жизни и освѣжили ихъ, и ни одна наука не требуетъ этого съ такою настойчивостью, какъ медицина. Физическая организація женщины во многихъ отношеніяхъ отлична отъ организаціи мужчины; ея физическая жизнь отлична отъ его жизни, и ея ощущенія въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи также отличны отъ его ощущеній. Если объективное созерцаніе даетъ одному мужчинѣ несовершенное представленіе о другомъ мужчинѣ, то насколько же несовершеннѣе должно быть его представленіе о женщинѣ! Мы, мужчины, не можемъ составить себѣ яснаго понятія о женщинѣ; ея болѣзни, спеціально принадлежащія только женской натурѣ, составляютъ для насъ тайну, разгадать которую не можетъ никакое объективное умствованіе. Только сама женщина, съ развитіемъ ея самосознанія, можетъ объяснить намъ свои особенныя ощущенія, и только она одна, какъ женщина, владѣетъ тѣмъ масштабомъ, по которому можетъ судить объ общихъ женскому полу ощущеніяхъ, когда они болѣзненны. Въ томъ же случаѣ, когда она надѣется, что мужчина можетъ объяснить и излечить ихъ, она полагается на очень ненадежную опору».

Тотъ же авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Врачебная наука въ началѣ среднихъ вѣковъ была прежде всего въ рукахъ аравитянъ и затѣмъ римско-католическаго духовенства. Оба эти класса людей, по своимъ религіознымъ и нравственнымъ понятіямъ, воздерживались отъ изслѣдованія женскихъ болѣзней; свѣдѣнія же грековъ и римлянъ по этой части были совершенно оставлены безъ вниманія. Этимъ-то легко объясняется медленный прогрессъ въ познаніи женскихъ болѣзней».

Если же къ этимъ словамъ мы позволимъ себѣ еще прибавить предположеніе, что для мужчины вообще не были такъ важны страданія женскаго пола, которыхъ онъ не можетъ испытывать, какъ испытываетъ страданія собственнаго своего пола, считаемаго имъ болѣе цѣннымъ, то мы еще ближе подойдемъ къ

причинамъ вышеупомянутаго незнанія условій здоровья женщины.

Вообще удивляться тому, что повивальными бабками наука еще не подвинута впередъ, значитъ почти то же, что удивляться, почему не подвинули впередъ медицину цирюльники и купальщики.

Надо только припомнить, изъ какого сословія набираются люди на подобнаго рода должности и возможно ли для степени ихъ научнаго образованія выполненіе такого требованія. И если даже какая-нибудь женщина изъ образованнаго сословія рѣшается принять на себя такую должность и отправляетъ ее лучше другихъ, то все же она никогда не располагаетъ тѣмъ научнымъ образованіемъ, которое допускало бы съ ея стороны споспѣшествовать прогрессу науки. Обыкновенно за профессію акушерки женщина берется по такимъ причинамъ и въ такіе годы, которые не дозволяютъ уже ей думать о пріобрѣтеніи научныхъ познаній, такъ какъ она должна жить исключительно для зарабатыванія насущнаго хлѣба. А извѣстно, что каждое научное стремленіе требуетъ не только знанія, но также и досуга, т.-е. освобожденія отъ слишкомъ многихъ постороннихъ обязанностей.

Да, впрочемъ, многіе ли мужчины изъ числа учившихся и ученыхъ нашихъ врачей оказали наукѣ существенныя услуги?! И тутъ можно сказать: «много званыхъ, но мало избранныхъ». Но при всемъ томъ тѣ, которые не вліяютъ очевиднымъ образомъ на развитіе науки, могутъ все же быть опытными практическими врачами. Поэтому такое возраженіе вовсе не причина къ тому, чтобы отстранить женщину отъ научнаго занятія медициной и отъ практической врачебной дѣятельности. Появится ли какая-нибудь свѣтлая женская личность съ особенно выдающимися способностями, это еще вопросъ времени, а покуда необходимо прежде всего позаботиться о достаточномъ образованіи женщины, для чего я предлагаю *основаніе женскихъ гимназій.*

Многіе желаютъ отстранить женщинъ отъ изученія той или другой отрасли знанія, находя, что онѣ для нихъ неприличны. Но нѣтъ такой науки, которая сама по себѣ была бы неприлична и которая могла бы оскорблять цѣломудріе, приличіе,

достоинство женщины, коль скоро эта наука изучается и преподается съ надлежащимъ достоинствомъ, которымъ не пренебрежетъ, конечно, ни одинъ преподаватель даже при чтеніи лекцій слушателямъ мужскаго пола. Одна только собственная фривольность мужчины можетъ навести его на такую причину устраненія женщины. Вообще мнѣ кажется, что мужчина, отказавшись отъ требованія цѣломудрія къ самому себѣ, потерялъ масштабъ для этого качества. Съ притупленіемъ его чувства къ цѣломудрію онъ смѣшиваетъ напускную стыдливость и лицемѣріе съ благопристойностью и ищетъ въ женщинѣ болѣе первыхъ, чѣмъ послѣдняго. Да, конечно! надъ напускною стыдливостью можно еще пожалуй подсмѣиваться, тогда какъ благопристойность и наивное простодушіе внушаютъ безусловное почтеніе; но первое легче, и притомъ же оно льститъ тщеславію мужчины, желающаго выказать во всемъ свое превосходство.

Противъ научнаго образованія женщинъ нѣкоторые приводили такія причины, имѣющія грустный для сердца смыслъ: «Если женщина получитъ такое же образованіе, какъ мужчина, то она не будетъ болѣе смотрѣть на своего мужа снизу вверхъ». Сколько болѣзненной сантиментальности, сколько извращенности заключается въ такихъ словахъ и сколько самоуниженія! Значитъ превосходство свое мужчина ищетъ не въ собственныхъ заслугахъ, а въ приниженіи существа, взирающаго на него какъ на нѣчто высшее.

Послѣ всего, мною сказаннаго, я не считаю болѣе нужнымъ сражаться съ подобными вѣтряными мельницами.

О, если бы и мужчина поторопился отказаться отъ вредной и унизительной для него самого борьбы съ вѣтряными мельницами, построенными его тщеславіемъ! Если бы онъ возвысился до желанія пойти на встрѣчу многимъ, по образованію наравнѣ съ нимъ стоящимъ женщинамъ, съ тѣмъ чтобы отыскать между ними одинаково съ нимъ чувствующую, равную ему по духу сопутницу; если бы онъ отказался отъ потребности стоять всегда на десять шаговъ впереди женщины! Вѣдь наивысшее къ себѣ уваженіе и оцѣнку своего достоинства человѣкъ встрѣчаетъ только тамъ, гдѣ его понимаютъ. Хотя, конечно, любовь женщины превозмогаетъ многое, но любовь

совершенствуется вмѣстѣ съ образованіемъ, а образованіе научаетъ женщину правильно понимать любимаго ею человѣка, понимать его внутреннее существо и стремленія. Высшая степень знанія не можетъ разрушительно вліять на сердечную жизнь женщины. Когда сознаютъ эту истину, тогда исчезнетъ и опасеніе открыть женщинѣ научныя поприща дѣятельности; женщину допустятъ къ участію въ той умственной дѣятельности мужчины, которая споспѣшествуетъ цивилизаціи; женщинѣ позволятъ внести въ нее свою лепту, что̀ она, конечно, и исполнитъ своеобразнымъ, соотвѣтствующимъ ея полу образомъ, дополняя своею дѣятельностью дѣятельность мужчины.

5.

Умственная и тѣлесная крѣпость и пригодность женщины значительно возвысились бы отъ предоставленія женщинѣ одинаковаго съ мужчиною положенія. *Это избавило бы грядущее поколѣніе отъ многихъ страданій и способствовало бы бо̀льшему его совершенству.*

„Женщины до настоящаго времени довольствовались только тѣмъ, что смотрѣли на міръ и на самихъ себя глазами мужчинъ—вслѣдствіе чего ихъ самосознаніе развито очень несовершенно“.

„Но всѣмъ, что̀ мы имѣемъ, мы должны быть обязаны самимъ себѣ“.

Коль скоро было бы признано равенство женщины съ мужчиною по положенію ея въ обществѣ, то какъ нравственное, такъ и умственное ея воспитаніе должно бы было сдѣлаться отличнымъ отъ настоящаго. Тѣ отличительныя особенности характера, которыя въ женщинѣ признаются прекрасными и желательными, согласовались бы съ воспитаніемъ и требованіями практической жизни, а сантиментальные идеалы смиренія и самоотреченія, которые такъ разбиваютъ счастіе и всю жизнь женщины, мало-по-малу совсѣмъ бы исчезли.

Ничто такъ не вредитъ женской душѣ, какъ прививка ей слабыхъ и изнѣживающихъ свойствъ смиренія и самоотреченія.

Постоянно вкоренять эти свойства въ тѣхъ существахъ, душа которыхъ уже надломлена робостью и недостаткомъ сознанія собственнаго достоинства, значитъ совершенно истощать энергію этихъ существъ. Человѣкъ, одинаково какъ мужчина, такъ и женщина, долженъ отрекаться и уступать только передъ тѣмъ, чего нельзя измѣнить; условія же нашего общественнаго быта не неизмѣнны, не долженъ быть, да никогда и не бывали такими отъ самаго начала міра. Даже и то, что обыкновенно называютъ судьбою или рокомъ, не есть нѣчто неизмѣнное. Для мужчины эта судьба заключается въ собственной его силѣ и въ его характерѣ; поэтому для мужчины покоряться судьбѣ сложа руки равносильно лѣности, недостатку самосознанія и энергіи. Что же касается до женщины, то судьба ея, при господствующихъ нынѣ условіяхъ жизни, зависитъ, конечно, отъ характера того мужчины, съ которымъ ее связываютъ узы кровнаго родства или брака; вслѣдствіе чего какой-нибудь недостатокъ въ характерѣ этого мужчины можетъ причинить ей бѣдствія, отъ которыхъ ей нѣтъ спасенія.

Въ этомъ обстоятельствѣ, однако же, заключается вопіющая несправедливость, и общество обязано всякой умной, надѣленной способностями и познаніями женщинѣ доставить возможность спасти себя и своихъ дѣтей отъ такой судьбы, которой она подвергается безъ всякой съ ея стороны вины; общество обязано это сдѣлать, иначе обѣщаніе съ его стороны награды за добродѣтель, въ примѣненіи къ такой женщинѣ, станетъ постыдною ложью.

Все, что у человѣческаго существа—у мужчины, какъ и у женщины—отнимаетъ его силу и самостоятельность, его здоровое стремленіе къ независимости, все это фальшиво и «отъ лукаваго», равно какъ и все, что ограничиваетъ и подавляетъ его естественность.

Независимость, или способность къ самостоятельности, есть, собственно, основа всѣхъ другихъ преимуществъ человѣка; изъ независимости возникаетъ прекрасное чувство свободы и сознанія своего достоинства, что́ такъ необходимо для счастья и

въ достиженіи чего женщинѣ не должно ставить преградъ. Страхъ повредить тѣмъ счастію супружества не долженъ служить основаніемъ для такихъ преградъ, потому что если какъ въ цѣломъ обществѣ, такъ и въ отношеніяхъ между мужемъ и женой необходима зависимость, то зависимость эта должна быть взаимная, равномѣрная.

Выработка прекраснаго чувства самосознанія и самостоятельности почти вовсе оставляется безъ вниманія при воспитаніи женщинъ, а между тѣмъ именно женщинѣ, благодаря особенной, свойственной ей впечатлительности, приходится сильно страдать отъ превратнаго воспитанія. Конечно, я не принимаю здѣсь въ разсчетъ особенные случаи, а говорю о воспитаніи женскаго пола вообще. Не слѣдуетъ, однако, умалять значеніе вліянія всеобщихъ воззрѣній на воспитаніе и вліянія воспитанія на женскій міръ. Многое такое, что̀ ложно принимается за половую особенность, при болѣе точномъ изслѣдованіи оказалось бы слѣдствіемъ вліянія, произведеннаго извѣстнаго рода воспитаніемъ.

Что воля женщины (даже и по отношенію къ добру) бываетъ недостаточно твердою, и это по большей части есть послѣдствіе несовершеннаго ея воспитанія. Нельзя сказать, чтобы женщина была несамостоятельна по самому существу своему, нельзя сказать, что ей прирожденна подчиненность, которая мѣшаетъ ей отстаивать надлежащимъ образомъ интересы, какъ свои, такъ и близкихъ ей людей, и предопредѣляетъ ее къ постоянному несовершеннолѣтію.

Если въ вопросахъ практической жизни женщина оказывается зачастую безполезной, если она постоянно нуждается въ совѣтникѣ, то въ этомъ виновато опять-таки ея воспитаніе. Она привыкла съ самаго дѣтства видѣть себя униженной, ее учатъ считать мужчину существомъ, стоящимъ выше нея по организаціи и слѣдовательно справедливо надѣленнымъ привилегіями, и только лишь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ пропадаетъ въ ней нѣкоторое боязливое передъ нимъ смущеніе. Но это-то именно смущеніе и развиваютъ въ женщинѣ и называютъ его милой застѣнчивостью, потому что это качество льститъ гордости мужчины въ его ложно понимаемой роли защитника слабѣйшаго пола.

Выростая въ такихъ понятіяхъ, женщина — чему впрочемъ нельзя и удивляться — или вовсе не обладаетъ находчивостью въ дѣловыхъ отношеніяхъ и трудныхъ жизненныхъ случаяхъ, или достигаетъ этой находчивости только очень поздно, зачастую, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно.

Я твердо убѣждена, что при правильномъ воспитаніи и руководствѣ не потребовалось бы даже и одного поколѣнія на то, чтобы сдѣлать женщину тѣмъ, чѣмъ она должна и могла бы быть; я убѣждена, что достаточно не болѣе одного человѣческаго возраста для того чтобы придать женщинѣ такой отпечатокъ, котораго она можетъ требовать какъ права.

Даже и мужчина, природа котораго не столь мягка и податлива, какъ природа женщины, потерялъ бы свою самостоятельность и значительную долю мужественности, если бы при воспитаніи его старались угнетать его съ такою же послѣдовательностью, какъ и женщину.

Сколько же твердости и красоты характера отъ такого угнетающаго воспитанія должна потерять женщина, уже по самой природѣ своей склонная къ уступчивости и физически гораздо слабѣйшая!

Не слѣдуетъ умалять значеніе воспитанія и его вліяніе на образованіе характера. Не должно также упускать изъ виду, что развитіе сильнаго характера и мощнаго духа укрѣпляющимъ образомъ вліяетъ на тѣлесную организацію, какъ и, наоборотъ, забота объ укрѣпленіи тѣла способствуетъ здоровью духа.

Я почти готова сказать, что всѣ прекрасныя природныя склонности женщины совершенно вырождаются и получаютъ превратное направленіе, благодаря ея рутинному воспитанію. Такъ напр., повиновеніе и понятливость, которыя способны замѣнить для женщины недостатокъ физической силы и возвысить ея разумность, претерпѣваемымъ ею воспитаніемъ низводятся до слабости и нерѣшительности, до страха передъ мнѣніемъ другихъ, чтó противно здоровью и силѣ духа, а также препятствуетъ развитію тѣлесной силы.

Свойственная женщинѣ, равно какъ и мужчинѣ, жажда хорошей молвы о себѣ среди современниковъ признается за неприличное для женщины честолюбіе, которое стараются остано-

вить и подавить, вмѣсто того чтобы направить его къ какой-нибудь хорошей цѣли.

Отъ подобнаго принужденія законное естественное влеченіе вырождается въ одностороннее, суетное желаніе нравиться, которое, съ одной стороны, усиливаетъ природную склонность къ кокетству до такой степени, что этимъ уродуется характеръ женщины, а съ другой стороны вызываетъ во всемъ женскомъ полѣ стараніе превзойти другъ друга внѣшностью, наружными украшеніями, роскошными платьями, изобиліемъ бѣлья и т. д. Все это стремленія, отъ которыхъ мужчина зачастую тяжело страдаетъ и которыя сплошь да рядомъ приводятъ домашній бытъ къ состоянію далеко не идеальному.

Для противодѣйствія такому печальному явленію необходимо немедля приняться за дѣло и открыть женщинѣ иное поле для ея честолюбія. Ея суетное стремленіе является во многихъ случаяхъ лишь послѣдствіемъ устраненія ея отъ доступныхъ всякому человѣку почестей.

Возможность достичь этихъ почестей освободила бы ее отъ мелочныхъ стремленій. Стоитъ только дать другое направленіе всему ея образу мыслей, стоитъ только развить ее для возвышенныхъ ощущеній, а не для мелочныхъ желаній. Я убѣждена, что тогда женщина въ тысячѣ тысячъ случаевъ устроила бы домашнюю жизнь глаже, проще и болѣе сообразно съ условіями, т.-е. съ доходами своего мужа.

Мужъ не долженъ бояться, что его жена потеряетъ интересъ къ мелочнымъ домашнимъ занятіямъ, если умъ ея будетъ способенъ понимать болѣе высокіе интересы. Подобное опасеніе высказалъ мнѣ какъ-то одинъ врачъ при упоминаніи о преподаваніи исторіи въ женскихъ школахъ: «Зачѣмъ дѣвушкамъ учиться такъ много исторіи? Вѣдь, въ концѣ концовъ, онѣ потеряютъ при этомъ интересъ къ кухнѣ».—Такъ мыслилъ господинъ, бояливо заботившійся о благоденствіи своего желудка. Какъ мало понимаетъ мужчина, даже врачъ, истинныя свойства и устройство женской природы! Въ дѣйствительности же ни высокое, ни даже ученое образованіе не можетъ отнять у женщины охоту завѣдывать собственнымъ своимъ хозяйствомъ.

Только уродливое полуобразованіе можетъ лишить женщину такой охоты.

Высокое, даже самое высшее, образованіе, должно укрѣпить въ женщинѣ чувство къ исполненію обязанности по ея женской спеціальности въ домѣ, къ попеченію о тѣлесномъ благосостояніи домочадцевъ, склонность и способность къ чему даны ей самой природой. Я рѣшаюсь даже сказать, что такое образованіе облегчитъ ей достиженіе необходимой практической ловкости, умѣнья правильно всѣмъ распорядиться и спокойно наблюдать за всѣми частями домоводства, какъ бы ни было оно мало или обширно. Въ заключеніе прибавлю, что, не смотря на всѣ ученыя занятія, практическая дѣятельность всегда составитъ для женщины самое лучшее удовольствіе. Да и научно или эстетически высоко-образованный мужчина не сознаетъ ли себя настоящимъ, истиннымъ человѣкомъ только тогда, когда онъ оказаніемъ какой-либо помощи, практической дѣятельностью умственныхъ своихъ способностей, можетъ осчастливить другаго человѣка? Женщина же особливо чувствуетъ себя въ своей сферѣ, когда можетъ распространять вокругъ себя благосостояніе и довольство. Стремленія къ этому не отнимутъ у нея никакая наука, никакое искусство.

Только одно недостаточное, пустое, изнѣживающее ея лучшія духовныя силы воспитаніе можетъ довести ее до непониманія блага подобной дѣятельности.

По правдѣ сказать, мужчина слишкомъ мало знаетъ женщину, иначе онъ не боялся бы дать ей въ руки духовное орудіе. Сколько ни воспѣвали и сколько ни говорили поэты о женщинѣ, о ея существѣ, о ея вліяніи, ни одинъ еще мужчина не изучилъ ее надлежащимъ образомъ, не старался съ любовью позаботиться о ней настолько, чтобы обезпечить ей вполнѣ, свободное существованіе.

Я еще никогда не слыхала, чтобы при развитіи и воспитаніи мальчика по наиболѣе усовершенствованной методѣ опасались повредить тѣмъ самымъ его способности къ практической жизни; при обученіи мальчика стараются только о томъ, чтобы возможно основательно и полно развить всѣ его духовныя силы, насколько это дозволяютъ средства родителей; почему же держаться другого при воспитаніи дѣвушекъ? На какомъ основаніи дѣлаютъ это?

И въ воспитаніи дѣвушки центромъ тяжести должно сдѣлать развитіе прекраснаго, благороднаго и твердаго характера. Развѣ такому характеру нельзя впослѣдствіи съ полнымъ довѣріемъ поручить исполненіе выпавшихъ на его долю жизненныхъ обязанностей? Но ни въ жизни, ни въ педагогикѣ не привыкли еще считать женщину самоцѣлью; повсюду она обречена еще исключительно на подчиненіе; она должна быть воспитана такъ, чтобы умѣть ко всему примѣняться и всѣмъ угождать. Повсюду и въ матеріальномъ, и въ умственномъ отношеніи отрѣзываютъ ей только самый скудный ломоть хлѣба.

Но то обстоятельство, что, не смотря на всѣ препятствія свободному развитію женщины, въ женскомъ мірѣ все еще такъ много здоровыхъ началъ, такъ много энергіи и бодрости, какъ оказывается на дѣлѣ,—доказываетъ лишь неистощимую силу, заключающуюся въ существѣ женщины. А то, что,—не смотря на привилегированное положеніе, занимаемое мужчиною, все еще не мало бываетъ счастливыхъ супружествъ, и что многіе мужья находятся въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ своими женами,—доказываетъ только, что въ сердцѣ человѣческомъ живъ еще неизсякаемый источникъ правды и справедливости.

Хорошо было бы, если бы всѣ эти благородно-чувствующіе и мыслящіе мужчины сдѣлали все отъ нихъ зависящее къ тому, чтобы не только ихъ женамъ было предоставлено природное ихъ право, но чтобы оно было открыто всему женскому міру, всѣмъ тѣмъ женщинамъ, которыхъ судьба надѣлила отцами, братьями или мужьями со слабо развитымъ чувствомъ долга.

Хорошо было бы, если бы всѣ мужчины сжалились надъ положеніемъ женщинъ, дѣлающимъ жизнь многихъ изъ нихъ по истинѣ горестной; хорошо было бы, если бы они поразмыслили о томъ, что все добро, оказанное ими женщинѣ, служитъ на пользу всему человѣческому роду. Женщина, воспитанная и поставленная въ жизни такъ, какъ я совѣтовала въ настоящей главѣ, съумѣетъ внушить своимъ сыновьямъ то благородное презрѣніе ко всему пошлому и дурному въ жизни, которое составляетъ основу всякой истинно облагораживающей цивилизаціи, и которая, въ соединеніи съ живою любовью къ отечеству, дѣлаетъ народъ истинно великимъ и могущественнымъ. Она будетъ тогда

вѣрною и могучею хранительницею того здраваго идеализма, который одинъ въ состояніи устранить до сихъ поръ еще господствующее у всѣхъ народовъ противорѣчіе между ученіями о добродѣтели и нравственности съ одной стороны—и практическою жизнью съ другой. Противорѣчіе столь рѣзкое и страшное, что въ однихъ оно возбуждаетъ отвращеніе, философовъ ведетъ къ пессимизму, нѣкоторыхъ же побуждаетъ къ тѣмъ сумасброднымъ выходкамъ, которыя потрясаютъ все человѣческое общество.

Хорошо было бы, если бы допустили женщину явиться вѣстницею мира въ этой битвѣ свѣта съ мракомъ!

6.

Равенство съ мужчиною по положенію и по правамъ необходимо для женщины. *Такое равенство необходимо для успѣшнаго развитія ея природныхъ дарованій и для удовлетворенія ея душевныхъ и тѣлесныхъ потребностей. Это равенство по положенію и равноправность послужатъ ко благу всего человѣчества.*

„Нѣтъ такого предмета, который понятъ уже или можетъ быть понятъ и достигнутъ мужчиною, котораго не могла бы понять и достичь также и женщина. Пока она этого не сдѣлаетъ, ни она, ни мужчина не получатъ полнаго и истиннаго представленія о цѣломъ.

Въ предыдущихъ главахъ я уже разъяснила то, какъ равенство по положенію женщины съ мужчиною, ея одинаковое съ нимъ воспитаніе и даже научное образованіе нѣкоторыхъ женщинъ, отзываясь на всемъ женскомъ полѣ, исполняли бы его чувствомъ собственнаго достоинства, душевно и тѣлесно укрѣпляли бы и возвышали его. Точно такъ же достаточно было говорено и о томъ, насколько все это необходимо для удовлетворенія душевныхъ и даже тѣлесныхъ потребностей, составляющихъ основу всякаго человѣческаго существованія.

Прямою обязанностью общества должна быть забота о томъ, чтобы возвысить силы женщины, сдѣлать ее способною къ борьбѣ за существованіе, отъ которой она не избавлена.

Если общество позаботится объ этомъ, то само же пожнетъ плоды такой заботы. Теперь пора уже открыть женщинѣ всѣ доступныя мужчинѣ поприща умственной дѣятельности.

Гдѣ есть наука, тамъ является и предвидѣніе, а предвидѣніе даетъ движеніе и силу. Пріобрѣтенною такимъ путемъ силою человѣкъ превосходитъ всѣхъ животныхъ, надѣленныхъ гораздо большею физическою силою; почему же и женщинѣ не сравняться въ этомъ отношеніи съ мужчиною?

По истинѣ грѣшно преграждать женщинѣ доступъ къ наукамъ, какъ это дѣлаютъ теперь частью прямо, частью косвенно, путемъ шутокъ и насмѣшекъ надъ ея научными стремленіями.

Сила творить доброе и великое такъ же таится въ груди всякой благородной женщины, какъ и въ груди мужчины. Но эта сила въ женщинѣ, распространяя довольство въ семьѣ, будетъ служить къ созиданію счастья въ этомъ мирномъ кругу, и каждый мужчина долженъ заботиться о томъ, чтобы женскимъ членамъ его семьи не приходилось примѣнять свои силы ни къ какому другому полю дѣятельности. Въ случаѣ же необходимости или если мужскіе члены семейства не исполняютъ своихъ самыхъ естественныхъ, прирожденныхъ обязанностей — а при настоящихъ общественныхъ условіяхъ это случается довольно часто — женщинѣ, какъ я уже подробно объ этомъ говорила, должна быть дана возможность употребить всѣ свои силы (я разумѣю здѣсь силы духовныя, тѣлесныя же въ подобныхъ случаяхъ и безъ того безпощадно напрягаются) на избраніе какой-либо соотвѣтствующей ея способностямъ спеціальности. Женщина не должна, какъ это случается въ настоящее время, за неимѣніемъ лучшаго — браться за то, что ей, какъ милостыню, удѣляетъ мужчина.

Не такъ давно одинъ изъ министровъ въ мюнхенской палатѣ депутатовъ, при обсужденіи вопроса о пересмотрѣ брачныхъ законовъ, сказалъ: «Не видимъ ли мы постоянно, что какой-нибудь болѣзненный мужъ содержится своею женою? и т. п.»

И такъ, самимъ законодательнымъ учрежденіемъ признается,

что жена при извѣстныхъ обстоятельствахъ должна кормить своего мужа, не смотря на тотъ фактъ, что государство не даетъ женщинѣ необходимыхъ занятій, а въ частной жизни ея трудъ недостаточно вознаграждается.

Какъ неправы и несправедливы сужденія о всемъ, касающемся женщины! Женщина вовсе не хочетъ эмансипироваться отъ своей собственной, прирожденной ей натуры; отъ этой натуры никто не въ состояніи ее эмансипировать. Существованіе особенностей женской натуры надо принимать въ соображеніе: если она отказывается отъ привилегій, достиженіе которыхъ повлечетъ за собою требованіе отъ нея невозможнаго, т.-е. требованіе быть въ одно и то же время и мужчиною, и женщиною, то это обличаетъ только здравый смыслъ женщины. Врожденная каждому существу любовь къ жизни побуждаетъ женщину, пока она не впала въ еще болѣе невыносимое бѣдственное состояніе, лучше терпѣть то, что̀ возбуждаетъ ея недовольство, чѣмъ вообще желать себѣ такого состоянія, къ которому она неспособна.

Въ вопросѣ объ эмансипаціи женщинъ дѣло не въ томъ, чтобы женщина, кромѣ своего естественнаго, прирожденнаго ей призванія, имѣла еще какую-нибудь иную спеціальность, а въ томъ, чтобы всѣ тѣ сферы дѣятельности, которыя открыты для мужчины, были доступны и ей, и чтобы она, *въ случаѣ, если того потребуетъ необходимость, и только въ этомъ случаѣ*, могла взяться за всякую спеціальность, къ которой у нея есть наклонность, а главное, для которой она достаточно способна. Я увѣрена, что когда это сбудется, то только очень немногимъ женщинамъ представится надобность браться за какое-либо спеціальное занятіе. Вся суть здѣсь заключается въ принципѣ равноправности. Это единственное средство, могущее доставить женщинѣ достаточную защиту отъ склонной къ злоупотребленіямъ, сильной мужской натуры, и единственно оно дастъ ей возможность прожить въ довольствѣ и счастьи.

На этомъ основаніи слѣдовало бы каждой незамужней женщинѣ предоставить возможность избирать себѣ, при одинаково благопріятныхъ съ мужчиною условіяхъ, то или другое спеціальное занятіе, причемъ она не должна быть стѣсняема никакимъ предразсудкомъ. Этимъ путемъ женщина будетъ обла-

дать вполнѣ тою независимостью, которая необходима для ея истиннаго счастья. Кромѣ того, будучи по природѣ своей склонна къ бережливости и не легко привыкая къ потребности въ дорого стоющихъ чувственныхъ наслажденіяхъ, она скоро будетъ въ состояніи составить себѣ капиталъ и тѣмъ способствовать производительности труда и умноженію народнаго благосостоянія; сверхъ того эти сбереженія помогутъ ей обезпечить будущее ея супружество отъ недостатка матеріальныхъ средствъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя будетъ допустить, чтобы какая-нибудь женщина, даже рожденная въ бѣдности, не вышла замужъ, хотя бы ей и пришлось ждать того момента, когда матеріальное состояніе обѣихъ сторонъ будетъ достаточнымъ для устройства надлежащаго хозяйства.

Но коль скоро женщина выходитъ замужъ и принимаетъ на себя веденіе всего хозяйства въ домѣ—что̀ въ нашемъ цивилизованномъ бытѣ все же требуетъ и времени, и особенной преданности дѣлу,—коль скоро она такъ поступаетъ, то поступаетъ единственно изъ любви; и что̀ же иное могло бы ее побудить къ тому, если ея положеніе и существованіе зависятъ или могутъ зависѣть отъ нея самой? Она съ радостью пожертвуетъ для любимаго ею мужа какимъ-нибудь нравившимся ей, можетъ быть, прежде спеціальнымъ занятіемъ или такимъ, къ которому она готовилась и которымъ надѣялась заниматься. Мужъ, въ свою очередь, будетъ знать, какую отвѣтственность принимаетъ онъ на себя, когда отнимаетъ отъ любимой женщины возможность заботиться самой о себѣ, а вмѣсто того обременяетъ ее попеченіемъ о домоводствѣ и дѣтяхъ.

Онъ въ своемъ попеченіи о женѣ будетъ видѣть для себя не бремя, а добровольно принятую обязанность, которую и исполнитъ съ радостью; иначе надъ его головой, какъ Дамокловъ мечъ, будетъ висѣть позоръ; жена его пожелаетъ вновь приняться за покинутое ею спеціальное занятіе, или, въ случаѣ если она не имѣла такого занятія до выхода замужъ, станетъ теперь домогаться его.

Тогда врядъ ли поколеблется мужъ отказаться отъ излюбленныхъ имъ привычекъ молодого холостяка; тогда едва ли возможенъ будетъ такой случай, чтобы мужъ сталъ тратить на себя и на свои побочныя потребности столько, что для

остальныхъ членовъ семейства не хватитъ денегъ даже и на самое необходимое. А между тѣмъ теперь часто случается, что мужъ, будучи единственнымъ лицомъ, достающимъ средства для существованія, и властелиномъ надъ женою, считаетъ себя въ полномъ правѣ поступать такимъ образомъ.

Объяснивъ въ предыдущемъ благодѣтельныя послѣдствія отъ равенства въ положеніи женщины съ мужчиною въ частности, позволю себѣ коснуться значенія этихъ послѣдствій также и въ общемъ.

Самымъ рѣшительнымъ шагомъ къ великой цѣли установленія порядка и устройства счастія человѣчества было бы *освобожденіе женщины.*

Насколько вѣрно, что мужчина нуждается въ женщинѣ для воспитанія потомства, настолько же вѣрно и то, что мужской элементъ безъ содѣйствія женскаго элемента не въ состояніи устроить благоденствіе человѣчества.

Призовите на совѣтъ женщину, дайте женщинѣ возможность настолько образовать свое сердце и свой умъ, чтобы она могла подавать голосъ вмѣстѣ съ мужчиной,—и тогда посмотрите, не внесетъ ли женское вліяніе примиряющаго элемента въ міровой механизмъ!

7.

Величайшая, какую только можно себѣ представить, несправедливость заключается въ томъ, что обычай и законъ подчиняютъ женщину мужчинѣ.

> „Недостатокъ пониманія обязанности къ самимъ себѣ, такъ часто признаваемый ошибочно за недостатокъ самостоятельности, характеризуетъ женщинъ во всемъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Онѣ никогда основательно не размышляли или не сознавали, на что онѣ имѣютъ право".

Сама женщина подчинится мужу изъ любви, пока женская натура останется ея натурой, но законъ не долженъ дѣлать

никакого употребленія изъ такого ея влеченія; такъ какъ эти влеченія существуютъ, и такъ какъ мужчина, если онъ пользуется своими привилегіями, склоненъ злоупотреблять этими влеченіями, то законъ потому самому вдвойнѣ обязанъ дать и женщинѣ точно такія же права, какія предоставлены мужчинѣ.

Признаніемъ справедливости такой равноправности обоихъ половъ должны быть проникнуты всѣ воззрѣнія мужчины, дабы счастье многихъ женскихъ жизней не было окончательно сломано, попрано.

Такъ какъ любовь женщины часто бываетъ соединена съ мечтательностью, причемъ она переходитъ даже въ слѣпое обожаніе, то законъ не долженъ бросать женскихъ правъ мужчинѣ на попраніе, и сама женщина не должна допускать до этого; она должна преодолѣвать въ себѣ влеченіе къ самопожертвованію и должна требовать равнаго себѣ за то, что̀ она сама даетъ. Юноша также отличается мечтательно преданнымъ чувствомъ любви, но только лишь пока онъ молодъ, т.-е. пока онъ нравственно чистъ. Съ потерею нравственной чистоты является въ немъ разсчетливость на мѣсто способности къ самопожертвованію. Какъ я уже упомянула, нѣтъ ни одной женщины, которой не приходилось бы страдать отъ неравенства въ положеніи ея съ мужчиною, хотя могутъ найтись женщины, которыя никогда не сознавали этого. Поставленныя въ благопріятныя обстоятельства, связанныя съ благородно-мыслящими мужьями, или только удовлетворенныя благословеніемъ, ниспосланнымъ имъ въ видѣ материнскаго счастья, нѣкоторыя женщины не особенно глубоко чувствуютъ несправедливость своего неравнаго съ мужчиною положенія, и если имъ приходится испытывать страданія, то причину этого зла онѣ приписываютъ характеру мужа, но не ищутъ ея въ ложномъ положеніи всего ихъ пола.

А между тѣмъ неравенство это должно угнетать или, по крайней мѣрѣ, стѣснять каждую женщину, потому что оно не по ней, т.-е. потому что положеніе ея въ обществѣ не соотвѣтствуетъ ея естественному, отъ природы ей предназначенному положенію. И пусть не говоритъ ни одна женщина: «что̀ такое женская эмансипація? намъ ея не нужно». Или: «мнѣ до

сихъ поръ жилось хорошо, а если когда-нибудь и станетъ хуже въ жизни, то я съумѣю со всѣмъ примириться».—Изъ трусости и лѣни, а не изъ какихъ-либо идеальныхъ свойствъ женщины, возникаютъ такія заявленія, и прежде чѣмъ хвалить ихъ, необходимо присмотрѣться, какія черты характера они открываютъ.

Не только чрезмѣрныя мягкость и уступчивость характера бываютъ часто причинами преданія женщиною своего права на презрѣніе и попраніе поводомъ къ тому часто служатъ эгоизмъ и матеріализмъ.

Поэтому изъ вышеприведенныхъ заявленій и изъ тѣхъ фактовъ, что многія женщины не сознаютъ въ дѣйствительности недостатка своей равноправности съ мужчиною, не слѣдуетъ выводить, напримѣръ, того заключенія, будто мои требованія слишкомъ велики и не соотвѣтствуютъ никакой потребности.

Чувство права и его сохраненіе требуютъ не слова, а дѣла. Но если въ теченіе жизни цѣлыхъ поколѣній это чувство не могло быть осуществляемо на дѣлѣ, если оно было постоянно подавляемо, — не естественно ли, что мало-помалу оно совершенно захирѣло и притупилось, пока наконецъ осталась только тупая боль отъ недостатка права. Что не вся масса женщинъ, а отдѣльныя женскія личности еще живо и сознательно ощущаютъ эту боль, не смотря на продолжающееся тысячелѣтіями давленіе, это, по моему мнѣнію, есть живѣйшее доказательство въ пользу требованія женщинами равноправія съ мужчинами.

Слову «эмансипація» придается какое-то роковое значеніе, и поэтому я до сихъ поръ старалась избѣгать этого слова; мнѣ кажется также, что это слово вовсе и не соотвѣтствуетъ сущности желаемаго мною. При словѣ «эмансипація» тотчасъ же возникаетъ представленіе о какомъ-то образѣ, далеко не соотвѣтствующемъ идеалу женщины, какъ я его понимаю. Я думаю, что подъ именемъ эмансипированной женщины обыкновенно представляютъ себѣ женщину, развязно выступающую, съ папироской во рту, съ тросточкой въ рукѣ и т. д., съ манерами, заимствованными отъ дамъ полусвѣта, несносную для мужчины своей болтовней обо всемъ и щегольствомъ своими полупознаніями...

Да, въ самомъ дѣлѣ, это преотвратительная фигура, и всякій разумный, не опрометчиво судящій читатель понимаетъ, навѣрное, что не этотъ образъ составляетъ цѣль, къ которой стремлюсь я здѣсь.

Ни одна женщина не должна подъ ничтожными предлогами отклонять отъ себя обсужденіе разбираемыхъ мною здѣсь вопросовъ, если только степень ея образованія или зрѣлая опытность дѣлаютъ ее способною къ такому обсужденію. Если даже какой-либо женщинѣ, вслѣдствіе благопріятно устроеннаго ея собственнаго положенія, такое обсужденіе этихъ вопросовъ кажется излишнимъ, то все-же она должна принести свою лепту на улучшеніе участи женскаго пола.

Чѣмъ можетъ слабая женщина завоевать себѣ равноправіе у сильнаго мужчины, если она не будетъ равносильна съ нимъ по крайней мѣрѣ духовно, если мужчина будетъ монополизировать знаніе? А знаніе есть сила, такая сила, которая вознаграждаетъ собою физическую слабость. Женщина должна прежде всего стремиться къ пріобрѣтенію этой силы, потому что она есть первый шагъ къ достиженію лучшаго устройства женской жизни; она доставляетъ женщинѣ единственное оружіе, которымъ она можетъ владѣть, а именно: разумное, мѣткое, просящее и убѣждающее слово.

Не слѣдуетъ поэтому говорить: «чтó можетъ побуждать склонную отъ природы къ уступчивости и миролюбію женщину къ энергической борьбѣ за свое право?» Не говорите: «чтó станется тогда съ миромъ въ супружествахъ?»! Надо помнить, что кто желаетъ наслаждаться продолжительнымъ, добрымъ, всѣ стороны удовлетворяющимъ миромъ, тотъ не долженъ страшиться борьбы. И кто знаетъ, не будетъ ли достаточно самой ничтожной доли мужества, чтобы сдѣлать эту борьбу едва замѣтной въ настоящемъ и избавить человѣчество отъ необходимости вести ее въ будущемъ?!

Выполненіе всѣхъ требованій, поставленныхъ въ этой книгѣ, привело бы къ самому мирному изо всѣхъ, когда-либо бывшихъ, соціальныхъ переворотовъ, однако же человѣчество сдѣлало бы огромный шагъ впередъ на поприщѣ своего усовершенствованія.

Конечно, и на сторонѣ мужчинъ, отказывающихъ женщинѣ

въ равноправности съ ними, стоитъ право во всей его древней святости, именно: историческое право тысячелѣтняго прошлаго; но на сторонѣ женщинъ стоитъ еще болѣе священное право человѣчества на стремленіе къ усовершенствованію всего человѣческаго быта. Эти два права находятся между собою въ трагическомъ разладѣ, изъ-за котораго поражены, надломлены и раздавлены въ своемъ внутреннемъ существѣ и, пожалуй, даже совсѣмъ убиты тысячи женскихъ жизней. И еще другія тысячи женскихъ жизней погибнутъ, если не подоспѣетъ къ нимъ помощь, если мужчина въ отношеніи къ женщинѣ не захочетъ понять, что всякое конкретное право, имѣющее притязаніе на неограниченную, вѣчную продолжительность—даже и тогда, когда оно пережило самого себя и когда оно противится ново-развивающемуся, требуемому измѣненными условіями жизни праву,—что такое конкретное право возстаетъ противъ идеи права и походитъ на дитя, поднимающее руку на свою родную мать.

Мы видимъ, что въ государствѣ истина эта признается и осуществляется въ дѣйствительности. Намъ часто приходится слышать о такихъ законахъ прошлаго времени, одна возможность существованія которыхъ кажется намъ теперь непонятною.

Такъ у римлянъ, въ древнѣйшія времена, отецъ могъ распоряжаться въ кругу своей семьи вполнѣ по своему произволу. Жена и дѣти составляли безусловную его собственность, которою онъ могъ располагать, какъ ему было угодно. Это заходило столь далеко, что отецъ могъ даже продавать въ рабство своихъ взрослыхъ дѣтей, и только лишь когда онъ въ третій разъ примѣнялъ это право къ одному и тому же изъ своихъ дѣтей, послѣднее выходило изъ подъ его власти. — Какъ смягчились мало-по-малу эти суровые законы! Въ государственной жизни видимъ мы повсемѣстно движеніе впередъ на пути гуманности и кротости. И только лишь въ отношеніи женщины хотятъ держаться старыхъ, отжившихъ свое время, законовъ,—законовъ, состоящихъ съ успѣхами цивилизаціи въ постоянно возрастающемъ противорѣчіи!

Пусть женщина имѣетъ въ виду, что всякій человѣкъ, считающій своею обязанностью отстаивать свое право и дѣй-

ствительно отстаивающій его, вноситъ свою лепту въ осуществленіе на землѣ идеи права.

Идея же права не можетъ достичь на землѣ полнаго господства надъ всѣми умами и обстоятельствами, пока будетъ существовать какой-либо законный гнетъ, пока для всей женской половины рода человѣческаго существуетъ хотя одно такое угнетеніе, какое уже болѣе не существуетъ ни для одного сословія мужскаго пола.

Мужчины передъ закономъ всѣ равны; всѣхъ ихъ мѣряютъ однимъ и тѣмъ же мѣриломъ нравственности; только для женщины бываетъ иное мѣрило и при томъ не потому, чтобы оно соотвѣтствовало справедливымъ требованіямъ ея пола, а потому, что оно умаляетъ значеніе женщины и даетъ мужчинѣ преимущественныя права.

Но если мужчина отстаиваетъ эти привилегіи, если онъ думаетъ, что, защищая права женщины, онъ тѣмъ самымъ объявляетъ войну собственнымъ интересамъ, то женщина не должна этому удивляться; она должна только постараться найти способъ для доказательства, что такое мнѣніе мужчины есть не что иное, какъ заблужденіе, что его привилегіи невыгодны для него, а что скорѣе его выгоды страдаютъ отъ его привилегій. Съ высшей, обще-человѣческой точки зрѣнія это есть, конечно, несомнѣнная истина. Однако жъ и между самими мужчинами многіе убѣждены въ законности стремленія женщины къ лучшему правомѣрному положенію. Органическое понятіе о «правахъ женщины», конечно, уже выработалось; остается теперь только, какъ я сказала выше, преодолѣть противодѣйствіе со стороны эгоизма мужчинъ внушеніемъ того убѣжденія, что опасеніе мужчинъ за потерю своихъ выгодъ есть неосновательное опасеніе, что, противодѣйствуя новому праву, выгоды борются противъ самихъ себя.

Да, нужно завербовать общественное мнѣніе въ пользу женщины и ея правъ; но само по себѣ это мнѣніе никогда не станетъ на ея сторону, и потому никогда не должна женщина сидѣть сложа руки, а, напротивъ того, должна храбро защищать свое право.

«Отстаиваніе своего существованія есть наивысшій законъ для всякаго живаго существа», говоритъ одинъ знаменитый

ученый юристъ: «этотъ законъ проявляется въ каждой твари стремленіемъ къ самосохраненію. Но въ отношеніи человѣка (а я прибавлю отъ себя: въ отношеніи женщины) здѣсь дѣло идетъ не объ одной только физической жизни, но и объ его нравственномъ существованіи; условіе же этого существованія есть право (для женщины — равноправность).

Да, по истинѣ, въ настоящее время, когда женщина не равноправна съ мужчиною, все зависитъ отъ болѣе или менѣе тонкаго чутья мужчины, съ которымъ женщина приходитъ въ соприкосновеніе: ставитъ ли онъ ее выше животнаго или нѣтъ. Вѣдь утверждалъ же Гартманъ, что у женщины нѣтъ никакой другой чести, кромѣ половой. И что̀ же даютъ ей въ награду за упорное охраненіе ею своей чести въ случаѣ, если она не вышла замужъ? — Въ высшей степени презрительно звучащее прозвище «старой дѣвы».

Въ основаніи такого прозвища лежитъ, конечно, та грубая мысль, что женщина, прозванная старой дѣвой, не имѣетъ достаточно животной цѣнности, а такъ какъ за женщиной не признается никакого другаго достоинства, кромѣ животнаго, то женщина эта стала неимѣющимъ никакой цѣны, презрѣннымъ предметомъ.

Насколько обманчиво такое умозаключеніе, это, мнѣ думается, я уже достаточно доказала во второй главѣ.

И какъ бы въ насмѣшку надъ самимъ собой, самъ женскій полъ всего щедрѣе надѣляетъ незамужнихъ женщинъ прозваніемъ старыхъ дѣвъ, соединяя съ этимъ прозваніемъ что̀-то въ высшей степени презрительное. Столь ослѣплена бываетъ женщина въ своей стремительной поспѣшности понравиться мужскому полу и надѣть чепчикъ—главная задача ея жизни, пока она молода и считается къ тому правоспособной!

Что̀ же сдѣлала до сихъ поръ сама женщина для достиженія своихъ естественныхъ правъ? Кантъ въ своихъ «Метафизическихъ начальныхъ основаніяхъ ученія о добродѣтели» говоритъ: «Кто дѣлаетъ изъ себя червяка, не смѣетъ потомъ жаловаться на то, что его топчутъ ногами».

Ну, конечно, большинство женщинъ и не жалуется! Онѣ не поняли еще обязанности нравственнаго самосохраненія, а гдѣ и поняли эту обязанность, тамъ прекрасный, благородный

инстинктъ любви или готовое на жертвы самоотреченіе, ищущее мира съ любимымъ существомъ при отреченіи отъ собственныхъ жизненныхъ благъ, доводили такихъ женщинъ до нравственнаго самоубійства. И если даже все это совершается безсознательно, все-таки женщина не мало страдаетъ отъ состоянія какъ бы безправности, въ которомъ она пребываетъ. Если даже женщина не *знаетъ* ничего о правахъ, которыя она могла бы имѣть и которыхъ не имѣетъ, то все-таки она *чувствуетъ* себя обиженною. Каждая женщина, начиная съ дворца и кончая хижиною, спрошенная по совѣсти, каждая женщина, говорю я, *чувствуетъ*, когда мужчина обижаетъ ее. Если же она молчитъ объ этомъ, то лишь потому, что благоразуміе, какой-нибудь особенный интересъ дѣлаютъ ее лицемѣркой.

Какъ всякій больной, по испытываемой имъ физической боли, ощущаетъ происходящее въ его организмѣ разстройство, такъ точно даже самая необразованная женщина чувствуетъ произволъ, отъ котораго ей приходится страдать; она чувствуетъ его какъ боль нравственную. Но женщину—существо, на которое сама природа возложила достаточно физическихъ страданій, неизвѣстныхъ мужчинѣ, при безконечной способности терпѣть—женщину легко убѣдить въ томъ, что она рождена для страданій, и потому-то она переноситъ также и нравственную боль; она не вслушивается во внушаемое ей этою болью напоминаніе о ея обязанности нравственнаго самосохраненія; она заглушаетъ въ себѣ вопль природы, взывающей о помощи, въ виду грозящей опасности.

И довольство, покорная преданность, т.-е. апатическое отсутствіе размышленія, составляютъ альфу и омегу того ученія о нравственности, которое проповѣдуетъ ей мужчина для своего и ея, какъ ему думается, благоденствія. Роковое заблужденіе! Раздраженіе женщины, вслѣдствіе ея недовольства своимъ положеніемъ, своими правами, способность ощущать боль отъ оскорбленія ея положенія и ея правъ, — это слѣдуетъ съ удовольствіемъ привѣтствовать въ женщинѣ, такъ какъ это доказываетъ, что сердечная жизнь сильно развита въ ней. А кто же станетъ отрицать, что сердце и есть источникъ всего добраго, истинно прекраснаго и великаго?

Именно самые немилосердные, самые жестокіе противники женщины, они-то и утверждають, по большей части, что сердце есть та область, гдѣ она царитъ. Но вѣдь и чувство права, психологическій первоисточникъ всякаго права, также исходитъ изъ сердца!

Способность, влеченіе къ борьбѣ за право весьма удачно названы поэзіею характера. А женщина, развѣ она не имѣетъ характера?

Однако же, для осуществленія на дѣлѣ живаго чувства права необходима гордость характера, гордость человѣческаго достоинства; женщина же училась сосредоточивать свою гордость только въ стремленіи скрывать свои чувства и беречь свою половую честь; она научилась особенной женской гордости и изъ-за этого утратила истинную гордость характера, чисто человѣческую гордость. Такую гордость мы еще встрѣчаемъ въ особенно одаренныхъ натурахъ, въ натурахъ неподдѣльныхъ, не испорченныхъ никакимъ искусствомъ спеціально женскаго воспитанія.

Такія натуры при всѣхъ обстоятельствахъ умѣютъ создать пріятный домашній бытъ; своимъ образомъ дѣйствій онѣ постоянно возбуждаютъ въ мужѣ вниманіе ко благу и счастью семьи и умѣютъ поддержать въ мужѣ сознаніе его обязанностей.

Я знаю въ высшей степени счастливыя супружества, счастье которыхъ построено на прочномъ фундаментѣ принесенія обоюдныхъ жертвъ, гдѣ мужъ отказался отъ всѣхъ излюбленныхъ имъ привычекъ холостяка, чтобы приличнымъ образомъ устроить жизнь своего семейства и доставить дѣтямъ возможно высокое образованіе. Конечно, жены такихъ мужей не исполнены ложнаго, полнаго кротости, смиренія, но съ вѣрнымъ чувствомъ своего достоинства сознаютъ собственные труды и жертвы. Однако же, это не уменьшаетъ заслугъ мужа, такъ какъ съ обыденной точки зрѣнія и, можно сказать, въ нравственной атмосферѣ всего, что окружаетъ мужа, нѣтъ ничего такого, чтó требовало бы отъ него подобныхъ трудовъ и жертвъ.

Напротивъ, многіе мужчины, съ сожалѣніемъ пожимая плечами, назовутъ его «бѣднягой», потому что, по ихъ мнѣнію, было бы гораздо естественнѣе, если бы онъ тратилъ на самого себя

бо́льшую часть своего заработка, предоставивъ женѣ и дѣтямъ справиться съ остаткомъ. Болѣе благоразумные люди не высказываютъ никакого о немъ мнѣнія изъ боязни передъ тѣми, которые кричатъ противъ такого мужа, хотя въ душѣ высоко цѣнятъ его и признаютъ счастливымъ.

Мужъ, отказывающійся отъ собственныхъ удовольствій и приносящій жертвы ради своего семейства, онъ-то и поступаетъ какъ истинный человѣкъ; за такое самопожертвованіе находитъ онъ себѣ чудную награду въ любви, которая укрѣпляетъ его духовныя силы, божественное пламя которой охватываетъ всю его душу и возвышаетъ все его существо на степень совершенства. Любовь всего лучше скрѣпляется жертвами, поэтому-то любовь женщины гораздо вѣрнѣе, гораздо продолжительнѣе любви мужчины.

Не говорите, что въ этомъ нѣтъ никакой съ ея стороны заслуги, ибо бо́льшая часть жертвъ, приносимыхъ женщиною, жертвы невольныя, установленныя самою природою. На долю мужчины природа также назначила жертвы; отъ нихъ уклоняется онъ только вслѣдствіе своей страсти къ наслажденіямъ. И онъ можетъ это дѣлать, потому что имъ же составленные человѣческіе законы дѣлаютъ для него это уклоненіе и возможнымъ, и слишкомъ даже легкимъ.

Но что̀ же можетъ сдѣлать женщина для того, чтобы произвести полезное для себя измѣненіе въ существующихъ законахъ; что̀ же можетъ она сдѣлать, чтобы естественное свое право превратить въ положительное право? У нея нѣтъ никакой власти, никакой силы, кромѣ развѣ, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, идеальнаго могущества знанія; а фактическое могущество есть единственная живая сила, которою опредѣляются всѣ законы и правовыя учрежденія общества.

Это исторически доказанное значеніе фактической силы подавляетъ, повидимому, у женщины надежду на измѣненіе законовъ въ ея пользу. Утвержденіе поэтовъ, будто женщина всемогуща тамъ, гдѣ она любима, мало помогаетъ дѣлу, ибо при существованіи фактической силы истинная любовь развивается только въ особенно идеальныхъ и сердечныхъ по своей натурѣ мужьяхъ. Причины того я, кажется, достаточно объяснила.

Впрочемъ, женщина, которая любима, бываетъ обыкновенно сама влюблена, а любовь женщины такъ смиренна, такъ преданна, и сама она такъ удовлетворена счастьемъ любви, что рѣдко спрашиваетъ себя, на чемъ основано ея счастье, обѣщаетъ ли оно быть продолжительнымъ; а если это счастіе впослѣдствіи рушится, то въ прекрасной своей душѣ женщина утѣшаетъ себя воспоминаніями о золотомъ снѣ юности или исполненіемъ материнскихъ обязанностей.

Такимъ образомъ мало надежды на то, чтобы тихое могущество любимой женщины, воспѣваемое поэтомъ, улучшило положеніе женскаго пола; это могущество не представляетъ, какъ мнѣ кажется, такой фактической силы, которая могла бы оказать вліяніе на законодательство. Но, по счастью, въ составъ фактической силы, созидающей законы, входитъ нѣчто весьма существенное и имѣющее сильное вліяніе; это нѣчто есть *общественное мнѣніе,* всеобщее сознаніе, всеобщее образованіе. И женщина можетъ склонить его въ свою пользу, коль скоро она проникнется тѣмъ сознаніемъ, что она находится въ ложномъ положеніи. Но для этого необходимо, чтобы женщина не игнорировала позора, которому подвергается женскій полъ; необходимо, чтобы она ни себя, ни близкихъ ей лицъ не оставляла въ насильственно вынужденномъ слѣпомъ невѣдѣніи и непониманіи настоящаго состоянія нравственности, но чтобы, напротивъ того, чистота ея чувствованій возставала противъ всего этого со всею силою нравственнаго негодованія, и чтобы это негодованіе проявлялъ весь ея полъ съ такимъ единодушіемъ, которое могло бы повліять на общественное мнѣніе.

Въ здѣшнемъ мірѣ сила стоитъ выше права. Это, можетъ быть, и хорошо, ибо такъ какъ человѣку свойственно заблуждаться, то и правовыя понятія не остаются неизмѣнно одними и тѣми же, но соотвѣтствуютъ степени образованія и обстоятельствамъ своего времени. Изъ обстоятельствъ же какого-либо даннаго времени возникаютъ господствующія силы, а этими силами, въ свою очередь, созидается и охраняется законъ. Такой вѣчный круговоротъ движенія соотвѣтствуетъ развитію человѣческаго духа. Неприкосновенныя права вызвали бы застой въ жизни и породили бы такой бытъ, при которомъ прошедшее убиваетъ жизнь настоящаго. По этой-то именно при-

чинѣ и должно право всякаго времени запасаться достаточною силою, чтобы преодолѣвать неправду и явиться въ образѣ закона, и по той же самой причинѣ *женщина обязана непрерывно дѣйствовать словомъ, чтобы убѣдить другихъ въ вѣрности того лучшаго воззрѣнія, которымъ она сама проникнута, чтобы помочь образоваться общественному мнѣнію въ ея пользу, чтобы такимъ образомъ пріобрѣсти себѣ силу, ибо нынѣшнее состояніе цивилизаціи находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ перешедшимъ отъ прошлыхъ временъ недостаткомъ въ правахъ для женщины; настаивать на отжившемъ прошломъ—значитъ убивать въ женщинѣ ея справедливое притязаніе на счастіе и прогрессъ въ настоящемъ времени.*

Женщина не должна терпѣть, чтобы съ нею поступали несправедливо, она должна руководствоваться правиломъ: «не терпи неправды», какъ и правиломъ: «не твори неправды». Такова ужъ натура человѣка, что коль скоро мужчина будетъ знать, что женщина имѣетъ права, что она знаетъ эти права и рѣшилась защищать ихъ, то онъ перестанетъ быть несправедливымъ относительно ея.

Такъ напр., если онъ будетъ знать, что владѣющая имуществомъ женщина въ состояніи управлять имъ, онъ уже не станетъ съ такою легкостью, какъ теперь, отнимать у нея ея имущество и тратить его на себя.

Трудящуюся для заработка не станетъ онъ обижать, говоря себѣ: «Къ чему женщинѣ много денегъ?»

Учительницу онъ не станетъ назначать исключительно въ низшіе классы, гдѣ ея занятія оплачиваются хуже всего; если она отличается въ научной области, то ей уже не нужно будетъ пробиваться сквозь массу предразсудковъ, и т. д. Гдѣ бы она ни выступила для заработка, повсюду она будетъ дѣйствовать на относительно обезпеченныхъ путяхъ, совершенно такъ же, какъ это бываетъ въ настоящее время и съ мужчиною.

Но и въ другихъ отношеніяхъ улучшеніе положенія женщины произведетъ истинныя чудеса: мужчина не захочетъ съ такою легкостью, какъ теперь, вовлекать ее въ какую-либо нравственную неправду; то, чтó до сихъ поръ было неосуществимымъ въ дѣйствительности нравственнымъ велѣніемъ, то-

гда осуществится на самомъ дѣлѣ, ибо замѣтимъ: все то, чего я требовала для женщины, во всемъ своемъ объемѣ и въ своей сущности содержится въ христіанскомъ ученіи.

На женщинѣ лежитъ *обязанность* вступиться за самое себя, обязанность по отношенію къ самой себѣ и къ обществу.

Не говорите, что женщинѣ нѣтъ дѣла до общества. Оно ея касается, въ немъ заключается ея собственный индивидуальный интересъ, точно такъ же, какъ и интересъ мужчины. Человѣкъ, устраняющій отъ себя общіе интересы съ тѣмъ, чтобы успѣшнѣе способствовать личнымъ своимъ интересамъ, не кто иной, какъ эгоистъ, вредный для самого себя. Вѣдь общество составляется изъ индивидовъ, а индивидъ не только можетъ тогда самъ дѣйствительно способствовать своимъ истиннымъ, человѣческимъ интересамъ, когда будетъ обращать вниманіе на все общество, когда при всякомъ своемъ поступкѣ будетъ принимать въ соображеніе дѣйствіе его на общество,—но, сверхъ того, только при такомъ условіи можетъ онъ съ благородной свободой развивать собственную свою индивидуальность.

Женщина должна знать, что и сама она со всѣми своими собственными интересами принадлежитъ къ обществу. Она должна знать, что всякою несправедливостью, причиненною женщинѣ, нарушается *право* вообще, слѣдовательно также и *ея* право, хотя бы несправедливость была причинена самой недостойной изъ ея пола. Теперь я пришла къ тому, что̀ составляетъ величайшую несправедливость, какую только можно представить себѣ въ отношеніи къ женщинѣ.

Я не могу избавить читателей отъ объясненій объ этомъ предметѣ, потому что противъ него-то и надобно бороться, такъ какъ онъ-то и есть причина и признакъ всякаго неуваженія къ правамъ женщины, такъ какъ онъ-то и отражается ужаснѣйшимъ образомъ въ жизни женщины, каждой женщины, какъ бы ни была она благородна, чиста и возвышенна.

Я говорю о проституціи. Въ ней особенно рѣзко сказывается несправедливость различія въ мѣрилѣ для обоихъ половъ, даже и передъ судомъ. Столь же сильно, какъ и вѣрно, высказала это одна изъ несчастныхъ женщинъ, которой пришлось страдать отъ этого различія.

Въ одну изъ послѣднихъ зимъ одна вдова, мать четверыхъ

дѣтей, была потребована въ судъ, гдѣ ей заявили, что отъ нея должны быть отняты дѣти, такъ какъ она вступила въ ряды проститутокъ. «Какъ!» вскричала несчастная въ отчаяніи: «вы хотите отнять у меня моихъ дѣтей, *вы, негодяи, сколько васъ тамъ ни есть!* Да вѣдь ради дѣтей моихъ собственно я и стала проституткою, чтобы имѣть возможность прокормить ихъ и посылать въ школу, чтобы они не сдѣлались такими же, какъ я. И за это-то и хотите вы взять ихъ у меня, вы, которые нисколько не лучше меня? Ну, такъ ужъ лучше я сама всѣмъ имъ перерѣжу горло!»

Одинъ изъ присутствующихъ судей, найдя, что женщина забывается, распорядился было ее арестовать. Но товарищъ его, человѣкъ милосердный, полный глубокаго сочувствія къ душевному состоянію несчастной, замѣтилъ ему, что этого не слѣдуетъ дѣлать, такъ какъ женщина находится въ состояніи крайняго умоизступленія. Затѣмъ онъ показалъ ей тотъ параграфъ закона, которымъ постановлено, что проститутка не имѣетъ права воспитывать своихъ дѣтей. Видя, что онъ относится къ ней съ участіемъ, женщина объяснила ему тогда, какъ она однажды вечеромъ сидѣла со своими дѣтьми въ холодной комнатѣ безъ огня и безъ пищи, какъ кто-то поднялся тогда по лѣстницѣ и предложилъ ей пять марокъ, «и вотъ я согласилась, чтобы имѣть возможность купить дѣтямъ хлѣба». И такъ, общество, наказывая безпомощную женщину, хочетъ тѣмъ самымъ охранить свое нравственное значеніе! Этимъ оно хочетъ искупить свой позоръ, наносимый терпимостью всей необузданности мужчины!

Изъ-за своего проступка женщина признается неспособною воспитывать своихъ дѣтей. О мужчинѣ же думаютъ, что онъ достойный воспитатель во всякомъ званіи и состояніи и во всѣхъ отношеніяхъ, хотя бы онъ самымъ недостойнымъ образомъ удовлетворялъ, сколько ему захочется, своимъ животнымъ побужденіямъ!

И какъ часто становится женщина дурною только для того, чтобы достать кусокъ хлѣба для своихъ дѣтей, и, напротивъ, какъ часто отнимаетъ отецъ у дѣтей кусокъ хлѣба, чтобы имѣть возможность предаваться разврату — на это законъ не обращаетъ вниманія.

Мнѣ, конечно, возразятъ на это, что половая жизнь въ женщинѣ такъ тѣсно связана со всею ея натурою, что всякій половой ея грѣхъ не можетъ не оказывать разрушительнаго вліянія на весь ея характеръ, почему и невозможно оставить проституткѣ ея дѣтей. Но неужели кто-нибудь дѣйствительно вѣритъ, что испорченность мужчины не имѣетъ вліянія на воспитаніе его дѣтей, неужели кто-нибудь считаетъ его испорченность лучшимъ образцомъ для подрастающихъ дѣтей, чѣмъ испорченность матери? Я же, напротивъ того, готова утверждать, что испорченность отца вліяетъ гораздо разрушительнѣе на дѣтей, потому что если дитя видитъ, какъ всѣ презираютъ его мать-проститутку, то въ дѣтскомъ своемъ благочестіи, по крайней мѣрѣ, не теряетъ вѣры въ нравственность. Но отца видитъ дитя уважаемымъ, какъ бы онъ ни пользовался продажной любовью, и оно выводитъ заключеніе, что и всѣ мужчины таковы; если же это дѣвочка, то въ юную душу ея западаетъ неописанное отвращеніе. Она видитъ явное противорѣчіе между ученіемъ о добродѣтели и житейскою практикой; она хотѣла бы твердо держаться привычнаго ей въ дѣтствѣ почтенія, а между тѣмъ ея чистое пониманіе справедливости удерживаетъ ее отъ такого почтенія. Какая страшная путаница! Не трудно понять, какъ много превратнаго произойдетъ въ будущемъ изъ этого источника.

Апатія съ одной стороны, презрѣніе къ мужскому полу вообще, недостаточное сознаніе своихъ обязанностей и т. под.— таковы естественные результаты этой путаницы. Счастіе еще, что опасность, грозящая ея имени, большею частію удерживаетъ дочь отъ подражанія гибельному примѣру. Что же касается сына, то неужели думаютъ, что примѣръ безнравственнаго отца не подѣйствуетъ на него самымъ вреднымъ образомъ? Посмотрите только, какое вліяніе производитъ на каждаго молодаго человѣка оказываемая ему обществомъ терпимость и несправедливость того же общества противъ женскаго пола. Воздержность и нравственность должны быть требуемы не отъ женщины только, но отъ человѣка вообще. Поэтому-то статья закона, отнимающая дѣтей у матери-проститутки, есть *вопіющая несправедливость.*

Вопіющею несправедливостью является также и то, что,

оправдывая проституцію ради мужчины, ради, какъ говорятъ, сохраненія его здоровья, одну лишь женщину подвергаютъ не только позору вообще, но еще и особенному позору, учрежденному въ видѣ предупредительной мѣры для охраненія общественнаго здравія. Если позоръ мужчины столь мало касается его чести, то почему же медицинскій осмотръ заразительныхъ половыхъ болѣзней не производится надъ нимъ, тѣмъ болѣе, что у мужчины, по свидѣтельству врачей, съ гораздо бо̀льшей вѣроятностью можно установить діагнозъ. Зачѣмъ насильственно стараются сдѣлать невозможнымъ возвращеніе къ честной жизни всѣмъ несчастнымъ женщинамъ-проституткамъ, подвергая ихъ всевозможному неизгладимому позору? Почему не постараются подѣйствовать на честь мужчины, чтобы такимъ образомъ направить его на лучшій путь? Помимо точки зрѣнія идеальнаго права, уже тотъ фактъ, что практиковавшимися до сего времени средствами столь мало еще достигнуто въ отношеніи какъ нравственности, такъ и здоровья, долженъ бы дать поводъ къ измѣненію тѣхъ мѣропріятій, которыхъ придерживались до сихъ поръ.

Сколько здоровья и счастья отнято у чистыхъ, неповинныхъ женщинъ переданными имъ мужемъ болѣзнями, и какъ тяжко искупаетъ на себѣ ни въ чемъ неповинное потомство грѣхи безнравственныхъ отцовъ!

Право, пора уже подумать о всемъ томъ злѣ, которое косвенно или прямо выпадаетъ на долю женщины вслѣдствіе того, что ни законъ, ни господствующія воззрѣнія не налагаютъ никакой узды на мужчину. Какое безграничное нравственное отвращеніе къ жизни должно овладѣть сердцемъ женщины при той ужасной мысли, что высокомѣріе мужчины считаетъ себя въ правѣ подвергать ее нищетѣ и бѣдствіямъ и расточать все ей принадлежащее для удовлетворенія своихъ страстей. И то же мужское высокомѣріе насмѣхается надъ павшею женщиной, наказуетъ ее и толкаетъ ее въ бездну гибели. Не есть ли это полное безправіе, могущее довести до отчаянія и смерти ту, судьба которой такъ безжалостно разбивается?

Въ ту минуту, когда женщина или дѣвушка впервые узнаѐтъ всю мѣру несправедливости, которой она приносится въ жертву, ея душою овладѣваетъ безумная скорбь, и въ своей страшной

злобѣ она должна проклинать тотъ общественный порядокъ, который находится въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ ея чувствомъ права, съ чувствомъ права вообще.

Пусть ея крикъ отчаянія найдетъ себѣ отголосокъ въ душѣ другихъ женщинъ и всѣхъ правдиво-мыслящихъ мужчинъ; пусть они единодушно настаиваютъ на томъ, чтобы всякой несправедливости, отъ которой страдаетъ женщина, былъ положенъ конецъ; пусть общественнымъ мнѣніемъ овладѣетъ та мысль, что ни одинъ порокъ не долженъ быть привилегированъ государственными учрежденіями, притупляющими страхъ передъ этимъ порокомъ, не только со стороны женщины, но и со стороны мужчины.

Пусть государство приметъ женщину подъ свою любвеобильную защиту; пусть оно подастъ мужчинамъ примѣръ прекраснѣйшей рыцарской добродѣтели — уваженія къ женщинѣ, вмѣсто того, чтобы подавать имъ примѣръ эксплуатированія физически-слабѣйшаго пола.

8.

Женщинѣ необходимо равное съ мужчиною положеніе, дабы мужъ и жена совмѣстно достигали человѣческаго идеала.

„Цѣль права есть миръ“.

Выше, приводя свои основанія на требованія для женщины равноправности съ мужчиною, я сказала, что нужно весьма часто встрѣчаться съ идеаломъ мужчины, чтобы женщина, если она такова, какъ отъ нея это постоянно требуется, была правильно оцѣнена; чтобы именно сердца наиболѣе нѣжно чувствующія и любвеобильныя не были и наиболѣе несчастными, чтобы они не видѣли, какъ исчезаетъ кратковременный блескъ любви въ холодной дѣйствительности однообразнаго, пустаго существованія.

Да, равноправность женщины съ мужчиною требуется также и въ интересахъ послѣдняго, въ интересахъ освобожденія его отъ той доли себялюбія, которая привита ему воспитаніемъ, ибо

я не думаю, чтобы въ характерѣ мужчины было столько прирожденнаго эгоизма, сколько мы видимъ его обнаруживающимся въ поступкахъ; мнѣ кажется, что этотъ эгоизмъ скорѣе искусственно воспитывается въ немъ вслѣдствіе привилегированнаго положенія, которое занимаетъ мужчина. Несомнѣнно, что привилегіи, существующія на счетъ чужихъ правъ, противны справедливости и потому служатъ причиной раздора.

Не думайте также, что одна половина рода человѣческаго можетъ пользоваться привилегіями на счетъ другой половины, не вредя себѣ въ самомъ существенномъ. Привилегіи,—въ томъ кто ими пользуется — необходимо должны вызывать грубыя свойства характера, а такія свойства тормазятъ развитіе.

Совершенно вѣрно, что мужчина, пользуясь своими привилегіями, тормазитъ развитіе своей прекрасной натуры. Одна изъ поборницъ женскихъ правъ справедливо разражается такимъ восклицаніемъ:

«Что сталось съ той прекрасной вѣрой, что высочайшую награду въ жизни мужчины составляетъ благосклонность къ нему благородной женщины? Чтó за дѣло мужчинѣ до того, добродѣтеленъ ли онъ и справедливъ, чистъ ли онъ и полонъ достоинства, способенъ ли обладать честнымъ женскимъ сердцемъ и осчастливить его? Какъ бы ни былъ онъ пошлъ, низокъ, лживъ и пороченъ, онъ не побоится протянуть свою руку лучшей и нравственнѣйшей особѣ нашего пола, а та, въ свою очередь, ни мало не дрогнетъ вложить свою руку въ его. Это явленіе ни съ чѣмъ несообразно и объяснимо только современными условіями.

«Мы, женщины болѣе энергичныя и съ бóльшимъ самосознаніемъ, должны завоевать для міра новое вѣяніе, проникающее, облагораживающее его и воодушевляющее восторгомъ передъ достоинствомъ женщины. Мужчина долженъ быть равенъ женщинѣ по добродѣтели и твердости характера, по внутренней правдивости и чувству человѣческаго достоинства, прежде чѣмъ онъ вздумаетъ овладѣть женщиной».

Къ этому я прибавлю, что для достиженія сказаннаго равноправность женщины съ мужчиною должно поставить какъ категорическое (безусловное) велѣніе, такое велѣніе, которое

исполняется при помощи тепла и сіянья любви и не удается бурнымъ порывамъ и насилію. Да, женщина должна научиться примѣнять къ дѣлу силу любви, эту силу прекрасной и великой идеи. Какъ скоро весь женскій полъ проникнется убѣжденіемъ, что его требованіе равноправности съ мужчиною справедливо, то онъ и получитъ требуемое, потому что идея могущественнѣе всякой внѣшней силы. Быть можетъ, для многихъ сотенъ и тысячъ отдѣльныхъ людей идея и не есть сила, но она остается, она должна оставаться силою для всего человѣчества.

Если только женщина будетъ мужественно и неизмѣнно стоять за свои права, то наступитъ время, когда она встрѣтитъ повсюду со стороны мужчины должное уваженіе; наступитъ время, когда она не будетъ нуждаться въ стараніи *казаться* такою, какою мужчина ее себѣ представляетъ, произвольно разукрашивая ее въ своемъ воображеніи. Напротивъ, она будетъ такою, какою ей предназначила быть природа; во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ она будетъ руководиться тѣмъ прекраснымъ мѣриломъ, которое дается ей чувствомъ своего права.

Тогда едва ли можетъ случиться, чтобы какая-нибудь женщина печально проводила угнетенную, одинокую жизнь; тогда ей будетъ легко, если только она обладаетъ сердечной теплотой, выполнить свое призваніе семьянинки; тогда и та, у которой злая судьба отниметъ мужа, отца или брата, будетъ въ состояніи самостоятельно обезпечить себя; тогда оба пола единодушно, рука объ руку станутъ работать безъ зависти и ревности другъ къ другу, такъ какъ каждый будетъ понимать, что именно со стороны другаго пола и получаетъ онъ возбужденіе и подкрѣпленіе для выполненія своего призванія.

Только тогда женщина пріобрѣтетъ бодрость и веселость — качества, которыя теперь она часто теряетъ въ супружествѣ, и на большинствѣ браковъ будетъ лежать тогда то живительное очарованіе, которое дается вѣрою, любовью и сердечнымъ пониманіемъ другъ друга и которое вліяетъ на дѣтей, улучшая и возвышая ихъ нравственно.

Представленный мною образъ осчастливленнаго освобожденіемъ женщины состоянія человѣческаго общества найдетъ се-

бѣ, конечно, нѣкоторыхъ противниковъ. Такими противниками явятся именно всѣ послѣдователи тѣхъ философовъ, которые видятъ въ мірѣ одно только зло и никакого спасенія, никакого успокоенія (Шопенгауеръ и Гартманъ). Они умѣютъ съ такою точностью изобразить все какъ иллюзію, что вовсе и не замѣчаютъ, что такое ихъ положеніе и есть не болѣе, какъ иллюзія, и что всякое вновь прибавленное къ тому положеніе должно быть ложнымъ умозаключеніемъ, ибо во всѣхъ своихъ логическихъ посылкахъ и выводахъ они забываютъ тотъ важный факторъ, который долженъ бы стать краеугольнымъ камнемъ всѣхъ ихъ выкладокъ, а именно: дарованное всякому живому существу сильное, здоровое *чувство радости бытія*. Чувство это одушевляетъ все живущее, съ чуднымъ всемогуществомъ помогаетъ всѣмъ существамъ переносить большія и малыя непріятности обыденной жизни; оно научаетъ ихъ побѣждать эти непріятности и нѣмѣетъ только отъ какого-нибудь сильнаго горя, поражающаго сердце. Да, всѣ мы поддерживаемся этою радостью бытія!

Велико наслажденіе дышать, ѣсть, пить, спать, трудиться, любить, словомъ—*быть*, коль скоро наши необходимыя потребности—*любовь*, *пища* и *досугъ*—достаточно удовлетворены; и каждый человѣколюбивый мыслитель обязанъ стараться, чтобы это наслажденіе сохранялось для всѣхъ—для мужчинъ, какъ и для женщинъ.

Бранить природу и изъ ея законовъ выводить пессимистическое ученіе — значитъ сантиментальничать. Одному только человѣку дана способность предвидѣнія, которая можетъ возмутить его радость бытія, если для него неизбѣжна борьба за существованіе. Но вмѣстѣ съ такимъ предвидѣніемъ ему дана также и возможность уклониться отъ борьбы. Пусть только онъ станетъ *человѣколюбивъ*: пусть онъ устранитъ всѣ тѣ суровые, жестокіе законы и учрежденія, которые нарушаютъ и уничтожаютъ радость бытія столь многихъ людей; пусть онъ признаетъ своею обязанностью отмѣненіе этихъ законовъ и учрежденій, и тогда онъ перестанетъ называть природу жестокой.

Природа не жестока, она только неумолима въ строгой послѣдовательности своихъ законовъ; человѣкъ самъ бываетъ и суровъ, и жестокъ. Но мы надѣемся, что онъ перестанетъ быть

такимъ. То золотое время небеснаго мира и счастья, которое поэты переносятъ въ давнее прошлое, оно наступитъ для человѣка, коль скоро заповѣдь любви къ ближнему станетъ онъ примѣнять ко всему тому полу, который ждетъ этого примѣненія и такъ нуждается въ немъ, — коль скоро мужчина признаетъ женщину за равноправную съ нимъ сопутницу свою.

(Изъ анонимнаго сочиненія: „Das Recht der Frau").

II.

ПРИРОДА ЖЕНЩИНЪ И ИХЪ ПРАВА.

«Мужчина и женщина обладаютъ различными моральными и умственными способностями, соотвѣтствующими ихъ различной тѣлесной организаціи, на основаніи которой опредѣлилось отношеніе половъ между собой».

Такія и подобныя изреченія удостоиваются чести быть приводимыми какъ непреложныя истины и основные принципы. Изслѣдовать, насколько правдиво вышепомянутое изреченіе и могутъ ли быть уже теперь опредѣлены своеобразность женскаго пола, его характеристическія особенности, на научномъ основаніи—вотъ цѣль предлежащей статьи.

Свободное отъ предразсудковъ изслѣдованіе въ этой области мы можемъ съ успѣхомъ предпринять только тогда, когда оставимъ вовсе безъ вниманія ореолъ древности, окружающій сказанное изреченіе, и когда сбросимъ съ нашихъ представленій окутывающія ихъ одежды преданія. Только когда разумъ освободится отъ всѣхъ поблекшихъ блестокъ ребяческой фантазіи, —можетъ онъ расправить свои крылья, устремляясь на встрѣчу свѣту истины.

Существенныя черты своеобразной природы женщины обязаны своимъ происхожденіемъ общественному и историческому развитію и быту.

Для выясненія нашей задачи поставимъ себѣ слѣдующіе вопросы:

1. Какими свойствами обладаютъ женщины, по мнѣнію большинства людей?

2. Изъ какихъ свойствъ состоитъ или долженъ состоять половой характеръ женщины по приговору мужчины?

3. Почему мужчины требуютъ этихъ именно свойствъ?

4. Какими свойствами *дѣйствительно* обладаютъ женщины, и составляютъ ли эти свойства половой характеръ женщины?

1. Займемся сперва тѣми свойствами, которыми, какъ говорятъ, женщины обладаютъ.

Если мы припомнимъ мнѣнія и изреченія, которыя съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени высказывались и высказываются поэтами и прозаиками, глупцами и мудрецами, людьми тупоголовыми и великими мыслителями,—мы не будемъ въ состояніи воздержаться отъ глубокаго изумленія, отъ удивленія передъ необъятными противорѣчіями, вездѣ нами встрѣчаемыми и приводящими насъ въ замѣшательство. По всѣмъ этимъ словоизверженіямъ, женщина является какимъ-то «попурри», составленнымъ изъ наипротивоположнѣйшихъ свойствъ, какимъ-то калейдоскопомъ, который, смотря по тому, какъ его встряхнуть, представитъ вамъ любой рисунокъ по формѣ и цвѣту. Основное вещество этихъ женскихъ душъ есть, по мнѣнію критикующей толпы, хаотическій туманъ, изъ котораго творческія уста мужчины извлекаютъ излюбленныя имъ свойства, властно произнося: «да будетъ!»

Если бы можно было вести статистическій контроль надъ тѣмъ, сколько разъ, напримѣръ, женщина, съ одной стороны, восхвалялась, какъ нѣжное, цѣломудренное, робкое существо, а съ другой—порицалась, какъ существо сварливое, наглое, погруженное въ чувственность,—то эти противоположныя сужденія, по своей численности, вѣроятно уравновѣсились бы.

Здѣсь говорятъ, что жена низводитъ мужа съ высшей ступени на низшую, а тамъ — что она носится съ поэтическимъ дуновеніемъ вокругъ домашняго очага и супруга. Здѣсь группа людей защищаетъ ту мысль, что женщина создана только для произведенія потомства — взглядъ, изъ котораго слѣдовало бы вывести, что, одаренная крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, женщина представляетъ собою воплощеніе женскаго идеала.

Но противъ этого протестуютъ всѣ господа поэтическаго калибра, которые изображаютъ истинную женщину, какъ эеироподобное существо, сравнивая ее съ лучами луны, эоловой арфой, музыкой, цвѣточной пылью, лепестками лиліи и т. д. Одной сторонѣ кажется, что наилучшее помѣщеніе для сохраненія женственности—пьедесталъ, а другой, что это—кухня и дѣтская. И такъ, каковы женщины и что онѣ такое, господа судьи нашего пола?

Онѣ—сфинксы, ундины, сказочныя, загадочныя таинственныя существа. Онѣ—существа поверхностныя, тривіальныя, доморощенныя. Онѣ—эльфы, феи, ангелы, драконы, фуріи, Ксантиппы, демоны, вампиры. Онѣ робки, кротки, нѣжны; онѣ дерзки, болтливы, сплетницы. Онѣ добродушны, смышлены, просты, наивны; онѣ тонко-разсчетливы, хитры, интригантки. Онѣ цѣломудренны, бережливы, стыдливы, онѣ легкомысленны, страстны, любятъ наряды, роскошь, пышность.

Такой сборникъ противорѣчій можно было бы продолжать чуть не до безконечности.

Какъ возникаютъ мнѣнія о женщинахъ и чѣмъ они обусловливаются, на это указываетъ намъ одинъ французскій писатель, разсказывая слѣдующій анекдотъ: «одинъ изъ моихъ друзей, въ упоеніи перваго цвѣта юности, въ припадкѣ энтузіазма перваго своего любовнаго дебюта, записалъ слѣдующую мысль, недостатокъ которой состоялъ въ томъ, что она не нова: никогда нельзя будетъ сказать о женщинахъ столько хорошаго, сколько онѣ того заслуживаютъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, этотъ оригинальный мыслитель имѣлъ основаніе,—или думалъ, что онъ имѣетъ его — жаловаться на женщинъ. Разгнѣванный, онъ вычеркнулъ одно слово въ своемъ изреченіи, замѣнивъ его другимъ, такъ что оно явилось въ слѣдующей формѣ: никогда нельзя будетъ сказать о женщинахъ столько дурнаго, сколько онѣ того заслуживаютъ!

Гораздо позже, когда душа его пережила всѣ стадіи, неизбѣжныя въ жизни большинства мужчинъ, онъ принялся опять за свои изреченія, и мысль его получила слѣдующее выраженіе: никогда нельзя будетъ сказать о женщинахъ столько хорошаго и столько дурнаго, сколько онѣ того заслуживаютъ!

Мужчины, говоря о свойствахъ женщинъ, всѣ, конечно,

правы, съ своей точки зрѣнія. Совершенно вѣрно, что есть женщины, существующія только для произведенія потомства; есть женщины болтливыя, кроткія, интригантки, кровожадныя, жестокія; есть между женщинами подобныя эоловой арфѣ, ангелы, сфинксы, зеркала добродѣтели и драконы. Наши мужчины-психологи заблуждаются только въ томъ, что они или считаютъ половымъ характеромъ женщины тѣ индивидуальныя свойства той или другой знакомой имъ женщины, на которыя они обратили свое особенное вниманіе, или же, по крайней мѣрѣ, что они переносятъ на весь женскій полъ характеръ отдѣльныхъ типовъ женщинъ. На самомъ дѣлѣ женщины различаются въ своихъ основныхъ чертахъ характера такъ же, какъ и мужчины, смотря по своему положенію въ жизни, званію и воспитанію. Тѣ же особенности, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ спеціальному положенію женщинъ, нисколько не образуютъ женскаго половаго характера.

Если терпѣливая выносливость, пассивность, подчиненность, повиновеніе и тому подобныя свойства характера означаются какъ особенности женщинъ, то начало такой характеристики можетъ быть приписано варварскимъ среднимъ вѣкамъ, когда дѣйствительно для продолженія своего существованія женщина нуждалась въ подобныхъ свойствахъ; во времена господства кулачнаго права непокорной женщинѣ предстояла пріятная перспектива быть утопленной, засѣченной, избитой, заморенной голодомъ въ подземельѣ замка.

Если бы кто нибудь сказалъ мнѣ: «повинуйся, а не то я сломлю тебѣ шею!» о, какъ быстро покорилась бы я! Если жена, даже наиболѣе отважная, возставая противъ мужа, почувствовала на себѣ тяжесть его руки, то ей остается выборъ только между положеніями: мученицы и рабы. Вліяніе общественнаго положенія женщины на образованіе ея характера по большей части игнорируется; образъ ея мышленія, поступковъ и чувствованій приписывается прирожденному половому характеру женщины.

Мы видѣли, какимъ характеромъ обладаютъ женщины, по мнѣнію мужчинъ, т.-е. мы видѣли, что, когда дѣло идетъ о свойствахъ женщины, мужчины представляютъ какъ бы нераспутанный клубокъ мнѣній, полныхъ противорѣчій.

2. Совсѣмъ иначе поступаютъ они, когда говорятъ о тѣхъ свойствахъ, которыя женщины должны имѣть и которыя, по ихъ мнѣнію, наглядно представляютъ желательный женскій типъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ неожиданнымъ согласіемъ мужчинъ всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ, званій и состояній. По приговору мужчинъ, женщина должна быть: кротка, исполнена любви, мягка, уступчива, скромна, воспріимчива, пассивна, цѣломудренна, благонравна, готова къ самопожертвованіямъ, робка, невинна и т. д.

Мужчины, какъ мы видѣли, далеки отъ утвержденія, что женщины дѣйствительно обладаютъ этими свойствами. Дѣйствительность такъ ощутительна, что отрицать ее нельзя, и, въ концѣ концовъ, не могутъ же быть устранены изъ нашего кругозора всѣ энергичныя, пылкія, самостоятельныя, страстныя, умныя женщины. Чтó же побуждаетъ мужчинъ признавать упомянутыя свойства истинными свойствами женщины? Въ основаніи этого признанія лежитъ ближайшимъ образомъ слѣдующая мысль: такъ какъ эти свойства наиболѣе нравятся мужчинамъ въ женщинахъ, поэтому они и хотятъ, чтобы эти свойства были признаны общими свойствами всего женскаго пола.

Нѣтъ мысли ложнѣе этой.

Пусть мужчина оглянется вокругъ себя; пусть взглянетъ онъ собственными глазами на общество. Дѣйствительно ли женщины скромныя, мягкія, уступчивыя, пассивныя, робкія, готовыя къ самопожертвованіямъ, невинныя—всего болѣе овладѣвали и овладѣваютъ теперь сердцами мужчинъ? Нѣтъ, ими овладѣвали и овладѣваютъ кокетливыя, пикантныя, забавныя, страстныя, дерзкія, веселыя, интригантки, идущія мужчинѣ на встрѣчу. Сильнѣйшее орудіе женщины противъ мужчины—это языкъ. Ему уступаетъ даже красота. Когда женщина злословитъ, мужчина находитъ ее пикантной; когда она болтаетъ тривіальности, онъ находитъ ее сердечной; когда она говоритъ глупости, она, по его словамъ, наивна; ея пылкость называетъ онъ темпераментомъ (все это, конечно, видитъ онъ въ ней, пока она молода).

По моему мнѣнію, я даже не много погрѣшу противъ истины, если скажу, что, говоря вообще, женщины тѣмъ болѣе

нравятся мужчинамъ, чѣмъ менѣе онѣ одарены такъ-называемыми женскими свойствами.

Но я отрекусь отъ такого своего мнѣнія и перейду на сторону моихъ противниковъ съ той минуты, когда меня увѣрятъ, что въ нашихъ обществахъ, на нашихъ балахъ и въ семейныхъ кружкахъ мужчины тѣснятся около простыхъ, скромныхъ, сдержанныхъ, пассивныхъ, просто одѣтыхъ, молодыхъ дѣвицъ, въ то время какъ кокетливыя, злословящія, пикантныя, страстныя, элегантныя, дерзкія молодыя дамы, оставленныя мужчинами, стоятъ поодаль. До сихъ поръ я всегда была свидѣтельницей противнаго.

Недостатокъ просвѣщенія и образованности считается вообще одною изъ прелестей женскаго пола. «Когда женщины», говоритъ Богумилъ Гольцъ, «смутятъ въ себѣ божественный инстинктъ посредствомъ литературы, популярнаго естествовѣдѣнія и разныхъ другихъ школьныхъ искусствъ, то настанетъ полное искаженіе исторіи человѣчества».

Представьте же себѣ вы, знаменитый мужъ, что, встрѣтясь съ прекрасною молодою дѣвицей, вы спросили бы ее: «Какъ вамъ понравился мой послѣдній романъ?» А эта дѣвица съ милымъ смущеніемъ взглянула бы на васъ, не зная ничего, рѣшительно ничего, ни о васъ, ни о вашихъ романахъ. Не наградите ли вы такое ея глубокое прелестное невѣжество сострадательнымъ пожатіемъ плечъ или даже презрительнымъ покачиваніемъ головы? Или представьте себя осужденнымъ на смерть преступникомъ. Если бы ваша милая, нѣжная жена имѣла достаточно энергіи, чтобы добиться аудіенціи у монарха, то горькая чаша миновала бы васъ. Но, увы, она—женщина, одержимая той милой слабостью, которая неоспоримо всегда восхвалялась въ ней, какъ ея наибольшая сила и прелесть, и вотъ изъ-за этой-то женской добродѣтели вы должны умереть, можетъ быть, проклиная ее и отрекаясь отъ похвальныхъ гимновъ слабости женщины.

Или представьте себѣ, что вы лежите въ могилѣ, оставивъ на землѣ семерыхъ дѣтей безъ средствъ къ жизни. Положимъ, что вашей вдовѣ предложили мѣсто, обезпечивающее судьбу дѣтей, но ставящее ее самоё въ прямыя соотношенія съ публикой; бывшая же супруга ваша, проникнутая принципомъ

своего женскаго призванія и помня вкусъ своего покойнаго мужа, предпочла бы пребываніе въ женской сферѣ съ семью голодными дѣтьми выходу изъ этой сферы съ семью сытыми дѣтьми! Если бы вы узнали, что это происходитъ здѣсь, на землѣ, развѣ вы не перевернулись бы въ гробу отъ гнѣва на такое дорого стóящее сохраненіе нѣжнаго женскаго достоинства со стороны вашей вдовы?

Мужество и смѣлость восхвáляются какъ специфическія свойства мужчинъ; боязливость причисляется къ аттрибутамъ женственности. При строгой послѣдовательности отсюда вытекаетъ, что боязливыя женщины нравятся мужчинамъ больше смѣлыхъ. Правда ли это?

Свойства, считаемыя вообще человѣческими слабостями, каковы боязливость, недостатокъ энергической дѣятельности и силы мышленія и т. д., никогда не могутъ оказаться преимуществами по отношенію къ женскому полу.

Сдержанная, скромная, робкая и простая женщина должна быть въ состояніи положить на вѣсы много красоты или денегъ, чтобы нейтрализировать свои женскія добродѣтеля и побудить мужчину предложить ей руку и сердце.

Скромная, домовитая, пассивная, непритязательная дѣвушка уже потому не очень нравится мужчинамъ, что она не льститъ ихъ тщеславію, а тщеславіе и честолюбіе у мужчинъ суть главные двигатели любви. Какое торжество для мужчины завоевать женщину, которой всѣ удивляются и къ которой всѣ чувствуютъ вожделѣніе! На скромныя фіалки, невинныя маргаритки, милыя незабудки — мало спроса на житейскомъ базарѣ, потому что мужчинѣ не нравится жить и любить безславно. Не одна бѣдная молодая женщина принуждаетъ себя кокетничать, чтобы поколебать равнодушіе своего мужа. Кокетка всегда можетъ быть увѣрена въ томъ, что она привлечетъ къ себѣ много поклонниковъ, а одобреніе, встрѣчаемое женщиною и удивленіе, возбуждаемое ею, служатъ мужу мѣриломъ ея достоинства.

«La femme», говоритъ одна весьма опытная француженка, «se perd par la sensibilité; elle se sauve par la coquetterie!»

Я знала мужчину, любившаго безобразную женщину, но онъ окружалъ эту любовь глубочайшей тайной, потому что ему

казалось, будто разоблаченіе этой склонности сдѣлаетъ его смѣшнымъ.

Чего же вообще хотятъ мужчины отъ женщинъ? Съ какими притязаніями подходятъ они къ нимъ въ обществѣ?

Очевидно, для того, чтобы наслаждаться взаимной склонностью другъ къ другу, или же чтобы позабавиться съ ними.

Такія притязанія мужчинъ къ женщинамъ не обѣщаютъ быть удовлетворенными со стороны той части женскаго пола, которая одарена такъ-называемыми женскими свойствами. Простая, скромная, домовитая, сдержанная женщина рѣдко бываетъ интересна. При нынѣшнемъ общественномъ положеніи женщины или вовсе нѣтъ рѣчи о серьезномъ обмѣнѣ мысли, объ общихъ интересахъ въ искусствахъ и художествахъ, въ наукахъ и литературѣ, объ общей работѣ обоихъ половъ въ какой либо интеллектуальной или матеріальной области, или же это встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ. Соотвѣтственно такому порядку вещей, мнѣ приходилось слышать слѣдующія сужденія: женщины, перешедшія границу молодости и красоты, собственно говоря, не принадлежатъ уже къ обществу, развѣ только въ качествѣ стражей своихъ дочерей или въ качествѣ хозяекъ.

Такой взглядъ на женщинъ вполнѣ мужской и весьма распространенъ, хотя иногда и случается, что высокое званіе, огромное богатство или пикантное злословіе возбуждаютъ въ мужчинахъ особое вниманіе и къ женщинамъ, перешедшимъ за означенныя границы.

Этотъ взглядъ находитъ себѣ самое послѣдовательное выраженіе въ слѣдующемъ изреченіи Шопенгауэра: «Старуха—это отвратительная мерзость». Этотъ циничный афоризмъ въ лицѣ женщины топчетъ ногами человѣка вообще и чтитъ въ женщинѣ ея полъ лишь до тѣхъ поръ, пока мужчина ожидаетъ себѣ отъ нея наслажденіе или выгоду.

3. Если же мужчины не привлекаются такими свойствами, которыя они восхваляютъ, какъ собственно-женскія свойства, то почему же они утверждаютъ, что женщины должны обладать именно такими свойствами, и почему они называютъ эти свойства ихъ половымъ характеромъ?

Много причинъ можетъ быть приведено въ пользу такого взгляда. Обратимъ особенное вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ.

a) Первая изъ нихъ—уваженіе къ воззрѣніямъ на упомянутыя женскія свойства, импонирущее большинству людей своей древностью.

И однако же, развѣ не повторялось цѣлыя тысячелѣтія о солнцѣ и звѣздахъ много такого, что̀ впослѣдствіи оказалось заблужденіемъ? Развѣ не прошло много тысячелѣтій, прежде чѣмъ стали сомнѣваться въ естественной необходимости рабства? Почему же догма о свойствахъ женщины, которыя до сихъ поръ считались прямо отъ Бога полученными женскими аттрибутами, не можетъ основываться на незнаніи природы, тѣмъ болѣе, что разумъ и наши собственныя воспріятія не согласуются съ этою догмою?

Почитаніе древности, частью поэтическое, частью невѣжественное, кажется неискоренимымъ. Жизнь по традиціи, восхваленіе фразы, возводимой обычаемъ на всемірный тронъ, есть проклятіе человѣчества. Это служеніе слову усыпляетъ человѣческій разумъ до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ власти надъ легковѣріемъ, лѣнью и тупостью, пока онъ не перестанетъ различать мертвыя слова отъ живыхъ мыслей, и пока болтунъ-паяцъ не получитъ въ его глазахъ равнаго или еще бо̀льшаго значенія, чѣмъ истинный мыслитель.

Пріобрѣтенныя ложныя представленія, предразсудки, пережившіе столѣтія или даже тысячелѣтія, какъ бы окаменѣваютъ, и тогда люди ставятъ ихъ наравнѣ съ законами, начертанными на скрижаляхъ самимъ Богомъ. И однако же эти, повидимому, неизгладимыя писанія суть не болѣе какъ поэтическіе вымыслы изъ временъ дѣтскаго состоянія народовъ.

Эти писанія исчезаютъ отъ дуновенія смѣлаго слова, они превращаются въ прахъ предъ мерцаніемъ истинной мысли.

Никогда не должны мы вѣрить въ законность того, что̀ можетъ обратиться въ средство къ притѣсненію. А между тѣмъ вѣрою въ упомянутыя женскія стойства именно и предлагается такое средство.

Кто лишенъ силы мышленія, дѣятельности и до извѣстной степени воли, кто, по Божьему предопредѣленію, созданъ не самостоятельнымъ существомъ, тотъ нуждается въ пожизнен-

номъ постороннемъ руководствѣ и попеченіи надъ собою. Такое послѣдствіе ясно и просто.

б) Мужчины, установляя упомянутую женскую характеристику, думаютъ не о женщинахъ вообще, а только объ одной женщинѣ, о своей будущей женѣ, для домашней подчиненности которой упомянутыя свойства представляютъ наивѣрнѣйшее обезпеченіе.

Странно, въ самомъ дѣлѣ, это желаніе мужчины, чтобы единичный женскій экземпляръ, съ которымъ судьба сводитъ его путемъ бракосочетанія, былъ совершенно инаго качества, чѣмъ остальныя женщины. Впрочемъ, побужденія такой непослѣдовательности отгадать не трудно: они на-лицо.

Рефлексія, разумъ или, скажемъ проще и правильнѣе, эгоизмъ—говорятъ мужчинѣ: «жена, живущая у твоего очага, не должна быть черезъ-чуръ умна; надъ разумомъ должно у нея господствовать чувство (сердце); она должна быть пассивна, воспріимчива, наивна. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ей быть умнѣе тебя». (Къ счастью, Провидѣніе устроило такъ, что мужья рѣдко замѣчаютъ умственное превосходство надъ собою своихъ женъ, если таковое въ самомъ дѣлѣ имѣется, а то было бы еще больше несчастныхъ супружествъ). Всякій мужъ содрогается при мысли, что его жена можетъ быть умнѣе его. Такое положеніе кажется ему смѣшнымъ, и при этомъ онъ видитъ себя въ образѣ невинной жертвы ненормальности искаженной природы.

Хотя ему очень хотѣлось бы имѣть умныхъ сыновей, но, какъ отецъ, онъ разсуждаетъ такъ: сыновья, конечно, унаслѣдуютъ мое умственное превосходство, а дочери—тихій нравъ матери. Но природа не позволяетъ давать себѣ уроки, и сынъ умнѣйшаго отца часто наслѣдуетъ свойство, которымъ отецъ столь дорожилъ въ матери—глупость.

«Идеальная жена», говоритъ мужъ, «по моему та, которая любитъ меня, какъ Карла Шульца, Вильгельма Миллера и т. д., не отдавая себѣ отчета о причинахъ такого обожанія». Онъ отлично понимаетъ, что обожаніе продолжается до тѣхъ поръ, пока въ душѣ женщины не проснулась критическая жилка, пока ни одно волоконце ея мозга не заразилось духомъ скептицизма. «Жена, полновластная надъ своими мыслями», шеп-

четъ мужу его внутренній голосъ, «могла бы когда-нибудь разгадать, что твой необъятный умъ не болѣе, какъ пустой схематизмъ и дешевая ученость, что твоя литературная слава есть плодъ рекламы, и что твоя мужественная энергія, твоя твердость, какъ государственнаго дѣятеля, легко превращаются въ подобострастное низкопоклонство передъ нахмуреннымъ челомъ министра».

Только скудный умъ женщины принимаетъ шлифованное стекло за алмазъ, томпакъ за настоящую монету. А потому да здравствуютъ простыя, наивныя и блаженныя сердцемъ женщины, и да погибнутъ женщины, любящія все критиковать!

Въ своей естественной исторіи женщинъ (Naturgeschichte der Frauen) Богумилъ Гольцъ сознается съ полной наивностью: «писательницы несносны уже потому, что у нихъ слишкомъ много чувства собственнаго достоинства, и что онѣ насквозь видятъ слабости мужчинъ». Да будетъ жена уступчива, податлива, дабы ея супружеское повиновеніе, на которое она осуждена, не встрѣчало себѣ препятствій, и дабы авторитету мужа не былъ нанесенъ ущербъ.

Да будетъ жена скромна, проста и непритязательна, дабы она охотно довольствовалась тою участью, которую мужъ готовитъ ей, и дабы она не предавалась непомѣрной страсти къ роскошнымъ нарядамъ, экипажамъ, къ театральнымъ зрѣлищамъ, лошадямъ и т.-д., или дабы ей не пришла въ голову нелѣпая мысль потребовать отъ мужа на свои «menus plaisirs» часть своего имущества, не смотря на то, что право распоряжаться имъ принадлежитъ только мужу! Да будетъ жена домовитой хозяйкой, т.-е. пусть она употребитъ всѣ свои способности на труды для мужа и дѣтей, на работы по кухнѣ и столовой!

Такъ какъ мужчины изъ домовитости, скромности и простоты всѣхъ женщинъ, не имѣющихъ счастья быть ихъ женами, не извлекаютъ себѣ никакой выгоды, а, напротивъ, рискуютъ умереть отъ скуки въ обществѣ женщинъ, обладающихъ такими свойствами, то они позволяютъ себѣ внѣ супружеской жизни предпочитать имъ всѣхъ женщинъ, отличающихся недостаткомъ помянутыхъ свойствъ. Женщина должна быть робкою и сдержанною. Турчанка должна ходить подъ покрываломъ, чтобы

никто, кромѣ мужа, не могъ увидѣть ея лица. Образованный европеецъ требуетъ, чтобы женщина скрывала, по крайней мѣрѣ, свою душу, и чтобы эта душа оставалась какъ бы terra incognita для глазъ всѣхъ мужчинъ, за исключеніемъ только ея мужа. Жена должна быть робкой и сдержанной и потому еще, что эти качества служатъ щитомъ ея добродѣтели; мужчины, по опыту, знаютъ, что въ своихъ завлекательныхъ походахъ противъ женщинъ они охотно щадятъ добродѣтель тѣхъ цвѣточковъ, которые тихо расцвѣтаютъ въ кухняхъ, столовыхъ и дѣтскихъ.

Если бы какая-нибудь г-жа Шульцъ или Миллеръ обладала всѣми женскими свойствами, которыя восхваляются мужчинами, какъ вожделѣнныя, какъ существенныя условія счастливаго супружества, то спрашивается: сохранитъ ли вслѣдствіе того г-жа Шульцъ или Миллеръ вѣрность и любовь своего супруга? Едва ли.

Напротивъ, мужчина, вообще, въ силу своего вкуса и своей чувственной натуры, будетъ въ состояніи дойти до наибольшей степени любви и вѣрности скорѣе къ капризному дитяти свѣта, къ кокетливой, веселой, салонной дамѣ, къ смѣлой амазонкѣ, нежели къ тихой, добродушной, скромной женѣ.

Впрочемъ, можно было бы признать, что въ основѣ желанія мужа обладать въ своей женѣ солиднымъ совокупленіемъ прославляемыхъ женскихъ свойствъ, лежитъ нѣкоторая доля смиренія, признанія своей слабой и грѣховной натуры. Такой мужъ предчувствуетъ, что во время своей супружеской жизни онъ провинится въ какой-нибудь эксцентричности. Вѣдь соблазнъ бываетъ столь великъ для мужчины, и когда онъ пожелаетъ попасть въ сѣти Цирцеи, то аргусовы очи умной, энергичной жены отнюдь не должны мѣшать ему. Жена, одаренная сильною волею, энергіею и остроуміемъ, должна представляться ему какъ вторая совѣсть. Онъ хочетъ имѣть въ ней именно жену, а не судью. Можетъ настать день и часъ, когда всѣ станутъ обвинять и осуждать его; тогда онъ захочетъ пользоваться авторитетомъ, по крайней мѣрѣ, какъ супругъ. Когда всякій станетъ причислять его къ категоріи людей слабыхъ, безхарактерныхъ, онъ захочетъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ представ-

ленія жены своей онъ продолжалъ жить какъ нѣкій герой, какъ сильный характеръ.

Глупые мужчины! Они не знаютъ, что, вообще говоря, женщина съ ограниченнымъ умомъ и мелкой душой съ трудомъ прощаетъ даже незначительные проступки мужа, и что прощеніе и забвеніе суть аттрибуты высокой интеллигенціи и сильной души.

Можетъ быть, есть связь между желаніемъ мужей имѣть покорныхъ, кроткихъ женъ, съ одной стороны, и ихъ любовью къ свободѣ—съ другой. И эта черта мнѣ вполнѣ понятна. Мужья любятъ въ этихъ тихихъ женскихъ душахъ свою свободу. Только сильный характеромъ, великодушный мужъ охотно будетъ терпѣть при себѣ равноправную съ нимъ жену. Большинство мужчинъ имѣютъ полное основаніе экономно обходиться съ малой дозой принадлежащихъ имъ чувствъ человѣческаго достоинства и свободы: здѣсь урветъ у нихъ кое-что общество, тамъ — семья; здѣсь разставляютъ сѣти противъ ихъ внутренней и внѣшней самостоятельности финансовыя обстоятельства, а тамъ — принятіе во вниманіе будущей карьеры; и такимъ образомъ можетъ случиться, что мужчина не захочетъ и слышать о равноправности съ нимъ женщины, опасаясь умаленія своего верховенства, какъ человѣка.

в) Мужчины думаютъ, что тѣми свойствами, въ которыхъ они отказываютъ женщинамъ, они обладаютъ сами.

Если мужчина говоритъ: «у женщины нѣтъ логики», въ то же время онъ спрашиваетъ: «у кого же она есть?» и отвѣчаетъ: «натурально, у меня!»—«У нея нѣтъ оригинальной силы мышленія, слѣдовательно у меня она въ изобиліи».—«Какъ хорошо», думаетъ мужчина, «что Богъ создалъ женщину столь непохожею на меня;—иначе никто не замѣтилъ бы, какъ я продуктивенъ, оригиналенъ и силенъ въ логическомъ мышленіи».

Вѣрно то, что мужчинамъ противны тѣ женщины, которыя страдаютъ величіемъ ума и характера. Они считаютъ это величіе плагіатомъ въ отношеніи къ себѣ.

Мужчины охотно оставляютъ за женщинами всѣ тѣ добродѣтели, отъ которыхъ сами они не ожидаютъ себѣ выгодъ — кротость, пассивность, робость, боязливость, цѣломудріе, наив-

ность и т.-д.; всѣ же свойства, способствующія ихъ собственному преуспѣянію въ жизни, они сохраняютъ за собой.

Мужчины смотрятъ на себя какъ на актеровъ, стоящихъ на житейской сценѣ, а на Бога — какъ на директора, ангажировавшаго ихъ на роли героевъ, на дѣла сильныя, на все демоническое, могучее и крѣпкое духомъ; на долю же женщинъ достались роли наивныя и сантиментальныя. И вотъ эти женщины хотятъ нарушить контракты, хотятъ отнять у мужчинъ часть ихъ ролей и урѣзать ихъ жалованье.

Освистите же этихъ дуръ и прогоните ихъ долой со сцены!

4. Какими свойствами дѣйствительно обладаютъ женщины, и составляютъ ли эти свойства ихъ половой характеръ?

Очевидно, что женщины обладаютъ тѣми свойствами, которыя являются необходимымъ послѣдствіемъ общественнаго положенія женщины, ихъ образа жизни, ихъ воспитанія, всѣми тѣми свойствами, которыя служатъ естественной защитой слабаго.

Каково же общественное положеніе женщины? Безусловная, всю жизнь продолжающаяся зависимость.

Какія же свойства порождаются обыкновенно безусловной зависимостью?

Лицемѣріе, хитрость, притворство, лживость, склонность къ интригамъ, недостатокъ энергіи.

Многія изъ этихъ свойствъ служатъ тому, кто живетъ въ рабской зависимости, тѣмъ же, чѣмъ служатъ рога для буйвола, жало для пчелы, т.-е. необходимыми средствами къ устроенію для себя сносной жизни.

То хроническое лицемѣріе, та лживость, на которыя осуждена женщина своимъ общественнымъ положеніемъ, возводятся обыкновенно поэтами къ признанію въ женщинѣ какой-то натуры сфинкса.

Нѣтъ, женщина не сфинксъ и не іероглифъ, не мистерія, не хамелеонъ, какъ ее также называютъ: она только лжетъ и лицемѣритъ, и лжетъ она только потому, что должна лгать. Можно выразиться повѣжливѣе и сказать: женщина только примѣняется къ обстоятельствамъ.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ безусловной зависимости и вос-

питанія женщинъ будетъ: у натуръ безхарактерныхъ—пассивность, склонность къ dolce far niente, ослабленіе умственной дѣятельности, а у сангвиническихъ натуръ—склонность къ интригамъ и любовнымъ приключеніямъ и къ легкомыслію.

Гдѣ умъ и фантазія не находятъ себѣ достаточнаго простора, а ихъ благороднѣйшія силы — приложенія, тамъ онѣ постепенно унижаютъ эти силы и берутъ себѣ въ услуженіе безуміе, чувственность и злость.

Кромѣ того, женщины стараются пріобрѣсти себѣ именно тѣ свойства, какія нравятся мужчинамъ, потому что онѣ зависятъ отъ мужчинъ; за нихъ должны онѣ выходить замужъ, чтобы исполнить свое жизненное призваніе. Мужчины думаютъ, что если открыть женщинамъ еще и другія призванія, то онѣ утратятъ женскія свойства; онѣ перестанутъ быть женщинами. Но, тѣмъ самымъ, не соглашаются ли мужчины, если не обманываетъ меня моя логика, что помянутыя женскія свойства никакъ не суть прирожденные половые аттрибуты женщинъ, а суть только своеобразныя качества, обусловленныя ихъ образомъ жизни и положеніемъ?

Въ лондонской «Pall-Mall Gazette» отъ 4-го марта 1874 г., по поводу права подачи голоса женщинами, замѣчено слѣдующее: «сдѣлайте изъ женщинъ политиковъ, и онѣ станутъ страстными и буйными».

Конечно, можно подавить развитіе способностей недостаткомъ надлежащей дѣятельности; но возможно ли, чтобы натура человѣка превратилась въ свою противоположность, вслѣдствіе предоставленія свободнаго простора ея силамъ?

Свободнымъ просторомъ для развитія своихъ силъ пользуется, напримѣръ, рыба. Неужели она захочетъ поэтому подняться на воздухъ? Да она не могла бы сдѣлать это, еслибы и захотѣла.

Свободна и птица въ воздушномъ пространствѣ; однако же едва ли овладѣетъ ею желаніе полѣзть въ воду.

Какъ птица не полѣзетъ добровольно въ клѣтку, которая не есть ея природная сфера, такъ и женщина не промѣняетъ своей клѣтки—четырехъ стѣнъ своего жилища—на міръ, если жизнь въ домѣ, въ семьѣ, назначена для нея природою. Никакое органическое существо, а слѣдовательно и никакая женщина

не будетъ въ состояніи жить долго въ сферѣ противной ея натурѣ.

Должны ли женщины быть такими, каковы онѣ есть въ дѣйствительности, или же онѣ могутъ быть совершенно иными? Конечно, онѣ могутъ! Вліяніе воспитанія и положенія въ жизни имѣетъ неизмѣримую важность по отношенію ко всякому индивиду, равно какъ и къ цѣлымъ общественнымъ группамъ людей. Чего не можетъ сдѣлать человѣкъ изъ другаго человѣка, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ!

Какъ энергія, трудолюбіе, честолюбіе, грубость и страсть къ наслажденіямъ суть результаты воспитанія мужчинъ, такъ точно сантиментальность, боязливость, недостатокъ мыслительной и тѣлесной силы — результаты положенія и воспитанія женщинъ.

Человѣческая душа есть поле, въ которомъ должно полоть сорныя травы и сѣять сѣмена хорошія, чтобы получить хорошіе же плоды. Женщины поверхностны и тривіальны не по натурѣ своей: воспитаніе налагаетъ на нихъ это пятно, устраняя ихъ отъ такихъ занятій, отъ такого ученія и такихъ областей дѣятельности, на почвѣ которыхъ развивается самостоятельное мышленіе. Если онѣ предпочитаютъ предразсудки разуму, то это происходитъ вслѣдствіе ихъ воспитанія. Женщина мелочна, потому что исключительное направленіе домашнихъ занятій размѣниваетъ ея характеръ на мелочи. Идеальность будетъ, по большей части, чужда ея существу, потому что идеальное направленіе ума расцвѣтаетъ только въ энергической борьбѣ за достиженіе высшихъ цѣлей или въ чистомъ стремленіи къ знанію, а то и другое ей запрещается!

Чтò вы браните дѣвушекъ, которыхъ ничто не радуетъ, не веселитъ, кромѣ баловъ, празднествъ, нарядовъ и театровъ? Не правы ли онѣ? Не представляютъ ли, въ самомъ дѣлѣ, танцы, театръ и вопросы о туалетѣ все-таки болѣе возбужденія для ума, сердца и фантазіи, нежели брянчаніе на фортепіано, вытираніе пыли съ мебели, вышиваніе по канвѣ, разливанье чая и надзоръ за ключами?

Чтò качаете вы головой при видѣ изливающихъ на все свою злобу хмурыхъ, старыхъ дѣвъ, строящихъ козни? Какъ вздумалось вамъ ожидать отъ нихъ сердечныхъ порывовъ,

нѣжнаго доброжелательства и улыбающихся физіономій для того общества, которое осуждаетъ ихъ на безплодное бѣдствіе, на смерть въ жизни!

Вы съ состраданіемъ пожимаете плечами, глядя на тѣхъ слишкомъ чувствительныхъ матерей, которыя цѣлыми годами сокрушаются о смерти своего ребенка. Чтò же имъ остается дѣлать? Воспитаніе не научило ихъ дисциплинѣ мыслей и чувствованій, а общество удерживаетъ ихъ отъ тѣхъ видовъ дѣятельности, которые могутъ излечить больное сердце и возстановить его силы.

Въ заключеніе повторяю то же, что я сказала въ началѣ этой статьи: я вѣрю въ душевныя различія мужчины и женщины. Но установленіе, т.-е. научное обоснованіе этихъ различій, превышаетъ силу пониманія нашего вѣка, и кто не обладаетъ искусствомъ чародѣя, тотъ никогда не проникнетъ въ глубокіе тайники человѣческаго сердца, прежде нежели наука, опытъ и болѣе просвѣщенный умъ не откроютъ ихъ.

Впрочемъ, каковы бы ни были душевныя различія мужчинъ и женщинъ, они не могутъ и не должны служить препятствіями женщинамъ стремиться къ высочайшему самоусовершенствованію. Самоусовершенствованіемъ же называется безпредѣльное расширеніе знанія и умственной дѣятельности, а до извѣстной степени также расширеніе и тѣлесной дѣятельности. Кто же хочетъ поставить предѣлъ такому совершенствованію, тотъ является носителемъ принципа зла, тотъ представляетъ собою элементъ, непріязненный общественной цивилизаціи.

Это внутреннее стремленіе женщины къ развитію своихъ силъ есть не искаженіе ея натуры, а пламенное желаніе возстановить послѣднюю.

Мы все ищемъ идеала женщины и стараемся усовершенствовать ея дрессировку во враждебномъ прогрессу направленіи. Идеальность же не имѣетъ никакого дѣла съ такою нравственной дисциплиной, а идетъ рука объ руку съ натурою. Въ этомъ-то и состоитъ борьба, совершающаяся въ душѣ женщины—борьба между натурою и дрессировкою. Кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы?

Не дрессировка, такъ какъ она есть дѣло вымершихъ поколѣній.

Но въ будущемъ, быть можетъ далекомъ, когда не будетъ полагаемо никакого предѣла свободному развитію женщины, расцвѣтетъ полъ, величія котораго мы теперь и не подозрѣваемъ, исполненный красоты и граціи, силы и интеллигенціи, потому что, въ концѣ концовъ, побѣда всегда остается за природою, такъ какъ природа находится въ ненарушимомъ единеніи съ истиною.

Изъ сочиненія Hedwig Dohm: „Der Frauen Natur und Recht“.

III.

МИССІЯ НАШЕГО ВѢКА.—ЭТЮДЫ ПО ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ.

1.

Введеніе.

Увѣренность въ томъ, что любовь и состраданіе къ человѣчеству, а также и стремленіе къ усовершенствованію своего быта—эти принадлежности великихъ душъ присущи также и народамъ нашего времени—эта увѣренность развила и укрѣпила во мнѣ рѣшимость обратиться къ обществу съ просьбой или требованіемъ—называйте какъ хотите — и представить въ моемъ этюдѣ необходимость исполненія ихъ.

Просьба эта—уравненіе правъ обоихъ половъ.

Я взываю къ состраданію, потому что относительно угнетенія слабой половины рода человѣческаго сердце каждаго справедливаго человѣка должно содрогаться отъ боли и гнѣва и исполняться желаніемъ освобожденія женщины. Я взываю къ стремленію развиваться духовно и свободно, потому что нѣтъ истиннаго прогресса въ томъ обществѣ, гдѣ процвѣтаетъ деспотизмъ мужскаго пола надъ женскимъ.

Женскій вопросъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашего времени, и я не первая обращаюсь къ разуму и чув-

ству справедливости съ этой просьбой, въ немногихъ словахъ выражающей такъ много. Писатели болѣе умѣлые и талантливые, чѣмъ я, сражались за права женщины со всей горячностью чувства и остроуміемъ, а мы стоимъ еще только въ началѣ движенія.

Къ оглашенію результатовъ соображеній *за* и *противъ* женской эмансипаціи меня побудили, съ одной стороны, увѣренность въ томъ, что выгоды, приносимыя проведеніемъ женской эмансипаціи, еще никогда не были освѣщены надлежащимъ образомъ, а возраженія ея противниковъ ни однимъ изъ защитниковъ не были приняты во вниманіе и опровергнуты; съ другой стороны—наблюденія, убѣдившія меня, что главная причина медленнаго успѣха стремленій женскаго пола заключается въ разрозненности и единичности этихъ стремленій и въ недостаткѣ главнаго фактора успѣшнаго развитія сосредоточенія ихъ силъ.

Посмотримъ, кто такіе эти противники женскихъ правъ?

Одинъ лагерь состоитъ изъ тѣхъ сумасбродныхъ идеалистовъ, которые нашимъ разумнымъ основаніямъ могутъ противопоставить только всевозможный средневѣковый вздоръ о достоинствѣ женщины, котораго она будто бы лишится, лишь только выступитъ конкуррентк ой мужчины на поприщѣ общественной дѣятельности. Этимъ господамъ я отвѣчу слѣдующее: если дѣйствительно противно назначенію женщины, чтобы она своею дѣятельностью устроила себѣ честное существованіе, то пусть эти рьяные апостолы женскаго достоинства дадутъ изъ своего кармана деньги на учрежденіе стипендіи, предназначаемой на покрытіе расходовъ всѣхъ несостоятельныхъ незамужнихъ и овдовѣвшихъ женщинъ, а также и тѣхъ женъ, мужья которыхъ имѣютъ недостаточный заработокъ.

Но пока эти господа не снизойдутъ до учрежденія такой стипендіи, до тѣхъ поръ они не должны препятствовать женщинѣ, если она хочетъ собственными силами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.

Другой корпусъ этой враждебной женщинамъ арміи наполняется тѣми «благородно-мыслящими» мужчинами, которые боятся, что лишь только женщина станетъ способной и управомоченной къ тому, чтобы самостоятельно пріобрѣтать себѣ жиз-

ненныя средства и не будетъ принуждена ѣсть хлѣбъ, даваемый ей изъ милости ея властелиномъ-мужемъ, то она уже не будетъ болѣе съ такою трогательною преданностью чинить его бѣлье и заказывать ему обѣдъ.

Этимъ господамъ я возражу словами извѣстной поборницы женской эмансипаціи, Гедвиги Домъ: «Мужчины, кажется, думаютъ, что само Провидѣніе предназначило женщинъ къ роли кухарокъ для того, чтобы они, господа міра сего, могли хорошо кушать».

Мужчинъ этого рода мы никогда не будемъ въ состояніи обратить на путь истинный. Они слишкомъ себялюбивы и безсердечны, чтобы поставить женщину рядомъ съ собой, какъ равноправное существо; они привыкли видѣть въ ней лишь безправнаго медіума для удовлетворенія ихъ потребностей. А первые? Я надѣюсь обратить ихъ.

Когда опытъ покажетъ, что, пользуясь человѣческими правами и свободно развивая всѣ свои способности, женщина ничего не утратитъ изъ своего нравственнаго достоинства, но, напротивъ того, ея сердечныя и умственныя способности расцвѣтутъ чуднымъ цвѣтомъ; тогда исчезнутъ и тѣ предразсудки, по которымъ идеальное пониманіе жизни, утонченное душевное настроеніе, приписываемыя женщинѣ, необходимо должны быть утрачены ею «въ базарѣ житейской суеты». Съ мужествомъ воодушевляющимъ того, кто является представителемъ благороднаго дѣла, выпускаю я въ свѣтъ эти листки, въ надеждѣ, даже съ убѣжденіемъ, что наше столѣтіе разрѣшитъ поставленную ему задачу: уравненіе правъ обоихъ половъ, и что этимъ оправдается утѣшительное изреченіе: «La raison finira toujours par avoir raison» (разумное станетъ въ концѣ концовъ дѣйствительнымъ).

2.

Женское воспитаніе до настоящаго времени.

«Ничто не находится въ такомъ пренебреженіи, какъ воспитаніе дѣвушекъ».

Таковы слова, которыми Фенелонъ начинаетъ свою книгу о воспитаніи женщинъ. А я прибавлю къ этому: съ одной сто-

роны, мы видимъ здѣсь пренебреженіе, съ другой—извращеніе и уродованіе.

Въ самомъ дѣлѣ, кто составилъ себѣ объ этомъ убѣжденіе и имѣетъ достаточно смѣлости и искренности, чтобы высказать это убѣжденіе безъ обиняковъ, тотъ долженъ признать, что нынѣшнее женское воспитаніе не только пренебрегаетъ умственнымъ образованіемъ и оставляетъ невоздѣланною плодородную почву интеллектуальныхъ дарованій, но даже насильственно подавляетъ многія способности и даетъ развивающейся индивидуальности то одностороннее, превратное направленіе, въ которомъ признаютъ тѣмъ бóльшую женственность, чѣмъ оно превратнѣе и одностороннѣе.

Утверждаютъ, что при воспитаніи женщинъ имѣютъ въ виду приготовленіе ихъ къ ихъ будущему призванію, къ супружеской жизни. Но это не вѣрно. Я вовсе не говорю о томъ воспитаніи, которое выпадаетъ на долю дѣвушекъ въ большинствѣ институтовъ и монастырей, гдѣ изъ нихъ формируютъ все, что хотите, кромѣ разумнаго, приносящаго пользу существа. Но если даже дѣвушки выростаютъ въ кругу своей семьи, то будь ихъ такъ-называемое умственное образованіе болѣе или менѣе тщательно—онѣ все же не получаютъ ни малѣйшаго понятія о тѣхъ обязанностяхъ, которыя имъ придется исполнять, когда онѣ станутъ супругами и матерями.

Основа, на которой покоится система нашего женскаго воспитанія, слагается изъ двухъ громадныхъ заблужденій.

Эти заблужденія суть:

1) При воспитаніи дѣвушки стремятся достигнуть лишь одной цѣли—выдать ее замужъ. Возможность безбрачія обыкновенно упускается изъ виду, и поэтому дѣвушку не подготовляютъ къ самостоятельному прокладыванію себѣ жизненнаго пути.

2) Воспитаніемъ своимъ женщина вовсе не подготовляется даже къ тому призванію, которое считается ей именно свойственнымъ, т.-е. къ супружеской жизни.

Такъ какъ оба эти недостатка лежатъ въ основѣ женскаго воспитанія, то насъ по истинѣ не должно удивлять, что женскій полъ вообще такъ мало приноситъ пользы обществу.

Въ семействѣ женщины не отвѣчаютъ своему назначенію,

а внѣ его онѣ ничего не дѣлаютъ для общества. Въ первомъ случаѣ этому препятствуетъ воспитаніе женщинъ, въ послѣднемъ же—какъ воспитаніе, такъ и соціальное положеніе ихъ.

Если мы бросимъ хотя бѣглый взглядъ на воспитаніе, которое до сихъ поръ выпадаетъ на долю нашихъ женщинъ, то мы должны будемъ признать справедливость моего утвержденія.

Въ низшихъ сословіяхъ дѣвушка съ ранняго дѣтства употребляется на самыя тяжелыя работы. Ея жребій,—въ случаѣ если родителямъ не удастся навязать ее мужу, по большей части грубому, безсердечному человѣку,—составляетъ тяжкое служеніе въ продолженіе всей жизни; а въ старости, когда труды и лишенія надломятъ ея силы и истощатъ здоровье, ей достаются на долю горькая нужда и хилость.

Въ среднемъ сословіи, за рѣдкими исключеніями, дѣло стоитъ немногимъ лучше. Здѣсь также дочери не получаютъ никакого образованія, кромѣ необходимѣйшаго элементарнаго обученія. Она помогаетъ матери въ исполненіи домашнихъ дѣлъ—и только.

Если же умираетъ отецъ, кормившій семью; если не остается имущества, которое покрывало бы жизненные расходы семьи; если не найдется жениха,—чтó станется тогда съ бѣдной дѣвушкой? Объ этомъ никто не думаетъ, объ этомъ никто не печалится. Вѣдь должна же дѣвушка выйти замужъ: бракъ — ея жизненное назначеніе. Съ цѣлью какъ можно скорѣе пристроить дѣвушекъ, въ нихъ развиваютъ тѣ свойства, которыя привлекаютъ къ нимъ мужчинъ, которыя должны служить на пользу или удовольствіе ихъ будущихъ властелиновъ или обладателей, между тѣмъ какъ тѣ дарованія, которыя способствуютъ ихъ собственному счастью, придавливаются и искореняются всѣми средствами, имѣющимися во власти воспитанія. Женщину пріучаютъ быть хорошей хозяйкой для того, чтобы мужъ ея жилъ въ довольствѣ; отъ нея требуется, чтобы она заботилась о своей тѣлесной красотѣ и при помощи нарядовъ могла являться въ возможно лучшемъ свѣтѣ, чтобы восхищать мужа и нравиться ему. Кротость, преданность и уступчивость внушаются ей, какъ главныя женскія добродѣтели, чтобы мужъ нашелъ въ ней послушную жену, добровольно подчиняющуюся всѣмъ его требованіямъ, и чтобы, Боже упаси, его поступки не под-

вергались ея контролю; отъ колыбели до могилы ей напѣваютъ старую глупую сказку о томъ, что мужчина въ нравственномъ отношеніи можетъ позволить себѣ гораздо больше, чѣмъ женщина; что тѣ поступки, которые для мужчины вполнѣ естественны и позволительны, для женщины были бы непоправимымъ преступленіемъ — все это съ тою цѣлью, чтобы мужъ имѣлъ въ ней безусловно преданную жену, которая дружески извиняла бы ему его временныя увлеченія.

Странно! Кажется, думаютъ, что только мужчина имѣетъ право быть полнымъ, цѣльнымъ человѣкомъ, всѣ способности котораго, духовныя и физическія, должны развиваться и свободно дѣйствовать; женщина же, напротивъ того, не имѣетъ права раскрывать свою человѣческую природу во всей ея цѣльности, не имѣетъ права дать созрѣвать всѣмъ своимъ способностямъ и пользоваться своими силами. И, уродуя и подавляя природу, еще дѣлаютъ видъ, что такимъ воспитаніемъ, вѣрнѣе — искаженіемъ его, отвѣчаютъ цѣлямъ природы!

По истинѣ, съ такимъ же правомъ могъ торговецъ птицами,—отлично выдрессированныя птицы котораго не улетѣли бы изъ клѣтки даже въ томъ случаѣ, если бы ихъ не удерживали ея проволочные прутья, потому что, благодаря дрессировкѣ своего хозяина, онѣ давно позабыли свободу тѣнистаго лѣса, — съ такимъ же правомъ могъ бы подобный торговецъ утверждать объ этихъ бѣдныхъ птицахъ, что ихъ природа устроена совсѣмъ иначе, чѣмъ природа ихъ счастливыхъ свободныхъ собратій. Природное назначеніе послѣднихъ — наслаждаться своею свободой, искать свой кормъ, вить гнѣзда на вѣтвяхъ деревьевъ; первые же, напротивъ, своими природными дарованіями предназначены къ тому, чтобы жить въ клѣткѣ, клевать червячковъ и насѣкомыхъ изъ рукъ своего хозяина и плясать по его дудкѣ.

Tout comme chez nous!

Назначеніе мужчины полагаютъ въ самостоятельномъ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни и въ свободѣ выбора спеціальности. Женщину же считаютъ исключительно предназначенной къ тому, чтобы дѣйствовать въ предѣлахъ семейнаго круга, да и тамъ ей отводятъ лишь второстепенную роль экономки и няньки.

Мнѣ, можетъ быть, сдѣлаютъ упрекъ въ преувеличеніи. Мнѣ возразятъ, что молодыя дамы изъ высшаго сословія обучаются изящнымъ искусствамъ и наукамъ, что давно уже пережито то время, когда умъ женщины оставляли безъ питанія и развитія. Но въ чемъ же состоитъ женское воспитаніе въ лучшемъ обществѣ?

Барышенъ учатъ немножко географіи и исторіи, одному или двумъ иностраннымъ языкамъ, — въ томъ числѣ, разумѣется, французскому—и много, много что литературѣ и исторіи искусства; но главное, онѣ должны играть наизусть Sonate pathétique Бетховена и скерцо или каприччіо Мендельсона; а если природа одарила ихъ хотя какимъ-нибудь голосомъ, то также и пѣть нѣсколько пѣсенъ Шуберта. Иногда умѣютъ онѣ также рисовать акварелью цвѣты и вышивать бисеромъ или шелками.

Вотъ summa summarum того высшаго женскаго образованія, которое въ настоящее время приходится на долю молодыхъ дамъ избраннѣйшихъ сословій.

Большинство родителей при воспитаніи дочерей гоняются за призракомъ, а не за сущностью дѣла.

Всего нагляднѣе это выступаетъ при обученіи французскому языку. Дѣвочекъ учатъ не языку, но болтанью на немъ, какъ попугаевъ, которые безсмысленно повторяютъ подсказанныя имъ слова и фразы. Часто онѣ не могутъ перевести и самую легкую французскую книгу, такъ какъ все ихъ знаніе ограничивается обыденнымъ разговорнымъ языкомъ. Да и какъ бы могло это быть иначе, если и тѣ, кто вдалбливаетъ имъ этотъ языкъ, сами ничему не учились? Кто они, эти люди, обучающіе молодыхъ дѣвушекъ? Француженки или швейцарки, которыя не обладаютъ никакимъ образованіемъ, часто даже не умѣютъ правильно писать на своемъ родномъ языкѣ, и болтаютъ по-французски только потому, что онѣ—природныя француженки.

Это раннее обученіе французскому разговору ведетъ также къ тому, что молодыя дѣвушки, не изучая порядочно французскаго языка, совершенно оставляютъ въ пренебреженіи свой родной языкъ.

А музыка! Ахъ, развѣ можно назвать музыкой то, что̀ приходится выслушивать, когда эти молодыя барышни садятся за бѣдное, терпѣливое фортепьяно и бренчатъ вальсы Шопена!

Посредственность, неумѣнье работать, невѣжество—таковы результаты, къ которымъ приводитъ вообще наше женское образованіе. И этимъ-то думаютъ приготовить женщинъ къ ихъ серьезному призванію, къ супружеской жизни!

Благодаря такому «превосходному» шаблонному воспитанію, наши дѣвушки пребываютъ несовершеннолѣтними духовно и несозрѣвшими по характеру, что̀ дѣлаетъ ихъ неспособными, если онѣ около двадцатилѣтняго возраста свяжутъ свою судьбу съ судьбой мужа, не только правильно выполнить, но даже и понять великую задачу, возлагаемую на нихъ этою новою жизнью.

Невѣста, стоящая здѣсь передъ алтаремъ, это не женщина, сознающая свои прекрасныя, но тяжелыя обязанности и приготовленная къ ихъ выполненію; нѣтъ — это лишь взрослое дитя, для котораго собственное первое дитя будетъ не чѣмъ инымъ, какъ милой куклой. Эта женщина вовсе не подруга мужа, равная ему по твердости воли, по зрѣлости сужденія, по знанію жизни; это — школьница, которая радуется тому, что теперь ее будутъ называть не «барышня», но «барыня», и тому, что она можетъ читать теперь всѣ романы, знакомые ей лишь по заглавію, такъ какъ мамаша строго запрещала ей ихъ чтеніе. Одѣнемъ это дитя въ бѣлое подвѣнечное платье, надѣнемъ на ея головку померанцевый вѣнокъ, а на палецъ обручальное кольцо, и передъ нами будетъ та женщина, которую намъ создаетъ наше женское воспитаніе.

3.

Результаты нашего женскаго воспитанія.

Познанія, которыя современная система воспитанія дозволяетъ пріобрѣтать женщинамъ, частью очень незначительны, частью таковы, что женщина не можетъ пользоваться ими въ жизни и забываетъ ихъ по выходѣ замужъ. Если же женщинѣ удастся, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, получить выдающееся образованіе, то какую выгоду можетъ она извлечь изъ него?

Если она не художница и не писательница, то ровно никакой. Общество закрываетъ ей всякое поприще, на которомъ она могла бы пользоваться своими способностями. И въ этомъ кроется корень зла, источникъ большинства женскихъ ошибокъ.

Справедливо говоритъ Стюартъ Милль: «послѣ болѣзни, бѣдности и преступности, ничто не является такимъ роковымъ препятствіемъ къ радостному наслажденію жизнью, какъ недостатокъ надлежащаго круга дѣйствія».

Умъ, также какъ и тѣло, чтобы быть здоровымъ и сильнымъ, нуждается въ упражненіи и дѣятельности. Если же уму не предоставить почвы для его дѣятельности, то онъ самъ будетъ искать ее. Въ этомъ кроется причина злословія, сплетенъ, склонности къ интригамъ и всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которые происходятъ отъ праздности ума.

Почему женщины, состарѣвшіяся незамужними, гораздо больше подвержены этимъ слабостямъ, чѣмъ женщины-супруги и матери? Именно потому, что эти послѣднія въ веденіи своего домашняго хозяйства имѣютъ по крайней мѣрѣ механическое занятіе, а въ уходѣ за своими дѣтьми и въ ихъ воспитаніи часто находятъ такую задачу, которая предлагаетъ благородный кругъ дѣйствія ихъ сердцу и уму.

Однако же очень заблуждаются, когда думаютъ, что человѣческій умъ, а слѣдовательно и умъ женщины, можетъ найти полное удовлетвореніе въ этихъ обоихъ занятіяхъ, и что его можно къ этому принудить, лишивъ его всякой другой почвы свободной, живой дѣятельности.

Капризы и раздражительность женщинъ, ихъ суетность и кокетство, ихъ хитрость и лукавство, все это рукава одного и того же мутнаго потока: извращеннаго женскаго воспитанія и несправедливаго отказа женщинѣ въ кругѣ дѣятельности, отвѣчающемъ склонностямъ и способностямъ ея индивидуальности.

Нѣтъ болѣе важнаго условія счастья, какъ то, чтобы человѣкъ любилъ свое обычное занятіе.

Трудъ человѣка удается тѣмъ больше, дѣятельность его достигаетъ тѣмъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ съ бóльшею склонностью и большимъ удовольствіемъ предается онъ имъ. Съ тѣхъ поръ какъ признали эту истину, пришли наконецъ къ

уничтоженію старомоднаго кастоваго духа. Человѣку, не обращая вниманія на его вѣроисповѣданіе, національность, его званіе и состояніе, предоставляютъ свободу въ выборѣ его призванія. Доступъ къ высшимъ почестямъ, къ вліятельнѣйшимъ должностямъ открытъ каждому. Не существуетъ такого закона, который отказывалъ бы сыну поденьщика въ министерскомъ портфёлѣ, сыну крестьянина воспрещалъ бы возвыситься до званія полководца; только относительно положенія женщины еще находитъ себѣ полное раздолье варварскій кастовый духъ, вытѣсненный изъ всѣхъ областей. Женщина, только потому, что она родилась женщиной, уже съ колыбели предопредѣляется къ браку, косвенно принуждается къ тому, такъ какъ ее исключаютъ почти изо всѣхъ областей честной дѣятельности, за исключеніемъ тѣхъ, которыя не могутъ быть выполнены мужчинами или не имѣютъ въ ихъ глазахъ никакой цѣны.

Въ другомъ мѣстѣ я постараюсь доказать, что даже для мужа, для семьи, для цѣлаго общества было бы гораздо выгоднѣе, если бы образованіе женщинъ было основательнѣе и давало имъ болѣе дѣльныя познанія. Здѣсь же рѣчь идетъ лишь о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ того, что женщину, согласно обычаю и закону, отстраняютъ почти отъ всѣхъ круговъ дѣятельности, лежащихъ внѣ семьи.

Нельзя же отрицать, что очень многія женщины не чувствуютъ рѣшительно никакой склонности сдѣлать домашнія обязанности конечною цѣлью своей жизни; естественное предрасположеніе и ихъ душевныя способности настойчиво побуждаютъ ихъ къ иной дѣятельности. Такъ какъ для этого имъ не предоставляютъ никакого поприща, то совершенно естественно, что онѣ стараются наполнить пустоту своей внутренней жизни ничтожными интересами, а голосъ неудовлетворенной души стараются заглушить пошлыми удовольствіями. Такимъ образомъ развиваются ихъ суетность и страсть къ удовольствіямъ; въ томъ же источникѣ надо искать и происхожденія женскихъ капризовъ и раздражительности. Если они не послѣдствія болѣзненнаго состоянія, то происходятъ только отъ избытка гибнущихъ духовныхъ силъ и нервозной энергіи, и исчезнутъ, какъ только эти силы будутъ примѣнены въ другомъ, болѣе достойномъ направленіи.

Хитрость и лукавство женщинъ, вырождающіяся нерѣдко въ коварство, представляютъ ядовитое растеніе, корень котораго мы должны искать въ стѣсненномъ положеніи женщины и въ безусловной ея зависимости отъ мужа въ супружеской жизни.

Мнѣніе, что недостатки, характеризующіе женскій полъ, не суть свойства ихъ натуры, но только слѣдствія воспитанія и общественнаго положенія женщинъ,—это мнѣніе поддерживается также тѣмъ обстоятельствомъ, что мужчины, чѣмъ болѣе сходны ихъ воспитаніе и занятія съ женскимъ, тѣмъ болѣе также выказываютъ тѣ недостатки, въ которыхъ упрекаютъ женщинъ. Мужчины, не занимающіеся духовной дѣятельностью, или мужчины вообще праздные отличаются совершенно тойже самой мелочной суетностью, той же страстью къ нарядамъ и украшенію своей наружности, какъ и женщины. Кромѣ того, недостатокъ серьезной духовной дѣятельности есть громадная теплица, выращивающая клевету и злословіе. Чѣмъ пустѣе голова, тѣмъ развязнѣе языкъ, чѣмъ ничтожнѣе собственное достоинство, тѣмъ безсердечнѣе осужденіе другихъ,—у мужчинъ, какъ и у женщинъ.

И какъ мужчины, чѣмъ поверхностнѣе ихъ знаніе, чѣмъ безцѣльнѣе ихъ жизнь, чѣмъ ничтожнѣе ихъ духовное значеніе, тѣмъ болѣе обнаруживаютъ въ себѣ недостатки, приписываемые спеціально женщинамъ, такъ, наоборотъ, этимъ слабостямъ женщины подвергаются тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе ихъ образованіе возвышается надъ уровнемъ обычнаго женскаго образованія.

4.

Женщина въ одиночествѣ.

Справедливо ли вообще лишать человѣческое существо, по той лишь причинѣ, что оно женщина, всякой возможности добиваться почестей и отличій?

Справедливо ли отнимать у него общечеловѣческое право выбирать себѣ спеціальность по своей наклонности?

Справедливо ли существо это съ самаго его рожденія предопредѣлять къ жребію подчиненности и зависимости, и косвенно принуждать его къ нему, преграждая доступъ почти ко всѣмъ другимъ честнымъ отраслямъ дѣятельности, или допуская къ нимъ лишь послѣ борьбы съ такими непомѣрными трудностями, что только немногія, особенно покровительствуемыя судьбою женщины могутъ получить доступъ къ этимъ занятіямъ?

Справедливо ли одну половину рода человѣческаго подчинять тѣмъ законамъ, которые начертываются единственно другою половиной? Кого изъ призадумывавшихся надъ женской участью не тронутъ стихи Альфреда Мейснера *), посвященные имъ Жоржъ-Сандъ:

«Мужчины, чуждые и слезъ, и воплей угнетенной,
«Съ холоднымъ бѣшенствомъ, со злобой затаенной,
«Всегда вы женщину готовы унижать,
«Ногами вашими презрѣнную топтать!
«Когда жъ она, въ совѣтѣ мудрыхъ сидя,
«Сама дерзнетъ свободно рѣчь вести,
«Или когда, глумленье всюду видя,
«Рѣшится цѣпь свою порвать и разнести,
«И гордо правъ своихъ природныхъ возвращенья
«Потребуетъ она, какъ дани, должной ей,
«Вы восклицаете:—Да это—преступленье!—
«И безпощадно судъ творите вы надъ ней»....

Отношеніе людей къ справедливости не станетъ серьезнымъ до тѣхъ поръ, пока главныя основы общественныхъ отношеній обоихъ половъ другъ къ другу и ихъ положеніе въ государствѣ не станутъ совершенно равными, и пока оба пола не будутъ принимать равное участіе въ законодательствѣ.

Враги женской эмансипаціи всего чаще и всего громче говорятъ такъ: «Но вѣдь совершенно противно природѣ женщины конкуррировать на аренѣ общественной дѣятельности съ существомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ она—съ мужчиной. Ея естественное призваніе — любовь; по врожденной ей склонности женщина чувствуетъ себя гораздо счастливѣе въ дружелюбномъ

*) Одинъ изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ поэтовъ, умершій въ 1885 г.

семейномъ кругу, нежели въ водоворотѣ эгоистическаго, безсердечнаго свѣта».

Прежде всего я оспариваю то мнѣніе, что женщины, по своей природной склонности, болѣе призваны къ браку, чѣмъ мужчины; я оспариваю то мнѣніе, что сердце женщины болѣе нуждается въ любви, чѣмъ сердце мужчины.

Я никакъ не пойму, почему назначеніе женщины видятъ въ замужествѣ и рожденіи дѣтей, между тѣмъ какъ мужчинѣ не вмѣняется въ обязанность основывать семью и производить дѣтей. Это просто смѣшная безсмыслица—считать продолженіе рода человѣческаго болѣе призваніемъ женщины, нежели мужчины, тогда какъ для этого необходимо участіе обоихъ половъ. Желаніе же выйти замужъ только потому проявляется у женщины вообще сильнѣе, что оно образуется и развивается ея воспитаніемъ, равно какъ и потому, что женщина, за рѣдкими исключеніями, не обладаетъ инымъ общественнымъ положеніемъ, кромѣ положенія — жены своего мужа. Кромѣ того, бракъ даетъ женщинѣ пожизненное обезпеченіе, и, наконецъ, не будучи хозяйкой или матерью, она въ нашемъ современномъ быту не находитъ себѣ никакой полезной дѣятельности.

Если даже и согласиться съ тѣмъ, что бракъ есть единственное жизненное положеніе, въ которомъ большинство женщинъ чувствуютъ себя счастливѣе и довольнѣе, нежели незамужнія, одинокія женщины, то все же эта увѣренность не даетъ еще возможности для каждой женщины заключать такой бракъ, который соединялъ бы въ себѣ всѣ условія для счастья; и всякій согласится, что безбрачіе все же лучше, чѣмъ одинъ изъ тѣхъ многихъ несчастныхъ союзовъ, которые заключаются изъ-за всѣхъ возможныхъ побужденій, за исключеніемъ единственно достойнаго—взаимнаго уваженія и взаимной склонности.

Мужчину воспитаніе не направляетъ къ браку, какъ къ пристани, что̀ бываетъ съ женщиной, а положеніе, занимаемое имъ въ обществѣ и государствѣ, и подавно не побуждаетъ его къ женитьбѣ. Если союзъ, заключаемый мужчиной, не очень выгоденъ матеріально, то онъ умножаетъ его расходы, не увеличивая дохода. Что̀ же можетъ быть поэтому естественнѣе того, что число мужчинъ, которые не женятся, вовсе не незначительно?

Чѣмъ более такихъ мужчинъ, которые не женятся, тѣмъ менѣе, слѣдовательно, представляется женщинѣ случаевъ къ выходу замужъ. Экономическія условія также приводятъ къ тому, что число безбрачныхъ постоянно увеличивается. Статистика показываетъ, что 40% всѣхъ дѣвушекъ не выходитъ замужъ. Спрашивается: чѣмъ же пріобрѣтаютъ себѣ средства къ жизни тѣ изъ нихъ, которыя не обезпечены матеріально, и справедливо ли предоставлять женщинѣ отрасли труда, наименѣе выгодныя и связанныя съ зависимымъ жизненнымъ положеніемъ?

Другой весьма излюбленный припѣвъ противниковъ женской эмансипаціи таковъ:

«Въ наше время мы весьма далеки отъ того, чтобы отказывать женщинѣ въ правѣ и способности домогаться достойнаго жизненнаго положенія.

Рѣчь идетъ только объ ограниченіи круга ихъ дѣятельности.

Женщина не должна выступать на то поприще, которое подобаетъ исключительно мужчинѣ; она не должна домогаться того, чтобы, наравнѣ съ мужчиной, въ качествѣ чиновника, разбирать въ бюро запыленные акты или, въ качествѣ врача, въ госпиталяхъ оскорблять чувство своей стыдливости уходомъ за страждущими самыми отвратительными болѣзнями, или вступать на профессорскую каѳедру и читать лекціи толпѣ молодыхъ людей, которые въ этомъ случаѣ будутъ заниматься болѣе своимъ учителемъ, нежели своимъ ученіемъ, или, въ качествѣ адвоката, вести запутанные процессы и въ дѣлахъ суда выступать защитникомъ или обвинителемъ въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ женщинѣ не слѣдуетъ имѣть и понятія. Словомъ, есть безконечно много такихъ занятій, которыя совершенно непристойны для женщины».

Но на чемъ же основываютъ то мнѣніе, что вышеупомянутыя занятія непристойны для женщины?

Развѣ природа устроила европейскихъ женщинъ иначе, чѣмъ американскихъ?

Если же,—что́ само собою разумѣется—это не такъ, то почему же занятія, отведенныя на долю мужчинъ, менѣе приличны для европейскихъ женщинъ, нежели для американскихъ?

Впрочемъ, эти упреки, въ сущности говоря, только смѣшны!

Если чувство женской стыдливости не должно оскорбляться

тѣмъ, что женщины, въ случаѣ заболѣванія, лечатся у врача-мужчины, и въ иныхъ случаяхъ мужчины должны даже дѣлать имъ операціи, то непонятно, почему женщина должна краснѣть, когда она, наоборотъ, въ качествѣ врача, лечитъ мужчину. И если сестры милосердія далеки отъ мысли о томъ, что неприлично перевязывать раны на полѣ битвы и ухаживать за больными въ госпиталяхъ, то почему же менѣе дозволительно изучать и лечить эти болѣзни? Развѣ между тѣмъ и другимъ такая большая разница? Передъ судомъ свободомыслящаго ума и чистой души представляется безразличнымъ, къ какому полу принадлежитъ больной или нуждающійся въ нашей помощи. Впрочемъ, нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы женщины-врачи лечили именно мужчинъ. Пусть будетъ такъ, что женщины будутъ лечить женщинъ, а мужчины—мужчинъ.

И затѣмъ, почему женщины не должны судить о тѣхъ преступленіяхъ, которыя совершаются не только мужчинами, но и женщинами, и судебныя пренія о которыхъ наши наименѣе образованныя дамы могутъ ежедневно вычитать изъ газетъ. Я думаю, что знакомство съ нравственными болѣзнями приводитъ прежде всего къ тому, что настраиваетъ душу серьезнѣе и дѣлаетъ ее болѣе склонной къ добру. Я думаю, что если сцены, разыгрывающіяся въ залѣ суда, и дѣйствуютъ потрясающе зрѣлищемъ глубокаго паденія въ преступленіи и порокѣ, то во всякомъ случаѣ это не развращаетъ и гораздо менѣе оскорбляетъ и оскверняетъ душу, нежели чтеніе различныхъ фривольныхъ романовъ, въ которыхъ порокъ представляется не въ своей ужасающей наготѣ, но привлекательно разряженнымъ и раздушеннымъ.

Наконецъ, относительно упрека въ томъ, что если женщины будутъ читать лекціи молодымъ людямъ, то эти послѣдніе станутъ заниматься болѣе своимъ учителемъ, нежели ученіемъ, я снова должна сослаться на Америку, гдѣ именно тѣ коллегіи, въ которыхъ учительскія должности занимаются женщинами, отличаются образцовымъ порядкомъ и благопристойностью.

5.

Супружество.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Бальзакъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «Si l'homme ne vieillissait pas, je ne lui voudrais pas de femme»! Надо согласиться, что есть своего рода наивный эгоизмъ въ столь добродушно-дерзкомъ признаніи того, что мужчина вступаетъ въ бракъ лишь съ цѣлью имѣть въ безрадостной старости домашній комфортъ, хотя отчасти замѣняющій ему отлетѣвшія наслажденія юности.

Спокойно разбирая это изреченіе, мы должны однако сознаться, что въ основѣ его лежитъ хотя и горькая, но, къ сожалѣнію, глубокая истина.

Бальзакъ имѣлъ въ виду именно такихъ женщинъ, каковы онѣ суть, а не такихъ, какими онѣ могли бы и должны бы быть.

Какъ много пишутъ и говорятъ о блаженствѣ счастливаго супружества, въ которомъ умъ и сердце мужа должны отдыхать отъ дневныхъ трудовъ и оживляться новой силой и новыми радостями!

Бойкія перья не устаютъ прославлять тихое счастье дружескаго семейнаго круга, называя его тихою пристанью, миръ которой не можетъ нарушаться бурнымъ волненіемъ свѣта.

Но дѣйствительно ли супружество есть источникъ мира и счастья? Исполняютъ ли женщины задачу, на которую привыкли смотрѣть какъ на ихъ исключительное призваніе: осчастливливаютъ ли онѣ мужа? Находитъ ли онъ на дѣлѣ близъ своей жены это подкрѣпленіе ума и сердца?

Очень рѣдко!

Счастье супружескаго и семейнаго союза не можетъ достигнуть своего полнаго расцвѣта, пока женщина будетъ воспитываться такъ, какъ она воспитывается до сихъ поръ. Я далека отъ мысли утверждать, что счастливыхъ супружествъ нѣтъ теперь и не было прежде. Но я смѣло утверждаю, что супружество можетъ быть счастливымъ только тогда, когда оба супруга стоятъ на одинаковомъ уровнѣ образованія, когда они согласуются въ своемъ духовномъ направленіи, въ пониманіи

жизни и въ своихъ воззрѣніяхъ, и когда между ними царитъ чудная гармонія, основанная на этомъ согласованіи.

Конечно, случается, что супружество, въ которомъ образованіе мужа значительно превосходитъ образованіе жены, бываетъ счастливо, если дружелюбное душевное настроеніе супруговъ и ихъ взаимная склонность, не уничтожая пропасти, раздѣляющей ихъ, все же дѣлаютъ возможнымъ переходъ черезъ нее. Но даже и такой союзъ былъ бы еще счастливѣе, если бы не только сердца супруговъ, но и умы ихъ были тѣсно соединены связью внутренняго согласованія, что̀ именно возможно только при равномъ духовномъ развитіи. Въ большинствѣ случаевъ, однако, мужъ находитъ въ своей женѣ не что иное, какъ украшеніе своего дома, красивую куклу, обладаніе которой льститъ его тщеславію, или болѣе или менѣе дѣльную хозяйку, которая освобождаетъ его отъ хлопотъ съ прислугой и отъ неудобствъ жизни въ гостинницахъ.

Въ первомъ случаѣ ему доставляетъ удовольствіе удобная связь съ красивой любовницей-женой, умѣющей блистать въ свѣтѣ.

Выгоды же втораго случая начинаетъ онъ чувствовать впервые съ приближеніемъ старости и ослабленіемъ тѣлесной свѣжести и мощи. Не правъ ли, поэтому, Бальзакъ, говоря: «Si l'homme ne vieillissait pas, je ne lui voudrais pas de femme»? И можетъ ли насъ удивлять то обстоятельство, что многіе мужчины, даже не будучи стѣснены въ своихъ денежныхъ средствахъ, все же остаются холостыми?

Можетъ ли бракъ съ женщиной, принадлежащей къ одной изъ означенныхъ категорій, дать истинное счастье мужчинѣ съ характеромъ и образованіемъ?

Можетъ ли общеніе съ нею доставить удовольствіе и радость его сердцу, если онъ постоянно долженъ спускаться со ступени своего образованія на гораздо болѣе низшую ступень ея образованія?

Если въ самыхъ смѣлыхъ полетахъ своего ума онъ видитъ себя такъ же мало понятымъ ею, какъ если бы онъ говорилъ на неизвѣстномъ ей языкѣ; если онъ, преслѣдуя свои благороднѣйшія цѣли, чувствуетъ себя такимъ одинокимъ въ умствен-

номъ отношеніи, какъ будто бы это близко стоящее къ нему существо было не женой его, а чужимъ человѣкомъ?

Такимъ образомъ должно признать, что повсюду распространенное мнѣніе, будто бы основательное умственное образованіе женщины отчуждаетъ ее отъ такого исключительнаго ея призванія, какимъ считаютъ бракъ и семью, — это мнѣніе есть колоссальное и очень вредное заблужденіе.

Чрезмѣрная притязательность, странность въ сужденіяхъ, кокетство, отвращеніе отъ тихой семейной жизни—таковы недостатки, на которые смотрятъ какъ на результатъ обширнаго умственнаго образованія женщинъ. Но это очень неосновательно.

Не обширное научное образованіе есть корень этого зла, но то поверхностное, призрачное полузнаніе, тѣ модные мишурные таланты, которые имѣютъ цѣлью только блистать въ обществѣ и ловить мыльные пузыри дешевыхъ похвалъ. Истинное образованіе развиваетъ характеръ и облагораживаетъ сердце.

Но такъ какъ именно этого-то образованія и недостаетъ женщинамъ, то мы видимъ, что онѣ, съ одной стороны, украшаютъ свой умъ познаніями, мерцающими ложнымъ блескомъ, съ другой—пребываютъ въ умственной летаргіи, не допускающей даже и благороднаго стремленія къ просвѣщенію.

Для того, чтобы бракъ былъ счастливымъ, необходимо, чтобы супруги шли въ жизни не рядомъ только, но рука-объ-руку; они должны идти ровнымъ шагомъ и обращать вниманіе другъ друга на мелкія и крупныя препятствія, имъ угрожающія, и любовно устранять ихъ одинъ для другого; они должны поддерживать другъ друга, когда станутъ уставать, и ободрять другъ друга, когда станутъ спотыкаться.

Возможно ли это, если женщина, благодаря оковамъ, наложеннымъ на нее воспитаніемъ и жизненнымъ положеніемъ, такъ далеко отстала отъ мужчины, что не только не можетъ сопровождать его на его жизненномъ пути, но, по большей части, не можетъ даже и понять тѣхъ цѣлей, которыя онъ ставитъ себѣ?

Вотъ и выходитъ, что женщина, вмѣсто того, чтобы, въ качествѣ подруги своего мужа, вѣрно и мужественно сопутствовать ему, оставляетъ его одиноко идти по пути, часто очень

трудному, сама же плетется вмѣстѣ съ прочей поклажей въ фуражномъ вагонѣ.

Къ тому же, женщину воспитываютъ такъ, чтобы весь свой міръ она видѣла въ семьѣ; ее отъучаютъ отъ всякаго интереса къ общественной жизни, какъ отъ интереса въ высшей степени не-женскаго.

Поэтому нѣтъ ничего естественнѣе, что она, слѣдуя данному ей воспитаніемъ направленію, имѣетъ въ виду только благо семьи и ея выгоды и вовсе не можетъ сочувствовать дѣятельности мужа на общую пользу.

Политическія и соціальныя движенія не трогаютъ ея; обязанности, налагаемыя на ея мужа интересами государства или общества, оставляютъ ее равнодушною; жертвы, которыя онъ приноситъ имъ, она считаетъ излишними или достойными порицанія. Такимъ образомъ, мужъ видитъ себя въ своихъ идеальнѣйшихъ стремленіяхъ, въ своей благороднѣйшей дѣятельности, одинокимъ или задерживаемымъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго состоянія бываетъ то, что мужъ все болѣе и болѣе сосредоточивается въ себѣ самомъ, а жена въ такой же мѣрѣ все болѣе и болѣе изолируется и уединяется.

Какую необозримую цѣпь бѣдствій, скрытыхъ и явныхъ, образуютъ часто послѣдствія этого недостатка взаимнаго пониманія со стороны супруговъ! И какъ часто поэтому метода женскаго воспитанія, въ которой думаютъ видѣть фундаментъ супружескаго и семейнаго счастья, является какъ бы подводнымъ камнемъ, о который разбивается это счастье!

Само собою разумѣется, что правовое отношеніе между обоими супругами должно бы давно измѣниться, потому что законная зависимость жены отъ ея мужа есть не что иное, какъ послѣднее, еще невзятое приступомъ укрѣпленіе грубаго господства произвола, по счастью вытѣсненнаго уже изо всѣхъ другихъ позицій прогрессирующей цивилизаціей и развивающимся правосознаніемъ.

Въ современномъ общественномъ быту эта зависимость есть безпримѣрная, поддерживаемая закономъ, несправедливость, которая, право, не мало способствуетъ усиленію безбрачія, такъ

какъ можетъ найтись много женщинъ, не имѣющихъ желанія предать въ руки властелина себя и свое состояніе.

Конечно, пока воспитаніе насильственнымъ образомъ держитъ женщину въ состояніи умственнаго несовершеннолѣтія и запрещаетъ ей каждый естественный твердый шагъ, какъ въ высшей степени неженственный, до тѣхъ поръ трудно ей освободиться отъ помочей, и если не справедливо, то все же не удивительно, что мужу присвоиваютъ право руководить женой согласно своему неограниченному усмотрѣнію.

Сначала мужчина подчинялъ себѣ женщину, пользуясь превосходствомъ своей тѣлесной силы; затѣмъ возвелъ онъ это фактическое подчиненіе въ легальное.

Прежде, конечно, ограниченію женскихъ правъ могли пріискать мнимое оправданіе подъ тѣмъ предлогомъ, что женщины этому вовсе и не противились. Но уже давно настало время, когда самосознаніе женщинъ начинаетъ мало-по-малу пробуждаться, и онѣ устно и письменно жалуются на зависимость своего положенія. Поэтому пора было бы то правосознаніе, которымъ такъ хвалится современность, доказать также и подчиненіемъ законамъ справедливости гражданскихъ правъ обоихъ половъ, въ особенности же положенія обоихъ супруговъ по отношенію другъ къ другу. Всякій свободный отъ предразсудковъ мыслитель долженъ признать, что это преобразованіе общественнаго порядка имѣло бы своимъ послѣдствіемъ цѣлый рядъ улучшеній общественнаго быта, изъ которыхъ въ этомъ отдѣлѣ, посвященномъ браку, я хочу упомянуть только о томъ, что значительно уменьшилось бы число несчастныхъ супружествъ и происходящихъ отъ нихъ семейныхъ разрывовъ, такъ вредно вліяющихъ на нравственное развитіе дѣтей.

Мужъ дѣйствовалъ бы съ большею осторожностью и осмотрительностью при выборѣ себѣ жены, такъ какъ онъ зналъ бы, что она будетъ не только хозяйкой его дома и матерью его дѣтей, но также и его подругой, союзницей и участницей въ великой серьезной задачѣ, поставляемой ему жизнью.

Женщина также не связывала бы такъ легко свою судьбу съ судьбой мужчины, о которомъ она едва ли чтò знаетъ, кромѣ его имени и общественнаго положенія. Ея умъ былъ бы слишкомъ развитъ для того, чтобъ она, какъ это часто слу-

чается съ нашими молодыми дѣвицами, отдавала свое сердце красивому танцору на балу и безъ дальнѣйшихъ колебаній согласилась на его предложеніе, если онъ ее осчастливитъ имъ. Такой порядокъ вещей часто ведетъ къ несчастнымъ супружествамъ, въ которыхъ кратковременное восхищеніе продолжается едва медовый мѣсяцъ, и оба супруга, въ случаѣ если они не пожелаютъ разойтись, силятся всю жизнь уныло тащить брачное ярмо или заглушать безнравственными наслажденіями внутреннюю пустоту и скуку.

Тогда прекратятся также и тѣ противоестественныя брачныя сдѣлки, въ которыя вступаютъ многія неимущія дѣвушки, чтобы обезпечить себѣ достаточную жизнь,—вступаютъ, не чувствуя ни малѣйшей склонности къ мужу, часто даже нося въ своемъ сердцѣ образъ другаго мужчины. Имъ была бы дана возможность собственной дѣятельностью устраивать честное и обезпеченное существованіе, и онѣ не впадали бы въ искушеніе—свою личную свободу, священное право отдаться тому, кого изберетъ ихъ сердце, свое дѣвство—продавать за цѣну пожизненнаго матеріальнаго обезпеченія. Такія супружества въ нашемъ обществѣ извѣстны подъ именемъ «mariages de raison».

Священнѣйшій и возвышеннѣйшій союзъ, когда его заключаетъ воодушевленіе истинной преданной любви и серьезность испытаннаго образа мыслей, бракъ въ своей высокой чистотѣ, божественный союзъ, который соединяетъ двѣ души для однихъ желаній, для однѣхъ мыслей, для однихъ стремленій, этотъ бракъ не былъ бы болѣе обезчещиваемъ низкими спекуляціями.

Сколько заблужденій и преступныхъ, приносящихъ несчастье страстей, сколько нравственныхъ паденій, сколько семейныхъ раздоровъ и скорбей, сколько бѣдствій исчезло бы тогда съ лица земли!

И развѣ такія супружества, соотвѣтствующія идеальному понятію о бракѣ, не дали бы намъ и болѣе нравственныхъ дѣтей?

6.

Семья.

На комъ же лежитъ преимущественно въ семьѣ обязанность воспитанія дѣтей?

Я знаю, что всѣ мои читатели на этотъ вопросъ отвѣтятъ единогласно: на матери!

И такъ, мы согласны въ томъ, что воспитаніе дѣтей преимущественно выпадаетъ на долю матери. Но мы видѣли, что женщина не совсѣмъ отвѣчаетъ этой задачѣ. Причины тому мы должны искать опять въ женскомъ воспитаніи, такомъ, каково оно было и есть до сихъ поръ и—въ положеніи женщины, угнетенной въ бракѣ и униженной внѣ его. Семья только тогда будетъ въ состояніи выполнять свою задачу—образовывать добрыхъ, дѣльныхъ и счастливыхъ людей, когда:

1) женщинѣ будетъ дана возможность собственною дѣятельностью создавать себѣ честное обезпеченное существованіе;

2) умственное образованіе женщины будетъ обнимать основательныя познанія, которыя уравняютъ ее съ мужемъ;

3) взаимныя отношенія родителей будутъ опираться на равныя права.

Первое мое положеніе ясно каждому. Не нужны никакія особыя доказательства для того, чтобы признать, какъ уменьшились бы людскія бѣдствія и скорби, если бы женщина обладала способностью содержать свою семью собственною дѣятельностью. Какъ часто естественный кормилецъ семьи, отецъ, похищается смертью или становится неспособнымъ къ труду вслѣдствіе долговременной болѣзни или какихъ-либо другихъ несчастныхъ случаевъ, и семья, безпомощная, лишенная куска хлѣба, впадаетъ въ нужду и нищету!

Семья была бы спасена, если бы жена, подобно мужу, была способна къ пріобрѣтенію средствъ и могла бы своею дѣятельностью замѣнить дѣятельность мужа.

Этимъ я вовсе не хочу сказать, что, eo ipso, каждая женщина должна принимать участіе въ пріобрѣтеніи денежныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія семьи.

Матеріальное положеніе многихъ семействъ этого вовсе и не требуетъ, и къ тому же я думаю, что, за исключеніемъ особыхъ обстоятельствъ, женщина, имѣющая дѣтей, не должна браться за такія занятія, которыя принуждаютъ ее проводить бо̀льшую часть дня внѣ дома. Вредъ, происходящій отъ того, что она будетъ разлучена съ дѣтьми, превосходитъ тѣ выгоды, которыя доставятся семьѣ ея трудомъ. Само собой разумѣется, что подобное общее правило не должно лишать свободы то или другое лицо; способности, свойственныя какой-либо дѣятельности, абсолютно не должны подавляться исполненіемъ семейныхъ обязанностей.

Въ подобныхъ случаяхъ всегда могутъ быть сдѣланы такія распоряженія, которыми предупредится нарушеніе домашняго порядка.

Второе положеніе.

Если женщина можетъ исполнять свое исключительное призваніе, т.-е. посвящать свою дѣятельность благу любящаго мужа и своихъ дѣтей, то и эту обязанность она не въ состояніи выполнить какъ слѣдуетъ, не получивъ основательнаго всесторонняго умственнаго образованія.

Для того, чтобы мать была истинной воспитательницей своихъ дѣтей, чтобы она могла способствовать ихъ умственному и нравственному развитію и вести ихъ къ высокой цѣли, — для этого она должна съ пониманіемъ и съ нѣжной силой любви проникнуть въ глубоко-сокровенный внутренній міръ юныхъ душъ, — должна обладать такимъ законченнымъ умственнымъ образованіемъ, которое дѣлало бы ее способной къ мудрому званію руководительницы. Какое печальное и горькое по своимъ послѣдствіямъ противорѣчіе: ставить женщинѣ такую задачу, къ выполненію которой воспитаніе не дѣлаетъ ее способной!

Солдатъ учатъ владѣть оружіемъ, ремесленниковъ — обращаться съ ихъ инструментами; каждое званіе требуетъ обученія; только женщину не приготовляютъ воспитаніемъ къ выполненію ея серьезныхъ материнскихъ обязанностей.

Самъ Гёте, который меньше всего носился съ идеями о женской эмансипаціи, сказалъ: «превосходнѣйшей женщиной считается та, которая въ состояніи замѣнить своимъ дѣтямъ отца,

если они лишатся его». Но можетъ ли женщина безъ основательнаго умственнаго образованія замѣнить отца своимъ дѣтямъ?

Третье положеніе.

Семья только тогда будетъ способна выполнять свою обязанность—воспитывать добрыхъ и дѣльныхъ людей, когда отношенія обоихъ родителей другъ къ другу будутъ покоиться на основахъ равенства правъ.

Незаслуженныя привилегіи деморализируютъ.

Деморализируютъ угнетенныхъ, ослабляя ихъ силы, подавляя свободное движеніе и развитіе ихъ способностей; но еще болѣе деморализируютъ онѣ самихъ привилегированныхъ, потому что отнимаютъ отъ нихъ единственный прочный фундаментъ всѣхъ нравственныхъ законовъ: «не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали».

7.

Государство и общество.

Читатель, слѣдившій до сихъ поръ за моимъ изложеніемъ, долженъ признать, что равноправное положеніе обоихъ половъ въ высшей степени способствовало бы общему благу, такъ какъ:

1) увеличилась бы сумма человѣческаго счастья вслѣдствіе улучшенія положенія женщинъ;

2) супружество гораздо болѣе соотвѣтствовало бы; своему идеальному назначенію, и вслѣдствіе этого не только женщинѣ, но и мужчинѣ могло бы доставить болѣе условій для счастья;

3) изъ юношества въ семьяхъ будутъ образовываться гораздо лучшіе люди, нежели это бываетъ теперь, при современныхъ семейныхъ отношеніяхъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ, произошли бы еще и другія выгоды для общества отъ этого преобразованія общественнаго быта.

Достойная упоминанія польза заключалась бы въ томъ, если бы женщинамъ было дано и присвоено право посвящать свои способности общеполезной дѣятельности, ибо тогда государство могло бы воспользоваться обильнымъ запасомъ лежащаго до сихъ поръ втунѣ ума и рабочей силы, что̀ значительно спо-

спѣшествовало бы подъему его промышленности и культуры. Если бы мы подумали о томъ, какое громадное количество рабочей силы отнимается у государства содержаніемъ постоянныхъ войскъ, то имѣли бы полное основаніе удивляться, что до сихъ поръ еще не стараются замѣнить эту убыль женскимъ трудомъ.

Свобода промышленности—фактъ осуществившійся, потому что оцѣнили, какъ сильно поддерживается конкурренціей промышленное развитіе страны.

Пусть же, преслѣдуя эту цѣль (т.-е. свободу промышленности), не останавливаются на половинѣ пути; проведеніе этой мысли пусть не остается невыполненнымъ.

Понятіе о полной свободѣ промышленности уже заключаетъ въ себѣ допущеніе обоихъ половъ ко всѣмъ отраслямъ дѣятельности. Не опасаются ли, можетъ быть, того, что слишкомъ сильный наплывъ борющихся за успѣхъ рабочихъ силъ уничтожилъ бы слабые элементы и тѣмъ увеличилъ бы число впадающихъ въ нужду и бѣдствія единичныхъ существъ? Но это совсѣмъ неосновательное опасеніе. Конечно, болѣе оживленная конкурренція имѣла бы непосредственнымъ своимъ послѣдствіемъ то, что лишь лучшіе труды увѣнчались бы успѣхомъ, а менѣе совершенные были бы вытѣснены. Но это и есть одно изъ условій промышленнаго прогресса. Кромѣ того, отсюда произошли бы результаты благопріятные какъ личнымъ, такъ и общимъ выгодамъ, такъ что каждый, по старательномъ и серьезномъ испытаніи своихъ личныхъ дарованій и способностей, брался бы лишь за то занятіе, къ которому онъ преимущественно способенъ по своимъ природнымъ дарованіямъ и склонностямъ. По этой-то причинѣ женщины, если имъ и предоставятъ полную свободу выбора себѣ спеціальности, все же не будутъ браться за такія занятія, къ которымъ онѣ неспособны отъ природы.

Здѣсь не могу я не вспомнить о тѣхъ простякахъ, которые, при однихъ словахъ: «женская эмансипація», испуганно открещиваются отъ нея, такъ какъ они думаютъ, что—если женщины будутъ допущены къ поприщамъ публичной дѣятельности, открытымъ до сихъ поръ только для мужчинъ, если онѣ будутъ принимать участіе въ общественныхъ интересахъ и будутъ понимать не только кухонное, но и народное хозяйство,—

что тогда въ мірѣ все придетъ въ величайшій безпорядокъ; изъ него исчезнутъ всякая дисциплина и нравственность, и женщины лишатся всей своей привлекательности.

Могучее движеніе, вызываемое женскимъ вопросомъ, вторгается и въ сферу домашняго очага. Въ домѣ, въ супружескихъ отношеніяхъ, въ семьѣ, преобразованіе общественнаго быта, о которомъ идетъ рѣчь, было бы не менѣе ощутительно, чѣмъ и въ публичной жизни. И только кровные обскуранты, спеленутые, какъ муміи, традиціонными предразсудками, не могутъ и не хотятъ понять тѣхъ безконечно благотворныхъ плодовъ, которые принесло бы это соціальное преобразованіе.

Желала бы я знать, какія выгоды обусловливаются деспотическимъ ограниченіемъ личныхъ правъ женщины и насильственнной помѣхой ея свободной самостоятельной дѣятельности? Это ли защита, которую благородно и великодушно мыслящіе мужчины оказываютъ притѣсненному полу? Женщина не будетъ нуждаться въ этомъ, коль скоро государство станетъ охранять женскія права такъ же, какъ оно охраняетъ права своихъ гражданъ мужескаго пола.

Эта защита, оказываемая порабощенному полу, пощада и вниманіе, оказываемыя обиженнымъ, относятся къ пользованію равными правами, какъ подаяніе, брошенное ограбленному, относится къ принадлежащей ему собственности.

Мы не желаемъ ни подаяній, ни благодѣяній; мы не желаемъ ни милости, ни заступничества. Мы желаемъ одной только справедливости.

Или, можетъ быть, преимущества женскаго пола состоятъ во внимательности и предупредительности, которыя мужчины оказываютъ женщинамъ, до тѣхъ поръ, само собой разумѣется, пока онѣ красивы и молоды?

Въ истекшемъ году мы встрѣтили въ одномъ филадельфійскомъ листкѣ нижеслѣдующую вѣрную оцѣнку того обращенія съ женщиной, которое зачастую позволяетъ себѣ мужчина въ Европѣ:

«Уже нѣсколько недѣль слышимъ мы жалобы на то, что дѣвушки и замужнія женщины преслѣдуются мужчинами на улицахъ.

«Это преслѣдованіе есть спеціально европейская непристойность, которую терпѣть у себя мы не намѣрены. Поэтому мы

обращаемъ вниманіе нашихъ гостей-европейцевъ на то, что преслѣдовать женщину, заговаривать съ нею, приставать къ ней — за все это виновные подвергаются у насъ уголовному суду и наказываются заключеніемъ въ смирительномъ домѣ.

«Американскія дѣвушки и женщины—не какія-нибудь робкія, глупыя овечки, онѣ не побоятся призвать на помощь полицейскаго служителя. Онѣ знаютъ, что полицейскіе, какъ джентльмены, всегда готовы схватить и арестовать наглыхъ фланеровъ».

8.

Реформа.

Резюмируемъ все сказанное.

Въ предшествовавшихъ отдѣлахъ я говорила о женскомъ воспитаніи и его необходимыхъ послѣдствіяхъ, стараясь доказать, что:

1) современное женское воспитаніе и государственное и общественное положеніе женщины есть ничѣмъ не оправдываемая несправедливость, которая причиняется женскому полу,—и

2) эта несправедливость имѣетъ своимъ послѣдствіемъ неоспоримый вредъ не только для самихъ женщинъ, но и для всего общества и государства.

Обратимся теперь къ вопросу: чтò должно сдѣлать, чтобы устранить зло, проистекающее изъ современнаго женскаго воспитанія и изъ положенія женщины?

Относительно отвѣта не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Такъ какъ корень этого зла, столь сильно вредящаго общему благу, лежитъ въ неравенствѣ общественнаго положенія обоихъ половъ, то онъ можетъ быть вырванъ лишь преобразованіемъ соціальнаго порядка по началамъ равноправности, т.-е. созданіемъ такихъ законовъ, которые давали бы равныя права гражданамъ обоего пола и возлагали бы на нихъ равныя обязанности.

Само собою разумѣется, что сюда входитъ также дарованіе женщинамъ политическихъ правъ.

Я думаю однако же, что это должно быть лишь послѣднимъ шагомъ къ равноправію.

Благодаря ничѣмъ не оправдываемому пренебреженію воспитанія и образованія, благодаря устраненію отъ всякой общественной дѣятельности, женщины въ большинствѣ своемъ не обладаютъ еще достаточно широкимъ умственнымъ кругозоромъ, достаточно обширными познаніями политико-экономическаго быта, чтобы вѣрно оріентироваться, чтобы составить себѣ самостоятельныя зрѣлыя сужденія и, такимъ образомъ, съ успѣхомъ выступить на политическое поприще. Всякій прогрессъ связанъ съ извѣстными фазами. Кто желаетъ здраво и невредимо достигнуть какой-либо цѣли, тотъ долженъ идти къ ней не скачками, но шагъ за шагомъ; кто въ одинъ прыжокъ соскакиваетъ съ лѣстницы, тотъ ломаетъ себѣ шею. Подобно тому, какъ ребенокъ не сразу становится взрослымъ человѣкомъ, такъ точно и женщины, столь далеко отставшія теперь въ своемъ умственномъ образованіи, не могутъ внезапно сдѣлаться способными къ политической дѣятельности, требующей самыхъ обширныхъ познаній.

Не выгодной, но вполнѣ вредной для прогресса женской эмансипаціи оказалась бы попытка возложенія столь серьезныхъ обязанностей на силы, еще не испытанныя въ этомъ направленіи.

Женщины надѣлали бы множество ошибокъ, и малѣйшій промахъ, въ которомъ онѣ провинились бы, малѣйшая слабость, обнаруженная ими, были бы привѣтствуемы громкимъ «ура!» со стороны противниковъ политическаго равноправія обоихъ половъ. А изъ всего этого вывели бы заключеніе, что женщинамъ несвойственна политическая дѣятельность.

Отъ женщинъ снова отняли бы едва дарованное имъ право голоса, и неустанно дѣйствующая, поддержанная этимъ фіаско отдѣльныхъ женщинъ, реакція не безуспѣшно старалась бы снова оттѣснить женщину къ положенію зависимости, подчиненности и безправія, которое еще долго оставалось бы несчастнымъ жребіемъ женскаго пола.

Поэтому я хотѣла бы предостеречь женщинъ отъ тѣхъ рьяныхъ поборниковъ эмансипаторскаго движенія, которые уже теперь требуютъ для женщинъ избирательнаго права. Они похожи на архитекторовъ, которые, для того, чтобы быстро окончить зданіе, не даютъ себѣ времени возвести капитальныя

каменныя стѣны, но надвигаютъ блестящую и тяжелую крышу на стѣны тонкія и дурно цементированныя. Эти послѣднія не могутъ выдержать несоразмѣрной тяжести, вслѣдствіе чего рушится все зданіе.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ Европа дѣлаетъ видъ, будто она не прочь отъ улучшенія соціальнаго и экономическаго положенія женщины.

Но ея стремленія похожи на полусознательныя движенія человѣка, который, едва пробудясь отъ глубокаго сна, бродитъ шатаясь, и за что ни примется — все дѣлаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

Европа еще не протерла своихъ очей, отяжелѣвшихъ отъ сновидѣній безправія и рабской зависимости женщины, и мѣры, которыя она предпринимаетъ съ цѣлью провести въ общественную и научную жизнь эмансипацію женщины, совершаются скачками и не представляютъ ничего цѣльнаго и единаго.

Наклонность къ болтовнѣ, обнаруживающаяся въ значительныхъ размѣрахъ у женщинъ, возникаетъ не вслѣдствіе слабыхъ способностей ума и воли, но въ силу совершенно другихъ обстоятельствъ, потому что эта наклонность не что иное, какъ слѣдствіе недостаточнаго интеллектуальнаго образованія и ручныхъ, а не умственныхъ занятій, каковы и суть преимущественно занятія женщинъ.

Шитье, вышиванье, вязанье, короче, всякое рукодѣлье необходимо питаетъ фантазію. Трудно повѣрить тому, какъ много романтическихъ воздушныхъ замковъ строитъ мозгъ, наполненный разными поверхностными полузнаніями и не привыкшій къ серьезной дѣятельности, между тѣмъ какъ пальцы механически дѣлаютъ свое дѣло. Припоминаются незначительнѣйшія впечатлѣнія, ничтожнѣйшія событія и ничѣмъ не сдерживаемой силой воображенія и мечтательностью раздуваются до важныхъ событій. Балъ, вечеръ сотни сотенъ разъ вновь переживаются мысленно; ничего не значащая лесть молодаго человѣка снова вызывается въ памяти и до тѣхъ поръ обсуждается и истолковывается, пока въ томъ, кто выразилъ эту лесть, не начнутъ, наконецъ, видѣть своего обожателя и будущаго жениха.

Такъ зарождаются самыя странныя надежды и желанія, и

развиваются неправильнѣйшія жизненныя воззрѣнія, которыя стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью и часто ведутъ къ горькому разочарованію.

Но какъ только сойдется нѣсколько женщинъ со своимъ рукодѣльемъ, то можно подумать, что пускается въ ходъ мельница трескучей болтовни, и о скучнѣйшихъ происшествіяхъ онѣ толкуютъ съ такою серьезностью и съ такимъ усердіемъ, какъ если бы отъ нихъ зависѣло благоденствіе человѣчества.

Коль скоро женщинамъ сдѣлается доступнымъ основательное и серьезное умственное образованіе, этимъ будетъ положено благотворное ограниченіе ихъ сердечной жизни и дѣятельности; ихъ фантазіи, ихъ праздной болтовнѣ будетъ положенъ конецъ; а наклонность къ устному обмѣну мыслей будетъ доведена до той мѣры, въ какой она свойственна всѣмъ образованнымъ, занимающимся умственною дѣятельностью, мужчинамъ.

Подчиненность, нужда и бѣдствія, развращеніе — таковъ теперешній удѣлъ женщины! Таковы превосходные результаты хвастливыхъ лицемѣрныхъ принциповъ мужчины относительно достоинства женщины, относительно ея высокаго призванія, которое видятъ въ охраненіи нравственности, въ стараніи осуществлять гуманное, въ защитѣ благороднаго направленія духа. Посмотрите же на эту охранительницу нравственности, на эту блюстительницу гуманнаго, когда она ночью шатается по улицамъ и съ отчаяніемъ спрашиваетъ себя: «что̀ лучше — положить ли разомъ конецъ моему бѣдственному существованію, или же въ омутѣ порока искать спасенія отъ голода, терзающаго мои внутренности?»!

Посмотрите на нее, когда, устрашась могилы, она со смертью въ сердцѣ и съ улыбкой на устахъ высматриваетъ себѣ спасителя, который даетъ ей хлѣбъ, но повергаетъ ее въ пучину позора. И не отворачивайтесь отъ нея съ отвращеніемъ и брезгливостью, когда, въ бѣшеномъ угарѣ самозабвенія, изъ поблекшихъ устъ раздается дерзкій, безстыдный смѣхъ, и изъ потухшихъ глазъ сверкаетъ блуждающій огонекъ души, истлѣвшей въ болотѣ порока! — Взгляните на нее и скажите себѣ: «это *наше* дѣло, это плоды *нашихъ* принциповъ, *нашихъ* законовъ и учрежденій,—это жертва *нашего* эгоизма».

Да, мужской эгоизмъ! Онъ есть основа современнаго государственнаго и общественнаго порядка отношеній обоихъ половъ между собой, и онъ есть также единственная побудительная причина того, что мужчина крѣпко, неуклонно держится за этотъ порядокъ. Право, я никакъ не разсчитываю на то, чтобы огромное большинство мужчинъ вняло моимъ желаніямъ и съ удовольствіемъ отказалось бы отъ привилегій, дающихъ имъ господство надъ женщиной. Но между многими милліонами, къ которымъ я обращаюсь съ моей просьбой, найдутся же нѣкоторые просвѣщенные, великодушные мужчины, которые не противопоставятъ этой просьбѣ непреодолимаго отпора, отпора со стороны грубаго, тупаго эгоизма. Я не хочу и не могу вѣрить тому, что мои слова встрѣтятъ только глухихъ слушателей, у которыхъ уши заткнуты глупыми предразсудками и безсердечнымъ самолюбіемъ.

Если мы теперь выразимъ вкратцѣ все, чтó нужно сдѣлать для человѣческаго общества, то придемъ къ слѣдующему результату.

Должно:

1. Давать полное и могучее развитіе способностямъ женщины и споспѣшествовать ея умственному образованію всѣми средствами, находящимися во власти воспитанія, а для этого предоставить женскому полу доступъ во всѣ учебныя заведенія.

2. Предоставить женщинѣ всѣ поприща промышленной и научной дѣятельности, какъ въ частной, такъ и въ общественной службѣ.

3. Частныя права и обязанности гражданъ опредѣлить такими законами, которые предоставляли бы обоимъ поламъ равныя права и возлагали бы на нихъ равныя обязанности.

Таковы требованія, съ которыми во имя справедливости и прогресса общества, въ его нравственномъ и умственномъ развитіи, я выступаю передъ тѣми изъ васъ, мужчины, которые избраны для охраненія этихъ священнѣйшихъ благъ человѣчества и для споспѣшествованія ихъ осуществленію въ дѣйствительности.

Вы, въ чьихъ рукахъ покоятся бразды правленія; вы, чьи слова, въ силу вашего личнаго значенія или въ силу вашего

выдающагося положенія, имѣютъ особенный вѣсъ,—вы призваны проложить путь такимъ преобразованіямъ и нововведеніямъ въ общественномъ бытѣ, которыя должны быть созданы на основаніи благороднѣйшихъ и справедливѣйшихъ принциповъ Ваша миссія состоитъ въ искупленіи вины тысячелѣтняго по. рабощенія, причиняемой вашимъ поломъ полу слабѣйшему.

Но на одномъ ли мужчинѣ лежитъ та вина, что эмансипація женщины въ европейскихъ государствахъ такъ медленно подвигается впередъ; что такъ глубоко коренится въ сердцахъ людей традиціонное заблужденіе, будто назначеніе женщины состоитъ въ служеніи, назначеніе же мужчины—въ господствѣ?

Краска стыда и гнѣва выступаетъ у меня на лицѣ, такъ какъ я вынуждена сознаться, что женщина и сама въ этомъ очень виновата.

Мужчина до тѣхъ поръ не откажется отъ привилегій, которыми онъ спокойно пользовался въ продолженіе вѣковъ, пока вы, женщины, не пробудитесь изъ объявшаго васъ полудремотнаго состоянія, и сами не позаботитесь о дѣлѣ вашего освобожденія.

Неужели вы, женщины, думаете, что гнетущее вашу шею ярмо будетъ снесено дыханіемъ вашихъ тихихъ вздоховъ, или что оно растаетъ отъ пролитыхъ вами тайныхъ слезъ?

Есть, правда, благородныя женщины, словомъ и дѣломъ защищающія права своего пола. Но что̀ значатъ эти немногія въ сравненіи съ громаднымъ большинствомъ женщинъ, вовсе не безпокоящихся о томъ, окончится ли побѣдой священная борьба за освобожденіе ихъ пола, женщинъ, ропщущихъ на свою судьбу, но не обладающихъ ни мужествомъ, ни энергіей принять участіе въ движеніи; наконецъ тѣхъ женщинъ, въ чьихъ холодныхъ сердцахъ не пылаетъ чистое пламя любви къ ихъ несчастнымъ сестрамъ и состраданія къ ихъ униженію и бѣдствію, потому что собственная участь такихъ женщинъ болѣе сносна!

Вамъ, женщинамъ, о чьихъ правахъ, о чьей свободѣ, о чьемъ счастьи идетъ рѣчь, вамъ самимъ должна принадлежать иниціатива преобразованія вашей жизни въ существованіе достойное человѣка.

Post tenebras spero lucem.

Долгая ночь рабства уступитъ мѣсто солнцу правды, и

сердца женщинъ, въ сознаніи благороднѣйшей побѣды, горделиво и радостно забьются, встрѣчая зарю той свободы, которая добыта тяжкимъ трудомъ.

Изъ сочиненія: „Die Mission unseres Jahrhunderts“. Eine Studie über die Frauenfrage von Irma von Troll Borostyani.

IV.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

1.

Я думаю, что не ошибусь, признавая весьма распространенною время отъ времени высказываемую боязнь, что тотъ переворотъ, къ которому приведетъ полное политическое и соціальное равенство обоихъ половъ, можетъ вредно повліять на общественную нравственность, и что эта боязнь есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ тѣхъ противодѣйствій, которыя оказываются свободнымъ стремленіямъ женскаго рода.

Хотя домогательства женщины равнаго съ мужчиной государственнаго и общественнаго положенія вполнѣ правомѣрно, и хотя благородно и серьезно мыслящіе мужчины не могутъ не признать стремленія женщины къ свободному развитію и образованію своихъ способностей и къ самостоятельному пользованію собственными силами; но все же во многихъ сердцахъ живетъ опасеніе, что въ безпощадномъ свѣтскомъ водоворотѣ женщина лишится украшенія, свойственнаго ея полу — нѣжнаго чутья къ добрымъ нравамъ и требованіямъ приличій. Къ этому заключенію приходятъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что мужчина, среди грубыхъ житейскихъ столкновеній и занятій, усваиваетъ себѣ то пониманіе нравственнаго закона, по которому этотъ законъ предоставляетъ бо́льшую нравственную свободу мужчинѣ, дѣйствующему въ свѣтѣ, нежели жен-

щинѣ, покоящейся подъ охраной семейнаго круга; подобно этому, и женщина, выступая на ряду съ мужчиной на общественныя поприща дѣятельности, мало-по-малу лишится прославленной женственной строгости нравовъ и заявитъ собственныя притязанія на тѣ вольности, которыя до сихъ поръ холоднымъ и молчаливымъ согласіемъ присуждались исключительно мужчинѣ.

Однако же не слѣдуетъ обходить этого вопроса, потому что, въ самомъ дѣлѣ, если справедливъ тотъ упрекъ, что равноправіе половъ можетъ повредить общественной нравственности, то самые ожесточенные противники его суть истинные друзья человѣчества, на ихъ сторонѣ право, а защитники эмансипаціи воюютъ противъ одного изъ священнѣйшихъ благъ общества— нравственности.

2.

Изслѣдуя вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ половъ, я постараюсь установить принципъ нравственности, который вижу въ благѣ, соединяющемъ въ себѣ интересы какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ лицъ, и основанномъ на чувствѣ взаимной любви. Это изслѣдованіе непосредственно приводитъ меня къ слѣдующимъ результатамъ:

1. Безнравственны тѣ человѣческіе поступки, которые нарушаютъ права другихъ лицъ.

2. Обществу принадлежитъ право вмѣшиваться въ поступки лицъ, насколько этого требуетъ защита ихъ интересовъ; изъ чего, въ свою очередь, слѣдуетъ, что: а) охраненіе общаго блага требуетъ, чтобы безнравственные, т.-е. такіе поступки, которые вредятъ обществу, или, что все равно, одному изъ его членовъ, не только осуждались общественнымъ мнѣніемъ, но, въ силу надлежащихъ государственныхъ законовъ, и наказывались, или, смотря по обстоятельствамъ, запрещались; и б) не дѣло общества вмѣшиваться въ тѣ поступки, которые не вредятъ ничьимъ правомѣрнымъ интересамъ; оно не въ правѣ въ этихъ случаяхъ играть роль третейскаго судьи, не въ правѣ присуждать ихъ къ наказанію, если они противорѣчатъ общественному мнѣнію.

Примѣняя эти основныя положенія къ отношеніямъ половъ между собой, мы заключаемъ, что тѣ ихъ формы, которыя вредятъ обществу, должны наказываться государствомъ или, смотря по обстоятельствамъ, запрещаться его законами; напротивъ, тѣ формы, изъ которыхъ не возникаетъ ни для кого никакого вреда, должны быть разсматриваемы какъ дозволяемыя безъ исключенія.

Главное въ томъ, чтобы изслѣдовать и установить, какія отношенія половъ между собой вредны обществу и какія не причиняютъ ему вреда.

Имѣя въ виду опредѣлить тѣ формы отношеній половъ между собой, въ которыхъ сохранялись бы интересы и общественные, и индивидуальные, я предлагаю слѣдующія мѣропріятія:

1. Полное соціальное и политическое равенство обоихъ половъ.

2. Уничтоженіе проституціи, какъ законнаго или терпимаго учрежденія.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своего сочиненія писательница занимается разъясненіемъ этихъ положеній и рисуетъ картину того состоянія общества, которое было бы достигнуто выполненіемъ указанныхъ ею мѣропріятій.

Этимъ оканчивается первая глава сочиненія, содержаніе котораго мы передаемъ здѣсь въ существенныхъ чертахъ.

Въ каждой изъ послѣдующихъ главъ мы находимъ поочередное изслѣдованіе вышеприведенныхъ положеній. И такъ, вторая глава носитъ заглавіе: «полное соціальное и политическое равенство обоихъ половъ».—Прежде всего авторъ старается доказать, что нравственность женщинъ въ средней сложности выше, чѣмъ нравственность мужчинъ.

Съ этою цѣлью писательница приводитъ рядъ статистическихъ данныхъ разныхъ западныхъ государствъ, показывающій, что изъ общаго количества совершаемыхъ преступленій несравненно бóльшій процентъ приходится на долю мужчинъ, значительно меньшій—на долю женщинъ. Въ заключеніе она замѣчаетъ: изъ этихъ результатовъ многолѣтнихъ наблюденій и изъ того соображенія, что, не смотря на невыгодное положеніе вос-

питанія и образованія женскаго сравнительно съ мужскимъ, женщина оказывается нравственнѣе мужчины, выводятъ то заключеніе, что нравственное чувство у женщинъ уже по самой ихъ природѣ сильнѣе, чѣмъ у мужчины. Это воззрѣніе такъ общепринято, что французскіе криминалисты и законы Пиренейскаго полуострова считаютъ принадлежность къ женскому полу обстоятельствомъ, смягчающимъ вину.

Если основательно то мнѣніе, что женскій полъ по своимъ природнымъ качествамъ нравственнѣе мужскаго; если это мнѣніе есть доказанная несомнѣнная истина, то будетъ послѣдовательно спросить: какъ можно оправдать то, что женщина, будучи отъ природы лучшимъ существомъ, подчинена худшему— мужчинѣ и поставлена ниже его? Какъ можетъ имѣть мѣсто то опасеніе, что общественная нравственность пострадаетъ отъ эмансипаціи женщинъ? Напротивъ, она должна существенно улучшиться, благодаря привлеченію болѣе нравственной половины человѣчества къ той дѣятельности, которая оказываетъ вліяніе на государственное управленіе. Какъ можно опасаться, что женщина, оказавшаяся нравственнѣе мужчины, не смотря на неслыханное пренебреженіе ея воспитаніемъ, уронила бы свое нравственное достоинство, если бы дали многостороннее образованіе ея уму и характеру, если бы предоставили ей свободный выборъ дѣятельности, которая дала бы занятіе ея благороднѣйшимъ способностямъ?

Тѣмъ не менѣе я не держусь того взгляда, что по самой природѣ своей женщина нравственнѣе мужчины; она оказывается таковою только вслѣдствіе своего настоящаго соціальнаго положенія.

Но если станутъ заключать изо всего сказаннаго, что нѣтъ никакого различія въ природной склонности обоихъ половъ къ добру и злу, но что сравнительно высшая нравственность женщины есть неизбѣжное слѣдствіе ея соціальнаго положенія, удаляющаго отъ нея искушенія совершать нѣкоторыя преступленія и проступки болѣе, чѣмъ отъ мужчины если сдѣлаютъ это заключеніе, то пожалуй могутъ придти къ дальнѣйшему выводу—къ тому, что подобное преобразованіе соціальнаго положенія, которое предоставитъ женщинѣ въ общественной жизни права и обязанности равныя съ мужскими, — благодаря чему

женщина также часто будетъ подвергаться искушенію и совершать различные проступки, — что такое преобразованіе должно непремѣнно понизить уровень нравственности женскаго пола, а черезъ это и цѣлаго общества. Но по ближайшемъ освѣщеніи это заключеніе, столь логичное съ перваго взгляда, оказывается ложнымъ, потому что этотъ новый порядокъ вещей въ худшемъ случаѣ будетъ имѣть только то послѣдствіе, что количество нарушеній законовъ распредѣлится въ средней сложности поровну между обоими полами. Но изъ этого однако же никакъ не слѣдуетъ, что общая сумма нарушеній законовъ будетъ бóльшая, чѣмъ при настоящихъ общественныхъ учрежденіяхъ; а также не слѣдуетъ смотрѣть на это обстоятельство какъ на регрессивный шагъ въ общественной жизни. Мало того, мое твердое убѣжденіе таково, что при тѣхъ соціальныхъ преобразованіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, общая сумма преступленій противъ законовъ не только не увеличится, но существенно уменьшится. Ибо равенство половъ такъ преобразуетъ общія понятія, укрѣпляющія и просвѣтляющія принципы обоихъ половъ, что общество будетъ возведено на невѣдомую теперь ступень чистой и высокой нравственности, на ту ступень, достичь которой совершенно невозможно при обычаяхъ и законахъ, дающихъ одному полу несправедливыя преимущества и притѣсняющихъ другой полъ.

Вообще положеніе женщины, опредѣляемое гражданскимъ правомъ новѣйшихъ образованныхъ государствъ, болѣе благопріятно, чѣмъ оно было во времена несовершенной цивилизаціи и чѣмъ оно есть теперь у варварскихъ народовъ; не смотря на это, еще ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не уничтожено подчиненіе женскаго пола мужскому, еще нигдѣ супружеское право не покоится на базисѣ равныхъ правъ и обязанностей обоихъ супруговъ.

Не только законодательство, но и общественное мнѣніе не равняетъ обоихъ половъ; такъ, при безнравственномъ поведеніи лицъ, не состоящихъ въ бракѣ, все презрѣніе общества падаетъ только на женщину, никогда на мужчину. Цѣлая долгая жизнь, оскверненная безпутнымъ развратомъ, прощается мужчинѣ скорѣе, чѣмъ дѣвушкѣ единственный ложный шагъ, къ которому

ее часто приводитъ невѣдѣніе ея невинной души, искренность довѣрчивой первой любви или ловкіе соблазны искусителя. На *нее* обрушивается вся тяжесть общественнаго негодованія, между тѣмъ какъ *онъ* въ глазахъ мужчинъ считается невиннымъ, а въ глазахъ большинства женщинъ становится еще интереснѣе. Эта строгость общественнаго сужденія относительно одного пола, въ соединеніи съ большою снисходительностью относительно другаго, должна показаться очень странною наблюдателю безпристрастному и свободному отъ предразсудковъ. Она должна показаться тѣмъ страннѣе, что женскій полъ вошелъ въ пословицу, какъ слабѣйшій, надѣленный меньшей силой ума и характера, мужчинѣ же приписываютъ бóльшую силу ума и характера, чѣмъ именно ему облегчается побѣда воли надъ желаніемъ, и его паденіе должно бы встрѣтить тѣмъ меньше снисхожденія.

Но если даже хотятъ признать эти извиняющія женщину обстоятельства, если приписываютъ обоимъ поламъ одинаковую нравственную силу, — все же женщина имѣетъ болѣе права на снисхожденіе, чѣмъ мужчина, по слѣдующимъ двумъ вѣскимъ причинамъ: во-первыхъ, потому что искушеніе почти всегда исходитъ отъ мужчины, и, во-вторыхъ, потому что естественныя послѣдствія подобнаго проступка падаютъ на женщину, но не на мужчину. Она рискуетъ при этомъ своимъ здоровьемъ, жизнью, общественнымъ уваженіемъ, тяжелыми заботами о воспитаніи своего ребенка и объ охраненіи его жизни и здоровья. Онъ же рискуетъ только ея здоровьемъ, ея жизнью, ея несчастьемъ и бѣдствіемъ. Какой расточитель заслуживаетъ бóльшаго наказанія: тотъ ли, который удовлетворенію страсти приноситъ въ жертву собственное добро, или тотъ, кто съ подобною же цѣлью жертвуетъ имуществомъ другаго лица? Разумѣется, послѣдній.

Какъ же поэтому мотивировать то, что вина вовсе не ложится на мужчину, который не хочетъ связывать себя законнымъ бракомъ и ищетъ удовлетворенія своихъ желаній въ свободной связи съ женщиной, чтобы не принимать на себя никакихъ происходящихъ отъ того послѣдствій, между тѣмъ какъ она, рождающая въ страданіяхъ и лицомъ къ лицу со смертью,

будучи даже лишь жертвой своего невѣдѣнія, подвергается презрѣнію и изгоняется изъ круга порядочныхъ людей?

И какое право лежитъ въ основаніи того сужденія, которое извиняетъ легче нарушеніе вѣрности со стороны мужчины, нежели со стороны женщины?

«Нѣтъ ничего болѣе унизительнаго въ нашей общественной жизни»,—говоритъ одинъ американскій писатель,—«какъ примѣръ мужчинъ, которые съ пистолетомъ въ рукѣ ревниво охраняютъ свое супружеское ложе; которые ворчатъ какъ собаки, когда къ ихъ женамъ и дочерямъ приближаются легкомысленные мужчины, между тѣмъ какъ на женъ и дочерей другихъ мужчинъ они смотрятъ лишь какъ на тварей, созданныхъ для удовлетворенія ихъ животныхъ пожеланій».

Ни одно судилище не можетъ совершить большей несправедливости, какъ оправдать мужчину, который убиваетъ соблазнителя своей жены или дочери, въ то время какъ самъ онъ не отличается вѣрностью. Черезъ весь міръ проходитъ допущеніе того эгоизма, который *мнѣ* дозволяетъ все то, что̀ я считаю недозволеннымъ другому лицу.

Какъ ученыя, такъ и неученыя, какъ ограниченныя, такъ и глубоко-мыслящія головы уже давно поражала эта противоположность въ приговорахъ общественнаго мнѣнія между снисходительностью къ нравственной слабости мужчины и строгостью относительно женщины; и много было разнообразныхъ попытокъ оправдать эту противоположность, составляющую самую замѣчательную аномалію въ исторіи нравовъ. Если мы спрашиваемъ объ основаніи этого неравенства, то намъ приводятъ различныя оправданія, которыя мы постараемся теперь же провѣрить.

Все, что̀ было сказано и написано въ защиту неравенства нравственнаго мѣрила, прилагаемаго къ сужденію объ обоихъ полахъ, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ пяти положеніямъ:

1. Распутство женщины вредитъ общественной нравственности болѣе, нежели распутство мужчины, такъ какъ послѣдній можетъ удовлетворять своимъ страстямъ внѣ предѣловъ порядочнаго общества.

2. Незаконнорожденныя дѣти—такъ какъ отецъ не принялъ

на себя обязанности заботиться о нихъ, а положеніе матери по большей части таково, что она можетъ сдѣлать это лишь въ ограниченной мѣрѣ—воспитываются ненадлежащимъ образомъ или совершенно забрасываются, легко становятся нищими или преступниками, обращаясь такимъ образомъ въ бремя для общества.

3. Такъ какъ въ семействѣ обезпеченіе дѣтей есть обязанность мужа, то ему причиняется тяжкая несправедливость введеніемъ въ семью чужихъ ему дѣтей, рожденныхъ въ прелюбодѣяніи; между тѣмъ какъ жена не принимаетъ никакихъ обязанностей относительно незаконныхъ дѣтей своего мужа, ибо они не входятъ въ составъ ея семьи. Вслѣдствіе этого отъ безнравственнаго поведенія мужа не столько терпитъ жена, сколько мужъ отъ безнравственнаго поведенія съ ея стороны.

4. Такъ какъ опытомъ доказанъ тотъ фактъ, что женщина, предаваясь половой безнравственности, становится гораздо необузданнѣе, чѣмъ мужчина, то для женскаго пола нравственная узда необходимѣе, чѣмъ для мужскаго.

5. Такъ какъ оба пола отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что у мужчины половое влеченіе сильнѣе, господство надъ нимъ труднѣе и преодолѣніе его оказываетъ на мужской организмъ гораздо болѣе вредное вліяніе, чѣмъ на организмъ женщины, то отъ мужчины нельзя требовать половой воздержности.

Дадимъ себѣ теперь трудъ разслѣдовать истинное достоинство этихъ принимаемыхъ на вѣру положеній.

Анализъ перваго положенія.

Мужчина создалъ цѣлый классъ женщинъ, которыя составляютъ клоаку для его похотей. Что душа и тѣло многихъ тысячъ этихъ несчастныхъ систематически приносятся въ жертву его наслажденію; что эти, достойныя сожалѣнія существа оплачиваютъ чахоткой, несказаннымъ бѣдствіемъ или ранней смертью разнузданность его страстей,—это мужчину не трогаетъ или вообще считается имъ чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Мужчина, и притомъ такой, который общественнымъ мнѣніемъ признается за нравственнаго, исходитъ изъ слѣдующаго положенія: удовлетвореніе моихъ желаній необходимо; выбрать средствомъ для этого удовлетворенія замужнюю женщину изъ порядочнаго общества я не хочу, потому что это было бы

вторженіемъ въ чужія права; соблазнять молодыхъ дѣвушекъ изъ хорошихъ семействъ я не смѣю, потому что это легко можетъ повлечь за собою компрометирующія послѣдствія; слѣдовательно мнѣ не остается ничего другаго, какъ купить себѣ красивую женщину, которая не занимаетъ никакого положенія въ обществѣ, не имѣетъ защиты со стороны своего семейства, которая бѣдна и безпомощно борется съ нуждой и лишеніями.

Таковы основныя положенія нравственнѣйшихъ мужчинъ, и это тѣ положенія, которыя, въ соединеніи съ небрежностью женскаго воспитанія и съ несправедливымъ законнымъ ограниченіемъ пріобрѣтенія женщинами средствъ къ существованію, создали то явленіе, которое кладетъ на человѣческое общество Каинову печать нравственной слабости и возмутительнаго себялюбія. Нежеланіе мужчины умѣрять свои страсти навязываетъ женщинѣ, не обезпеченной матеріально, порокъ, какъ ремесло, для того, чтобы она, унижаясь до роли страдательнаго орудія для наслажденія мужчины и будучи презираема и порицаема обществомъ, какъ отверженная, защищала отъ соблазновъ болѣе счастливыхъ изъ своего пола.

Мужская чувственность и эгоизмъ пораждаютъ этотъ классъ несчастныхъ существъ и еще дерзко ставятъ себѣ это въ заслугу, потому что черезъ это ихъ нравственные проступки, сосредоточиваясь около этой категоріи женщинъ, не касаются порядочнаго общества.

Предположимъ однако же, что въ мужскомъ полѣ существовали бы фигуры, параллельныя вышепомянутому роду женскихъ тварей (я говорю: предположимъ, хотя скандальная хроника большихъ городовъ указываетъ въ различныя времена, что такія фигуры существуютъ на самомъ дѣлѣ) и предположимъ далѣе, что женщины разсуждали бы такъ же, какъ и мужчины: удовлетворять требованіямъ естественныхъ побужденій необходимо; однако же съ женатыми мужчинами я не хочу вступать въ связь, потому что этимъ были бы нарушены права другихъ женщинъ; нельзя вообще совѣтовать заводить интриги съ мужчинами изъ порядочнаго общества, потому что онѣ легко становятся извѣстными и черезъ то возбуждаютъ негодованіе и соблазнъ; ergo, я обращаю мои преходящія чувства на

тѣхъ щеголеватыхъ petits-maîtres'овъ, призваніе и средства къ жизни которыхъ состоятъ въ удовлетвореніи любовной жажды томящихся женскихъ сердецъ. Подобный порядокъ вещей выставилъ бы въ надлежащемъ свѣтѣ это основное положеніе и искренность и послѣдовательность мужскаго пониманія нравственности. Но, если мы не очень ошибаемся, какъ мужчины, такъ и общественное мнѣніе—въ этомъ отношеніи оба тождественны — рѣшительно отвергнутъ подобное правило женской нравственности, выкроенное по образцу благороднаго мужскаго примѣра, и никоимъ образомъ не будутъ они судить такъ снисходительно, какъ свой собственный полъ, не смотря на то, что въ этомъ случаѣ для обоихъ половъ существуютъ равносильныя оправданія.

Мы дѣлаемъ вмѣстѣ съ этимъ интересное открытіе, что первая причина, въ силу которой мужчина болѣе извиняетъ безнравственность своего пола, нежели женскаго, есть не что иное, какъ лицемѣріе и ложь, будто бы оправдывающія распущенность мужчины.

Анализъ втораго положенія.

Слабость его очевидна съ перваго взгляда. Ибо какой смыслъ въ томъ, что если незаконныя дѣти, по бо̀льшей части, дурно воспитываются и становятся бременемъ для общества, то за ихъ произведеніе на свѣтъ дѣлаютъ болѣе отвѣтственной женщину, нежели мужчину? Это можетъ быть объяснено или тѣмъ, что вниманіе къ государственнымъ интересамъ есть будто бы въ бо̀льшей степени обязанность женщины, чѣмъ мужчины (вѣроятно, въ благодарность за то, что государственные учрежденія и законы столь любезнымъ и заботливымъ образомъ принимаютъ въ разсчетъ права и интересы женщинъ); или же тѣмъ, что соблазнъ къ подобному проступку всегда исходитъ отъ женщины, и нравственный мужчина не можетъ противостоять любовному натиску женщины чисто по добротѣ сердца. Но съ этимъ допущеніемъ плохо согласуется признаніе съ одной стороны традиціоннаго предположенія цѣломудренности женской натуры, а съ другой—значительной силы воли у мужчины.

Каждое незаконное дитя есть плодъ виновности не только своей матери, но и своего отца. Не послѣдовательнѣе ли было бы, чтобы при рожденіи незаконнаго ребенка вся отвѣтствен-

ность и все негодованіе общественнаго мнѣнія падали на мужчину —во вниманіе къ тѣмъ обстоятельствамъ, что соблазнъ почти всегда исходитъ отъ мужчины, и что ему открытъ широчайшій просторъ къ удовлетворенію его вожделѣній, благодаря существованію вышеупомянутаго класса женщинъ?

Если общество терпитъ вредъ отъ того, что интересы незаконныхъ дѣтей такъ дурно охраняются, то причиной этому то, что ихъ пропитаніе и воспитаніе—въ нѣкоторыхъ государствахъ исключительно, а въ другихъ преимущественно—падаютъ на мать, между тѣмъ какъ эта послѣдняя имѣетъ менѣе законныхъ способовъ къ пропитанію, нежели мужчина. Зачѣмъ придумали такіе безсмысленные законы, которые создаютъ подобныя положенія? Почему не возлагаютъ обязанности попеченія о незаконныхъ дѣтяхъ на отца такъ же, какъ и на мать, и почему не облегчаютъ этой заботы матери, открывая ей тѣ самые источники къ пріобрѣтенію средствъ для жизни, которые открыты мужчинѣ? Такъ какъ отцы незаконныхъ дѣтей не обязаны пещись о ихъ пропитаніи, не говоря уже о воспитаніи; такъ какъ ихъ матери—благодаря превосходнымъ законамъ, преграждающимъ женщинѣ наиболѣе честные и выгодные пути къ жизни—большею частью не въ состояніи ихъ порядочно воспитывать, или — благодаря осужденію, произносимому общественнымъ мнѣніемъ каждой женщинѣ, добродѣтель которой не устояла передъ страстью — онѣ нѣкоторымъ образомъ принуждаются, чтобы не огласить своего стыда, устранить отъ себя живое доказательство своего паденія. Что такія бѣдныя заброшенныя незаконнорожденныя дѣти, какъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ часто случается, становятся нищими, негодяями, преступниками—это вина общества, которое освобождаетъ отца отъ обязанности заботиться о нихъ, а мать нравственно принуждаетъ отречься отъ ребенка, частью въ силу законнаго ограниченія женской дѣятельности, частью вслѣдствіе стыда, который падаетъ на мать незаконнаго дитяти.

Анализъ третьяго положенія.

Это одинъ изъ любимѣйшихъ, но въ своемъ послѣдовательномъ развитіи одинъ изъ отвратительнѣйшихъ и глупѣйшихъ принциповъ, какой только можно придумать. Когда женщина болѣе, чѣмъ мужчина, обязывается къ супружеской вѣрности

тѣмъ, что плоды прелюбодѣянія жены будутъ содержимы на счетъ обманутаго мужа, и когда, съ другой стороны, мужчина не такъ наказуемъ за прелюбодѣяніе, какъ женщина, потому что приписываемыя ему дѣти не обременяютъ его жены, тогда —да, тогда чистота и ненарушимость брачнаго союза есть не что иное, какъ финансовый вопросъ. Тогда замужняя женщина можетъ имѣть столько любовныхъ связей, сколько ей угодно, если она достаточно богата, чтобы дѣтей, происходящихъ отъ этихъ связей, воспитывать на свой счетъ внѣ семейства, или если ихъ отцы принимаютъ на себя расходы по ихъ содержанію и воспитанію.

Сообразно съ этимъ положеніемъ безплодіе женщины также освобождаетъ ее отъ обязанности супружеской вѣрности.

Съ какой бы стороны ни стали мы освѣщать этотъ принципъ, отовсюду представляетъ онъ явную безсмыслицу.

Анализъ четвертой догмы.

Совершенно вѣрно, что безнравственное поведеніе деморализируетъ женщину вообще болѣе, чѣмъ мужчину. Мужчины, которые въ этомъ отношеніи позволяютъ себѣ много эксцентричностей, часто обладаютъ въ другихъ отношеніяхъ отличными нравственными правилами. Именно тѣ мужчины, которые въ своей юности выдаются необузданностью своего нрава и неограниченнѣйшимъ удовлетвореніемъ своихъ страстей, иногда и отличаются чистотой и твердостью характера, когда кипучая кровь станетъ течь спокойнѣе и холоднѣе въ ихъ жилахъ и выдѣлятся мутная пѣна и гуща, производимыя процессомъ броженія въ каждой недюжинной личности.

Между женщинами подобные примѣры болѣе рѣдки. Изъ этого наблюденія своеобразной, непонятной намъ логикой вывели то заключеніе, что въ женской природѣ половая нравственность находится въ болѣе тѣсной связи съ моральнымъ чувствомъ, нежели въ природѣ мужчины; поэтому женщина, если она разъ предалась распутству, должна, говорятъ, пасть ниже, нежели въ подобномъ же случаѣ мужчина; изъ чего также естественнымъ образомъ слѣдуетъ, что, будто бы, для нравственности женщины вообще цѣломудріе необходимѣе, чѣмъ для мужчины. На это умозаключеніе возразить нечего,

кромѣ развѣ того, что оно исходитъ изъ ложныхъ предположеній и приводитъ также къ ложнымъ выводамъ.

Если бы не было извѣстно, что всѣ эти положенія нарочно придуманы съ тою цѣлью, чтобы легитимировать эмансипацію мужчины отъ неудобнаго для него нравственнаго ограниченія и доказать необходимость нравственной строгости для женщины, то нужно было бы удивляться, что стараются объяснить различными глубокомысленными психологическими софизмами замѣчаемое явленіе, что распутный мужчина иногда остается человѣкомъ хорошимъ, въ то время какъ женщина явно безнравственная—большею частью не высокой пробы и во всемъ остальномъ, и въ слѣпотѣ своей упускаютъ изъ виду лежащую подъ руками дѣйствительную причину.

Мнѣніе, будто бы общая нравственность у женщины неразлучнѣе съ нравственностью особенною (половою), чѣмъ у мужчины, и что поэтому будто бы общая нравственность сильнѣе повреждается нарушеніемъ этой особенной у женщины, чѣмъ у мужчины—это мнѣніе въ самомъ дѣлѣ могло бы насъ разсмѣшить, не смотря на всю серьезность обсуждаемаго нами предмета, и здѣсь больше чѣмъ гдѣ-либо у мѣста восклицаніе: «если бы эта мысль не была такъ страшно остроумна, ее попробовали бы назвать глупой»! Строй человѣческой души представляютъ себѣ, кажется, зданіемъ съ двумя флигелями, въ одномъ изъ которыхъ живутъ нравственные пороки, а въ другомъ—различныя добродѣтели, гдѣ цѣломудріе въ добродѣтельной части души мужчины представляетъ только случайную красивую пристройку, нѣчто въ родѣ мезонина или балкона, который можно удалить безъ существеннаго вреда для зданія. Въ женской душѣ названная добродѣтель, напротивъ, образуетъ фундаментъ моральной части зданія, поколебаніе котораго обрушитъ всю эту часть, такъ что останется только другая часть зданія, населенная пороками.

Но, не обладая такимъ полетомъ фантазіи, чтобы вѣрить въ подобный строй человѣческой души, мы не можемъ себѣ представить, какъ это характеръ половъ можетъ имѣть такое коренное различіе, что недостатокъ извѣстной добродѣтели у одного пола не могъ бы оказать никакого вліянія на его нравственное достоинство, а у другаго пола будто бы необходимымъ

образомъ долженъ повести къ полному разрушенію его нравственнаго чувства. Очень любятъ изъ тѣлеснаго различія обоихъ половъ выводить заключеніе о различіи ихъ душевныхъ и духовныхъ способностей, чтó до извѣстной степени вполнѣ справедливо.

Находятъ ли, однако, въ тѣлесномъ организмѣ примѣръ того, чтобы болѣзнь какого-либо органа причиняла одному полу хилость или даже смерть, между тѣмъ какъ подобная же болѣзнь того же самаго органа не разрушила бы здоровья другаго пола и не измѣнила его тѣлесныхъ отправленій?

Истинная причина того явленія, что женщинѣ, если она споткнется и упадетъ, гораздо труднѣе подняться, нежели мужчинѣ,—эта причина лежитъ вовсе не въ различіи душевнаго организма обоихъ половъ. Истинная причина лежитъ единственно въ строгомъ, не знающемъ снисхожденія осужденіи павшей женщины. Жестокость, холодное безучастіе, поруганіе, презрѣніе, падающія на женщину, которая не могла противостоять бурѣ страстей, волнующихъ сердце женщины такъ же сильно, какъ и грудь мужчины,—вотъ что затрудняетъ павшей ея нравственное поднятіе, вотъ что наполняетъ ея душу отчаяніемъ, и несчастная, потерявшая вѣру въ себя, безвозвратно кидается въ пучину нравственной гибели. Развѣ существуетъ въ среднемъ и высшемъ сословіи возстановленіе репутаціи соблазненной дѣвушки?

Потрясаемая страстнымъ желаніемъ первой любви, убаюкиваемая преданнѣйшимъ довѣріемъ къ любимому человѣку, бросается она въ украшенную цвѣтами любви и счастья пропасть безчестія, вѣчнаго неизгладимаго позора. Для нея нѣтъ спасенья, нѣтъ возврата.

Какъ собака съ лаемъ бросается на того, кого бьютъ, такъ точно хорошіе, нравственные люди рвутъ сердце и честь этой несчастной. И самые благородные поступки и стремленія не смываютъ позорнаго клейма съ ея чела.

Всякій, знающій исторію ея юности, улыбается, шушукаетъ, пожимаетъ плечами. Дамы сожалѣютъ о ней, но отворачиваются отъ нея. Мужчины запрещаютъ своимъ женамъ и дочерямъ всякое общеніе съ ней, и если сами они встрѣчаются съ ней, то осмѣливаются занимать ее двусмысленными остро-

тами и анекдотами. Въ самомъ дѣлѣ требуется рѣдкая твердость, рѣдкая сила, чтобы стоять противъ всего этого; чтобы гордо выдержать презрѣніе; чтобы, опираясь единственно на себя, на сознаніе собственнаго достоинства, безстрашно идти тѣмъ путемъ, который предписывается разумомъ и совѣстью. Но какъ можетъ она имѣть такое смѣлое непобѣдимое довѣріе къ самой себѣ, когда съ дней ея дѣтства ей внушали, что самое святое и самое высокое, чѣмъ только обладаетъ женщина, есть ненарушенная чистота ея женской чести, которая составляетъ единственное достоинство женщины, доставляющее ей уваженіе со стороны людей благородныхъ?

Воспитанная въ этихъ понятіяхъ, какъ можетъ павшая однажды не потерять вѣры въ собственное достоинство, не усомниться въ самой себѣ и,—если она, подобно многимъ соблазненнымъ и покинутымъ дѣвушкамъ, не заканчиваетъ свои бѣдствія самоубійствомъ,—какъ можетъ она, разбитая нравственно, не устремиться на встрѣчу неизбѣжной погибели? Потому что истинно и безвозвратно потерянъ только тотъ, кто въ отчаяніи отрекается самъ отъ себя.

Я очень хотѣла бы видѣть, могъ ли бы мужчина, если бы онъ долженъ былъ бороться съ такимъ же могучимъ теченіемъ, которое такъ необычайно затрудняетъ павшей женщинѣ ея возвращеніе или дѣлаетъ его вполнѣ невозможнымъ,—могъ ли бы онъ оправдать прославленную фениксоподобную силу обновленія мужскаго характера, и могъ ли бы онъ—какъ это ему облегчаетъ существующій общественный порядокъ вещей—стряхнуть съ себя прахъ грѣховъ юности и снова явиться въ безупречной нравственной одеждѣ?

Во всемъ сказанномъ видимъ мы неоспоримое доказательство того, что деморализирующее вліяніе половой безнравственности только вслѣдствіе созданныхъ обществомъ обстоятельствъ сильнѣе дѣйствуетъ на женскій полъ, нежели на мужской, и что во власти самого общества ослаблять это вліяніе и дѣлать для женщины, какъ и для мужчины, возможнымъ, если она споткнется и упадетъ, снова подняться до той нравственной высоты, которой мужчина, не смотря на худшіе проступки, всегда можетъ достичь твердою волею и честнымъ стремленіемъ. Такимъ образомъ видимъ мы также, что основаніе, доказываю-

щее необходимость для женскаго пола болѣе тѣснаго нравственнаго ограниченія, чѣмъ для мужскаго, и оправдывающее неодинаковость порицанія однихъ и тѣхъ же поступковъ соразмѣрно съ поломъ, что это основаніе такъ же неубѣдительно, какъ и прежде разсмотрѣнныя, несостоятельность которыхъ нами доказана.

Анализъ пятаго положенія.

Прежде чѣмъ мы разслѣдуемъ справедливость этого положенія, мы не можемъ не обратить вниманія на бросающееся въ глаза отсутствіе всякаго здраваго смысла въ томъ заключеніи, которое, по причинѣ предполагаемой меньшей силы вожделѣній женскаго пола, обязываетъ его къ болѣе строгому воздержанію, нежели мужской полъ.

Суть дѣла представляется такимъ образомъ: вслѣдствіе того, что мужчина имѣетъ болѣе сильныя вожделѣнія, ему разрѣшается удовлетвореніе ихъ; женщина же, которая не находитъ себѣ извиненія въ чувственномъ темпераментѣ, осуждается за каждую внѣ-брачную связь.

Развѣ не видно, къ какой неразрѣшимой дилеммѣ приводитъ эта безсмысленная, раздвоенная мораль? Какимъ образомъ можетъ мужчина удовлетворять свои любовныя вожделѣнія, если женщина, строго держась въ границахъ нравственности, отведенныхъ ея полу, не внимаетъ желаніямъ мужчины? Намъ представляется слѣдующее неразрѣшимое столкновеніе: или мужчинѣ не удастся дозволяемое ему удовлетвореніе своимъ страстямъ, или женщина окажется виновной; или мужчина ненавидитъ, преслѣдуетъ и насилуетъ женщину, потому что она ему сопротивляется; или онъ презираетъ ее, потому что она ему уступаетъ!

Конечно, не нужна особенная познавательная способность; достаточно одного простаго здраваго, не введеннаго въ заблужденіе человѣческаго разсудка, чтобы видѣть, что моральные принципы, ведущіе къ подобной путаницѣ, безсмысленны и должны быть отвергнуты. И однако же есть много такъ-называемыхъ «образованныхъ» людей, которые не стыдятся повторять безсмысленную болтовню другихъ, громогласно свидѣтельствуя этимъ безуміемъ о собственной духовной нищетѣ.

Было бы логичнѣе, принимая за дѣйствительный фактъ

предположенное менѣе значительное любовное вожделѣніе женскаго пола, вывести моральныя правила, противоположныя упомянутымъ, и придти къ слѣдующему заключенію: такъ какъ половое влеченіе у женщины проявляется съ меньшею страстностью, чѣмъ у мужчины, то въ случаяхъ проступковъ противъ нравственности вину женщины нужно считать меньшею, чѣмъ вину со стороны мужчины, ибо нужно принять, что мужчина склоняетъ женщину къ проступку; она же, напротивъ, какъ менѣе чувственнаго темперамента, поддалась только изъ любящей уступчивости и неотступныхъ желаній и просьбъ мужчины. Это заключеніе болѣе согласовалось бы какъ съ разумомъ, такъ и со справедливостью, нежели противоположное господствующее воззрѣніе о большей виновности женщины.

Займемся теперь изслѣдованіемъ фактической справедливости того положенія, о которомъ идетъ рѣчь. Какъ видно, оно распадается на двѣ части: въ первой части высказывается, что женскій полъ менѣе доступенъ любовнымъ вожделѣніямъ, нежели мужской; вторая часть утверждаетъ, что подавленіе любовнаго вожделѣнія для мужчины вреднѣе отзывается на здоровьи, чѣмъ для женщины. Попытка утвержденія, сильнѣе ли желаніе физической любви у одного пола, чѣмъ у другаго, просто смѣшна, и по самой природѣ разбираемаго вопроса можетъ удаться по крайней мѣрѣ не прежде, чѣмъ извѣстное число индивидовъ одного пола превратятся на опредѣленное время въ индивидовъ другаго пола и повѣдаютъ намъ объ испытанномъ ими. А до тѣхъ поръ всѣ предположенія въ этомъ родѣ чисто произвольны и лишены всякаго вѣрнаго основанія.

Какъ единственное доказательство въ пользу этого воззрѣнія, могли бы привести тотъ общій опытъ, что незамужняя женщина, въ средней сложности, воздержнѣе, чѣмъ неженатый мужчина; при этомъ упускаютъ изъ виду, что признаніе этого аргумента вводитъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода: такъ какъ половое вожделѣніе у мужчины сильнѣе, чѣмъ у женщины, то его удовлетвореніе можетъ быть дозволено скорѣе ему, чѣмъ ей; и затѣмъ, такъ какъ мужчина удовлетворяетъ своему вожделѣнію съ меньшимъ раздумьемъ, чѣмъ женщина, то изъ этого слѣдуетъ, что у него оно сильнѣе обнаруживается, чѣмъ у нея.

То обстоятельство, что мужчина менѣе обуздываетъ свои вожделѣнія, должно будто бы доказывать, что вожделѣнія у мужчины сильнѣе, чѣмъ у женщины. Но именно потому не обуздываетъ онъ ихъ, что его учатъ, будто бы онъ не имѣетъ въ этомъ нужды. Ежедневный жизненный опытъ указываетъ, что множество мотивовъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ склоняютъ женщину къ самообладанію въ этомъ отношеніи; мотивы эти столь вѣски, что женщина, если бы ея вожделѣнія были въ десять разъ сильнѣе, нежели вожделѣнія мужчины, все же принудили бы ее къ господству надъ ними. При такихъ обстоятельствахъ, можно ли видѣть въ меньшемъ господствѣ надъ собой мужчины доказательство его болѣе сильныхъ чувственныхъ вожделѣній?

Что признаніе подлежащей еще вопросу физіологической разницы между обоими полами произвольно, лишено всякаго научнаго основанія, это ясно до очевидности уже изъ того, что физіологія ничего о ней не знаетъ. Она просто выдумана мужчинами и пущена ими въ ходъ, потому что они стараются собрать аргументы, которые будто бы оправдываютъ ихъ распутство и обязываютъ женщину къ добродѣтели, съ цѣлью получать себѣ въ супружество невинныхъ дѣвушекъ и обязывать женъ къ вѣрности своимъ мужьямъ; но чтобы при этомъ дѣвушки не вздумали, съ своей стороны, имѣть притязаніе на подобную невинность отъ своихъ жениховъ, а супруги — на подобную вѣрность отъ мужей.

Отвѣтъ на вопросъ, находящійся во второй части разбираемаго положенія, — на вопросъ о вредѣ для здоровья половаго воздержанія, — долженъ быть данъ опытами и воззрѣніями медицинскихъ авторитетовъ, извлеченными изъ этихъ опытовъ, равно какъ и нѣкоторыми статистическими показаніями, подтверждающими эти воззрѣнія.

Затѣмъ авторъ ссылается на Фоота, Буша, приводя ихъ мнѣнія, говорящія о равносильномъ вредѣ для здоровья обоихъ половъ, происходящемъ отъ ихъ воздержанія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, благодаря равному положенію обоихъ половъ въ государствѣ и обществѣ, та основная истина, что одинъ и тотъ же поступокъ не можетъ быть

прощаемъ мужчинѣ и наказуемъ въ женщинѣ, мало-по-малу всѣми признавалась бы и сдѣлалась бы базисомъ ученія о нравственности, а вмѣстѣ съ этимъ существенно измѣнились бы моральныя правила: ибо коль скоро въ выборѣ своихъ занятій женщина будетъ обладать такою же свободою, какую имѣетъ мужчина; коль скоро ей откроются всѣ научные, общественные и промышленные пути, которые до сихъ поръ открыты лишь мужчинѣ; коль скоро она будетъ въ состояніи посвящать себя общественной службѣ наравнѣ съ мужчиной; не будетъ болѣе законами поставлена въ зависимость отъ него или подчинена ему; но безъ опеки. какъ и безъ защиты мужчины, вполнѣ самостоятельная, получитъ одинаковыя съ мужчиной обязанности, права и свободу,—тогда, само собою разумѣется, искоренится догма, построенная на предположеніи о необходимости неравенства обоихъ половъ въ отношеніи правъ и свободы, и на ея мѣсто будутъ поставлены основоположенія равной свободы и равныхъ обязанностей къ обузданію безпорядочныхъ склонностей и страстей.

3.

Если мы спросимъ теперь о непосредственномъ воздѣйствіи, которое оказала бы эмансипація женщинъ на взаимныя сношенія обоихъ половъ, то нельзя не признать, что, благодаря этой эмансипаціи, мужчины и женщины привыкнутъ, во всѣхъ отрасляхъ труда и во всѣхъ видахъ спеціальнаго призванія, работать сообща и другъ подлѣ друга, соперничать другъ съ другомъ, какъ конкурренты, поддерживать другъ друга какъ сообщники или бороться какъ противники; общественныя дѣла будутъ интересовать оба пола, и они вмѣстѣ будутъ принимать живое участіе въ рѣшеніи соціальныхъ и политическихъ вопросовъ; въ суровой борьбѣ за существованіе женщина также должна будетъ испытывать свою силу и въ свою очередь оказывать вліяніе на жизнь общественную и государственную, — нельзя не признать, что все это, вмѣстѣ взятое, должно сильно измѣнить образъ сношеній обоихъ половъ, такъ какъ измѣнятся точки соприкосновенія между ними. Первымъ

слѣдствіемъ было бы то, что мужчина сталъ бы болѣе уважать и выше цѣнить женщину. Онъ началъ бы понимать, что женщина создана вовсе не для его только удобства и удовольствія; что человѣческія права женщины не менѣе святы и неотчуждаемы, какъ и права мужчины, и что несправедливо было бы требовать отъ нея принесенія въ жертву на общественную пользу своихъ природныхъ склонностей, если мужчина не хочетъ подчиниться такой же обязанности. Дальнѣйшій результатъ заключался бы въ томъ, что женская прелесть, возбуждающая страсти мужчины, если не абсолютно, то относительно была бы ослаблена, такъ какъ отъ постояннаго соприкосновенія обоихъ половъ въ трудовомъ и требующемъ возбужденія всей духовной дѣятельности служеніи обществу, тѣ ощущенія, которыя сильно выдвигаются впередъ при современныхъ общественныхъ отношеніяхъ, именно половыя влеченія, будутъ оттѣснены на задній планъ. Сухія дѣловыя сношенія, обычныя встрѣчи другъ съ другомъ въ ихъ занятіяхъ, конечно, сами по себѣ были бы очень неблагопріятны къ заключенію нѣжныхъ узъ; но при встрѣчахъ въ часы досуга женщины въ обществѣ мужчинъ искали бы чего-нибудь лучшаго, нежели возбужденія ихъ чувственности всѣми ухищреніями кокетства; а мужчина находилъ бы критеріумъ достоинства женщины не въ одной красотѣ ея тѣлесныхъ формъ. Образованность обѣихъ сторонъ, избранный духовный кругозоръ, всестороннее участіе въ общественныхъ интересахъ и пониманіе особенностей положенія каждаго лица дѣлали бы возможнымъ богатый и живой обмѣнъ идей, который затруднялъ бы пробужденіе чувственности. Смѣшно утверждать, что такимъ образомъ будутъ совершенно искоренены чувственныя ощущенія. Да этого вовсе и не слѣдуетъ имѣть въ виду, такъ какъ тѣмъ самымъ было бы подавлено въ зародышѣ врожденное влеченіе человѣческой природы, цѣль котораго—восполнять пробѣлы, производимые смертью, иначе вымеръ бы родъ человѣческій. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы измѣнить это влеченіе и по возможности предотвратить недозволенныя, то-есть вредящія интересамъ общества, половыя связи. Это было бы достигнуто привлеченіемъ женщины къ общественному служенію, возбуждающему всѣ ея умственныя способности къ жи-

вой дѣятельности и влекущему за собой одухотвореніе и облагороженіе взаимныхъ сношеній обоихъ половъ. Достиженіе этой цѣли поддерживалось бы тѣмъ, что старательное воспитаніе, многостороннее развитіе способностей и серьезная дѣятельность въ сферѣ стремленій, болѣе благопріятствующихъ укрѣпленію характера, нежели брянчанье на фортепьяно и вышиваніе туфель, сильнѣе развивали бы и закаляли нравственныя силы женщины.

Что развитіе ума развиваетъ также нравственное сознаніе, это есть фактъ общепризнанный, ни однимъ мыслителемъ не оспариваемый и установленный результатами нравственной статистики, такъ какъ доказано, что въ числѣ виновныхъ въ преступленіяхъ или проступкахъ огромное большинство составляютъ или совершенные невѣжды, или люди недостаточно образованные. Свободное положеніе женщинъ въ обществѣ повлекло бы за собой два важныхъ послѣдствія. Во-первыхъ, было бы вполнѣ устранено портящее характеръ вліяніе нравственнаго презрѣнія, которое вслѣдствіе современныхъ воззрѣній падаетъ на женщину, совершившую такъ-называемый ложный шагъ, и во-вторыхъ, улучшилось бы экономическое положеніе и воспитаніе незаконныхъ дѣтей. Съ одной стороны, мать, вслѣдствіе возвышенія своей способности къ пріобрѣтенію, матеріально была бы въ состояніи заботиться о своемъ ребенкѣ; она не была бы принуждена, какъ въ настоящее время, отрекаться отъ своего ребенка, какъ отъ свидѣтеля своего позора, и удалять его отъ себя. Кромѣ того, справедливость требуетъ, чтобы законы были измѣнены въ такомъ смыслѣ, чтобы забота о прокормленіи и воспитаніи незаконныхъ дѣтей возлагалась бы не только на мать, но равнымъ образомъ и на отца; это такъ ясно и понятно само по себѣ, что кажется излишнимъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе этого ропроса. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ женской эмансипаціи было бы то, что проституція очень уменьшилась бы, а можетъ быть и совершенно бы исчезла. Она никогда и не возникла бы, если бы въ основу развитія государственнаго и общественнаго порядка съ самаго начала былъ положенъ принципъ равноправности обоихъ половъ. Она есть плодъ рабства женщины и деспотизма мужчины. Если бы женщина всегда

ставилась наравнѣ съ мужчиной, то, съ одной стороны, она не побуждалась бы такъ часто, подъ гнетомъ нужды, ограниченія закономъ и воспитаніемъ способовъ къ пріобрѣтенію средствъ, прибѣгать къ отвратительному пороку, какъ къ средству прокормленія; съ другой стороны, нравственно она стояла бы слишкомъ высоко, чтобы дойти до такого самоуниженія.

Съ улучшеніемъ экономическаго положенія женщины, съ допущеніемъ ея ко всѣмъ отраслямъ труда, которыя предоставлены мужчинѣ; съ повышеніемъ развитія ея нравственнаго сознанія, изсякли бы главные источники, доставляющіе проституціи все новыя жертвы, и къ ней обращались бы лишь тѣ, которыхъ неудержимое влеченіе толкаетъ на путь порока. Намъ возразятъ, что вовсе не въ интересахъ общества совершенно уничтожить проституцію, такъ какъ ея существованіе есть необходимое зло, уничтоженіе котораго повлечетъ за собой послѣдствія, приносящія обществу гораздо больше вреда, нежели тотъ, который причиняется ею.

Другое послѣдствіе государственной и общественной равноправности обоихъ половъ сказалось бы въ томъ, что нарушенія брачнаго союза стали бы гораздо рѣже. Такъ какъ, съ одной стороны, браки заключались бы изъ болѣе чистыхъ побужденій, ибо женщина не такъ легко впадала бы въ искушеніе отдать руку нелюбимому человѣку ради одного своего пожизненнаго обезпеченія, и такъ какъ, съ другой стороны, отношенія между супругами были бы гораздо искреннѣе и покоились бы на прочномъ базисѣ, именно на базисѣ равенства ихъ способностей и всесторонняго пониманія ихъ умственной и сердечной жизни. Такимъ образомъ отпадутъ главныя причины нарушенія, къ сожалѣнію слишкомъ частаго, супружескаго мира и счастья.

Американскій докторъ Фоотъ пишетъ: «несчастные браки происходятъ часто вслѣдствіе ограниченности путей пріобрѣтенія жизненныхъ средствъ для женщинъ.

Въ большей части образованнаго міра считается неприличнымъ, если женщина предается занятію, которымъ сама себя содержитъ. Отъ дочерей ожидаютъ, что онѣ могутъ до тѣхъ поръ лѣнтяйничать подъ родительскимъ кровомъ, пока имъ не удастся поймать себѣ мужей; а если родители незажиточны,

то бракъ дочерей становится единственной спасительной пристанью родителей въ старости. Въ результатѣ оказывается, что женщины зачастую выходятъ замужъ, напримѣръ, «за дома», къ собственникамъ которыхъ онѣ питаютъ мало расположенія.

Наши дѣвочки должны пользоваться тѣмъ же воспитаніемъ, какъ и мальчики. Знаю, что нѣтъ такого гражданскаго закона, который запрещалъ бы женщинамъ вступать въ ряды купцовъ, врачей, адвокатовъ, чиновниковъ и т. д.; но соціальный законъ общества препятствуетъ этому небрежнымъ воспитаніемъ дѣвушекъ. Мой совѣтъ женщинамъ таковъ: чтобы онѣ добивались всякаго занятія, къ которому считаютъ себя способными, и чтобы онѣ, если обладаютъ духовными и тѣлесными способностями, брались за разныя профессіи.... Не существуетъ и тѣни причины, по которой женщины должны бы зависѣть отъ мужчинъ. Хотя женщина не во всемъ схожа съ мужчиной, но она естественно съ нимъ равноправна.

Мужъ остается вѣрнымъ своей женѣ только до тѣхъ поръ, пока онъ ее любитъ. Но если жена для своего супруга не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ матерью его дѣтей и хозяйкой его дома; если вся ея привлекательность состоитъ въ ея тѣлесныхъ прелестяхъ, тогда насъ по истинѣ не должно удивлять, что склонность къ ней мужа, горячая въ началѣ брака, скоро охлаждается. Вѣрное и разумное исполненіе домашнихъ обязанностей можетъ пріобрѣсти женѣ уваженіе и благодарную признательность мужа; но это никогда не можетъ воспрепятствовать тому, чтобы онъ не замыкалъ отъ жены своего внутренняго міра, котораго она вовсе не понимаетъ, а впечатлѣнія внѣшняго міра его все болѣе и болѣе оковываютъ и отчуждаютъ отъ нея. Но случись разъ, что его сердце отрѣшится отъ ея сердца, тогда нуженъ только легкій толчокъ для того, чтобы послѣдовалъ полный разрывъ въ силу физической невѣрности. Та же любовь, которую красота женщины пробуждаетъ не въ сердцѣ, но въ чувственности мужчины, менѣе всего способна неизмѣнно связать супруговъ другъ съ другомъ. Такая любовь умираетъ вмѣстѣ съ обладаніемъ. Только тогда можетъ она противостоять смертельному дѣйствію яда привычки, когда она воодушевляется симпатіей, коренящейся въ

гармоніи душъ и — такъ какъ въ духовной жизни нѣтъ состоянія неподвижности—вводящей безпрестанно въ новыя, полныя разнообразія фазы, придавая счастью любви безпрестанно новую прелесть и новыя чары. Эта любовь есть мостъ, соединяющій умъ съ умомъ, сердце съ сердцемъ. Она есть согласованіе потребностей физической природы съ потребностями духа,—связь, которая соединяетъ чувственный міръ съ міромъ душевнымъ, и такимъ образомъ облагораживаетъ соединеніе мужчины съ женщиной, возводя его на степень прекраснаго, ибо безъ такой любви это соединеніе, — хотя бы оно было утверждено клятвою передъ алтаремъ,—есть нѣчто грубое, животное. Эта любовь, которая есть психологическое послѣдствіе взаимодѣйствія обѣихъ индивидуальностей, не должна бояться холоднаго отрезвленія, слѣдующаго за восторгами медоваго мѣсяца; или, лучше сказать, этотъ медовый мѣсяцъ никогда не кончается. Но такая любовь, дающая единственную гарантію продолжительнаго супружескаго счастья, есть только плодъ равенства въ развитіи и направленіи духовной жизни супруговъ. Если любовь лишена этого источника, доставляющаго все новую силу и свѣжесть, то она есть не что иное, какъ быстро и шумно проносящаяся страсть, которая вянетъ скорѣе, чѣмъ миртовые цвѣты, вѣнчающіе чело невѣсты. Но лишь только сердечная связь будетъ порвана, супружеская вѣрность становится вопросомъ случая и темперамента; въ очень рѣдкихъ случаяхъ ее охраняютъ добродѣтель и чувство долга.

Выгода, получаемая отъ высшаго образованія и самостоятельнаго положенія женскаго пола, оказалась бы на сторонѣ не однѣхъ только женщинъ.

Мужчина могъ бы быть убѣжденъ, что дѣвушка, дающая ему руку по свободному выбору и склонности, отдаетъ ему всю себя, ради него самого. Между тѣмъ какъ при настоящихъ общественныхъ обстоятельствахъ, когда женщины неспособны сами устроить свою жизнь, большинство брачныхъ союзовъ заключается со стороны женщинъ не изъ любви, но ради обезпеченія своей жизни; или также ради того, чтобы не остаться старой дѣвой, что въ наше время считается почти постыднымъ. Навѣрное мужъ нашелъ бы въ бракѣ больше счастья и удовлетворенія, если бы дѣвушка становилась его женой по

склонности, а не изъ какой-нибудь другой побудительной причины, и если соціальной порядокъ сводитъ оба пола на жизненномъ пути такъ, что они имѣютъ возможность узнавать не только наружныя качества, но и внутреннюю индивидуальность другъ друга. При существующихъ же отношеніяхъ послѣднее случается лишь тогда, когда они уже вступятъ въ бракъ, —причемъ часто основательное изученіе характера съ обѣихъ сторонъ ведетъ къ разрушенію иллюзій, созданныхъ однимъ насчетъ другого, и если испытанное согласованіе въ ихъ чувствахъ, мысляхъ и стремленіяхъ научитъ ихъ любить и уважать другъ друга,—и тогда только дѣлаетъ истинно друзьями, прежде чѣмъ они вступятъ въ бракъ съ полною увѣренностью устроить обоюдное счастье.

Въ какой высокой степени была бы сохранена черезъ то чистота этого союза и устранены въ самомъ началѣ главныя причины нарушенія счастья и мира!

Задача государства установить такія учрежденія, которыя были бы способны образовать и развить нравственное сознаніе и чувство долга, а также учрежденія, которыя ослабляли бы послѣдствія безнравственныхъ поступковъ, вредящія общему благу.

Первое было бы достигнуто, какъ я старалась доказать, специальнымъ и политическимъ равноправіемъ половъ; послѣдняго вопроса мы коснемся въ ближайшей главѣ.

4.

Мы уже указали выше, что однимъ изъ благодѣтельныхъ послѣдствій эмансипаціи женщинъ было бы то, что проституція въ значительной степени уменьшилась бы. Это справедливо до очевидности.

Никто не можетъ отрицать, что экономическимъ и политическимъ равноправіемъ обоихъ половъ будутъ устранены главныя причины, влекущія женщину на путь проституціи. Если же устраняется причина, то вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется и ея послѣдствіе, и, дѣйствительно, возможно, что проституція, благодаря тому преобразованію соціальнаго порядка, о которомъ

идетъ рѣчь, не только очень уменьшится, но и вполнѣ уничтожится.

Предметомъ этой главы должно быть разрѣшеніе задачи, повидимому трудной, доказать слѣдующее: господствующее почти всюду воззрѣніе, что проституція есть необходимое зло, и что отмѣна ея повела бы къ еще бо̀льшему злу, нежели самое ея существованіе, есть воззрѣніе; покоящееся на ложномъ предположеніи, и потому само ложное; и что, напротивъ, общественному благу споспѣшествуетъ не существованіе проституціи, а ея полная отмѣна. Но прежде, чѣмъ мы займемся этимъ доказательствомъ, мы должны испытать вѣрность того, какъ кажется, распространеннаго воззрѣнія, что даже въ томъ случаѣ, если существованіе проституціи приносило бы нѣкоторую пользу, имѣетъ ли общество право поддерживать такое соціальное положеніе, которое требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ?

Спрашивается: если дѣйствительно такъ, что, не будь проституціи, вторженія безпорядочныхъ страстей въ домашній кругъ неизбѣжно умножились бы; если, дѣйствительно, существованіе проституціи образуетъ защиту добродѣтели порядочныхъ женщинъ и дѣвушекъ и святости и безопасности супружеской вѣрности и семейнаго мира,—имѣемъ ли мы право даже и въ этомъ случаѣ одному человѣку навязать порокъ со всѣми его печальными послѣдствіями для того, чтобы удержать другаго отъ подобнаго же искушенія?

Такое положеніе вещей можетъ быть представлено наглядно слѣдующимъ образомъ: человѣческое общество необходимо должно платить опредѣленную дань грѣхамъ и порокамъ, своимъ прирожденнымъ дикимъ страстямъ; но зажиточные классы не хотятъ платить приходящуюся на ихъ долю дань, принуждаютъ поэтому женщину изъ бѣдныхъ классовъ внести полную сумму дани, и всю тяжесть грѣха, позора и низости, рождающихся въ нѣдрахъ общества, сваливаютъ исключительно на эту его часть. Это подобно тому учрежденію, которое обязывало только простой народъ платить подушныя подати, дворянъ же отъ нихъ освобождало; только съ тою маленькой разницей, что *тѣ* подати уплачивались деньгами, *эти* же грабятъ счастье, здоровье и лишаютъ возможности чувствовать себя человѣкомъ наравнѣ съ прочими людьми. Впрочемъ въ послѣднемъ

случаѣ несправедливость еще бо́льшая, нежели въ первомъ, такъ какъ эти несчастныя приносятся въ жертву не какой-либо необходимости или великой, благородной цѣли, а только сладострастью себялюбивыхъ развратниковъ.

Въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ изнасилованіе женщины разсматривается какъ тяжкое преступленіе и строго наказывается. Проституція не то же ли самое, что косвенное изнасилованіе? Подите и спросите тѣхъ несчастныхъ, служатъ ли онѣ пороку охотно и добровольно? Отдались ли онѣ ему въ силу свободнаго влеченія? И почти каждая разскажетъ вамъ исторію о нуждѣ и недостаткахъ, голодѣ и безработицѣ, принудившихъ ее къ нему; или о любви и искушеніи, и о страхѣ открытія ея проступка, которые выгнали ее изъ родительскаго дома и, безпомощную, покинутую, ввергли въ пучину порока, изъ которой нѣтъ спасенія. Между этими несчастными крѣпче всего прикованы къ галерамъ позора обитательницы домовъ терпимости, обязанныя отдаваться каждому посѣтителю, который этого пожелаетъ, такъ какъ каждый отказъ, каждое сопротивленіе карается голодомъ и тѣлесными наказаніями. Если намѣренно допускаются всѣ принудительныя средства, навязывающія порокъ многимъ достойнымъ сожалѣнія существамъ, потому что хотятъ сохранить проституцію, что́—же это такое, какъ не косвенное и въ то же время узаконенное изнасилованіе?

Возьмемъ дикаря изъ глубины Африки и скажемъ ему: «Мы—цивилизованные народы; мы исповѣдуемъ высочайшую и прекраснѣйшую изъ всѣхъ религій, Учитель которой заповѣдалъ намъ любить нашихъ ближнихъ какъ самихъ себя; мы совершили перевороты во имя правды и справедливости, во имя свободы и принциповъ нравственности; мы съумѣли заставить служить себѣ силы природы; мы побѣдили пространство и время; мы прорѣзали моря нашими судами и совершаемъ полеты надъ облаками. Мы урегулировали любовную связь обоихъ половъ съ тѣмъ, чтобы ввести ея благороднѣйшую форму — пожизненное соединеніе одного мужчины съ одной женщиной. И чтобы сохранить этотъ священный союзъ и дѣвственность нашихъ дочерей отъ нападеній чувственныхъ страстей, мы создали такое учрежденіе, въ силу котораго женщины, борю-

щіяся съ нуждой и лишеніями бѣдности, получають извѣстную сумму денегъ, достаточную чтобы не умереть съ голоду и заплатить за ночлегъ, съ тѣмъ чтобы онѣ удовлетворяли нашимъ половымъ похотямъ». — Но дикарь-африканецъ прервалъ бы нашу рѣчь такимъ восклицаніемъ: «Какъ! вы прославляете вашу цивилизацію; но въ томъ, что ты намъ разсказываешь, я не вижу никакой духовной культуры, никакихъ принциповъ правды и справедливости, свободы и нравственности, которыми вы хвастаетесь, и ничего изъ той религіи, которую ты называешь возвышеннѣйшей, и которая вамъ заповѣдуетъ любить прочихъ людей какъ самихъ себя! Я вижу, что вы, не смотря на вашу хваленую нравственность и религію, болѣе грубы и жестоки относительно существъ вашего рода, нежели кровожадное хищное животное, которое только тогда отдается половому влеченію, когда желаніе добровольно съ обѣихъ сторонъ, и которое не злоупотребляетъ своей силой для того, чтобы принудить голодомъ слабѣйшее животное поневолѣ служить удовлетворенію половаго влеченія болѣе сильнаго существа».

Да, въ самомъ дѣлѣ, проституція ставитъ человѣка гораздо ниже животнаго! И еще отваживаются въ свою защиту ссылаться на законъ природы! На такой путь ложныхъ разсужденій попадаетъ тотъ, кто уклоняется отъ пути правды и справедливости.

Если же вы хотите поддержать ваше мнѣніе, что нравственно вынужденный позоръ женщины есть условіе существованія мужскаго пола; что проституція есть зло необходимое, какъ война, и что продажныя женщины нужны, какъ нужны солдаты, то вы должны признать существованіе этой необходимости для всѣхъ; тогда справедливость и правда требуютъ, чтобы вы, мужья, изъявили готовность принести въ жертву этой необходимости вашихъ матерей, сестеръ, дочерей, вашихъ собственныхъ женъ; тогда вы должны ввести общую проституціонную повинность для женскаго пола, какъ у васъ есть всеобщая воинская повинность для мужскаго пола.

Но вѣдь этого, конечно, вы не захотите! Тогда зачѣмъ же требуете вы отъ другихъ такой жертвы, которую сами принести вы отказываетесь? Думаете ли вы, что вы въ правѣ нала-

гать на другихъ постыдное и жестокое ярмо, потому что онѣ бѣдны? Нѣтъ, вы этого не думаете, ибо гдѣ тотъ мѣдный лобъ, который рѣшился бы стоять за это? Вы отрицаете также, что для сохраненія проституціи вы совершаете какое бы то ни было принужденіе надъ женщиной. Вѣдь законы запрещаютъ подобныя принужденія, думаете вы; тѣ женщины, которыя отдаются этому ремеслу, дѣлаютъ это по большей части добровольно.

Но если вы согласны, что всякое прямое или косвенное понужденіе къ этому позорному ремеслу противорѣчитъ принципамъ правды, справедливости и личной свободы, и если, съ другой стороны, уже доказано, что силою обстоятельствъ многія бываютъ вынуждены приняться за это ремесло, то даже защитникамъ продажной любви должно показаться цѣлесообразнымъ введеніе такого соціальнаго порядка, который, не удерживая отдающихся проституціи въ силу свободнаго влеченія, устранилъ бы, однако, всѣ обстоятельства, принуждающія ихъ къ этому—именно, введеніе полной экономической и соціальной самостоятельности женщинъ, такъ какъ она, съ одной стороны, защитила бы часть женщинъ, отдающихся пороку ради самого порока, не отнимая, съ другой стороны, у человѣколюбиваго учрежденія проституціи всей его территоріи.

Но если дѣлаютъ ту уступку, что ничѣмъ неоправдываемая несправедливость—принуждать кого-либо къ проституціи, то, оставаясь послѣдовательнымъ, должно согласиться, что также несправедливо удерживать и ту женщину, которая хотя и отдалась проституціи, но хочетъ отъ нея избавиться. Это, однако, совершается на дѣлѣ посредствомъ системы законнаго урегулированія проституціи.

Это урегулированіе основывается на трехъ учрежденіяхъ: на прпискѣ въ полиціи, на медицинскомъ осмотрѣ и на терпимости публичныхъ домовъ и надзорѣ за ними. Въ полиціи лежитъ списокъ, въ который вносятся имена и фамиліи всѣхъ публичныхъ женщинъ, живутъ ли онѣ въ особыхъ квартирахъ, или въ закономъ признанныхъ домахъ терпимости. Полиція требуетъ отъ нихъ, чтобы онѣ подвергались регулярному медицинскому осмотру, послѣдствіемъ котораго для нихъ можетъ быть помѣщеніе въ больницу.

Проститутки и хозяйки домовъ терпимости получаютъ право на публичное отправленіе своего промысла. Имъ предоставляется даже свобода—съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями—искать на улицѣ своихъ жертвъ и заманивать ихъ къ себѣ. Уголовное уложеніе запрещаетъ склонять къ разврату; но полиція разрѣшаетъ это женщинамъ, состоящимъ у нея подъ защитой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ рабствѣ. Чтó, напримѣръ, запрещается незаписанной въ полицейскіе списки, то разрѣшается ея сосѣдкѣ, публичной женщинѣ или хозяйкѣ дома терпимости. Между тѣмъ какъ незаписанная проститутка должна предстать передъ судомъ и быть осужденной во имя уголовнаго закона, для записанной достаточно предъявить свой видъ агенту полиціи въ доказательство того, что она въ своемъ правѣ, что ей позволительно дѣлать зло и преступать законъ.

По справедливости можно сказать, что занесеніе въ полицейскіе списки есть полномочіе, признаніе пріобрѣтеннаго права, привилегія, однимъ словомъ, патентъ. Какъ будто *неправо* перестаетъ быть *неправомъ*, если оно разрѣшается полиціей!

Потому ли убійство преступленіе, что оно запрещается закономъ? или, наоборотъ, потому оно запрещается, что оно есть преступленіе?

Докторъ Мёжи говоритъ: просьбы о внесеніи въ полицейскій списокъ именъ и фамилій проститутокъ могли бы быть переведены приблизительно такъ: разрѣшите намъ, безъ всякаго для насъ безпокойства, совершать всевозможное зло, въ конецъ разрушать тѣло, разстраивать душу, потворствовать всѣмъ дурнымъ наклонностямъ и топтать въ грязь хорошія; разрѣшите намъ сѣять и распространять безчисленныя гнусности и преступленія,—быть отверженными, циничными, нравственно грязными и извлекать слезы изъ глазъ родителей, отравляя сердца ихъ дѣтей!

И вотъ такое-то дозволеніе охотно выдается полиціей.

Какъ только проститутка прописана, ей уже очень затрудненъ выходъ изъ ея положенія. Ей требуется особое разрѣшеніе для того, чтобы вычеркнуть свое имя изъ списковъ. Извѣстная всѣмъ полицейскимъ агентамъ, она становится дѣйствительно публичной женщиной и не можетъ ожидать ничего

лучшаго. Прописка въ полиціи толкнула ее въ ту машину, которая ее неизбѣжно раздавитъ.

Относительно медицинскаго осмотра авторъ считаетъ и справедливымъ, и цѣлесообразнымъ подвергать ему не только публичныхъ женщинъ, но и мужчинъ, входящихъ въ дома терпимости *).

Наконецъ, относительно надзора за проститутками и домами терпимости, я думаю, что въ этомъ дѣлѣ предоставленъ слишкомъ большой произволъ полицейскимъ агентамъ, которымъ они часто злоупотребляютъ, или же впадаютъ въ грубыя ошибки, принимая порядочныхъ женщинъ за проститутокъ, и этимъ не способствуютъ охраненію ихъ спокойствія и безопасности, но нарушаютъ ихъ. Въ то же самое время полиція не замѣчаетъ и не предупреждаетъ страшнаго зла, имѣющаго мѣсто въ домахъ терпимости—завлеченія дѣвушекъ силой и обманомъ, ихъ страдальческой жизни въ этихъ домахъ, угнетенія ихъ хозяйками и опутыванія долгами, изъ которыхъ онѣ никогда не могутъ высвободиться.

Если одному человѣку запрещается вредить другому человѣку, то не должно быть также дозволено и обществу, для блага однихъ изъ своихъ членовъ, наносить вредъ другимъ.

Такъ какъ мы должны признать за доказанный фактъ то воззрѣніе, что выше названныя соціальныя отношенія и государственныя учрежденія составляютъ истинную причину проституціи, то мы приходимъ къ слѣдующему неизбѣжному и неопровержимому заключенію: тѣ правительства, которыя призываютъ къ жизни и поддерживаютъ законныя учрежденія, имѣющія своимъ послѣдствіемъ проституцію, виновны въ вышеизложенномъ преступленіи, т.-е. въ сильномъ нарушеніи блага однихъ членовъ государства ради блага другихъ — въ данномъ случаѣ блага женскаго пола ради блага мужскаго.

---

*) На этомъ настаивалъ также, хотя и безуспѣшно, нашъ знаменитый хирургъ Пироговъ. *Прим. ред.*

5.

Обратимся теперь къ изслѣдованію кажущихся выгодъ, которыя, согласно распространенному взгляду, проституція приноситъ обществу. На нее смотрятъ какъ на охрану добродѣтели порядочныхъ женщинъ и дѣвушекъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на поддержку общественной нравственности. Очень же непрочна добродѣтель этихъ порядочныхъ дамъ, если она держится только потому, что отъ нея удалены всѣ искушенія! Такая добродѣтель скорѣе порокъ, чѣмъ добродѣтель, потому что она приноситъ въ жертву своей неприкосновенности слезы, отчаяніе, вопіющія бѣдствія безчисленной толпы бѣдныхъ женщинъ, преданныхъ на физическую и духовную смерть.

Сойдите вы, честныя женщины, съ вашего пьедестала высокой нравственной чистоты,—пьедестала, воздвигнутаго на милліонахъ гніющихъ труповъ вашихъ сестеръ, которыхъ вы, ради вашей непорочности, безсердечно отдаете на жертву гибели! Вѣнца достойны не вы и не ваша неиспробованная нравственная чистота, но тѣ несчастныя, которыя приносятся въ жертву для охраненія вашей дѣвственной невинности и супружеской вѣрности. Развѣ не достигаетъ до вашего слуха отчаянный вопль тѣхъ несчастныхъ? Неужели вы не протянете рукъ, чтобы спасти ихъ? Неужели вы думаете, что ваша добродѣтель имѣетъ бо́льшую цѣнность передъ вѣчною справедливостью, потому что вы богаты и счастливы, нежели добродѣтель тѣхъ, потому что онѣ бѣдны и терпятъ нужду, вслѣдствіе чего должны погибать ради васъ? Развѣ не понимаете вы, что преступленіе противъ тѣхъ есть преступленіе противъ всего вашего пола, а слѣдовательно оно затрогиваетъ и васъ? Развѣ вы хотите продолжать отворачиваться съ брезгливымъ трепетомъ отвращенія отъ тѣхъ несчастныхъ, паденіе которыхъ помогло вамъ устоять? Развѣ вы не хотите помочь имъ подняться и всѣми средствами, какія только находятся въ вашемъ распоряженіи, помѣшать тому, чтобы и другія не были ввергнуты въ омутъ разврата? Развѣ вы не видите, что *ихъ* прикосновеніе грязнитъ васъ гораздо менѣе, нежели прикосновеніе *того*, который сперва удовлетворилъ свою похоть на несчастномъ созданіи, брошенномъ въ его объятія голодомъ и нуждой, а потомъ презри-

тельно оттолкнулъ его? Развѣ вы хотите свысока игнорировать и безъ помощи предоставлять ее своей несчастной участи, а *тому* безсердечному, преданному грубой чувственности виновнику ея преступленія—дружески улыбаться, благосклонно выслушивать его увѣренія въ любви и соглашаться на бракъ съ нимъ?

Неужели же справедливо, чтобы нравственность одной части женскаго пола обусловливалась развратностью и рабствомъ другой части? Это воззрѣніе явно построено на томъ предположеніи, что мужской полъ при всѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ предается чувственности въ такой степени, въ какой онъ привыкъ это дѣлать, и что если отнять отъ него это средство, онъ, не обращая ни на что̀ вниманія, принесетъ въ жертву своей страсти невинность дѣвушекъ и вѣрность женъ.

Однако же это предположеніе совершенно ложно. Мѣра естественныхъ потребностей вовсе не такъ велика, чтобы она нуждалась для своего удовлетворенія въ такомъ громадномъ средствѣ, какъ проституція, существующая въ ужасающихъ размѣрахъ; напротивъ, ея значительное распространеніе есть причина того, что чувственность мужскаго пола искусственно поддерживается и разжигается.

Если мужчина на каждомъ шагу встрѣчаетъ соблазнъ къ разврату; если общій примѣръ возбуждаетъ его къ тому; если посѣщеніе публичныхъ домовъ составляетъ стереотипную тему разговоровъ молодыхъ людей; если кафе-шантаны и танцклассы — обычное мѣсто полусвѣта — растутъ изъ земли какъ грибы; если мужчинѣ на каждой вечерней прогулкѣ шуршащіе шлейфы и недвусмысленные взгляды говорятъ: «иди за мной!»—тогда по истинѣ мы не должны удивляться, что мужчина, не смотря ни на что, предается разврату и на безграничное удовлетвореніе своей чувственности смотритъ какъ на неотъемлемое право своего пола.

Если бы женщина воспитывалась въ такихъ же правилахъ, какъ и мужчина; если бы она подвергалась такимъ же безчисленнымъ искушеніямъ, вѣроятно она не была бы ни на волосъ нравственнѣе его. Тотъ фактъ, что женскій полъ, въ средней сложности, сохраняетъ гораздо бо̀льшую нравственную чистоту — доказательство того, что человѣческая природа спо-

собна, въ извѣстной степени, къ воздержанію, и что только обстоятельства и внѣшнія вліянія обусловливаютъ воздержаніе или распутство.

Проституція систематически развиваетъ чувственность мужчины такимъ образомъ и въ такой мѣрѣ, въ какой ни одна добродѣтель не поощряется ни однимъ соціальнымъ учрежденіемъ.

Это пагубное для нравственности вліяніе проституціи еще усиливается въ ужасающей степени системой ея законнаго регулированья, такъ какъ призракъ законности, обманчивая увѣренность, окружающая проституцію, еще болѣе соблазняетъ мужчину предаваться удовольствію, которымъ, по его мнѣнію, онъ въ правѣ безнаказанно наслаждаться.

Не будь проституціи, были бы устранены всѣ случаи и вызовы сладострастія, которые она представляетъ мужчинѣ; жаръ чувственныхъ страстей, раздутый, благодаря ей, до всепожирающаго пламени, былъ бы погашенъ; никогда еще не испробованное мужчиной господство надъ пожеланіями было бы облегчено ему и его нравственное чувство было бы очищено.

Естественнымъ результатомъ этого облагороженія мужчины и ослабленія силы его чувственности было бы то, что мужчина достигъ бы до болѣе высокаго и чистаго взгляда на женщину; общеніе между обоими полами облагораживалось бы, и вслѣдствіе этого женская добродѣтель подвергалась бы не болѣе частымъ, но, напротивъ, болѣе рѣдкимъ опасностямъ, чѣмъ теперь, при существованіи проституціи, ложно признаваемой опорой общественной нравственности, тогда какъ она учитъ мужчину видѣть въ женщинѣ продажное орудіе для удовлетворенія своихъ пожеланій.

Обратимъ вниманіе на то, что мужчина именно въ юношескіе годы, въ эпоху развитія своего характера, когда онъ особенно воспріимчивъ относительно внѣшнихъ впечатлѣній, равно какъ и организмъ его особенно легко разстраивается развратомъ, — скорѣе всего поддается искушенію порока, и этимъ бурнымъ потокомъ многіе молодые люди были увлечены съ такой силой, что никогда уже не могли снова нравственно и физически окрѣпнуть; такъ что нѣкоторые, даже въ зрѣломъ возрастѣ, будучи супругами и отцами, не могутъ освободиться

отъ демонической власти этихъ злосчастныхъ страстей; — поэтому каждый одаренный здравымъ смысломъ, не уклоняющійся злонамѣренно отъ правильныхъ воззрѣній, долженъ признать, что проституція вовсе не составляетъ опоры общественной нравственности; напротивъ, она образуетъ именно сильнѣйшую опору безнравственности, доказательства чему представляютъ также опытъ и статистика, такъ какъ установленъ тотъ фактъ, что всеобщая деморализація и покушеніе на нравственность идутъ рядомъ съ развитіемъ промысловой проституціи и умноженіемъ публичныхъ домовъ.

Защитники проституціи, какъ неизбѣжнаго зла, соглашаются, конечно, что она достойна осужденія; но они думаютъ, что такъ какъ это зло всегда существовало, то оно и не можетъ быть искоренено, и что поэтому правительство ничего лучшаго не можетъ сдѣлать, какъ терпѣть ее, хотя такъ, чтобы наблюдать за ней и бороться съ физическимъ зломъ, проистекающимъ изъ нея. Однако же то обстоятельство, что какое-либо зло существуетъ и существовало во всѣ времена, никогда не можетъ разсматриваться какъ основаніе того, чтобы съ нимъ не бороться.

Воровство, грабежъ и убійство также всегда существовали; но никому не приходило въ голову сказать: такъ какъ воровство, грабежъ и убійство, не смотря на всѣ общественныя мѣры противъ нихъ, всегда существовали и будутъ существовать, то мы хотимъ сдѣлать распоряженія, которыя до извѣстной степени ставили бы подъ контроль эти злодѣянія; мы хотимъ придумать законъ, который опредѣлялъ бы мѣсто, часъ и способъ, гдѣ, когда и какъ можно воровать, грабить и убивать. Подобное заключеніе, которое—если не знать лежащаго въ основѣ его мотива, можетъ внушить вполнѣ справедливое сомнѣніе въ здравомъ умѣ того, кто разсуждаетъ подобнымъ образомъ—можетъ быть объяснено только такъ. Мужчина разсуждаетъ—и притомъ вполнѣ практически—слѣдующимъ образомъ: «Убійство, грабежъ, воровство и проституція суть преступленія противъ нравственныхъ законовъ. Съ тремя первыми слѣдуетъ бороться, потому что если мы ихъ оставимъ безъ преслѣдованія, то въ одинъ прекрасный день легко можетъ случиться, что насъ убьютъ, ограбятъ или обворуютъ. Преслѣдованіемъ этихъ

преступленій мы защищаемъ самихъ себя отъ подобныхъ напастей. Проституцію же мы должны оставить безнаказанной, такъ какъ жертвами ея становимся не мы, мужчины, но только женщины; мы, мужчины, извлекаемъ изъ нея только выгоду и удовольствіе. Поэтому мы обязаны сдѣлать одно: подвергнуть проституцію надлежащему надзору съ цѣлью предупредить единственное несчастье, которое можетъ проистекать изъ нея для насъ, мужчинъ — именно заболѣваніе».

Такова мужская мораль, и она служитъ объясненіемъ основанія, по которому съ проституціей не борются, но терпятъ ее, т.-е съ одной стороны надзираютъ за ней, съ другой стороны поддерживаютъ ее.

Такъ какъ мы видимъ, что выгоды, приписываемыя проституціи, вовсе не существуютъ, то спросимъ же теперь объ истинной цѣли проституціи, намѣренно поддерживаемой со стороны общества. Цѣль эта разоблачается передъ нами въ слѣдующемъ видѣ: безграничное удовлетвореніе вожделѣнія мужчины къ половому сладострастію.

Выставлять высокія цѣли въ защиту проституціи—значитъ лгать; утверждать, что общественная нравственность требуетъ гибели милліоновъ женщинъ, значитъ также лгать. Не охраненіе нравственности, даже не печальная необходимость требуетъ ихъ гибели: онѣ приносятся въ жертву на алтарѣ безнравственности и разврата.

Изъ сочиненія „Im freien Reich“ von Irma von Troll Borostyani.

V.

О ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ ВООБЩЕ.

Предисловіе.

Изъ всѣхъ писателей, занимавшихся вопросомъ объ эмансипаціи женщинъ, Джонъ Стюартъ Милль считается самымъ значительнымъ, и ему дивятся, какъ логику и философу вообще.

Въ глазахъ моихъ и въ глазахъ философовъ строгой школы, его значеніе состоитъ лишь въ томъ, что онъ очень ясно формулировалъ программу господствующаго нынѣ поверхностнаго позитивнаго направленія, и поэтому заслуживаетъ вниманія, какъ глава большаго и многогласнаго хора. Что это позитивное направленіе вовсе не научно и поэтому стоитъ необходимо въ постоянномъ противорѣчіи съ самимъ собой, это ясно выражается также и по отношенію къ нашему вопросу. *Правильное* соціальное и политическое положеніе женщины можно изучать только научнымъ путемъ.

Поэтому слѣдуетъ дѣлать различіе между натурой и дарованіями женщины, съ одной стороны, и между временными, зависящими отъ обстоятельствъ, недостаточными проявленіями женской натуры съ другой стороны.

Такъ, артистъ, желающій играть въ оркестрѣ на струнномъ

инструментѣ, не обращаетъ вниманія на временную разстроенность инструмента, потому что ему извѣстна его природа, и онъ знаетъ, что поворотомъ колка онъ можетъ извлечь правильный и желательный тонъ. Безъ такого различія между первоначальной природой и случайно данными измѣнчивыми явленіями нельзя преслѣдовать никакихъ цѣлей и нельзя указать никакого пути къ цѣли.

Въ этомъ-то и заключается причина того, что позитивизмъ ненаученъ и противорѣчитъ самъ себѣ; Милль и его единомышленники въ принципѣ отрицаютъ знаніе натуры, и полагаютъ свою заслугу въ томъ, что они признаютъ только данныя явленія и съ ними только считаются. Такъ Милль прямо отрицаетъ, чтобы кто-либо зналъ или могъ знать натуру обоихъ половъ, потому что женщина занимала до сихъ поръ подчиненное положеніе въ родѣ человѣческомъ. Онъ справедливо говоритъ, что едва ли какой-либо вопросъ подобной важности былъ такъ мало изученъ; но затѣмъ думаетъ въ высшей степени странно, что мы только въ томъ случаѣ могли бы объяснить себѣ натуру женщины, если бы психологія точнѣе изслѣдовала вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на характеръ; но такъ какъ этого нѣтъ, то никто и не можетъ имѣть объ этомъ вопросѣ *положительнаго* мнѣнія.

Тѣмъ не менѣе онъ приходитъ къ счастливому убѣжденію, что въ научныхъ познаніяхъ здѣсь вовсе и нѣтъ необходимости, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ только о дѣлѣ практическомъ. Слѣдовательно Милль отказывается отъ научной основы для своихъ практическихъ разсужденій, потому что онъ не признаетъ возможности добыть эту основу.

Милль совершенно особымъ образомъ пріобрѣлъ то значеніе, которымъ онъ пользуется. Онъ самоувѣренно провозгласилъ разумъ несостоятельнымъ и обѣщалъ заплатить его долги иными средствами. Естественно, что тогда къ нему толпами повалили тѣ, кто до того времени довѣряли свои вклады разуму, и охотно рѣшились, чтобы не потерять всякой поддержки, съ благодарностью скушать вмѣсто пшеницы предложенную имъ солому.

Тотъ же, кто скромно рѣшается жить лучше на собственныя средства, замѣтитъ съ удивленіемъ и удовольствіемъ, что

Милль въ этомъ риторическомъ сочиненіи *), не заботясь о своихъ теоретическихъ положеніяхъ, втайнѣ питается той метафизической пшеницей, которую публично онъ отрицаетъ. Именно онъ говоритъ о *неестественномъ* понужденіи и насильственномъ угнетеніи, которыя въ извѣстныхъ направленіяхъ испытываютъ женщины, отчего онѣ отчасти утратили свою *естественность*.

Если таково его мнѣніе, значитъ втайнѣ онъ предполагаетъ, что женщина имѣетъ такъ-называемую метафизическую *натуру* съ телеологически-опредѣленными *естественными* направленіями, и его стремленіе направлено къ тому, чтобы этой истинной натурѣ, по самому существу своему независимой отъ внѣшнихъ вліяній, помочь одержать побѣду.

Но такое стремленіе было бы безсмысленно, если бы ни онъ, Милль, и никто другой не могли ничего знать объ этой натурѣ и этихъ естественныхъ направленіяхъ. Какъ видно, Милль втайнѣ сохранилъ только для себя это знаніе, старательно скрывая его отъ взоровъ публики.

Но и въ прочихъ сочиненіяхъ объ эмансипаціи женщинъ, во всѣхъ сочиненіяхъ безъ исключенія, которыя я прочиталъ до сихъ поръ, я не находилъ, во-первыхъ, установленія *методы*, по которой долженъ быть изучаемъ вопросъ, и, во-вторыхъ, философскаго указанія *принциповъ*, на основаніи которыхъ онъ долженъ быть рѣшенъ. При рѣшеніи этого вопроса поступаютъ, какъ мнѣ кажется, безпорядочно, такъ какъ сразу бросаются въ самый центръ его, а затѣмъ, случайно, смотря по своимъ потребностямъ, выдвигаютъ тотъ или другой принципъ. Поэтому я думаю, что мнѣ слѣдуетъ направить мое вниманіе не на практическія цѣли, но прежде всего на *научныя основанія* и, не отрицая полныхъ заслугъ изслѣдованій моихъ предшественниковъ, только дополнять ихъ со стороны, остававшейся до сихъ поръ въ пренебреженіи. Въ этомъ смыслѣ долженъ быть оцѣниваемъ мой трудъ.

---

*) Здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстной книгѣ Милля: „The subjection of women", съ которой имѣется два русскихъ перевода: одинъ, изданный подъ редакціей Благосвѣтлова, озаглавленъ: „О подчиненіи женщины", а другой переводъ, подъ редакціею Марка-Вовчка, носитъ заглавіе: „Подчиненность женщины".

Прим. ред.

1.

Введеніе.

Женскій вопросъ есть вопросъ жгучій, т.-е. такой, который не рѣшенъ еще ни теоретически, ни практически, но за рѣшеніе котораго, какъ связаннаго съ важнѣйшими жизненными интересами многихъ или всѣхъ, ведется страстная борьба заинтересованными сторонами.

При обсужденіи этого вопроса мы не должны поддаваться вліянію того непріятнаго впечатлѣнія, которое то здѣсь, то тамъ производятъ на насъ эмансипированныя женщины, потому что не можетъ быть, чтобы первыя женщины, выдавшіяся изъ ряда прочихъ, не попали въ ложное положеніе въ силу господствовавшихъ бытовыхъ условій, и что поэтому многія изъ нихъ будутъ отличаться экстравагантностью, дерзостью, распущенностью и повсюду возбуждать соблазнъ.

Но очень сомнительно, находится ли это въ необходимой связи съ эмансипаціей или есть скорѣе слѣдствіе броженія, въ которомъ вообще теперь находятся нравы? Можетъ быть, это только симптомъ болѣзни общества, и поэтому естественно, что тѣ его части, въ которыхъ болѣзнь обнаруживается, имѣютъ отталкивающій видъ. Поэтому мы не должны допускать, чтобы намъ мѣшало впечатлѣніе отдѣльныхъ носителей идеи эмансипаціи и ихъ экстравагантностей; но мы должны стараться изучать вопросъ безпристрастно и чисто реально.

2.

Предварительныя понятія.

а) Вопросъ.

Нашъ вопросъ справедливо называется *эмансипаціей*, потому что здѣсь идетъ дѣло объ освобожденіи отъ подчиненнаго состоянія. Римляне образовали выраженія mancipium и emancipatio, чтобы первымъ выраженіемъ обозначить право одного человѣка надъ другимъ, какъ надъ купленной вещью, вторымъ

же—освобожденіе человѣка отъ этого болѣе или менѣе строгаго рабства.

Но можетъ показаться страннымъ то мнѣніе, что современныя женщины пребываютъ въ рабствѣ, такъ какъ вообще онѣ довольны своимъ положеніемъ и, быть можетъ, захотятъ заявить, что до сихъ поръ онѣ вовсе не замѣчали своего подчиненія.

Прежде всего скажемъ, что это дѣло постороннее, замѣчаетъ ли кто, въ какомъ положеніи онъ находится. Спящій также не знаетъ того, что онъ спитъ; — лишь при пробужденіи сознаетъ онъ это. Вопросъ поэтому только въ томъ, дѣйствительно ли положеніе женщины рабское, и, во-вторыхъ, желательно ли измѣнить это положеніе?

Первый вопросъ рѣшается разъясненіемъ понятія о рабствѣ. Но это понятіе не вполнѣ твердо установлено, такъ какъ существуютъ весьма различные виды рабства, и родовое понятіе прилагается то ко всѣмъ видамъ безъ различія, то лишь къ тому или другому виду. Отсюда происходитъ также и различіе отвѣтовъ на нашъ вопросъ. Мы должны стараться отыскать его опредѣленіе, разсматривая соотвѣтствующія понятія свободы или господства, которыя подобнымъ же образомъ шатки.

Починъ движенія свободенъ; всякое же движеніе, опредѣляемое извнѣ, обусловлено и несвободно. Но такъ какъ все въ мірѣ находится въ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, то нѣтъ ничего, чтó было бы абсолютно свободнымъ. Не смотря на относительную несвободу, въ которой находятся всѣ вещи и всѣ люди, мы все же замѣчаемъ свободу тамъ, гдѣ выступаетъ вполнѣ независимый починъ движенія. Онъ лежитъ во всѣхъ существахъ, поскольку имъ присуща свойственная имъ натура и врожденный законъ; слѣдовательно, этотъ починъ движенія лежитъ и въ человѣкѣ, въ его назначеніи, которое онъ познаетъ разумомъ или чувствомъ въ нравственныхъ идеяхъ. Слѣдовательно человѣкъ имѣетъ начало абсолютной свободы въ себѣ самомъ. Но пользоваться своею автономіею онъ можетъ только тогда, когда онъ устраивается въ предѣлахъ относительной зависимости отъ существующихъ условій. Свобода человѣка всегда относительна; она увеличивается, чѣмъ болѣе, съ одной стороны, существующія условія благопріят-

ствуютъ нормальному развитію идеальнаго назначенія человѣка и чѣмъ болѣе, съ другой стороны, распоряженіе своей жизнью исходитъ отъ него самого.

Первая сторона касается объективной свободы, вторая же—субъективной. Такъ, напримѣръ, ребенокъ въ хорошихъ рукахъ субъективно несвободенъ, объективно—свободенъ. Мы полагаемъ наше человѣческое назначеніе въ извѣстныхъ благахъ, именно: объективно—въ научной, художественной, религіозной и нравственной дѣятельности, осуществляемой при помощи образованія, и субъективно—въ автономномъ пользованіи нашей волей. Рабъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, не имѣетъ ни субъективной, ни объективной свободы, но постороннею волею употребляется для чуждыхъ ему самому цѣлей.

Рабство смягчается, когда чужіе авторитетъ и господство опредѣляютъ жизнь несвободнаго человѣка къ тѣмъ цѣлямъ, которыя въ бо́льшей или меньшей степени выгодны также и ему самому, т.-е. доставляютъ ему извѣстное участіе въ пользованіи человѣческими благами.

Но если даже у несвободныхъ людей и отнимаютъ право распоряжаться собой въ ихъ интересахъ, какъ, напримѣръ, это дѣлается съ дѣтьми въ благовоспитанныхъ семействахъ, то все же взрослыми такое лишеніе ихъ субъективной свободы принимается за рабство.

Послѣ этого разъясненія понятій, мы легко можемъ отвѣтить на вопросъ: пребываютъ ли наши женщины въ рабствѣ, или нѣтъ?

Женщины не имѣютъ доступа въ высшія учебныя заведенія для народнаго образованія; не имѣютъ простора, какъ мужчины, пользоваться своими научными и нравственными силами въ государствѣ и церкви; не имѣютъ самостоятельной свободы въ обществѣ и не имѣютъ полной свободы распоряжаться своимъ имуществомъ.

И такъ, несомнѣнно, что онѣ *несвободны* въ сравненіи съ мужчинами, и что мужчины, если бы они должны были помѣняться ролями съ женщинами, назвали бы подобное состояніе рабствомъ. Думаю, что этого не станетъ отрицать ни одинъ мужчина.

Что касается втораго вопроса, то отвѣтъ на него труднѣе

и важнѣе, потому что весь споръ вращается около одного этого пункта.

Всѣми признано, что несвобода дѣтей, въ силу естественнаго порядка умственнаго развитія, необходима и потому нравственно дозволительна, и что эмансипація дѣтей была бы смѣшна.

Спрашивается: не то же ли самое слѣдуетъ сказать о женщинѣ, и не требуютъ ли способности женщинъ подобной общественной и правовой несвободы, такъ что было бы безмысленно и смѣшно, если бы для нихъ потребовали тѣхъ же правъ, что и для мужчинъ?

б) Господствующая метода изслѣдованія.

Приняться за разрѣшеніе этого вопроса очень не легко. Права въ обществѣ всегда соотвѣтствуютъ трудамъ на пользу цѣлаго; труды соотвѣтствуютъ образованію; образованіе соотвѣтствуетъ дарованію.—Но почемъ же можемъ мы судить о дарованіи?

Дарованіе заключается въ силахъ, которыя мы приписываемъ душѣ. Всѣ силы, какъ нѣчто интенсивное (скрытое, внутреннее), измѣряются ихъ дѣйствіемъ, какъ экстенсивнымъ (обнаруженнымъ), подобно тому, какъ теплота измѣряется расширеніемъ ртути. Поэтому дарованія женщины должны измѣряться вліяніемъ, образованіемъ и правами, которыхъ онѣ исторически добились вь обществѣ.

Это и есть тотъ обычный путь, которому слѣдуютъ при обсужденіи женскаго вопроса; только при этомъ не замѣчаютъ, что двигаются въ заколдованномъ кругу, потому что права выводятся изъ дарованій, а дарованія изъ правъ. Постараемся доказать, что эта метода фальшива.

Естественныя науки могутъ аргументировать вышеуказаннымъ образомъ, насколько онѣ въ состояніи при помощи опыта устранять всѣ побочныя обстоятельства и вопрошать природу объ изолированномъ дѣйствіи одной силы. Но какъ только совмѣстно дѣйствуютъ другія обстоятельства, результатъ наблюденій будетъ невѣренъ. Такъ, напримѣръ, нельзя заклю-

чать о силѣ машины по числу узловъ, пройденныхъ въ извѣстное время судномъ, если не будетъ принято въ разсчетъ противодѣйствіе теченія и вѣтра.

Спрашивается: кто производилъ точные опыты, съ нужнымъ изолированіемъ тѣхъ элементовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, относительно дарованій женщинъ, и кто, основываясь на этомъ, вычислялъ ихъ силы?

Далѣе, въ предѣлахъ нашихъ естественно научныхъ познаній до сихъ поръ возможно измѣреніе лишь простѣйшихъ силъ, а не такихъ, которыя основываются на взаимодѣйствіи безчисленныхъ и неисчислимыхъ элементовъ. Мускульная сила человѣка можетъ быть точно измѣрена тою тяжестью, которую онъ въ состояніи поднять. Однако же результатъ измѣренія пригоденъ только для данной минуты, потому что въ другое время человѣкъ этотъ можетъ быть голоденъ, боленъ, словомъ—окажется не въ состояніи поднять такую же тяжесть.

Чѣмъ сложнѣе поэтому условія, совокупность которыхъ необходима для произведенія результата, тѣмъ менѣе вѣрно и менѣе пригодно само вычисленіе.

Едва ли нужно доказывать, что общественное и историческое положеніе мужчины не представляетъ признака его силы и дарованія. Если это вѣрно относительно мужчинъ, то, разумѣется, также вѣрно и относительно женщинъ, и поэтому изъ даннаго правоваго положенія женщинъ мы не должны дѣлать заключенія о ихъ природныхъ дарованіяхъ. Что здѣсь не можетъ имѣть мѣста и приблизительное вычисленіе, это видно, во-первыхъ, изъ аналогіи съ мужчинами, которые никогда не согласились бы съ тѣмъ, что въ средней сложности лишь самые даровитые достигаютъ власти и авторитета; они всегда выставляютъ на первый планъ вліяніе счастливыхъ случайностей, которыя и менѣе одаренныхъ возводятъ наверхъ, а болѣе одаренныхъ цѣлыми массами удерживаютъ внизу, такъ что по достигнутымъ цѣлямъ нельзя дѣлать и приблизительнаго заключенія о дарованіи. Во-вторыхъ, возникло бы затрудненіе въ томъ, какой народъ и какое время должно было положить въ основу такого приблизительнаго вычисленія. Обратиться ли на востокъ, въ гаремъ, чтобы тамъ найти истинное

дарованіе женщинъ, или къ дагомейскому королю, лучшіе солдаты котораго женщины, или къ нѣмцамъ, русскимъ, американцамъ? Кромѣ того, положеніе женщинъ продолжаетъ измѣняться съ теченіемъ исторіи, причемъ нельзя утверждать, что вмѣстѣ съ этимъ и дарованіе ихъ измѣняется, усиливаясь или ослабляясь.

Вотъ почему мы должны предварительно отбросить господствующую методу, вращающуюся въ заколдованномъ кругу. Позднѣе мы увидимъ, насколько положительны тѣ результаты, которые даетъ намъ эта метода, заключенная въ опредѣленныхъ, логически установленныхъ предѣлахъ.

3.

Къ исторіи понятій.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ отысканію лучшей методы для опредѣленія натуры и дарованія женщины, будетъ полезно сначала заняться исторіей нашихъ понятій, потому что она всегда всего лучше освѣщаетъ предметъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на отношеніе религіи къ нашему вопросу.

а) Отношеніе религіи къ женскому вопросу.

Нѣкоторые того мнѣнія, что религія всегда приводила къ угнетенію женщинъ.

Правда, въ Коранѣ женщина является существомъ несамостоятельнымъ; она—какъ бы премія, которую Аллахъ установилъ за вѣру и повиновеніе, и поэтому женщины въ исламѣ имѣютъ приблизительно то же значеніе, какъ и свѣжіе источники воды, прохладная тѣнь и сочные плоды, ожидающіе благочестивыхъ въ раю. Поэтому ничему такъ не удивились знатные магометане, пріѣхавшіе въ Парижъ, какъ тому, что на придворномъ балу они видѣли супругъ знатнѣйшихъ вельможъ танцующими съ другими мужчинами. Эта общественная эмансипація женщинъ сильно противорѣчила магометанскимъ религіознымъ вѣрованіямъ. У евреевъ до Рождества Христова,

женщина является также вполнѣ зависимой. Она признается созданной быть помощницей мужа, и хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторыя женщины пріобрѣтаютъ вліяніе на мужчинъ и на общество, но все же жена покупается мужемъ, какъ раба; мужъ можетъ взять себѣ нѣсколькихъ женъ и каждую жену отпустить по своему произволу; своихъ дочерей онъ могъ продавать, какъ рабынь. Женщина была и оставалась служанкой. Совершенно другое видимъ мы въ христіанствѣ. Хотя такія апостольскія положенія, какъ: «мужъ есть глава жены», «женщина да молчитъ въ собраніи» и др. и толковались въ томъ смыслѣ, что будто христіанство устраняетъ женщину отъ общественной жизни, отъ образованія наравнѣ съ образованіемъ мужчинъ, и ограничиваетъ ихъ дѣятельность домашними занятіями, но все это есть лишь аккомодація къ нравамъ того времени, и изъ подобныхъ же отдѣльныхъ заявленій апостоловъ можно было бы вывести, что христіанство признавало также и рабство. Христіанство первоначально оставило открытыми всѣ гражданскіе вопросы, не одобряя и не порицая никакой экономической или политической системы. Сущность христіанства состоитъ въ томъ, что оно обращается только къ душѣ, нуждающейся въ искупленіи, не различая того, кому принадлежитъ эта душа, — мужчинѣ или женщинѣ. Христосъ обращался къ женщинамъ, равно какъ и къ мужчинамъ, и если не было ни одной женщины между его апостолами, то все же Марія-Магдалина, Самаритянка и другія стоятъ наравнѣ съ Никодимомъ, Лазаремъ и другими его учениками, и никакъ нельзя сказать, что Христосъ училъ женщинъ другой религіи, нежели мужчинъ. Религіозная самостоятельность женщины есть мысль христіанская.

Тѣмъ самымъ женщинѣ дана свобода. Марія (сестра Лазаря) въ религіозной бесѣдѣ съ Іисусомъ забываетъ хозяйственныя заботы, и Іисусъ хвалитъ ее за это, въ противоположность Мареѣ, которая въ хозяйствѣ видитъ важнѣйшее дѣло, свойственное женщинѣ.

Если же спасеніе души для женщины главное дѣло, какъ и для мужчины, то женщина свободна, потому что въ религіи и заключается принципъ всей нашей жизни. Въ силу внутренней свободы религіозная женщина будетъ рѣшаться поступать

такъ или иначе. Она не признáетъ никакихъ внѣшнихъ стѣсненій, никакихъ законовъ природы, никакихъ принятыхъ обычаевъ, пока сама не обратится къ Божьимъ велѣніямъ и по свободному рѣшенію не станетъ повиноваться имъ. И такъ, можно сказать по справедливости, что христіанство, такъ какъ оно обращаетъ вниманіе только на душу, вполнѣ освободило женщину, потому что, вмѣстѣ съ внутренней свободой и самостоятельнымъ доступомъ къ Богу, оно дало женщинѣ полную нравственную самостоятельность и не наложило на нее никакого ига, никакихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя она и сама признала бы въ силу своего религіознаго самоопредѣленія. Поэтому-то и встрѣчаемъ мы, какъ въ первоначальной исторіи христіанства, такъ и во всемъ развитіи этой религіи, по истинѣ религіозныхъ женщинъ и притомъ вполнѣ самостоятельныхъ.

Мнѣ неизвѣстно статистическое отношеніе мучениковъ и святыхъ мужскаго и женскаго пола, но каждому извѣстно, какъ велико число женщинъ, которыя, не смотря на своихъ родителей, родственниковъ и правителей, самостоятельно и свободно слѣдовали своимъ религіознымъ рѣшеніямъ и запечатлѣвали свою свободу смертью на кострѣ или, отказавшись отъ брака и семьи, вели благочестивую жизнь, посвящая себя уходу за больными.

И такъ, мы можемъ утверждать съ рѣшительностью, что христіанство привело человѣчество къ признанію принципа эмансипаціи, т.-е. религіозной и нравственной самостоятельности и свободы женщины.

Но соціальная организація половъ всегда будетъ слѣдовать за данными обстоятельствами, и потому христіанство оставляетъ ее, какъ открытый вопросъ.

Христіанство уживалось съ рабствомъ и патримоніальнымъ государствомъ, какъ уживалось оно и съ демократіей; современныя эмансипаторскія стремленія также не стоятъ въ принципіальной противоположности съ христіанской религіей, напротивъ того, они могли бы быть одобряемы ею.

б) Руководящія понятія.

Разсматривая и женскую эмансипацію, мы можемъ признать, что врагомъ ея является собственно Аристотель, а не христіанство.

Все, что въ новѣйшія времена приводилось касательно этого вопроса, какъ основанія *за* и *противъ*, сводится къ тремъ источникамъ, каждый изъ которыхъ мы должны разсматривать отдѣльно, если хотимъ стать въ научное отношеніе къ этому вопросу, и, насколько я могъ видѣть изъ относящейся къ нему литературы, до сихъ поръ еще недостаточно обращали вниманія на важность подобной исторіи этого понятія.

Вмѣсто того, чтобы теряться въ отдѣльныхъ вопросахъ, каковы: долженъ ли бракъ быть соціальнымъ договоромъ, могутъ ли женщины быть юристами или медиками, или какъ долго должны онѣ работать на фабрикахъ и т.д., важнѣе всего разъяснить себѣ принципы, по которымъ мы должны вообще разсматривать всѣ эти вопросы въ научной системѣ, а не только въ отрывочныхъ сужденіяхъ.

Первый изъ упомянутыхъ источниковъ есть Платонъ. Онъ признавалъ женщину такимъ же человѣкомъ, какъ и мужчину, и, исходя изъ тождественнаго родоваго понятія о человѣкѣ, дѣлалъ заключеніе о соціальномъ положеніи женщины во всѣхъ отношеніяхъ.

Второй источникъ — Аристотель. Онъ обращалъ вниманіе на естественное различіе между мужчиной и женщиной и соотвѣтственно этому хотѣлъ вывести не только физическія, но также и психическія, этическія, интеллектуальныя, соціальныя и политическія различія между ними.

Третій источникъ, къ которому сводятся всѣ прочія аргументаціи, есть соціальная нужда, которая все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать и, поэтому, не заботясь ни о какихъ идеальныхъ теоріяхъ, требуетъ доставленія женщинамъ работы и хлѣба вмѣстѣ съ пріятнымъ или же сноснымъ человѣческимъ существованіемъ.

Оба первые источника суть идеальныя точки зрѣнія, которыя выступаютъ съ притязаніемъ на научную истину и отсюда выводятъ права и обязанности. Третій же источникъ опирается на реальность, на существующее, и отрекается отъ этики и научнаго основанія, обращая вниманіе лишь на матеріальную и механическую борьбу за существованіе и желая обезпечить существованіе женщины.

Но такъ какъ идеальныя основы для этическаго рѣшенія

всегда важнѣе, чѣмъ внѣшнія жизненныя условія, то ихъ и обсудимъ мы сперва.

в) Платонъ. Женщина какъ человѣкъ.

Первый великій мыслитель, занимавшійся женскимъ вопросомъ, былъ Платонъ.

Такъ какъ благодаря своему генію онъ былъ свободенъ отъ всѣхъ предразсудковъ, благодаря своему аристократическому происхожденію—стоялъ въ сторонѣ отъ демократической аѳинской и аристократической дорійской партій, а благодаря своимъ путешествіямъ — возвышался надъ узкой ограниченностью согражданъ, то легко понять, что онъ достигъ самаго свободнаго взгляда на вопросъ. Тѣсная частная жизнь въ семьѣ казалась ему эгоистичной и низменной; исключительная любовь къ одной женщинѣ—недостойной. Онъ признавалъ истину высшей цѣлью человѣческой жизни и думалъ въ истинѣ найти причину тоски и любви человѣчества. Поэтому онъ училъ такъ-называемой *платонической* любви, которая состоитъ въ томъ, что одинъ ищетъ истину, а другой учитъ любить ее. При этомъ ищутъ и любятъ не то или другое лицо, но саму только истину. Одинъ уже нашелъ истину и живетъ въ ея свѣтѣ, но онъ нисходитъ къ другому, въ его тьму, чтобы и его также вывести на свѣтъ.

Эту дѣятельность онъ называлъ *искупленіемъ* и поэтому считалъ обязанностью высоко-образованнаго человѣка быть искупителемъ. Людей онъ считалъ связанными и плѣненными ихъ чувственностью, эгоизмомъ пожеланій и страстей и возникающими отсюда заблужденіями съ ихъ бѣдственными послѣдствіями. Только съ помощью философіи, т.-е. съ помощью научнаго познанія становится человѣкъ свободнымъ и счастливымъ, а помощью дѣятельности разума соединяется съ Божествомъ, которое есть Единое и Все.

Въ такомъ смыслѣ онъ построилъ идеальное государство. Такъ какъ при достиженіи высшей человѣческой задачи рѣшающее значеніе имѣетъ только природное дарованіе, а не случайное, какъ, напримѣръ, званіе и состояніе родителей, то онъ устранялъ всѣ унаслѣдованныя общественныя и полити-

ческія различія и хотѣлъ признавать только тѣ различія, которыя истинны, такъ какъ они даны самой природой. Природа же устанавливаетъ трoякаго рода различія между людьми по ихъ дарованіямъ. Большинство людей — натуры чувственныя; они всю свою жизнь остаются рабами эгоистическихъ пожеланій.

Меньшему числу людей свойственно благородное возмущеніе противъ обычнаго эгоизма, чувство стыда, если поступаютъ противъ велѣній разума, чувство чести, требующее повиновенія истинѣ, и способность внимать голосу разума, признавать истину и защищать ее.

Третій классъ людей наименѣе многочисленъ; они не только слушаются разума, но разумъ есть свойственная имъ сила. Таковы мудрецы, никому не подчиненные, свободные отъ всякаго эгоизма и всякой любви къ тому или другому существу въ частности, любящіе только истину и счастливые обладаніемъ ея.

На этомъ раздѣленіи людей Платонъ основалъ устройство своего идеальнаго государства. Правителями должны быть мудрецы, свободные, «золотыя натуры», въ которыхъ проявляется божественное.

Ближе всѣхъ къ нимъ, въ подчиненномъ, но привилегированномъ положеніи, стоитъ сословіе стражей, воиновъ, которое образуется изъ людей, любящихъ честь и внимающихъ разуму, слѣдовательно изъ людей добродѣтельныхъ.

Третье сословіе имѣетъ рабскую душу, и потому его политическое положеніе должно быть положеніемъ раба. Платонъ хочетъ поэтому передать имъ всѣ работы: земледѣліе, ремесла и мелкую торговлю. Они охраняются воинами, которые, съ своей стороны, руководятся правителями.

Но все это идеальное устройство, по мнѣнію Платона, невозможно до тѣхъ поръ, пока существуетъ бракъ и семья, такъ какъ семья есть сѣдалище эгоизма. До тѣхъ поръ, пока богатый и знатный отецъ можетъ сказать: «это мой сынъ, а не твой», не сынъ бѣднаго человѣка, до тѣхъ поръ не потерпитъ онъ, чтобы его сынъ только изъ-за своихъ недостаточныхъ дарованій былъ бы униженъ до сословія раба, а даровитый сынъ его раба возвышенъ въ сословіе воина или правителя. Поэтому-то Платонъ и долженъ былъ уничтожить семью. Съ

этой цѣлью онъ изучалъ природу женщины и открылъ, что она—человѣкъ. Платонъ не могъ найти границъ, отдѣляющихъ женщину отъ мужчины; оба пола имѣютъ человѣческое тѣло, вполнѣ сходныя чувства, пожеланія, чувствованія, разсудокъ и разумъ. Зачѣмъ же въ государствѣ различать то, что сама природа не различаетъ по дарованію? Поэтому Платонъ устанавливаетъ одинаковое и притомъ общественное воспитаніе и обученіе для обоихъ половъ. Вмѣстѣ играютъ они дѣтьми, вмѣстѣ учатся въ школѣ, обучаются гимнастикѣ, вмѣстѣ занимаются военными экзерциціями, верховой ѣздой и науками, и по ихъ дарованіямъ распредѣляются для различныхъ занятій въ государственной жизни, такъ что при этомъ нѣтъ и помина о принадлежности ихъ къ различнымъ поламъ.

Но такъ какъ должно заботиться о потомствѣ, чтобы не вымерло идеальное государство, а эгоизмъ семьи не можетъ быть терпимъ, то Платону ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ установить общія свадебныя празднества со стороны государства. Для того, чтобы предупредить жалобы и ссоры при выборѣ женъ, онъ велѣлъ соединять пары по жребію. Но такъ какъ уже болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до Дарвина, Платонъ думалъ о половомъ подборѣ и о наслѣдственности хорошихъ качествъ, то онъ хотѣлъ всегда соединять лучшихъ съ лучшими, и думалъ, что для такой хорошей цѣли правителямъ должно дозволить обманъ. Пары болѣе даровитыхъ натуръ заранѣе опредѣляются правительствомъ, и жребіи ихъ подтасовываются. Для третьяго сословія въ этомъ не было надобности. Дѣти отдавались въ общественный воспитательный домъ, ибо никто не долженъ знать своихъ дѣтей, для того, чтобы эгоистически не отдавать имъ предпочтенія. Всѣ дѣти должны были принадлежать всѣмъ родителямъ; между собою они должны быть братьями и сестрами, а всѣхъ взрослыхъ почитать какъ своихъ отцовъ и матерей. Такимъ образомъ Платонъ надѣялся побѣдить эгоизмъ и вызвать родственную любовь между всѣми членами государства, такъ какъ они получали одинаковыя права и обязанности, одинаковое воспитаніе и образованіе, одинаковыя почести и соотвѣтственныя ихъ дѣламъ должности на государственной службѣ.

г) Аристотель. Естественное отличіе женщины отъ мужчины.

Такимъ образомъ мы познакомились съ первой стадіей въ развитіи женскаго вопроса. Женщина разсматривается только какъ человѣкъ, и безъ ограниченія выводятся всѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ отсюда; въ то же время взглядъ остается направленнымъ на идеальныя цѣли человѣческой натуры. Слушая современныхъ приверженцевъ женской эмансипаціи, мы сейчасъ узнаемъ, что мѣриломъ ихъ служитъ основная мысль Платона, только они не отваживаются уничтожить всѣ обычныя учрежденія или неспособны слѣдовать идеальному пути, но предаются вульгарному либеральничанью. Разсмотримъ теперь вторую стадію, возникшую благодаря болѣе трезвому философу, Аристотелю.

Аристотель не представлялъ собою такого возвышеннаго характера, какъ Платонъ.

Его направленіе было устремлено на практическое и прикладное, и поэтому онъ болѣе старался примириться съ господствующими условіями. Хотя онъ вполнѣ признаетъ принципы Платона и въ этомъ отношеніи не вноситъ ничего новаго, однако же въ выборѣ средствъ къ цѣли онъ во многихъ отношеніяхъ и значительно отклоняется отъ Платона. Эмансипація женщинъ казалась ему чѣмъ-то фантастическимъ уже по причинѣ дѣйствительнаго положенія вещей. Что свободные мужчины, рабы и женщины занимаютъ совершенно различное соціальное и политическое положеніе, это фактъ; слѣдовательно, утверждаетъ Аристотель, должно заключить, что и души ихъ, изъ которыхъ исходятъ дѣянія, также различны. Между тѣмъ какъ Платонъ искалъ родового единства въ людяхъ, Аристотель, наоборотъ, занимался опредѣленіемъ различія между ними.

Какъ ученикъ Платона, Аристотель различаетъ три элемента. Первый есть безсознательная сила, проявляющаяся и въ растеніяхъ и производящая питаніе и ростъ. Она управляетъ и въ человѣкѣ растительной жизнью. Второй элементъ есть животненность, сила, хотя не вполнѣ отдѣленная, но все же логически отличная отъ первой силы. Именно, собственно растительные процессы не обращаютъ никакого вниманія на разумъ,

между тѣмъ какъ въ желаніяхъ человѣка уже проявляется способность внимать голосу разума.

Слѣдовательно, на второй ступени неразумной души начинается собственно *человѣческая* жизнь. Третья же ступень есть самъ разумъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Прежде чѣмъ мы, вмѣстѣ съ Аристотелемъ, будемъ дѣлать послѣдовательные выводы, должны мы точнѣе опредѣлить вторую ступень. Способность желаній, проявляющихся во всей практической жизни, хотя въ человѣкѣ и связана нѣкоторымъ образомъ съ разумомъ, но все же здѣсь можно различать два Платоновыхъ вида отношеній. Именно: или влеченія совершенно пренебрегаютъ разумомъ, когда противодѣйствующее разуму вполнѣ его перевѣшиваетъ, какъ это бываетъ съ людьми, неспособными къ самообладанію, или же разумъ дѣйствительно встрѣчаетъ послушаніе. Въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ нравственная жизнь; разумъ регулируетъ влеченіе добрыми привычками, нравами и законами; въ первомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи ни о какой добродѣтели, а господствуетъ естественная власть влеченій, или порочность. И такъ видно, что Аристотель позаимствовалъ у Платона психологическую основу этики и политики.

Если только въ этомъ состоитъ разница видовъ или ступеней души, то спрашивается: какъ мы должны распредѣлить ее между свободнымъ мужчиной, женщиной и рабомъ? Здѣсь Аристотель вполнѣ отклоняется отъ Платона, такъ какъ въ основаніе своей методы онъ кладетъ только господствующія условія и ненаучнымъ образомъ аппелируетъ только ко всеобщему убѣжденію, а мѣриломъ дарованія принимаетъ соціальное положеніе.

Господствующимъ же и законодательствующимъ въ государствѣ и семьѣ былъ только свободный мужчина, слѣдовательно только онъ обладалъ самостоятельнымъ разумомъ въ собственномъ смыслѣ слова, этой третьей и высшей ступенью души. Напротивъ того, рабъ и женщина должны повиноваться; слѣдовательно имъ свойственна только вторая ступень души, то-есть неразумныя пожеланія, которыя могутъ, однако, болѣе или менѣе внимать голосу разума. Между рабомъ и женщиной Аристотель дѣлаетъ только количественное различіе. Именно,

рабъ дуренъ по своей натурѣ, потому что въ немъ всегда берутъ перевѣсъ неразумныя желанія, и онъ неспособенъ ни къ какой добродѣтели; женщина же вообще только хуже мужчины, однако же она можетъ слушаться разума и этимъ путемъ достичь нравственности, хотя, конечно, она никогда не отличается самостоятельнымъ разумомъ и поэтому не можетъ обладать никакой иниціативой воли, никакой нравственной личностью.

Поэтому рабъ самой натурой своей предопредѣляется къ тому, чтобы быть рабомъ, такъ какъ онъ не можетъ самъ устроить себѣ разумную жизнь. Для него лучше служить, такъ какъ такимъ образомъ онъ, по крайней мѣрѣ, какъ орудіе свободной личности, принимаетъ участіе въ нравственной жизни.

Равнымъ образомъ и женщина, сама по себѣ, неспособна къ разумной жизни. Природа поставила для нея цѣлью собственно рожденіе мужчинъ. По причинѣ недостатка теплоты, питанія и другихъ препятствующихъ обстоятельствъ, существо не всегда достигаетъ совершенства; тогда происходитъ недоразвитый мужчина, т.-е. женщина. Поэтому она и наружными, и внутренними свойствами подобна ребенку, что́ уже доказывается отсутствіемъ у нея бороды, ея тонкимъ голосомъ, преданностью и склонностью къ послушанью. Природа воспользовалась этимъ отличіемъ женщины отъ мужчины для того, чтобы одарить женщину тѣмъ, что ей нужно для дѣлъ особаго рода, потому что, помимо физическихъ свойствъ и дѣлъ на пользу дѣтей, женщина предопредѣлена также для хозяйственнаго и нравственнаго общенія съ мужчиной, съ цѣлью выполненія ею особеннаго призванія, вполнѣ отличнаго отъ призванія мужчины. Поэтому мужчина въ бракѣ можетъ вести съ женщиной дружбу, которая основывается частью на пользѣ, приносимой женщиной, частью на удовольствіи, которое она доставляетъ, частью же на ея добрыхъ качествахъ. Эти добрыя качества также отличны отъ мужскихъ. Такъ, напримѣръ, ея храбрость другаго рода, нежели храбрость мужчины.

Женщина, возбуждающая страхъ, смѣшна; ея храбрость была бы трусостью для мужчины.

д) Соціальныя потребности.

Такъ какъ для мужчинъ, ради соціальныхъ потребностей, уже возведено въ верховный принципъ то, чтобы насколько можно не допускать привилегій, ставящихъ людямъ препятствія на ихъ жизненномъ пути, съ тѣмъ чтобы каждый по своимъ силамъ и трудамъ могъ своебразно устроить свое существованіе и свое счастье—то или должно доказать, что природа опредѣлила женщинъ къ рабству, или имъ должно предоставить равныя съ мужчинами права, то-есть эмансипировать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Убѣжденіе въ подчиненности женской природы есть, конечно, до сихъ поръ господствующее убѣжденіе между большинствомъ людей; но все же настоятельныя потребности неизбѣжно приведутъ къ тому, что падутъ всѣ законныя стѣсненія, и каждая женщина, равно какъ и каждый мужчина, будетъ устраивать свое существованіе такъ, какъ это дѣлаютъ для нея возможнымъ ея силы и труды. Такова третья точка зрѣнія на женскій вопросъ. Мы видимъ, что при этомъ оставляется въ сторонѣ всякое идеальное воззрѣніе, такъ какъ рѣчь идетъ только о существованіи; лишь ради жизненныхъ потребностей предъявляются притязанія для женщинъ на равныя съ мужчинами права и на безусловную свободу. Права должны быть даны женщинѣ не потому, что ея идеальныя задачи требуютъ такой свободы, но потому, что женщина, если уже она родилась, должна также и существовать, а чтобы существовать, она должна имѣть права на трудъ и на выборъ труда.

4.

Натура женщины.

Мы постараемся теперь разсмотрѣть натуру женщины по тремъ главнымъ моментамъ: по духу, душѣ и тѣлу, для того чтобы показать, что ея индивидуальное назначеніе и дарованія ничѣмъ не отличаются отъ мужскихъ.

A) *Духъ.*

a) Нѣтъ никакихъ исключительно мужскихъ родовъ духовной дѣятельности.

Прежде всего возникаетъ для насъ то заключеніе, что мы не должны признавать никакой духовной дѣятельности мужчины, которая не могла бы также быть производима и женщиной. Разсмотримъ это въ частностяхъ. Духовная дѣятельность бываетъ или научная, или художественная и техническая, или практическая и религіозная. Если мы возьмемъ сперва научную дѣятельность, то увидимъ, что въ исторіи всѣхъ наукъ упоминается и о женщинахъ, занимавшихся ими.

Такимъ образомъ опытомъ подтверждается то, что̀ требуется теоріей. Великіе философы всѣхъ временъ охотно разсуждали съ женщинами, какъ намъ сообщаютъ преданія о Пиѳагорѣ, Сократѣ съ его Діотимой и Аспазіей и о Платонѣ. Въ Александріи разъ даже была занята женщиной, Гипатіей, каѳедра философіи, астрономіи и математики. Въ новѣйшія времена читаемъ мы письма философа, физика и математика Декарта къ принцессѣ Елизаветѣ Пфальцской. Мы знаемъ также о философскихъ бесѣдахъ Лейбница съ женой ганноверскаго курфюрста и съ королевой прусской. Письма Вильгельма Гумбольдта къ его другу, Шарлоттѣ Диде, предполагаютъ въ ней высокое духовное развитіе. Такъ какъ статистика—не моя задача, то, можетъ быть, достаточно этихъ немногихъ примѣровъ. Сочиненіе Клемма (G. Klemm: «Die Frauen», въ 6-ти томахъ) убѣдитъ тѣхъ, кто собственнымъ опытомъ не узналъ научныхъ дарованій женщинъ и поэтому нуждается во многихъ достовѣрныхъ примѣрахъ. И такъ рѣшено, что женщины способны заниматься наукой. Что же касается до того, сколько онѣ для нея сдѣлаютъ,—это зависитъ, между прочимъ, отъ соціальныхъ условій.

Равнымъ образомъ, художественная и техническая дѣятельность вполнѣ извѣстна женщинамъ, и едва ли стоитъ труда говорить объ этомъ. Напримѣръ, хуже или лучше ихъ повѣсти и романы повѣстей и романовъ мужчинъ, это для насъ вопросъ праздный, потому что мы хотимъ доказать не то, что жен-

щины превосходятъ насъ, мужчинъ, но только то, что не существуетъ никакой исключительно-мужской дѣятельности.

Высшее проявленіе практической или этической дѣятельности есть управленіе домомъ или государствомъ. Такъ какъ каждому извѣстны изъ исторіи имена великихъ правительницъ, волѣ которыхъ подчинялись могущественнѣйшія государства, и которыя отличались въ военное и мирное время, то излишне упоминать еще о второстепенныхъ родахъ этической дѣятельности и выяснять, что и въ нихъ женщины, какъ намъ показываютъ исторія и ежедневный опытъ, дѣйствуютъ, какъ и мужчины, выказывая себя какъ съ дурныхъ, такъ и съ хорошихъ сторонъ.

Что у женщины нѣтъ недостатка въ способности дѣйствовать въ сферѣ религіи, это доказывается не только христіанской религіей, въ которой женщина вполнѣ эмансипирована, но также и языческими вѣрованіями. И такъ, нѣтъ ни одной такой духовной дѣятельности, которая была бы свойственна исключительно мужчинѣ. Опытъ намъ показываетъ принятіе женщинами участія во всѣхъ сферахъ духовной жизни.

б) Мужчины различаются между собой по дарованіямъ болѣе, нежели мужчины и женщины.

Обыкновенно упускаютъ изъ вида очень важную точку зрѣнія, когда говорятъ о различіи способностей между мужчиной и женщиной; забываютъ, что мужчина есть только нарицательное имя для безконечнаго ряда индивидовъ. Говоря о дарованіяхъ мужчины, думаютъ о самихъ себѣ или о выдающихся членахъ этого ряда, а не о безконечномъ числѣ второстепенныхъ натуръ. Но если бы женщинъ включили въ этотъ рядъ, то еще требуется доказать, что онѣ заняли бы въ немъ мѣсто второстепенныхъ натуръ. Обычное противопоставленіе мужчинъ и женщинъ возникло, поэтому, безъ всякой научной методы и основывается на предразсудкахъ, возникновеніе которыхъ исторически, конечно, легко объяснить. Поэтому если хотятъ отводить соціальное положеніе и права по мѣрѣ дарованія, то можно опасаться, что этимъ уничтожились бы привилегіи мужчинъ, а эмансипація женщинъ стала бы необходимостью.

Б) Душа.

Отличіе женской души координируется съ половымъ отличіемъ.

Мы видѣли, что человѣку, будь онъ мужчина или женщина, данъ разумомъ тождественный элементъ, и что поэтому человѣкъ имѣетъ только тождественное назначеніе. Но разумъ мы отличаемъ отъ средней области душевной жизни, которая, съ другой стороны, граничитъ съ чувственностью, какъ съ нижней областью. Въ этой средней области, называемой обыкновенно душой, происходятъ движенія силы воображенія, чувствованій и пожеланій. Первые элементы этихъ движеній или непосредственно предлагаются чувственными возбужденіями, или, по крайней мѣрѣ, они требуются чувственностью. Однако же, разумъ не живетъ какъ трансцендентальное существо, разлученное съ другими отдѣлами; онъ находится скрытно въ каждомъ элементѣ; онъ проницаетъ все и возбуждаетъ мысли, восходящія къ высшимъ сферамъ.

Средняя область душевной жизни находится затѣмъ въ точной координаціи съ тѣлесной жизнью. Каждый знаетъ. что побужденія и пожеланія, напримѣръ голодъ и жажда, зависятъ отъ соотносительныхъ состояній тѣла, что пожеланія возникаютъ и пропадаютъ вмѣстѣ съ извѣстными функціями тѣла, что нѣкоторыя побужденія возникаютъ только въ опредѣленномъ возрастѣ, что зрѣлые годы избавляютъ насъ отъ многихъ пожеланій, что поэтому времена года, тепло и холодъ, болѣзнь, здоровье и выздоравливанье всегда сопровождаются соотвѣтствующимъ душевнымъ настроеніемъ и воображеніемъ, прельщеніемъ и отвращеніемъ, удовольствіемъ и страданіемъ, такъ что душа, до извѣстной степени, измѣнчива и стоитъ въ функціонной зависимости отъ первоначально измѣнчиваго, отъ чувственной организаціи.

Поэтому слѣдуетъ ожидать, что такое значительное различіе, каково различіе половое, должно также выразиться во всей душевной жизни человѣчества.

Такъ какъ разумъ, какъ корень духовной жизни, есть элементъ тождественный, и назначеніе человѣка должно основы-

ваться на этой высшей дѣятельности; такъ какъ, далѣе, всѣ душевныя силы равнымъ образомъ тождественны, какъ у мужчины, такъ и у женщины, то вообще не можетъ быть никакой специально-мужской или специально-женской духовной дѣятельности.

В) *Тѣло.*

Физическое различіе.

Теперь мы должны обратить вниманіе на физическую сторону.

Такъ какъ мы видѣли, что вся душевная жизнь женщины состоитъ въ координаціи съ половымъ различіемъ, то легко понять, что это въ еще высшей степени будетъ обнаруживаться въ физической жизни. Прослѣдить это есть дѣло антропологіи.

Вообще женщины слабѣе и нѣжнѣе мужчинъ, и потому онѣ обыкновенно называются слабымъ поломъ. По справедливому замѣчанію Аристотеля, взглядъ котораго былъ направленъ на половое различіе,—женщина похожа на нѣжнаго юношу голосомъ, отсутствіемъ бороды и образомъ чувствъ. Поэтому также любовь между мужчиной и женщиной, какъ физическая, такъ этическая, совершенно отличается отъ дружбы между мужчинами.

Эта любовь основана на полномъ и постоянномъ неравенствѣ между мужчинами и женщинами.

Женщина нуждается въ защитѣ, и потому отъ природы занимаетъ зависимое положеніе; мужчина, какъ обладающій большей силой и самими задачами своего пола не такъ стѣсненный въ своемъ досугѣ, самъ по себѣ опредѣляется быть защитникомъ, кормильцемъ и, до извѣстной степени, господиномъ. Этому неравенству природнаго положенія соотвѣтствуетъ неравенство любви, которая состоитъ съ одной стороны въ подчиненности и преданности, а со стороны мужчины—въ благородномъ мужествѣ и рыцарской готовности къ самопожертвованію.

Помимо этого физическаго различія, по которому устраивается этическій порядокъ, женщина вообще является подобной мужчинѣ, и поэтому не существуетъ также никакихъ работъ, совершаемыхъ при помощи тѣлесныхъ силъ, которыя не

могли бы быть выполнены женщинами такъ же хорошо, какъ и мужчинами.

Коль скоро обращають вниманіе только на силы и отвлекаются отъ идеальныхъ требованій въ пользу женщины, то эмансипація, т.-е. полное равноправіе женщинъ съ мужчинами, также и въ этой сферѣ становится возможнымъ и необходимымъ. Можно сказать даже, что въ этой низшей сферѣ дѣятельности оно уже стало фактомъ.

Г) Координація различныхъ видовъ дѣятельности.

Послѣ того какъ мы изслѣдовали различные виды дѣятельности женщины по отношенію ихъ къ видамъ мужской дѣятельности и нашли, что всѣ они по существу своему тождественны для обоихъ половъ, но что на ступени тѣлесной и душевной жизни имѣетъ мѣсто различіе, мы должны теперь еще изслѣдовать, какимъ образомъ координируются эти дѣятельности относительно единства функцій.

Единство нашей человѣческой жизненной дѣятельности можетъ состоять только въ наивысшей ступени развитія, потому что все подчиненное есть только основа и средство для этого верховнаго, какъ цѣли.

Поэтому центромъ жизни не можетъ быть, напримѣръ, ни желудокъ, ни честь, ни фантазія, ни любовь, а только разумъ, который, какъ верховный властитель, указываетъ всѣмъ видамъ дѣятельности ихъ предѣлы и пути и опредѣляетъ ихъ взаимное соотношеніе.

Единство можетъ вообще проявляться не какъ тождество, но только какъ господствующее соотношеніе, когда всѣ виды дѣятельности въ извѣстной взаимной зависимости подчиняются послѣдней руководящей дѣятельности. Окончательнымъ же руководителемъ является единственно разумъ.

Сообразно съ этимъ мы должны утверждать, что это соотношеніе видовъ человѣческой дѣятельности одинаково для обоихъ половъ, потому что разумъ присущъ имъ обоимъ и, будучи вполнѣ тождественнымъ, никогда не выступаетъ какъ средство для подчиненной цѣли, но всегда является господ-

ствующимъ, если только не извращенъ естественный порядокъ вещей.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на различныя дарованія людей, то обнаружится, что всѣ они, только въ различной степени, причастны разуму, который въ разныхъ индивидахъ служитъ для откровенія ихъ идей.

Поэтому часто можетъ встрѣтиться, что мужчины обладаютъ разумомъ лишь настолько, насколько онъ какъ бы осаждается въ господствующихъ мнѣніяхъ, нравахъ и искусственныхъ методахъ; слѣдовательно, такіе мужчины лишь косвеннымъ и невольнымъ образомъ управляются разумомъ. Единство жизненной дѣятельности падаетъ поэтому до олигархіи, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ какъ такой человѣкъ опредѣляется различными мнѣніями и чувствованіями, легко раздваивается и пребываетъ въ разладѣ съ самимъ собой. Такъ какъ для большей части людей невозможно достиженіе высшей цѣли, поэтому подчиненіе массы господствующимъ мнѣніямъ, нравамъ, искусственнымъ правиламъ представляетъ такой важный культурный интересъ, и это есть причина, почему церковь и школа образуютъ собою носителей цивилизаціи, потому что безъ этихъ силъ ослабѣетъ крѣпость души, и человѣкъ будетъ преданъ во власть пожеланій и капризовъ.

Если это справедливо для людей вообще, то въ особенности справедливо для женщинъ, такъ какъ у нихъ ко всеобщимъ причинамъ присоединяется еще особая причина, которая отвлекаетъ ихъ отъ высшаго развитія умственной дѣятельности. Спеціальная задача ихъ пола беретъ у нихъ много времени, думъ и силъ. Вся душевная жизнь женщинъ группируется вокругъ этихъ отношеній и возникающихъ отсюда заботъ, обязанностей и чувствованій. Вотъ причина, почему общее осужденіе людей и даже философовъ отказываетъ женщинамъ въ самостоятельномъ разумѣ и ставитъ ихъ лишь на вторую ступень человѣческаго рода. Что это сужденіе ложно, въ этомъ мы уже достаточно убѣдились, такъ какъ равнымъ образомъ жребій мужчинъ и всѣхъ существъ вообще таковъ, что большинство изъ нихъ не можетъ достичь своихъ высшихъ цѣлей.

Поэтому для женщинъ, какъ и для мужчинъ, мы должны установить норму господства самостоятельнаго разума, а также

въ свободномъ развитіи даровитой женщины, сдѣлавшемся возможнымъ благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, мы можемъ усмотрѣть то же самое господство душевной жизни, какъ у мужчинъ. Кромѣ того, благодаря тихимъ занятіямъ, которыя отводятся для женщинъ нравами и обычаями, благодаря времени отдыха и сосредоточенія, которымъ сопровождаются задачи женщинъ, онѣ имѣютъ болѣе случая развивать въ себѣ практическій разумъ, такъ что въ средней сложности мы находимъ у женщинъ болѣе нравственной самостоятельности и единства, нежели у мужчинъ.

Нельзя однако требовать, чтобы женщины были вполнѣ поглощаемы своимъ призваніемъ супруги и матери, во-первыхъ потому, что, быть можетъ, ихъ судьба отказала имъ въ этихъ отправленіяхъ, а во-вторыхъ потому, что эти ихъ отношенія къ обществу всегда только примыкаютъ къ ихъ индивидуальному назначенію, которое на первый планъ ставитъ удовлетвореніе духовныхъ потребностей.

Слѣдовательно женщина, какъ и мужчина, можетъ найти свое удовлетвореніе только посредствомъ участія въ теоретическомъ образованіи, во всѣхъ отрасляхъ художествъ и, наконецъ, въ нравственно религіозной и исторической жизни народа; это тщеславное самообольщеніе, если думаютъ, что женщина можетъ быть дѣятельной женой и матерью, не выполняя своихъ первыхъ и важнѣйшихъ задачъ.

Конечно, время отъ времени, требованія, возлагаемыя на женщинъ ихъ поломъ, выступаютъ сильнѣе и берутъ у нихъ почти все ихъ время; но все же, если женщина не спустится до ступени исключительно животной жизни, невыполненіе ею общаго человѣческаго назначенія обременитъ ее печалью и чувствомъ пустоты и рабства, такъ что жизнь станетъ для нея почти тягостнымъ и механическимъ дѣломъ, или же женщина начнетъ искать замѣны во всевозможныхъ фривольныхъ удовольствіяхъ, если она не сознаетъ истинной причины своей неудовлетворенности. Но координація видовъ духовной дѣятельности никогда не можетъ требовать безусловнаго подчиненія женщины мужчинѣ, какъ господину, потому что всякое господство основывается на законахъ природы. Такъ пожеланія сами собой и естественно подчиняются разуму или фантазіи, по-

тому что эти силы указываютъ пожеланіямъ ихъ предметы и безъ нихъ не знали бы, чего можно желать и какъ достигнуть желаемаго. Поэтому, если бы мужчина всегда обладалъ свободнымъ и самостоятельнымъ разумомъ, а женщина всегда была бы преисполнена слѣпыми пожеланіями и неосновательнымъ воображеніемъ, то онъ, по самой природѣ, былъ бы ея господиномъ. Такъ какъ мы видѣли, что въ дѣйствительности существуетъ безконечный рядъ даровитыхъ мужчинъ, а женщины, какъ люди, принадлежатъ къ этому же ряду, то ясно, что естественный порядокъ требуетъ то господства мужчины, то господства женщины.

Это требованіе природы соотвѣтствуетъ какъ праву, такъ и фактамъ, такъ какъ въ дѣйствительности то мужчины, то женщины имѣютъ перевѣсъ и руководящее положеніе въ семействѣ, а иногда въ государствѣ.

Но такъ какъ ни одна задача, поставленная природой, не можетъ быть пренебрегаема безнаказанно, то отсюда слѣдуетъ, что женщина имѣетъ нравственно-трудную, но за то и художественно-прекрасную задачу — привести въ гармонію свое человѣческое назначеніе съ назначеніемъ половымъ, и что ея жизнь для нея самой и для другихъ придетъ въ дисгармонію, разладъ, если ей не удастся, посредствомъ приведенія въ правильное соотношеніе обоихъ видовъ дѣятельности, привести ихъ въ созвучіе. Этимъ я ничего не хочу сказать въ пользу того вульгарнаго пониманія, что половое призваніе ограничиваетъ женщину домашней и вообще частной жизнью; отсюда слѣдуетъ лишь то требованіе, что женщина не должна предаваться своему индивидуальному назначенію такъ исключительно, чтобы черезъ то возникалъ диссонансъ вслѣдствіе недостаточной координаціи половыхъ обязанностей. Законы координаціи видовъ духовной дѣятельности показываютъ трудность для женщины достичь полной гармоніи; но они никогда не могутъ разграничивать и классифицировать круги дѣятельности обоихъ половъ.

Д) Координація половъ.

Такъ какъ природа все ставитъ въ закономѣрное и гармоническое соотношеніе другъ къ другу, то, развивая противопо-

ложнымъ образомъ оба пола, она возбуждаетъ въ нихъ влеченія, связывающія ихъ въ высшее жизненное единство; вслѣдствіе чего слѣдуетъ разсматривать не только координацію отправленій въ индивидѣ, но также и координацію половъ по отношенію другъ къ другу.

Но такъ какъ это соотношеніе можетъ быть установлено лишь изнутри, т.-е. влеченіемъ и любовью, то слѣдовательно и возникающія отсюда правила должны быть въ связи со всѣмъ строемъ внутренней жизни. Но—спрашивается—не можемъ ли мы найти типическій идеалъ соотношенія между мужчиной и женщиной? Поэтическія натуры находятъ удовольствіе въ начертываніи подобнаго образа, а романисты, ораторы и нѣкоторые антропологи идутъ въ томъ же направленіи.

Согласно этому идеалу, мужъ, во-первыхъ, всегда старше жены; она нѣжна и меньше его ростомъ; онъ силенъ и больше нея; она послушна, терпѣлива и преданна; онъ отличается сильными страстями, гнѣвливостью, честолюбіемъ и непреклонною волею; она своимъ тихимъ и гармоническимъ существомъ, своимъ глубокимъ чувствованіемъ и искреннимъ благочестіемъ умѣетъ успокоить, утѣшить и смягчить мужа, истерзаннаго борьбой съ міромъ и болѣющаго душой; кромѣ того онъ благоразуменъ и мудръ, знаетъ міръ въ его цѣломъ и преслѣдуетъ высшія жизненныя цѣли; она—хотя и не понимаетъ ничего изъ этихъ высокихъ вещей, но, помощью своей преданной любви къ нему, умѣетъ возвыситься до пониманія его чудныхъ плановъ, и такъ какъ она лучше знаетъ мелкія побужденія человѣческаго сердца, она можетъ часто подавать ему совѣты относительно остроумныхъ и хитрыхъ средствъ для выполненія его предначертаній или для его спасенія. Дѣло воспитанія дѣтей онъ ведетъ съ мудростью и строгостью, она—съ любовью и терпѣніемъ. Онъ умираетъ раньше нея, какъ побѣдитель, въ битвѣ или въ другихъ предпріятіяхъ за дѣло чести и права, всегда чтимый людьми, какъ побѣдоносный, но, быть можетъ, трагически доведенный до паденія хитростью низкихъ враговъ его великаго дѣла. Она оплакиваетъ его въ цѣломудренномъ, благочестивомъ, преданномъ Богу, самоотреченіи до самой смерти; единственное утѣшеніе своей лишенной опоры жизни она видитъ въ расцвѣтающихъ дочеряхъ или въ сыновьяхъ,

достигающихъ большихъ почестей среди мужчинъ и воскрешающихъ для нея образъ ихъ отца.

Но такъ какъ человѣческая природа не творитъ по одному постоянному образцу, а проявляется на большомъ просторѣ отъ самой низшей до самой высшей мѣры, то изъ этого слѣдуетъ, что всѣ эти опредѣленія несостоятельны и въ дѣйствительности часто представляются въ обратномъ видѣ.

Поэтому мы должны возвратиться къ прежнимъ результатамъ, а именно: индивидуальное назначеніе каждаго человѣка есть высшая норма его жизни; оно требуетъ опредѣленной координаціи всѣхъ человѣческихъ отправленій и даетъ направленіе соотношенію половъ между собою.

5.

Результаты.

Послѣ того какъ мы оріентировались въ нашемъ вопросѣ въ различныхъ теоріяхъ со стороны исторіи понятій, намъ остается только изъ принциповъ вывести результаты и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, дать опредѣленнный отвѣтъ на нашъ вопросъ.

А) Идеалы и соціальныя потребности.

Прежде всего припомнимъ вышеизложенныя три главныя точки зрѣнія на женскій вопросъ: двѣ идеальныя и одну механическую. Онѣ должны и здѣсь быть для насъ руководящими.

Въ вопросахъ практической жизни нѣтъ болѣе полной противоположности, какъ противоположность, возникающая изъ принятія во вниманіе идеальныхъ требованій съ одной стороны, и изъ неотступныхъ соціальныхъ требованій жизни съ другой стороны. Эти два вида требованій обыкновенно смѣшиваются, и отсюда вытекаетъ запутанность борющихся между собой мнѣній и большая неясность, нетвердость сужденій. Такъ, напримѣръ, одни хотятъ сохранить женщинѣ ея священное мѣсто у домашняго очага и освободить ее отъ дѣловой жизни, въ которой она будетъ порабощена не-женственными занятіями. У этихъ людей передъ глазами—идеалъ женщины. Другіе хотятъ

предотвратить голодъ, бѣдность, безработицу и предоставить несчастной женщинѣ честный заработокъ и приличный, ведущій къ свободѣ, трудъ. Эти люди обращаютъ вниманіе на потребности жизни.

Такъ борются между собой обѣ партіи, каждая исходя изъ хорошихъ основаній, но соотношеніе этихъ основаній не изслѣдуется, и противники, руководясь искреннимъ убѣжденіемъ, взаимно себя раздражаютъ и упрекаютъ другъ друга въ безсовѣстности и низкихъ намѣреніяхъ.

Но не трудно опредѣлить соотношеніе обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія. Такъ какъ идеальная точка зрѣнія есть высшая, а другая низшая, то всегда низшая предшествуетъ высшей, какъ ея основа, и было бы смѣшно, если бы мы захотѣли обратить вниманіе на высшую точку зрѣнія прежде, чѣмъ на низшую. Жизнь моральная стоитъ выше жизни вообще, какъ человѣкъ стоитъ выше животнаго и растенія. Однако же къ голодному слѣдуетъ придти на помощь не съ моральной бесѣдой, но съ реальною пищею.

Первая мысль человѣка о жизни вообще, а послѣ уже онъ заботится о томъ, какъ бы прожить ему хорошо. Растительная и животная жизнь есть основа человѣческой жизни въ людяхъ, и поэтому слѣдуетъ прежде всего обращать вниманіе на соціальныя жизненныя потребности и на борьбу за существованіе, для того чтобы человѣкъ, по крайней мѣрѣ, прозябалъ. Затѣмъ слѣдуетъ также позаботиться и о животномъ благосостояніи. Влеченія человѣка и его стремленія къ свободѣ и наслажденію должны получить просторъ, потому что за это борется даже каждое животное, какъ за свои важнѣйшіи и необходимѣйшія блага.

Только послѣ всего этого можно подумать и о своемъ человѣческомъ назначеніи. Хотя такой порядокъ точекъ зрѣнія очень простъ, но поэтому самому онъ очень важенъ, и пренебреженіе имъ имѣетъ очень рѣзкія послѣдствія, ибо отъ спутанности сужденій зависитъ большинство современныхъ грустныхъ соціальныхъ отношеній. Согласно этимъ точкамъ зрѣнія мы должны разложить нашъ вопросъ на два послѣдующихъ и спросить: во-первыхъ, необходима ли эмансипація женщины ради соціальныхъ жизненныхъ потребностей? и, во-вторыхъ, вытекаетъ ли она также изъ идеальной натуры человѣка?

Б) Теорія и практика.

Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одну точку зрѣнія, —именно на то, что не дѣлаютъ надлежащаго различія между требованіями теоріи и исторически-данными условіями жизни. Теорія можетъ доказывать этическую необходимость и физическую возможность извѣстнаго мѣропріятія, но существующія власти не хотятъ этого и, по своимъ историческимъ основамъ, въ правѣ не хотѣть. Поэтому всегда должно считаться съ дѣйствительными силами, и было бы чистымъ безуміемъ или погоней за мученичествомъ предлагать мѣропріятіе, стоящее въ такомъ противорѣчіи съ обычаями и утвердившимися нравами, что нельзя и думать о его осуществленіи. Поэтому мы должны тщательно ограничиться одной только теоріей которая не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія на то, чтобы тотчасъ же перейти въ жизнь. Мы предоставимъ практическимъ умамъ, слѣдовательно государственнымъ людямъ и законодателямъ, опредѣлить, что̀ пригодно и практически выполнимо изъ предлагаемыхъ мной постулатовъ, и ввести это въ програму ихъ дѣйствій. Въ этомъ состоитъ должная скромность теоретиковъ. Но, съ другой стороны, теорія должна держаться совершенно независимо отъ соображеній относительно полезности и выполнимости ея въ настоящее время, потому что въ противномъ случаѣ въ аргументацію вводятся, какъ элементы, преходящія и случайныя отношенія соціальнаго положенія данной минуты, и вслѣдствіе этого дедукція лишается своей всеобщности и необходимости. Наука никогда не заботится о современномъ, но лишь о всеобщемъ и необходимомъ. Техника же, заимствуя принципы у науки, старается преобразовать современность съ точки зрѣнія пользы, а въ этомъ и состоитъ высота науки

В) Постулаты (требованія) теоріи.

а) Свобода труда.

Соціальныя жизненныя потребности, какъ мы видѣли, происходятъ отъ того, что количество народонаселенія не можетъ быть опредѣлено закономъ, слѣдовательно силы людей нахо-

дятся не въ надлежащей пропорціи относительно средствъ пріобрѣтенія себѣ пищи и удовольствій. Если почва должна доставлять людямъ болѣе средствъ къ пропитанію, то для этого требуется бо́льшая и раціональнѣйшая ея обработка. Чѣмъ болѣе увеличивается народонаселеніе, тѣмъ труднѣе становится надзоръ за воспитаніемъ и образованіемъ отдѣльныхъ личностей; поэтому появляется тѣмъ болѣе индивидовъ, оставленныхъ въ небреженіи и потерянныхъ, которые, въ свою очередь, вслѣдствіе недостаточнаго образованія, не въ состояніи добывать себѣ средства къ существованію и еще менѣе къ наслажденіямъ жизни. Отсюда вытекаетъ для государства постулатъ: устранить полной эмансипаціей всѣ препятствія, стоящія на пути свободнаго развитія и образованія его гражданъ и гражданокъ. Такъ какъ женщина во всѣхъ человѣческихъ способностяхъ показала себя равной мужчинѣ, и такъ какъ нѣтъ ни одного исключительно мужскаго вида дѣятельности, а съ другой стороны женщина, равно какъ и мужчина, имѣетъ нужду въ пропитаніи и удовольствіи, то отсюда слѣдуетъ, что женщинъ должно допускать ко всѣмъ отраслямъ труда, какъ и мужчинъ, не замыкая передъ ними ни одной изъ его областей. Отстраненіе отъ какого-либо труда и допущеніе къ нему должно зависѣть не отъ половаго различія, но только отъ способностей индивидовъ.

б) Равенство въ обученіи.

Къ первому, разсмотрѣнному нами, постулату примыкаетъ второй, какъ условіе перваго, потому что только тогда можно ожидать отъ человѣка выполненія имъ труда, когда онъ пріобрѣлъ необходимую способность къ труду. Но отъ природы онъ получаетъ эту способность только для низшихъ и хуже всего оплачиваемыхъ видовъ труда; для всего же, что̀ выходитъ за предѣлы однѣхъ физическихъ силъ, человѣкъ нуждается въ образованіи. И такъ, съ тою цѣлью, чтобы женщины могли во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности вступать въ конкурренцію съ мужчинами, должны быть учреждены и для нихъ такія же учебныя заведенія, какъ и для мужчинъ. Здѣсь идетъ дѣло о тѣхъ способностяхъ, которыя находятся отъ природы въ каж-

домъ индивидѣ и имѣютъ высшее назначеніе. Съ точки зрѣнія экономической это—мертвые капиталы, которые, будучи хорошо помѣщены, могли бы приносить огромные проценты.

Природа вложила въ самого человѣка величайшія сокровища его страны, и въ томъ именно и состоитъ національно экономическая задача, чтобы извлечь изъ него эти сокровища и сдѣлать ихъ общеполезными.

Въ назначеніи человѣка, наряду съ экономическимъ, проявляется также и этическій интересъ. Обязанность каждаго въ отдѣльности, а потому и цѣлаго государства, пещись о развитіи всѣхъ членовъ общества.

Эти точки зрѣнія, по натурѣ своей, идеальны, потому что онѣ не могутъ стать эгоистическими интересами, но вытекаютъ изъ взгляда на все какъ на цѣлое. Изъ этихъ точекъ зрѣнія вытекаетъ равнымъ образомъ, что и женщины, и мужчины должны быть воспитаны и обучены наилучшимъ образомъ, ибо этого требуетъ ихъ экономическое и этическое достоинство. Чтó требуется самою жизнью, то требуется также и съ точки зрѣнія выполненія обязанностей.

Противъ возбужденныхъ возраженій, что, будто бы, по недостатку средствъ, нельзя открыть такъ много новыхъ народныхъ школъ, гимназій, университетовъ и политехническихъ институтовъ для дѣвушекъ, должно отвѣтить, что, во-первыхъ, пріобрѣтенная дѣвушками способность къ труду представляетъ капиталъ, которымъ съ излишкомъ покроются всѣ издержки, и который въ будущемъ гарантируетъ возможность учрежденія еще лучшихъ учебныхъ заведеній, и что, во-вторыхъ, нѣтъ никакой необходимости отдѣлять при обученіи мальчиковъ отъ дѣвочекъ.

При нашихъ нравахъ это можетъ казаться нужнымъ; но въ теоріи мы не имѣемъ нужды принимать въ соображеніе господствующіе предразсудки, потому что теорія принимаетъ въ соображеніе только дарованія людей и классифицируетъ учащихся не по возрасту, полу и званію, но по ихъ дѣламъ.

Тѣ же учителя, которые утверждаютъ, что они не могли бы поддерживать никакого моральнаго порядка въ такихъ смѣшанныхъ классахъ, тѣмъ самымъ показываютъ недостаточность собственной педагогической способности и вмѣстѣ съ тѣмъ недо-

статокъ опыта, ибо женскій полъ чутокъ къ тому, что «прилично», и поэтому всюду въ обществѣ вноситъ элементъ порядочности.

Именно непринужденнымъ общеніемъ обоихъ половъ, ихъ общими научными занятіями и общимъ трудомъ лучше всего регулируются ихъ взаимныя нравственныя отношенія. Слѣдовательно со стороны морали нечего сказать противъ совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ.

Если же нѣкоторые мужчины заявляютъ, что они вовсе не желаютъ слишкомъ ученыхъ женъ, то въ утѣшеніе имъ можно сказать, что природа всегда такъ распредѣляетъ способности, что немногимъ даровитымъ соотвѣтствуетъ значительное число мало даровитыхъ, которыя поэтому остаются на низкихъ ступеняхъ образованія и нравятся главнымъ образомъ вслѣдствіе половаго отличія и связанныхъ съ нимъ психическихъ прелестей. Совсѣмъ напрасно опасаться того, чтобы всѣ женщины обратились къ научнымъ занятіямъ такъ же, какъ мы это видимъ на мужчинахъ.

Природа носитъ въ себѣ систему организаціи и сама по себѣ наилучшимъ образомъ регулируетъ свои потребности. Эмансипація въ томъ смыслѣ, чтобы различіе половъ не воспрепятствовало выполненію назначенія женщины, есть поэтому необходимое требованіе съ идеальной точки зрѣнія.

в) Даровое обученіе.

Если бы женщинамъ и открыть всѣ учебныя заведенія, то все же очень многія изъ нихъ, вслѣдствіе трудности пріобрѣтенія средствъ къ существованію и уплаты денегъ за обученіе, были бы лишены возможности пользоваться образованіемъ, какъ это явствуетъ изъ того, насколько часто школы посѣщаются мальчиками. Но въ томъ и состоитъ важнѣйшій интересъ государства, чтобы получали образованіе всѣ индивиды, одаренные отъ природы умомъ и различными дарованіями, а не одни только, хотя и бездарныя, дѣти зажиточныхъ родителей. Для государства очень важно, чтобы оно управлялось самыми

интеллигентными людьми, которые составляютъ вмѣстѣ и самое пригодное орудіе для достиженія общественнаго благосостоянія.

Отсюда вытекаетъ то необходимое слѣдствіе, что воспитаніе и обученіе, начиная со школьнаго возраста, должны быть одною изъ важнѣйшихъ задачъ государства, что школы, слѣдовательно, должны быть публичными и даровыми для всѣхъ, безъ различія званія, состоянія и пола.

Всѣ люди принадлежатъ государству, и никому не позволительно жить только для себя, не платя обществу благодарностью за попеченіе и образованіе и не принимая участія, по мѣрѣ своихъ способностей, въ общемъ трудѣ надъ этическими задачами. Поэтому государство должно простирать свои заботы на всѣхъ и не презирать даровитыхъ, но неимущихъ; напротивъ, оно должно поставить своей цѣлью, посредствомъ одинаковаго обученія, сдѣлать надлежащую выборку хорошихъ натуръ.

Это требованіе кажется очень утопическимъ; однако здѣсь идетъ дѣло не о практическихъ предложеніяхъ, но объ установленіи правильныхъ цѣлей, къ которымъ слѣдуетъ стремиться. Впрочемъ исторія показываетъ, что такъ называемый прогрессъ человѣчества основывается въ особенности на возрастающемъ участіи въ образованіи небогатыхъ людей, и что соотвѣтственно тому образовательныя средства, книги, школы и т. д. становятся все дешевле и дешевле.

Слѣдовательно, то, чтó требуется теоріей, совершается само собой, въ силу поступательнаго движенія общественныхъ условій, и нуждается только въ пособіи, потому что теорія относится къ практикѣ, какъ врачебное искусство къ естественной организаціи тѣла, которое уже и само старается возстановить себя, нуждаясь только въ пособіи, а безъ свободныхъ стремленій тѣла и врачебное искусство ничего не могло бы сдѣлать.

Сюда примыкаютъ еще дальнѣйшія требованія относительно пищи, которая теперь нецѣлесообразно и дорого приготовляется въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, между тѣмъ какъ бережливость, равно какъ и здоровье требуютъ, чтобы была организована общественная кухня, чтó одно сдѣлало бы возможнымъ лучшее и болѣе дешевое питаніе.

Разрушеніе священнаго домашняго очага, вслѣдствіе учреж-

денія общественной кухни, для многихъ есть мысль ужасная; но одна только привычка сдѣлала очагъ чѣмъ-то священнымъ, въ сущности же въ немъ нѣтъ ничего священнаго. Общественные столы древнихъ были во всякомъ случаѣ болѣе идеальнымъ учрежденіемъ, нежели такъ-называемый домашній очагъ, потому что трудъ хозяйки у домашняго очага есть задача техническая, а вслѣдствіе увеличенія техники домашняго хозяйства неизбѣжно терпитъ этическая дѣятельность прежде всего относительно времени, затѣмъ также относительно затраты физическихъ и умственныхъ силъ, необходимыхъ женщинѣ для выполненія обязанностей матери и супруги. Если же это требованіе домашняго хозяйства хотятъ возвести въ принципъ, то женщина должна, какъ и въ древнія времена, изготовлять для семьи все бѣлье и платье, а мужчина долженъ выдѣлывать обувь и домашнюю утварь, такъ что каждый домъ былъ бы соединеніемъ нѣсколькихъ ремесленныхъ заведеній.

Я очень далекъ отъ того, чтобы рекомендовать соціалистическое принужденіе къ общественнымъ столамъ, созывая гражданъ по улицамъ и рангамъ. Первый интересъ, который долженъ охраняться государствомъ, есть индивидуальная свобода, и, какъ никого не принуждаютъ къ дружбѣ, точно такъ же не должно государство принуждать и къ общественнымъ столамъ. Это дѣло личнаго разумѣнія и хозяйственнаго разсчета, если нѣсколько семействъ соединяются для устройства общаго стола, какъ это теперь уже и встрѣчается. Государство же, которому принадлежитъ подрастающее юношество, обязано также тѣхъ, кого оно обучаетъ, кормить до тѣхъ поръ, пока они не вступятъ на поприще самостоятельной дѣятельности.

Только такимъ образомъ можетъ государство пріобрѣсть наибольшія силы и обратить себѣ на пользу наиболѣе цѣнные капиталы, именно духовныя дарованія, мысли и чувствованія своихъ гражданъ.

г) Отношеніе постулатовъ къ идеѣ семейства.

Если думаютъ, что государственнымъ воспитаніемъ разрушается семья, то это очень близорукое сужденіе, потому что уже теперь господствуетъ обязательное обученіе, а также

и добровольно разлучаются родители съ дѣтьми, посылая ихъ въ школы, пансіоны, конторы, ремесленныя заведенія, университеты и проч.

Дѣти суть самостоятельные центры собственной жизни и потому не безусловно принадлежатъ своимъ родителямъ.

Это двойное отношеніе дѣтей къ государству и къ родителямъ дѣлаетъ поэтому неизбѣжнымъ распаденіе семейнаго союза и притомъ пропорціально возрастающей самостоятельности дитяти.

Можетъ быть, также думаютъ, что допущеніе женщинъ къ отраслямъ мужской дѣятельности разрушаетъ семейную жизнь.

Это, кажется, имѣетъ за себя всего болѣе основательныхъ доводовъ и потому должно быть взвѣшено. Во-первыхъ, говорятъ, что у супруги и матери не остается времени для семьи, если жена, какъ и мужъ, будетъ занята внѣ семьи; и, во-вторыхъ, мысли о занятіяхъ ея внѣ семьи разрушаютъ идею семейной жизни. Отвѣтъ на это долженъ вытекать изъ природы и изъ фактовъ. А именно: во-первыхъ, должно принять во вниманіе, что природа всемогуща и не можетъ быть измѣнена искусствомъ или остроуміемъ людей. Поэтому всегда, какъ и теперь, останется множество женщинъ, не имѣющихъ ни охоты, ни способностей къ публичной дѣятельности. Поэтому согласно личному вкусу сойдутся лишь тѣ, кто другъ къ другу подходитъ. Землевладѣлецъ, крестьянинъ, ремесленникъ и люди другихъ профессій, требующихъ отъ жены болѣе обширной домашней дѣятельности, будутъ поэтому искать и найдутъ себѣ женъ, пригодныхъ къ этому отъ природы. Слѣдовательно семейному призванію женщины не будетъ нанесено никакого ущерба, такъ какъ, со стороны государства, женщины такъ же мало, какъ и мужчины, будутъ принуждаться къ выбору призванія. Во-вторыхъ, во всемъ этомъ возраженіи господствуетъ нѣкоторая неясность относительно понятія и фактовъ семейной жизни; кажется, думаютъ, что въ настоящее время женщина всецѣло поглощена семейною жизнью.

Посмотримъ, напримѣръ, на жену крестьянина, работающую въ полѣ, сидящую на рынкѣ и т. под.; далѣе, на прачку, портниху, работающихъ въ чужихъ домахъ, на жену купца за прилавкомъ, потомъ на учительницу, директрису, акушерку

и сидѣлку; затѣмъ на пѣвицу и музыкантшу, на женщинъ большаго свѣта, которыя оставляютъ своихъ дѣтей на гувернеровъ и гувернантокъ, а сами бо́льшую часть дня принимаютъ и дѣлаютъ визиты, наконецъ на тотъ многочисленный классъ женщинъ, которыя, не имѣя подобныхъ обязанностей, изъ одной только склонности, посвящаютъ многіе часы музыкѣ, живописи, танцамъ, обществу, литературѣ, религіознымъ собраніямъ, заботамъ о бѣдныхъ и т. д.

Государство должно принять на себя все воспитаніе, по крайней мѣрѣ начиная со школьнаго возраста, а также должно оно заботиться о тѣхъ, которые вообще лишены счастья семейной жизни. Все юношество должно охраняться и воспитываться государствомъ, какъ его собственное *я*.

6.

Заключеніе.

Если мы вернемся къ началу этого изслѣдованія, то увидимъ, что вовсе не было моей задачей вступать на арену практической политики, предлагать проэкты законовъ и защищать ихъ. Рѣчь шла только объ установленіи методы и добытіи научныхъ принциповъ, при помощи которыхъ можно было бы оріентироваться въ важномъ вопросѣ женской эмансипаціи.

Что эмансипація ради соціальныхъ жизненныхъ потребностей неизбѣжно настанетъ, это не можетъ быть сомнительнымъ для тѣхъ, кто исторически изучаетъ развитіе права, нравовъ, школъ и промышленности. Но интересно видѣть, что даже тѣ, для которыхъ эмансипація кажется страшной, все же безсознательно усваиваютъ себѣ идеальныя требованія эмансипаціи, потому что за эмансипированныхъ они считаютъ тѣхъ дерзкихъ и задорныхъ личностей, которыя нарушаютъ тонкое чувство пристойнаго и съ необузданностью и дерзостью предъявляютъ притязанія на такую же свободу, какою пользуются мужчины, и которая однако же имъ, женщинамъ, согласно господствующимъ нравамъ, вовсе не прилична.

Однако же всѣ нынѣшнія высшія женскія учебныя заведенія признаютъ принципъ эмансипаціи, такъ какъ въ нихъ преподаются предметы, которые могутъ быть поняты самостоятельнымъ разумомъ.

Но какъ только допустятъ, что женщины могутъ принимать участіе въ разумномъ, то этимъ отвергнутъ Аристотелевскій принципъ, на которомъ основывалась вся опека надъ женщинами и ихъ рабство; слѣдовательно этимъ самымъ признается идея эмансипаціи. Весь споръ поэтому долженъ въ настоящее время вертѣться около вопроса, какъ скоро и въ какомъ объемѣ должна быть проведена эмансипація, т.-е. вопросъ, исторически уже рѣшенный силою нужды и вслѣдствіе духовныхъ потребностей женщинъ, и который можетъ быть рѣшенъ также путемъ философскихъ теорій,—этотъ вопросъ долженъ быть переданъ на обсужденіе практической политики.

Конечно, я знаю, что простой практикъ, ограниченный свѣтскій человѣкъ, насмѣхается надъ всѣми теоріями, такъ какъ онъ вообще мало цѣнитъ мышленіе и думаетъ и живетъ въ исторически-данныхъ обстоятельствахъ.

Чисто теоретическое разъясненіе и постановленіе постулатовъ, выполненіе которыхъ пусть будетъ пока и утопическимъ, имѣютъ, однако, высокую цѣнность для истинно практическаго человѣка,—человѣка, не только слѣдующаго за обстоятельствами, но и ведущаго ихъ, и руководящаго ими. Всѣ наши практическія сужденія всегда направляются къ извѣстнымъ конечнымъ цѣлямъ, между которыми мы узнаемъ лучшія и желательнѣйшія, и къ которымъ стараемся приблизиться путемъ необходимыхъ улучшеній быта въ его частностяхъ. Безъ цѣли же нѣтъ ни пути, ни проводника. Однако же, какъ пути, такъ и прохожденіе ихъ должны быть обсуждаемы согласно исторически даннымъ условіямъ страны. Тотъ, кто думаетъ, что подобный большой переворотъ въ современныхъ нравахъ можетъ совершиться въ одинъ день по готовой программѣ,—лелѣетъ себя безплодными мечтаніями; исторически же образованный человѣкъ знаетъ, что всѣ обычаи и злоупотребленія людскіе, разъ они переходятъ въ нравы, становятся живучими и требуютъ продолжительнаго времени, чтобы быть отмѣненными разумомъ и другими обычаями.

Вспомнимъ только о крѣпостномъ правѣ и его исторіи. Но съ одной стороны разумъ, а съ другой стороны необходимость не успокаиваются и понемногу работаютъ надъ измѣненіемъ порядка вещей.

Существуютъ два извращенныхъ жизненныхъ воззрѣнія, которыя борются другъ съ другомъ и не могутъ побѣдить одинъ другаго: оптимизмъ и пессимизмъ; отъ нихъ обоихъ должно освободиться, если не хотятъ впасть въ разладъ съ самимъ собой и съ міромъ и потерять утѣшеніе со стороны истины.

Оптимистъ мечтаетъ о постоянномъ моральномъ прогрессѣ человѣчества и вѣритъ, что добро все болѣе и болѣе воспринимается сознаніемъ людей и всегда одерживаетъ побѣду. Факты покажутъ ему злобу людей и непреодолимость эгоизма, и сдѣлаютъ его несчастнымъ, какъ Жанъ-Жака Руссо, который слишкомъ поздно оттрѣшился отъ своего оптимизма, но затѣмъ предался другой крайности—пессимизму. Эта противоположная оптимизму точка зрѣнія, равнымъ образомъ, не знаетъ истинной природы вещей, такъ какъ она смѣшиваетъ необходимые предѣлы добра съ исконнымъ зломъ, и жизнь считаетъ раздвоеніемъ и бѣдствіемъ.

Но чтб должно быть обосновано прочно, то, какъ мы видѣли выше, слѣдуетъ основывать на натурѣ, а низшая натура имѣетъ всегда въ своей основѣ преимущество передъ высшей натурой. Поэтому нѣтъ ничего безумнѣе, какъ основывать политику на идеальныхъ требованіяхъ, какъ будто бы большинство людей когда-либо можетъ быть опредѣляемо одними только разумными основами! Вся политика, соотвѣтствующая человѣческой натурѣ, основывается, во-первыхъ, на всеобщихъ побужденіяхъ, выполненіе которыхъ необходимо для существованія; затѣмъ на влеченіяхъ, интересахъ и страстяхъ, которые, если и не необходимы и не всеобщи, однако же, обыкновенно, у людей имѣютъ рѣшающее значеніе. Самыя высшія, моральныя идеи, однако, никогда не должны служить мотивами для законодательства, потому что онѣ, по самой природѣ своей, аристократичны и могутъ руководить лишь немногими; тѣмъ не менѣе, законы никогда не должны ни устранять ихъ, ни наносить имъ ущерба.

Требованіе женской эмансипаціи основывается поэтому не непосредственно на высокихъ идеяхъ, какъ, напр., на развитіи всѣхъ способностей до возможнаго совершенства; это требованіе опирается, во-первыхъ, на соціальныя жизненныя потребности и обращается къ интересамъ мужчинъ, какъ кормильцевъ. Женщины хотятъ существовать и наслаждаться радостями бытія, а сильнѣйшій полъ заинтересованъ въ томъ, чтобы заботу объ этомъ предоставить самимъ женщинамъ. Далѣе, нельзя отрицать, что женщины имѣютъ значительное вліяніе на мужчинъ, такъ что законы очень могутъ быть измѣнены въ интересахъ потребности женщинъ въ образованіи. Противъ этихъ обоихъ влеченій у мужчинъ дѣйствуютъ частью опасеніе конкурренціи, частью нежеланіе каждаго привилегированнаго отказаться отъ своихъ преимуществъ, частью привычка къ старымъ представленіямъ и нравамъ. Интересы отцовъ, какъ кормильцевъ, превозмогутъ опасеніе конкурренціи, а у женщинъ найдется достаточно могущества для того, чтобы обуздать обѣ другія противодѣйствующія силы. Все прогрессирующее освобожденіе женщины, путемъ болѣе основательнаго и болѣе общаго ихъ образованія, есть уже фактъ.

Нравы уже дозволяютъ устраивать публичныя лекціи для обоихъ половъ; женскія учебныя заведенія расширяются курсами въ родѣ университетскихъ и уже борются за большія практическія мѣропріятія. Но говорить объ этомъ не дѣло философіи; ея область есть только теорія, и она никогда не вмѣшивается въ жизненную борьбу.

Поэтому кормило правленія мы должны вручить практическому умѣнью и благоразумію нашихъ государственныхъ людей.

Изъ сочиненія „Ueber die Frauenemancipation“ vom Professor Teichmüller.

VI.

НАУЧНАЯ ЭМАНСИПАЦІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Вопросъ о томъ, имѣютъ ли женщины право штудировать, поступать въ качествѣ студентовъ въ высшія учебныя заведенія—вопросъ не новый. Этотъ вопросъ не только обсуждается во многихъ сочиненіяхъ XVI и XVII столѣтій, но онъ еще чаще иллюстрируется фактами. Во всѣ времена, вплоть до начала нашего столѣтія, въ особенности въ Италіи, женщины занимали каѳедры по разнымъ наукамъ.

Кто усомнился бы въ этихъ показаніяхъ, тотъ пусть пересмотритъ «Исторію женщинъ» Клемма («Geschichte der Frauen» von Klemm), этого безусловнаго противника женской эмансипаціи, и онъ будетъ изумленъ многочисленностью женщинъ, снискавшихъ во всѣхъ странахъ и по всѣмъ отраслямъ наукъ славу и уваженіе своихъ современниковъ.

Я предложу прежде всего себѣ и моимъ читателямъ для отвѣта слѣдующіе три вопроса:

1) Имѣютъ ли женщины право штудировать?

2) Могутъ ли (т.-е. способны ли) онѣ штудировать?

3) Должны ли онѣ штудировать?

Что касается лично меня, то эти изслѣдованія кажутся мнѣ столь же праздными, лишними, какъ если бы кто вздумалъ спросить: имѣетъ ли право человѣкъ развивать свои силы?

Долженъ ли онъ пользоваться своими ногами для хожденія? и т. д.

Но такъ какъ пока большинство моихъ земляковъ-современниковъ отрицаетъ право женщины на научное призваніе, то мы, образующія небольшое меньшинство, имѣемъ право неустанно бороться за свои убѣжденія, хотя для насъ безусловно ясно, что кажущееся нынѣ страннымъ и парадоксальнымъ вскорѣ получитъ значеніе одной изъ тривіальнѣйшихъ истинъ.

Чтобы не навлечь на себя упрека въ произволѣ или не подвергнуть себя подозрѣнію въ томъ, что я скрываю сильные и главные доводы противъ научной дѣятельности женщинъ и довольствуюсь возраженіемъ противъ легкой и поверхностной болтовни, я хочу вызвать мнѣнія многоуважаемыхъ и извѣстныхъ профессоровъ, мнѣнія людей науки, за которыми должно признать, что ихъ доводы хорошо обдуманы и глубокомысленны.

Если, тѣмъ не менѣе, на ихъ доводы легко можно возразить, то причина этого будетъ заключаться не въ слабости дедуктивной способности этихъ профессоровъ, но въ силѣ той мысли, противъ которой они борются. Если я въ этой брошюрѣ защищаю вообще доступъ женщинъ къ штудированію, то я все-таки обращу особое вниманіе на штудированіе ими медицины.

Многосторонній опытъ привелъ къ необходимости того убѣжденія, что здоровье женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего человѣческаго рода, существенно зависитъ отъ допущенія женщины къ врачебной практикѣ. Поэтому я выбрала себѣ въ главные противники многоуважаемаго физіолога и анатома, профессора мюнхенскаго университета Бишофа, и я неоднократно буду ссылаться на его брошюру «Изученіе медицины женщинами и ихъ врачебная практика («Das Studium und die Ausübung der Medicin durch Frauen»).

Въ этой моей дуэли съ г. Бишофомъ явится, въ качествѣ его секунданта, именитый боннскій профессоръ философіи (Зибель), человѣкъ добрый и благомыслящій, снабдившій цѣлымъ рядомъ статей одинъ изъ извѣстнѣйшихъ журналовъ по женскому образованію.

Позвольте мнѣ предпослать нѣкоторыя вводныя слова о женскомъ трудѣ вообще.

Поименованные професора, какъ и всѣ вообще противники

женской свободы, обыкновенно различаютъ съ полною опредѣленностью и рѣзкостью мужской и женскій трудъ.

Бишофъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: каждый полъ имѣетъ свои особенныя отправленія; женщины не могутъ сдѣлать того, что̀ дѣлается мужчинами, и наобротъ. — Но правда ли это? Нѣтъ!

Кто назоветъ мнѣ хотя бы одно производство, дѣло (исключая, разумѣется, отправленій, связанныхъ съ тѣлеснымъ организмомъ), хотя бы одинъ видъ труда, который былъ бы совершаемъ только женщинами и принимать участіе въ которомъ не дозволялось бы мужчинамъ нравами или законами?

Нѣтъ такого труда!

Мужчины шьютъ, готовятъ кушанье, стираютъ и гладятъ бѣлье, занимаются хозяйствомъ и т. д. Таковы неоспоримые факты, отрицать которые невозможно. И такъ, слѣдовало бы сказать: только для женщинъ опредѣлены извѣстныя занятія, а мужчины производятъ всякія работы, какія вообще человѣкъ произвесть въ состояніи, и къ чему онъ имѣетъ охоту и склонность.

Я надѣюсь, что буду имѣть возможность доказать въ этой моей брошюрѣ, что женщинъ принуждаютъ къ такимъ работамъ, къ которымъ онѣ неспособны, и отстраняютъ ихъ отъ такихъ, которыя соотвѣтствуютъ ихъ природѣ.

Я надѣюсь доказать, что при распредѣленіи трудовъ между мужчиною и женщиною выдаются съ ясностью и рѣзкостью два основныхъ принципа: трудъ умственный и доходный достается на долю мужчинъ, а трудъ механическій и дурно оплачиваемый—на долю женщинъ; я надѣюсь доказать также, что руководящая точка зрѣнія при распредѣленіи трудовъ не есть право женщины, а выгода мужчины, и что борьба противъ спеціальнаго труда женщины начинается съ того момента, когда ея поденная плата перестаетъ быть грошовой.

Никогда и нигдѣ не отстраняли женщину отъ самыхъ тяжелыхъ и самыхъ отвратительныхъ занятій, по причинѣ, на примѣръ, ея нѣжнаго тѣлосложенія или ея стыдливости, —границы, проводить которыя никогда не забывали, когда дѣло шло о высшей и доходнѣйшей области труда.

Напротивъ, для низшихъ сословій дѣйствуетъ, кажется,

правило: чѣмъ грубѣе и чѣмъ тягостнѣе работа, тѣмъ лучше она для женщинъ. Даже Жюль Симонъ, этотъ энергическій противникъ женской свободы, сознается, что «une course rapide à travers les professions exercées par les femmes va nous donner la preuve irrefragible, que leur salair n'est presque jamais égal à leurs besoins».

Низко цѣнимая и не совсѣмъ оплачиваемая работа есть рабство въ болѣе мягкой формѣ, и вотъ таково положеніе женщинъ во всѣхъ областяхъ, которыя мы называемъ *свободнымъ трудомъ*.

Я мало свѣдуща въ томъ, что̀ составляетъ сущность государства, равно какъ и въ политикѣ; но то знаю я, что всякое законодательство должно или должно бы было покоиться на нравственной основѣ, на основѣ справедливости и человѣколюбія. Если нравы и законы отказываютъ женщинамъ въ тѣхъ работахъ, которыя даютъ имъ возможность прокормить себя и своихъ дѣтей, то государство и общество, на основаніи простѣйшихъ понятій о справедливости и человѣколюбіи, должны содержать неимущихъ вдовъ и незамужнихъ женщинъ прилично ихъ общественному положенію. Если же они не признаютъ такой обязанности и, между тѣмъ, ограничиваютъ дѣятельность женщинъ незначительною областью профессій, то такое законодательство являетъ слѣды варварства, насилуетъ женщинъ и одну половину человѣческаго общества ставитъ въ привилегированное положеніе относительно другой половины. На постоянно повторяемыя увѣренія, что бракъ есть великое учрежденіе, обезпечивающее содержаніе женщинъ, пусть отвѣчаютъ вмѣсто меня лично просто цифры, цифры неопровержимыя и недопускающія никакихъ фразъ и никакой лжи. Гдѣ насчитываются милліоны, тамъ нельзя называть ихъ не болѣе, какъ только исключеніемъ изъ общаго правила, а на одну Пруссію приходится болѣе $1^1/_4$ милліона незамужнихъ женщинъ.

Впрочемъ, можно столь же вѣрно утверждать, что бракъ и для мужчинъ есть также великое учрежденіе, обезпечивающее ихъ содержаніе, ибо какой иной смыслъ имѣетъ этотъ бѣгъ взапуски мужчинъ за богатыми невѣстами?—явленіе, встрѣчаемое нами ежедневно! Что вопросъ о конкурренціи, опасеніе конкурренціи при ограниченіи дѣятельности женщинъ сознательно

или безсознательно играетъ важную роль,—это несомнѣнно Большинство людей разсуждаетъ не головой, а желудкомъ. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что всякій мужчина то неизмѣримо важное дѣло, которымъ онъ занимается въ данный моментъ, считаетъ такимъ именно призваніемъ своимъ, исполнять которое Богъ и природа запретили женщинѣ. Г. Бишофъ полагаетъ, что женщина скорѣе всего можетъ заняться всѣмъ остальнымъ, чѣмъ медицинской практикой. Между вредными послѣдствіями изученія женщинами медицины онъ выставляетъ особенно «неизбѣжное вытѣсненіе мужчинъ-врачей».—Но онъ даетъ свое благословеніе на всякое занятіе женщинъ при почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствахъ, забывая при этомъ столь же неизбѣжное вытѣсненіе почтовыхъ и телеграфныхъ чиновниковъ. Напротивъ, прусскій почтъ-директоръ, генералъ Стефанъ, того мнѣнія, что женщина скорѣе способна ко всему другому, чѣмъ къ службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ. Въ свою очередь, профессоръ Зибель утверждаетъ, что женщина можетъ скорѣе изучать медицину, чѣмъ какую-либо другую науку. Къ тѣмъ работамъ, которыя производятся безмездно, женщины допускаются скорѣе. Дурно уже то, когда люди, какъ это обыкновенно бываетъ, считаютъ свои предразсудки за нравственныя убѣжденія; но когда они хотятъ, чтобы ихъ безчестныя душевныя движенія и влеченія, какъ напримѣръ опасеніе конкурренціи, были признаны нравственнымъ чувствованіемъ, то намъ трудно воздержаться отъ гнѣва и презрѣнія.

Какъ странно это опасеніе конкурренціи! Если мужчины дѣйствительно образуютъ полъ высшій, т. е. одаренный высшими силами и способностями ко всѣмъ спеціальностямъ, отъ которыхъ они устраняютъ женщинъ, то имъ нечего опасаться конкурренціи, а напротивъ слабые труды женщинъ рельефнѣе выставятъ самихъ мужчинъ; если же ихъ силы и способности не выше женскихъ, то они возбуждаютъ противъ себя подозрѣніе въ томъ, что не даютъ хода женщинамъ изъ опасенія пониженія платы за свой трудъ, и такимъ образомъ ихъ поведеніе, по отношенію къ женщинамъ, становится насиліемъ, противозаконнымъ присвоеніемъ себѣ монополій.

Доступъ къ коммерціи, къ торговымъ предпріятіямъ, къ ремесленнымъ промысламъ и къ наукѣ — женщинамъ закрытъ.

Въ надлежащемъ подготовленіи къ такимъ занятіямъ имъ отказываютъ отчасти или вовсе... «Онѣ неспособны и не приспособляются къ такимъ занятіямъ!»

Къ чему же, спрашивается, приспособляются онѣ? Къ голоду, къ самоубійству, къ проституціи?

Я подвожу итогъ своимъ замѣчаніямъ и повторяю: руководящая точка зрѣнія въ вопросѣ о женскомъ трудѣ есть не право женщинъ, а выгода мужчинъ. Женщинъ принуждаютъ къ работамъ, къ которымъ онѣ неспособны, и отказываютъ имъ въ тѣхъ, къ которымъ онѣ квалифицируются, приспособляются несравненно лучше. У нихъ похищается человѣческое право—право на существованіе.

Придетъ день, когда иголка и чумичка наскучатъ женщинѣ до того, что она швырнетъ ихъ далеко отъ себя; когда она, уставши слушать избитыя фразы, которыми ее обманывали до сихъ поръ, откажется отъ повиновенія мужчинѣ-деспоту и потребуетъ, напротивъ, повиновенія отъ тѣхъ, которые духовно уже подчинены ей. Пока нечего пугаться вамъ, почтенные главы семействъ и мужья: до вышеупомянутаго еще далеко. Пока живете вы и сыны сыновъ вашихъ, женщины будутъ продолжать шить, стряпать, прозябать, и ихъ индивидуальность будетъ угасать. Женщина будетъ продолжать васъ осчастливливать и будетъ унижаться, низводя свое счастье на степень блаженства служанки.

1) Теперь спрашивается: имѣютъ ли женщины право штудировать? Было ли это имъ дозволено и дозволяется ли имъ это нынѣ?

Мои противники отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно, а я это отрицаю.

Они того мнѣнія, что женщинамъ искони ничто не препятствовало пріобрѣтать научныя познанія. По моему же мнѣнію, предразсудокъ и обычай, законъ и фактическія условія искони препятствовали женщинамъ штудировать. Послушаемъ сперва профессора философіи боннскаго университета, Зибеля.

«Многіе примѣры», говоритъ онъ, «поучаютъ насъ, что умственное развитіе даровитыхъ женщинъ подъ господствующимъ вліяніемъ мужчинъ рѣдко встрѣчало препятствіе, а напротивъ гораздо чаще испытывало всевозможное покровительство.

Исторiи цивилизацiи ничего не извѣстно о томъ, чтобы даровитыя, любознательныя женщины были удаляемы грубостью мужскаго пола отъ входа въ святилище, въ храмъ науки. Слѣдовательно, внѣшнiя условiя не представляютъ точекъ опоры къ объясненiю того факта, что мало имѣется произведенiй, которыя свидѣтельствовали бы о творчествѣ женщинъ».

Если, дѣйствительно, исторiя цивилизацiи объ этомъ ничего не знаетъ, то для меня совершенно достаточно, если я объ этомъ знаю. И въ самомъ дѣлѣ, я говорю здѣсь по моему собственному, такъ сказать, опыту, при которомъ г. Зибель не присутствовалъ. И я принадлежала къ числу тѣхъ жаждущихъ знанiя женщинъ, стучавшихся у вратъ храма, чтобы быть осмѣянными. И притомъ я тогда была не единственной. Въ одномъ постановленiи испанской коллегiи при болонскомъ университетѣ 1377 года значится (по-латыни): «такъ какъ женщина есть глава грѣха, орудiе дьявола, причина изгнанiя изъ рая и гибель древняго закона, и такъ какъ поэтому всякая бесѣда съ нею должна быть ревностно избѣгаема, то мы прямо запрещаемъ и заказываемъ, чтобы никто не осмѣливался вводить въ сказанную коллегiю женщину, какъ бы она ни была почтенна. А если кто-либо это учинитъ, то онъ долженъ быть строго наказанъ ректоромъ».

И еще говорятъ, что исторiи цивилизацiи не извѣстно, чтобы женщины были удаляемы отъ вратъ храма науки!

Но вотъ еще фактъ, противорѣчащiй этому.

Когда въ XVI-мъ столѣтiи Françoise de Saintange попыталась учредить во Францiи женскiя училища, то надъ нею смѣялись и издѣвались публично на улицахъ, и отецъ ея призвалъ четырехъ опытныхъ врачей, чтобы изслѣдовать, не одержима ли его дочь бѣсомъ («pour s'assurer, qu'instruire des femmes n'était pas une oeuvre du démon»).

И однако исторiя цивилизацiи объ этомъ ничего не знаетъ!

Приведемъ опять фактъ.

Когда miss Garet въ 1860 году начала изучать медицину, то она переходила отъ одного англiйскаго училища и университета къ другому, прося о своемъ принятiи въ заведенiе. Получивъ вездѣ отказъ, нашла она, наконецъ, что аптекарскiй цехъ есть единственная корпорацiя, которая по своему уставу

(гдѣ было употреблено вмѣсто слова: vir—слово: homo) не имѣла права устранять отъ испытанія какого бы то ни было кандидата, удовлетворившаго предписаннымъ условіямъ. Она штудировала послѣ этого въ продолженіе 5-ти лѣтъ и въ 1865 году получила дипломъ. Цѣлый рядъ лекцій слушала она частнымъ образомъ и иногда должна была платить по 50 гиней за курсъ, за который въ классахъ, для нея закрытыхъ, положена была плата въ 2 гинеи. Уплатою такого прямаго огромнаго налога для нея, однако, не были еще устранены всѣ затрудненія.

По окончаніи этою молодою дѣвушкою курса, подлежащія власти довели до ея свѣдѣнія о существованіи закона, запрещающаго студентамъ усваивать себѣ частными путями какую-либо отрасль медицинскаго преподаванія.

Такая придирка была публично присовѣтована однимъ изъ медицинскихъ журналовъ, какъ вѣрное средство избѣгнуть налагаемыхъ статутами обязанностей и уничтожить единственный шансъ, оставшійся женщинамъ.

«Но, тѣмъ не менѣе, исторія цивилизаціи ничего не знаетъ о томъ, чтобы когда-либо существовала духовная экспропріація женщины».

Укажемъ еще на фактъ, противорѣчащій этому.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ В... въ Берлинѣ — не знаю, отъ себя ли, или по словесному соглашенію—позволилъ нѣсколькимъ дамамъ слушать его лекціи о Шекспирѣ.

Когда же разъ дамы, не подозрѣвая ничего дурнаго, подошли, по обыкновенію, къ святилищу науки, то стоявшій у дверей университета вѣрный слуга его, педель, прогналъ ихъ.

Профессоръ не счелъ даже нужнымъ увѣдомить дамъ, что онъ долженъ отказаться отъ удовольствія видѣть ихъ у себя на лекціяхъ.

Г. боннскій профессоръ, не угодно ли вамъ вашу исторію цивилизаціи, ничего не знающую объ устраненіи жаждущихъ знанія женщинъ, сопоставить съ приключеніемъ, постигшимъ этихъ дамъ!

Та исторія цивилизаціи, знать которую вы имѣете сомнительное удовольствіе, кажется, носитъ не только повязку амура на глазахъ, но и вату въ ушахъ, такъ какъ она ничего не видитъ и не слышитъ. Я совѣтовала бы впредь—тамъ, гдѣ дѣло

идетъ о выясненіи правъ женщины на штудированье—обращаться съ вопросами не къ исторіи цивилизаціи, а къ педелямъ.

«Замѣчательная быстрота, съ которою размышляютъ женщины», говоритъ Бокль въ одномъ изъ своихъ опытовъ, «притупляется жалкою, презрѣнною, нелѣпою системою, которую называютъ воспитаніемъ дѣвицъ, и при которой важныя свѣдѣнія заботливо утаиваются, а маловажныя заботливо вдалбливаются до тѣхъ поръ, пока ихъ тонкому и живому уму не будетъ нанесенъ вредъ, не допускающій уже возможности его возстановленія».

Гораздо энергичнѣе боннскаго профессора выражаетъ свои положенія профессоръ Бишофъ.

«Никоимъ образомъ нельзя доказать», говоритъ онъ, «чтобы женскому полу были поставляемы внѣшними вліяніями, насиліями или хитростью, препятствія къ принятію участія въ умственныхъ работахъ наравнѣ съ мужскимъ поломъ. Не существуетъ даже и возможности такого препятствія. Я твердо держусь того убѣжденія, что еслибы женщины были, по своей натурѣ, способны принимать участіе въ развитіи наукъ, то онѣ уже давно стояли бы на одномъ уровнѣ съ мужчинами или выше ихъ».

Мнѣ кажется, это похоже на то, какъ если бы кто сказалъ: «будь пролетаріи способны, по своей натурѣ, кушать устрицы и пить шампанское, они давно бы кушали столько же устрицъ и пили столько же шампанскаго, или даже и больше, какъ и богачи».

Г. Бишофъ продолжаетъ: «женщины не призваны къ развитію науки, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Всякій, сколько нибудь свѣдущій въ исторіи цивилизаціи, знаетъ, что въ этомъ отношеніи для женщины, начиная съ послѣдняго тысячелѣтія, вовсе не существовало притѣсненій у культурныхъ народовъ христіанской Европы.

«Сказанная неспособность заключается не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ существѣ женскаго ума».

«Вовсе не существуетъ возможности препятствовать женщинамъ штудировать», говоритъ Бишофъ.

Мы не вѣримъ своимъ собственнымъ глазамъ, читая по-

добныя слова. Такъ пишетъ человѣкъ, не переводя духа, тутъ же высказывающій: «я твердо рѣшился никогда не допускать на мои лекціи женщинъ» и присовокупляющій, что его не могутъ принудить къ преподаванію дѣвицамъ.

Не правда ли, г. Бишофъ, еслибы женщина захотѣла изучать правовѣдѣніе, то ей ни что не воспрепятсвовало бы занять впослѣдствіи должность, соотвѣтствующую ея спеціальности?

По окончаніи дипломатическаго курса ученія она могла бы вѣдь разсчитывать на службу въ посольствѣ, а какъ изучившая анатомію вѣдь она могла бы быть увѣрена въ полученіи профессуры въ Мюнхенѣ, не такъ ли?

Знаете ли вы, какъ называются тѣ насилія или хитрости, или внѣшнія вліянія, которыя искони устраняли женщинъ отъ штудированья, устраняютъ ихъ еще и нынѣ и устраняли бы даже и тогда, когда университеты захотѣли бы отворить имъ настежъ свои двери?

Ихъ много, я упомяну только о важнѣйшихъ изъ нихъ.

Одинъ видъ насилія гласитъ: женщина не можетъ воспользоваться своими научными познаніями для своего матеріальнаго существованія (исключенія здѣсь не принимаются въ разсчетъ). Осуществленію этого насилія вполнѣ содѣйствуютъ законъ и государственныя учрежденія.

Говорятъ: «ничто не препятствуетъ женщинамъ штудировать, ни хитрость, ни насиліе» и т. д.

Это образъ воззрѣнія, совершенно тождественный съ тѣмъ, который проявился въ законѣ древнихъ египтянъ, гласящемъ:

Ст. 1. Женщина имѣетъ право ходить, куда она захочетъ.

Ст. 2. Безъ обуви она выходить не смѣетъ.

Ст. 3. Всѣмъ запрещается продавать обувь женщинѣ.

Аналогичный этому законъ à la Бишофъ долженъ былъ бы гласить такъ:

Ст. 1. Женщины имѣютъ право штудировать все, что имъ угодно и сколько угодно.

Ст. 2. Но педеля обязываются отгонять ихъ отъ дверей университетовъ и академій.

Ст. 3. Онѣ не могутъ имѣть притязанія на соотвѣтствующую ихъ познаніямъ должность; но имъ предоставляется, въ часы

досуга, добывать средства къ существованію шитьемъ, парикмахерствомъ и т. под.

Второй видъ насилія который загоняетъ женщинъ какъ бы въ ихъ «Ghetto» *), называется нравами.

Нравы и обычаи могущественнѣе самихъ законовъ. Легче преступить послѣдніе, чѣмъ первые. Нравами и обычаями называется та деспотическая сила, которая уже цѣлыя тысячелѣтія загоняетъ женщинъ въ тотъ узкій кругъ, переступать предѣлы котораго отваживаются нынѣ лишь смѣлѣйшія изъ женщинъ. Обычай или традиція есть тотъ вампиръ, который, лежа на груди человѣчества, сосетъ изъ нея лучшую кровь. Ихъ страшный своею чарующей силой приговоръ, изрекающій проклятіе противъ своихъ нарушителей, есть тотъ наркотическій ядъ, который убиваетъ и самые свободные умы.

Что такое общественное мнѣніе? Кто его фабрикуетъ? — Масса, большинство, посредственность. И если бы не было въ каждомъ вѣкѣ смѣлыхъ умовъ, освободившихся отъ деспотизма традицій и открывшихъ новые пути мышленія, то мы до сихъ поръ жили бы въ свайныхъ постройкахъ.

«Не имѣется никакой возможности отстранить женщинъ отъ штудированія», думаютъ упомянутые профессора.

Вы, г. Бишофъ, конечно, превосходный анатомъ. Представьте же себѣ, что вы воспитаны въ школѣ, подобной обыкновенному училищу для дѣвицъ. Едва исполнилось бы вамъ 16 лѣтъ, какъ васъ взяли бы изъ этой школы, засадили бы за швейный столикъ, поставили бы передъ гладильной доской и сунули бы въ кухню.

Какъ же и когда, г. Бишофъ, думаете вы, проявился бы вашъ анатомическій геній? Мнѣ кажется, этого не случилось бы ни при одномъ изъ этихъ положеній и сопряженныхъ съ ними трудовъ. Никогда не нисходитъ на насъ научное познаніе, какъ откровеніе; ему должно предшествовать глубокое и основательное изученіе.

Теперь упомяну вкратцѣ о нѣкоторыхъ частныхъ причинахъ, которыя еще и нынѣ ставятъ почти непреодолимыя затрудненія штудированью женщинъ.

*) Такъ называется та улица въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно нѣмецкихъ, гдѣ единственно дозволялось или и теперь дозволяется жить евреямъ.

1. Дѣвица должна пріобрѣтать свое научное образованіе на частныхъ урокахъ. Но такіе уроки, какъ извѣстно, очень дороги. Едва ли вы, г. Бишофъ, или кто-либо изъ вашихъ товарищей, дали бы взаймы деньги любознательной дѣвицѣ для ея «приватиссима» (профессорскихъ лекцій на дому) или стали бы обучать ее безмездно. Вы не согласились бы также отсрочить ей плату за лекціи, такъ какъ женщина не можетъ надѣяться выплатить свой долгъ, поступивши впослѣдствіи на мѣсто. И такъ: пріобрѣтеніе научныхъ познаній доступно только богатымъ дѣвицамъ (предполагая, что между важными представителями науки найдутся такіе, которые вообще снизойдутъ къ тому, чтобы учить дѣвицъ). Но богатыя дѣвицы рѣдко бываютъ способны отрѣшиться отъ господствующаго современнаго мнѣнія.

2. Дѣвица, желающая штудировать, должна предъявлять доказательства своей чрезвычайной даровитости (такъ какъ она предъявляетъ притязаніе на чрезвычайное право, то и требуется особая легитимація на это право), что̀ мнѣ кажется несправедливымъ. И такой дѣвицѣ, которая выказываетъ даже малѣйшее дарованіе, университетъ долженъ быть открытъ, какъ онъ открытъ всякому бездарному юношѣ; подобнымъ же образомъ должно быть открыто и всякое другое учебное заведеніе, въ которомъ женщина захочетъ учиться. Того требуетъ справедливость, того требуемъ мы, женщины, въ силу нашего права на индивидуальную свободу и въ силу нашего человѣческаго достоинства.

Односторонне или мало одаренная дѣвушка способна, какъ мы это видимъ на большинствѣ мужчинъ, достичь дѣльными познаніями и добросовѣстнымъ прилежаніемъ почетнаго, достойнаго уваженія, положенія въ обществѣ вмѣсто того, чтобы медленно умирать съ голоду.

3. Даровитость дѣвушкѣ мало помогаетъ, если эта даровитость не сопряжена съ необыкновенно благороднымъ и энергическимъ характеромъ. Нужно исполненное благородства чувство, чтобы ради идеальной цѣли отказаться отъ удобства и пріятности обычной пошлости, которой исполнена жизнь дѣвушки въ возрастѣ отъ 16 до 24 лѣтъ. Только благородное чувство

не боится, ради любви къ труду, столкновенія съ окружающимъ міромъ, не боится насмѣшекъ и порицанія.

Нужна сильная энергія, чтобы принять вызовъ на борьбу съ предразсудками и нравами и выдержать эту борьбу.

Юноша, въ этомъ отношеніи, не нуждается въ энергіи и чувствѣ благородства; напротивъ, онъ подвергаетъ себя удивленію и презрѣнію, если, безъ особенныхъ причинъ, отстраняетъ отъ себя пріобрѣтеніе познаній, будутъ ли они научныя или механическія. Честолюбіе и суетность родителей слишкомъ часто побуждаетъ многихъ жалкихъ, глупыхъ юношей трудиться сверхъ силъ.

У отца двое дѣтей: сынъ глупъ, а дочь умна; отецъ занимаетъ высокое положеніе по службѣ, а потому думаетъ, что его глупому сыну необходимо пройти университетъ, чтобы впослѣдствіи, въ качествѣ чиновника, посильно задерживать прогрессъ цивилизаціи. О дочери отецъ жалѣетъ, что она не мальчикъ, и старательно отстраняетъ всѣ предметы, которые могли бы служить къ развитію слишкомъ роскошнаго избытка ея ума. Если это—дѣвушка съ темпераментомъ, то въ большинствѣ случаевъ она употребитъ избытки своего ума на возможное усиленіе разныхъ своихъ эксцентричностей.

Дѣвушка нуждается еще въ бо̀льшемъ, чѣмъ мужчина. Въ ея распоряженіи должна находиться оригинальность мышленія, я готова почти сказать—даръ предвидѣнія, въ силу котораго она предугадываетъ свое призваніе къ наукѣ; вѣдь поверхностное школьное образованіе дѣвушки не открываетъ ей вида на страну науки.

Только въ зрѣлые годы обыкновенно развивается у женщины способность мышленія при помощи чтенія или сношеній съ умными людьми. Конечно, въ большинствѣ случаевъ, это бываетъ черезъ-чуръ поздно для того, чтобы начинать класть фундаментъ образованія, необходимаго для научной спеціальности—работа, требующая свѣжести молодыхъ лѣтъ. Далѣе, нужно принять во вниманіе, что внутреннее развитіе людей весьма различно. Даже самые даровитые не всегда высказываютъ свои геніальныя способности въ ранней молодости. Для многихъ натуръ самое ученіе есть та искра, которою воспламеняется ихъ дремлющій умъ. Дѣвицы, уму которыхъ са-

мою природою суждено было такимъ образомъ духовно расцвѣсть, не расцвѣтутъ никогда; никогда не подносятъ искры къ легко воспламеняющемуся веществу ихъ ума, и пламя геніальности не можетъ возгорѣться. Между способными дѣвушками обратятъ вниманіе развѣ на такъ-называемое «дитя-феноменъ», отличающееся съ раннихъ лѣтъ отъ другихъ дѣтей.

Но положимъ, что дѣвушка обладаетъ всѣми превосходными качествами характера и ума, необходимыми для штудированія: прирожденнымъ даромъ предвидѣнія и любви къ наукамъ, прилежаніемъ пчелы, чувствомъ благородства, энергіей, деньгами и т. д.,—все же ей ничего не помогли бы эти роскошные дары природы и счастья, если вмѣстѣ съ тѣмъ судьба ей не дала родителей, которые, будучи свободны отъ предразсудковъ, поддерживали бы свою дочь въ ея стремленіяхъ. Дочь вполнѣ зависитъ отъ родителей уже просто по матеріальнымъ соображеніямъ, а еще болѣе въ силу обычая и закона.

Можно ли ожидать отъ судьбы такой остроумной комбинаціи, что всѣмъ способнѣйшимъ дѣвушкамъ суждено имѣть благоразумнѣйшихъ и свободнѣйшихъ отъ предразсудковъ родителей?

Предположимъ однако, что благоволеніе судьбы выполнило и это условіе для научнаго поприща дѣвушки — не смотря на все это, нѣжная и осторожная мать, вопреки своему вѣрному пониманію дѣла, убоится посвятить свою дочь штудированью—отпустить ее въ университетъ—и не безъ основанія. Мы переживаемъ переходное время. Лишь незначительное число женщинъ вступили до сихъ поръ на путь эмансипаціи. Часть этихъ женщинъ—отважные передовые бойцы, піонеры, бросающіеся въ пропасть, наполняющіе ее собой для того, чтобы послѣдующія поколѣнія могли удобно перейти ее. Чтó же удивительнаго, если нѣжная мать боится отпустить свою дочь на поле битвы и подвергнуть ее презрѣнію и насмѣшкамъ, вызываемымъ необыкновеннымъ поступкомъ, или же зависти, въ случаѣ она достигнетъ большаго успѣха? Не покажется ли ей, что ея дочери эта борьба не по силамъ?

Столь вѣски эти соображенія и столь велика тяжесть отвѣтственности, лежащая на матери, что въ большинствѣ случаевъ

только страстная инициатива дочери вынудить родителей дать свое позволение.

Но можетъ быть, достаточно лишь нѣсколькихъ десятилѣтій для того, чтобы вызвать полный переворотъ въ общественномъ мнѣніи. Другая причина, которая должна парализировать одобреніе со стороны родителей научнымъ стремленіямъ ихъ дочери, даже если они въ принципѣ съ нею и соглашаются, это уже приведенная нами выше: дочь не можетъ воспользоваться для своего матеріальнаго существованія своими познаніями. Г. Бишофъ—хотя и заявилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій свое рѣшеніе никогда не допускать на свои лекціи слушательницъ, но въ другомъ сочиненіи какъ бы выразилъ свое человѣческое чувство состраданія къ нимъ и сказалъ буквально слѣдующее: «отчего бы и не допустить (гдѣ не идетъ дѣло о принципѣ) на лекцію о какомъ нибудь неопасномъ предметѣ интересную, интеллигентную и красивую женщину?» А боннскій профессоръ (Зибель) говоритъ: «отдѣльные люди рѣдко были въ состояніи отказать въ своемъ участіи и пособіи ученицѣ любознательной и недостойной любви».

Такою добродушною болтовнею эти господа ученые дозволяютъ намъ заглянуть въ глубь ихъ воззрѣній. Я обвиняю этихъ господъ въ томъ, что такими своими изреченіями они оскорбляютъ достоинство науки; я обвиняю ихъ въ фривольности, потому что блага души человѣческой, развитіе ея божественной натуры, они ставятъ въ зависимость отъ того, сколько на долю ихъ, учителей, достается чувственнаго удовольствія.

Согласно образу воззрѣній такихъ господъ, слѣдовало бы, наоборотъ, самымъ безобразнымъ и непривлекательнымъ женщинамъ всего скорѣе открыть доступъ къ штудированью, вслѣдствіе малой надежды ихъ найти себѣ кормильца. О томъ, что женщины имѣютъ право штудировать, можно говорить до сихъ поръ только по отношенію къ американкамъ.

Тамъ, въ 1868 году, президентъ мичиганскаго университета объявилъ, что законодательное собраніе этого штата рѣшило, что высокая цѣль, ради которой основанъ мичиганскій университетъ, достигнется только тогда, когда женщины будутъ причастны правамъ и привилегіямъ университета. И такъ,

говоря вообще, женщина до сихъ поръ не имѣла и не имѣетъ права штудировать, или же—имѣетъ, но только при такихъ стѣсняющихъ это право обстоятельствахъ, которыя равняются запрету со стороны закона.

2) Могутъ ли женщины штудировать (въ смыслѣ ихъ къ тому способности)? Господа профессора, само собою разумѣется, должны были отвѣчать утвердительно на первый вопросъ, имѣютъ ли женщины право штудировать? Иначе, какъ могли бы они съ такою безусловною увѣренностью отрицать въ женщинѣ способность къ штудированью?

Послушаемъ сперва, какъ доказываетъ неспособность женщины профессоръ философіи (Зибель). Прежде всего онъ опять заглядываетъ въ глубь исторіи цивилизаціи, и она открываетъ ему, какъ *первое доказательство,* что научныя произведенія женщинъ отставали до сихъ поръ отъ таковыхъ же произведеній мужчинъ, а слѣдовательно и способности женщинъ должны быть ограниченнѣе способностей мужчинъ. Что эти произведенія, сами по себѣ, лишены доказательной силы безъ добросовѣстной оцѣнки соціальныхъ, политическихъ и историческихъ обстоятельствъ, среди которыхъ они возникли, въ этомъ, конечно, можетъ согласиться со мной большинство мыслителей.

Непрестанно женщинамъ твердили: «за васъ мыслятъ мужчины», такъ что сами онѣ наконецъ перестали мыслить. Длинные ряды женскихъ поколѣній выросли подъ гнетомъ презрѣнія къ интеллигенціи ихъ пола, и, конечно, онѣ сдѣлали многое для оправданія этого презрѣнія. А гдѣ изъ ряда выходящая женская душа, преисполненная кипучей внутренней жизненной силы, расправила свои крылья, выступая противъ этого презрѣнія, тамъ ее встрѣчалъ остракизмъ общества, и во многихъ случаяхъ бабочка охотно обратилась бы снова въ куколку, снова поползла бы въ свою покойную темницу. Было бы, по истинѣ, величайшимъ чудомъ, если бы произведенія женщинъ не отставали отъ произведеній мужчинъ! Съ неменьшею правдоподобностью можно было бы утверждать, что негры, кочующіе цѣлыя тысячелѣтія по безводнымъ пустынямъ Африки, какъ людоѣды и вовсе непричастные цивилизаціи, суть люди-звѣри, предназначенные на вѣки-вѣчные къ людоѣдству.

Взглянемъ же теперь на Америку!

Соплеменники упомянутыхъ каннибаловъ здѣсь эмансипированы едва 20 лѣтъ тому назадъ, а результаты, невольно насъ поражающіе, граничатъ съ чѣмъ-то чудеснымъ.

Говорятъ, что женщина не должна штудировать, потому что ея способности слишкомъ ограничены.

Приписывать литературныя и художественныя неудачи отдѣльныхъ женщинъ къ недостаткамъ общимъ для всего женскаго пола и на основаніи этого осуждать его на вѣчную умственную незрѣлость есть высокопробная нелѣпость мужчинъ.

Въ видѣ *втораго доказательства* профессоръ приводитъ трехъ женщинъ, о которыхъ онъ отзывается, какъ о фактѣ ему съ достовѣрностью извѣстномъ, что онѣ не принесли существенной пользы наукѣ, не смотря на то, что нашли наилучшее споспѣшествованіе своимъ умственнымъ стремленіямъ: это Олимпія Мората, Дасье и Анна Шурманъ. Но все же эти женщины должны были быть весьма замѣчательны, ибо самъ же профессоръ сообщаетъ о нихъ, что такіе писатели, какъ Бэлль и Вольтеръ, посвящали имъ свои сочиненія; что первѣйшіе современные имъ люди считали за честь знакомство съ ними; что знаменитые путешественники искали доступа къ нимъ и т. д.

Допустимъ даже, что профессоръ правъ, утверждая, что женщины не въ состояніи принесть наукѣ существенной пользы; все-таки онѣ должны штудировать. Расширять предѣлы науки, открывать человѣчеству новые кругозоры дано только необычайнымъ людямъ, которыхъ мы называемъ обыкновенно геніями. Въ умахъ Ньютона, Кеплера, Ламарка, Дарвина и т. д. достигаетъ своей вершины природная сила творчества, а чтобы проложить имъ путь, экономія духовныхъ силъ требуетъ множества умныхъ и внимательныхъ тружениковъ.

Если женщинамъ будутъ запрещать штудировать по причинѣ ихъ недостаточныхъ умственныхъ силъ, то должны будутъ всѣмъ умѣренно даровитымъ и незначительнымъ мужчинамъ (не говоря уже о глупыхъ) захлопнуть передъ носомъ двери университетовъ. Этотъ ученый отказываетъ женщинѣ въ способности произвести въ области искусства, науки и политики что-либо значительное и составляющее эпоху въ исторіи.

Однако слѣдуетъ предположить, что профессоръ философіи

знаетъ исторію англійской королевы Елисаветы, русской императрицы Екатерины II-ой, Изабеллы Кастильской? Чего же еще требуетъ онъ отъ совершаемаго въ области политики?

Книга, которая въ нашемъ столѣтіи имѣла обширнѣйшее вліяніе на соціальную жизнь—«Хижина дяди Тома»—сочиненіе женщины.

Величайшій, можетъ быть, прозаикъ нашего вѣка—Жоржъ-Сандъ—тоже женщина. Величайшій, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, современный романистъ, Джорджъ Элліотъ, тоже женщина. Солонъ хотѣлъ уже въ старости выучить пѣснь, сочиненную тоже женщиной, Сафо, чтобы веселѣе умереть.

Изъ природнаго различія половъ боннскій профессоръ выводитъ необходимость различныхъ для мужчинъ и женщинъ областей труда. Онъ допускаетъ у женщинъ не только остроумную логическую способность мышленія, но и чрезвычайную силу воли и творчество ума; хотя отказываетъ ей въ выдержанности, въ умѣньѣ проявлять эти способности на дѣлѣ въ значительныхъ произведеніяхъ. Но не значатъ ли эти его слова то же самое, какъ если бы кто сказалъ кому-нибудь: «у тебя самыя нормальныя, сильныя ноги, какихъ только можетъ пожелать себѣ человѣкъ; но какъ скоро ты отважишься пойти подальше, онѣ у тебя подкосятся». Благодарю за такія сильныя ноги!

Формула, въ которую профессоръ не разъ облекаетъ свое воззрѣніе на различную природу половъ, гласитъ: «силы души равны у обоихъ половъ, а все различіе состоитъ во взаимномъ отношеніи этихъ силъ».

Кто понимаетъ это изреченіе философа? Я—нѣтъ. По его мнѣнію, у женщины столько же ума, столько же воли, столько же чувства, сколько у мужчины, а между тѣмъ сочетаніе этихъ душевныхъ силъ, которое у мужчины даетъ плоды, остается безплоднымъ у женщины.

Нашъ философъ (Зибель) говоритъ: «воля женщины сильна во всѣхъ случаяхъ живаго сердечнаго участія съ ея стороны. Но она обладаетъ этой силой воли только до тѣхъ поръ, пока видитъ, что отъ сохраненія этой силы зависитъ счастье ея семьи. Это же самое чувство даетъ ей достаточно силы воли, чтобы переносить тягости беременности и боли при родахъ»!

И такъ, по словамъ профессора, «воля женщины сильна только въ случаяхъ живаго сердечнаго участія съ ея стороны».

Но неужели же это невѣрно по отношенію, приблизительно, ко всѣмъ людямъ? Не безумны ли мы будемъ, если всю нашу силу воли сосредоточимъ на достиженіи цѣли безъ горячаго желанія?

«Вслѣдствіе того, что разумъ женщины легко вводится въ заблужденіе ея чувствованіями, слѣдуетъ искать сферы для ея дѣятельности не въ публичной жизни», продолжаетъ профессоръ. Но смѣю спросить васъ, что̀ вводитъ въ заблужденіе мужчинъ въ публичной жизни? Только глупость? Не все ли равно для государственнаго и общественнаго благосостоянія, чему обязаны своимъ происхожденіемъ ошибки и преступленія мужчинъ—уму или сердцу, избытку ли или же недостатку сердечныхъ чувствованій?

Или же, г. профессоръ, вы склоняетесь къ тому мнѣнію, что мужчины, какъ граждане государства, вообще не вводятся въ заблужденіе, и что этотъ сильный полъ состоитъ единственно изъ духовныхъ существъ, которыя, такъ сказать, на фабрикѣ государственной жизни фабрикуютъ однѣ только добродѣтели и смотрятъ на семью не болѣе, какъ на складъ, гдѣ они свои грѣхи «en gros» и «en détail» сбываютъ за всякую цѣну своимъ женамъ и дѣтямъ?

Оглянитесь кругомъ себя, профессоръ,—вы не найдете ни одной области мужской дѣятельности, гдѣ не играли бы своей убійственной роли попеременно ненависть и партійность, безмѣрная суетность, честолюбіе, мщеніе, суевѣріе и сладострастіе.

Искони страсти, преимущественно, опредѣляли поступки людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Сердце царитъ надъ міромъ; оно источникъ всѣхъ самыхъ великихъ и самыхъ низкихъ дѣяній человѣчества.

Но, можетъ быть, профессоръ, выражая свое сомнѣніе относительно дѣятельности женщинъ въ публичной жизни, имѣлъ въ виду не столько плачевныя всемірно-историческія послѣдствія такихъ несообразностей, сколько послѣдствія занятій второстепенныхъ, каковы занятія служащихъ въ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствѣ, учительство или мелкая торговля, —

предполагая, что къ исполненію обязанностей, налагаемыхъ такими занятіями, женщины неспособны вслѣдствіе преобладающаго направленія ихъ чувствованій.

Какимъ образомъ, профессоръ, будетъ происходить заблужденіе разума, благодаря чувствованіямъ, при такихъ занятіяхъ женщинъ? Можетъ быть, такимъ образомъ: госпожа Б., занимая каѳедру исторіи, должна разсказать ужасныя дѣла временъ римской имперіи; но вдругъ скорбь объ избіенныхъ заглушаетъ ея голосъ, отвращеніе задерживаетъ ея дыханіе, она теряетъ нить мыслей, и ее въ обморокѣ приходится вынести изъ аудиторіи. Или же на биржѣ—женщина хочетъ сдѣлать рѣшительный шагъ, имѣя возможность въ продолженіе часа выиграть 30.000 талеровъ. Вдругъ забилось ея сердце; она себя спрашиваетъ: «кто же проиграетъ эти 30.000?» Можетъ быть, бѣдные, вдовы, сироты! Боже упаси! Слезы справедливости украшаютъ ея глаза; она отираетъ ихъ, а между тѣмъ выигрышъ въ 30.000 ускользаетъ изъ ея рукъ.

Или, стоя за телеграфнымъ станкомъ, женщина должна отправить телеграмму, извѣщающую о смерти ребенка. Состраданіе овладѣваетъ телеграфисткой, буквы сливаются въ ея глазахъ, и вмѣсто того чтобы телеграфировать: «Августъ умеръ», она телеграфируетъ: «Августъ живъ».

Или въ почтамтѣ—женщинѣ подаетъ пакетъ человѣкъ, лицо котораго возбуждаетъ въ ней сильную къ нему антипатію; она откладываетъ этотъ пакетъ въ сторону съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи уничтожить его.

На войнѣ съ нею происходитъ то же, что съ Орлеанской Дѣвой: «Могла ли юношу убить она, взглянувъ ему въ глаза!»...

Вотъ какія бываютъ ужасныя послѣдствія, подумаете вы, когда женщины захотятъ изъ семьи ворваться въ область полной человѣческой жизни. Напротивъ, нечего опасаться, чтобы въ четырехъ стѣнахъ когда-либо пришло въ столкновеніе ея сердце и разумъ. Или же, вы, г. профессоръ, полагаете, что заблужденіе въ этой области не будетъ имѣть непріятныхъ послѣдствій для человѣческаго общества?

Когда разумъ, введенный въ заблужденіе сердцемъ, доводитъ мать до того, что она закармливаетъ и балуетъ свое ди-

тя, приводя его на край душевной и тѣлесной гибели, то такою потерею дѣльнаго гражданина наносится государству невознаградимый вредъ.

«Хорошо было бы», говоритъ нашъ философъ, «если бы женщина не подвергалась слишкомъ большому испытанію въ трудной борьбѣ между долгомъ и склонностью».

Гдѣ же, профессоръ, разыгрываются всѣ трагедіи, въ которыхъ первыя роли исполняются женщинами,—трагедіи, о которыхъ мы съ содраганіемъ безпрестанно узнаемъ изъ газетъ; трагедіи, сопровождаемыя убійствомъ мужа, прелюбодѣяніемъ и т. д. Гдѣ, спрашиваю я васъ? Именно въ четырехъ стѣнахъ, въ домѣ, въ семьѣ. Могу увѣрить васъ, что женщины, въ отведенныхъ имъ до сихъ поръ сферахъ спеціальныхъ занятій, часто должны бываютъ, безъ всякаго сердечнаго участія, а, напротивъ, даже въ противность своимъ чувствованіямъ исполнять требуемое отъ нихъ холоднымъ долгомъ или простою необходимостью.

Да и кто изъ насъ не принужденъ по временамъ удовлетворять холодному долгу! И притомъ женщины, вѣроятно, вдвое чаще мужчинъ!

Въ Америкѣ женщины занимаютъ всевозможныя публичныя должности. Я указываю профессору на эту страну, если онъ серьезно хочетъ привести въ извѣстность, сколько состоящихъ на государственной службѣ женщинъ ежегодно среднимъ числомъ погибаетъ отъ сердечныхъ потрясеній. Статистика есть наилучшее орудіе, приличное ученому для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ.

Всѣ такія вычурныя и страшныя противорѣчія и смѣшенія понятій происходятъ единственно отъ нечестности и трусости мужчинъ. Смѣсь хитрости и стыда передъ признаніемъ своего собственнаго верховнаго господства, а также снисходительности къ намъ, женщинамъ, препятствуетъ имъ высказать просто: «намъ, мужчинамъ, въ силу нашего тѣлеснаго и духовнаго превосходства, принадлежатъ высшія сферы труда; а вамъ, женщинамъ, низшія. Иное объясненіе для меня немыслимо. Простому здравому смыслу должно быть ясно, что сила воли, проявляющаяся во второстепенныхъ обстоятельствахъ жиз-

ни и угасающая при болѣе высокихъ требованіяхъ, не есть что-либо чрезвычайное, а, напротивъ, нѣчто ничтожное.

Теперь обратимся къ г-ну Бишофу.

Въ то время, какъ философъ (Зибель), колеблясь, но съ гибкостью, вьется около своихъ, полныхъ противорѣчія, оборотовъ рѣчи, пугаясь, можетъ быть, упрековъ своей философской совѣсти, вслѣдствіе чего трудно поймать его на словѣ, чтобы добыть себѣ точное противъ него возраженіе, анатомъ (Бишофъ) ставитъ свои положенія ясно и полновѣсно, облаченный въ полный авторитетъ своего профессорства. Согласно съ философомъ Зибелемъ, отказываетъ онъ женщинѣ во всякомъ внутреннемъ призваніи къ наукѣ и такой отказъ свой основываетъ, во-первыхъ, на тѣлесномъ органическомъ строеніи женщины и, во-вторыхъ, на свойствахъ души и характера женщины.

Займемся сперва вторымъ его доказательствомъ.

Бишофъ чрезвычайно облегчаетъ себѣ защиту этого доказательства, угощая насъ перечнемъ мужскихъ и женскихъ свойствъ, которыя онъ, по своему собственному признанію, позаимствовалъ у опытныхъ знатоковъ людей и у психологовъ. Для этой цѣли онъ привлекаетъ такихъ авторовъ, какъ Шиллеръ, Кантъ и Жанъ-Поль. Впрочемъ, великіе люди не умаляются въ своемъ достоинствѣ тѣмъ, что о тѣхъ предметахъ, которые въ ихъ время не были подвергнуты изслѣдованію, они приводили обычныя общія мѣста. Платонъ и Сократъ, мудрѣйшіе изъ людей своего времени, признавали рабство за состояніе вполнѣ согласное съ природою и не были за то порицаемы ни своими современниками, ни потомками, между тѣмъ какъ современный философъ, который вздумалъ бы защищать рабство, покрылъ бы свое имя позоромъ. «Время», говоритъ Гейне, «это сфинксъ, который бросается въ пропасть, коль скоро его загадки будутъ разгаданы». Новыя же загадки не могутъ быть отгаданы при помощи старыхъ формулъ. Насколько, впрочемъ, г. Бишофъ остерегается всякаго, съ своей стороны, приближенія къ оригинальности, пусть это покажутъ слѣдующія положенія изъ его характеристики. «Мужчина отваженъ, смѣлъ, горячъ, упрямъ, жестокъ, скрытенъ; женщина боязлива, уступчива, мягка, нѣжна, добросердечна, болтлива, лукава. Мужчина обладаетъ бо́льшею стойкостью, а женщина—измѣн-

чивостью и непослѣдовательностью. Мужчина дѣйствуетъ по убѣжденію, женщина—по чувству; у мужчинъ разумъ господствуетъ надъ сердцемъ, у женщинъ сердце—надъ разумомъ. Женщина стыдливѣе, и возбужденія грубаго чувственнаго наслажденія у нея, обыкновенно, слабѣе, чѣмъ у мужчины. Благонравіе, смиреніе, терпѣніе, добродушіе, готовность къ самопожертвованію, благочестіе, принятіе сердечнаго участія въ жизни—ко всему этому женщина предрасположена въ гораздо бо̀льшей степени и мѣрѣ, нежели мужчина».

Видно, что г. Бишофъ довольствуется признаніемъ гипотетическихъ свойствъ, которыя ладятъ съ его предразсудками; онъ принимаетъ за доказанную теорію то, что еще слѣдуетъ доказать, называетъ доказательствомъ эту наивную болтовню, это сердечное принятіе на вѣру и съ этимъ связываетъ, между прочимъ, слѣдующій выводъ: «истинный духъ точнаго естествовѣдѣнія останется навсегда замкнутымъ для женщинъ».

Допустимъ, что такое распредѣленіе человѣческихъ свойствъ между мужчиною и женщиною вѣрно, какъ это угодно признавать Бишофу. Все таки непонятно, почему съ успѣхомъ можетъ заниматься науками человѣкъ вообще горячій, смѣлый, жесткій, скрытный, тогда какъ человѣкъ, обладающій нѣжнымъ, мягкимъ, добродушнымъ, смиреннымъ, самоотверженнымъ чувствомъ, лишенъ этой способности? Мы встрѣчаемъ между мужчинами столько же уступчивыхъ, какъ и упрямыхъ, столько же жесткихъ, какъ и мягкихъ. Одинъ мужчина высказываетъ высокое остроуміе, а другой—бездонную глупость. Мнѣ не извѣстно такой противоположности характеровъ, какой не нашлось бы среди самихъ мужчинъ.

Пока всѣхъ мягкосердечныхъ, терпѣливыхъ, самоотверженныхъ, цѣломудренныхъ мужчинъ не удалятъ отъ государственныхъ должностей, не изгонятъ изъ храмовъ науки, какъ недостойныхъ изучать ее, до тѣхъ поръ я не вижу никакого основанія, изъ-за такихъ же свойствъ, отстранять женщинъ отъ благихъ даровъ науки.

Да и не найдетъ ли всякій безпристрастный человѣкъ, что мало̀ такихъ мирныхъ занятій, гдѣ не были бы болѣе умѣстны терпѣніе, кротость, способность къ самоотверженію, чѣмъ грубость, упрямство и горячность?

При изображеніяхъ характеровъ à la Бишофъ никогда не бываетъ недостатка въ нелѣпыхъ самопротиворѣчіяхъ. Такъ, напримѣръ, говорится: «Женщина кротка и терпѣлива, а мужчина горячъ, вспыльчивъ». Развѣ горячностью, вспыльчивостью показывается, что разумъ господствуетъ надъ сердцемъ? Не есть ли, наоборотъ, эта горячность, вспыльчивость доказательство того, что здѣсь результатомъ сочетанія душевныхъ силъ является побѣда чувствованій надъ разумомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ я предоставляю моимъ читателямъ.

Конечно, нельзя отрицать того, что занятія, воспитаніе и образъ жизни оказываютъ самое существенное вліяніе на развитіе характерныхъ свойствъ. Женщина, въ ея нынѣшнемъ общественномъ положеніи, имѣетъ мало случаевъ развивать и прилагать на дѣлѣ извѣстныя свойства. Тысячи женщинъ умнѣе, вспыльчивѣе, отважнѣе тысячъ мужчинъ, и, наоборотъ, тысячи мужчинъ болѣе кротки, болѣе способны къ самоотверженію, добродушнѣе тысячъ женщинъ.

Стараться построить баррикады изъ нѣкоторыхъ душевныхъ свойствъ женщины, для защиты мужчинъ отъ вторженія женщинъ въ обѣтованную землю науки, гдѣ медъ мудрости течетъ только для сильнѣйшаго пола—это смѣшно и чудовищно, это должно быть предоставлено обсужденію послѣдующихъ вѣковъ.

Теперь перейдемъ къ первому доказательству Бишофа. За душевными свойствами слѣдуетъ, по ученію Бишофа, физіологическое состояніе женщины и преимущественно строеніе ея черепа, какъ доказательство ея неспособноти къ высшему умственному образованію, какъ признакъ того, что женщина есть особенный, низшій видъ человѣка. Но, распространяясь въ доводахъ для подкрѣпленія такого своего воззрѣнія на женщину, Бишофъ поступаетъ не только не научно, но и не совсѣмъ честно.

Не научно—такъ какъ Бишофъ увлекается френологическою локализаціею душевныхъ силъ, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію наше незнаніе естественныхъ законовъ относительно спеціальныхъ отправленій головнаго мозга и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ развивается.

Выставлять произвольныя гипотезы—какъ научныя истины можетъ быть и очень «мужественно, смѣло, стойко и энергич-

но», и такая метода, можетъ быть, и ослѣпитъ человѣка, не привыкшаго мыслить, или позабавитъ невѣжду, но на научное достоинство она не можетъ имѣть притязанія.

Не честно поступаетъ г. Бишофъ, представляя намъ результаты тѣхъ только изслѣдованій, которыя соотвѣтствуютъ его предразсудкамъ, и игнорируя противорѣчащія имъ. Мои физіологическія познанія равняются нулю; однако я знаю то—что, само собою разумѣется, профессоръ Бишофъ долженъ знать въ тысячу разъ лучше меня,—а именно, что изъ другихъ различій мужскаго и женскаго организма можно вывести и были выведены совсѣмъ иныя, противоположныя заключенія.

Установить физіологическое значеніе отклоняющихся формъ мужскаго и женскаго черепа не удалось до сихъ поръ наукѣ, и только шарлатану, фантазеру или фанатику можетъ придти въ голову положить въ основу аргументаціи противъ умственной способности женщины различіе строенія мужскихъ и женскихъ череповъ.

Допустимъ, что Бишофъ правъ, утверждая, что женщина образованіемъ своего головнаго мозга обличаетъ, что она ниже мужчины.

Но мы знаемъ, что у людей и прочихъ животныхъ тѣлесные органы ослабѣваютъ мало-по-малу въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ отъ непользованія ими, неупражненія ихъ и въ такомъ смыслѣ называются рудиментарными, зачаточными органами. Не есть ли и головной мозгъ женщины подобный органъ? Вѣдь ея мыслительную способность никогда не развивали надлежащимъ образомъ, а между тѣмъ утверждаютъ, будто она неспособна къ мышленію. Къ разительнѣйшимъ примѣрамъ зачаточныхъ органовъ принадлежатъ глаза, которые не видятъ. Такіе глаза находимъ мы у многихъ животныхъ, живущихъ въ темнотѣ, напримѣръ въ норахъ, подъ землею. Другой столь же наглядный примѣръ такихъ органовъ суть крылья животныхъ, не могущихъ летать.

Удивительно ли послѣ этого, что умственныя очи, къ которымъ никогда не подносили близко свѣта науки, разучились видѣть; что духовныя крылья, которымъ дозволяется расправляться лишь въ тѣсномъ пространствѣ дома и порхать надъ кухонною посудою, лишены силы полета?

По свидѣтельству нѣкоторыхъ ученыхъ, знаніемъ и образованіемъ въ теченіе многихъ вѣковъ видоизмѣняется форма черепа.

Въ этомъ признаніи проявляется та трогательная заботливость, съ которою они хотятъ охранить нашъ женскій слабый мозгъ отъ чрезмѣрнаго напряженія.

Мое же безпритязательное мнѣніе клонится къ слѣдующему утвержденію: чтб глупѣйшій юноша можетъ вбить въ свою башку, отъ того не лопнетъ и нашъ женскій черепъ; а если онъ и вздумаетъ лопнуть, то этого ему не должно запрещать на основаніи принципа свободнаго самоопредѣленія человѣка къ тому или другому поступку.

Еще позволяю я себѣ спросить г. Бишофа: есть ли головной мозгъ сѣдалище только мыслей?

Сколько мнѣ извѣстно, всѣ анатомы, физіологи, врачи согласны между собой въ томъ, что «головной мозгъ есть органъ души, есть центръ чувствованій и мысли».

Когда, при изслѣдованіи череповъ у племенъ, расъ, опредѣляютъ, по болѣе или менѣе развитой формѣ, какое племя выше и какое ниже, то подъ низшимъ племенемъ понимаютъ такое, у котораго не одна только способность мышленія, но и мышленіе, и чувствованіе, и сердце, и разумъ стоятъ на низшей ступени развитія.

А между тѣмъ низшее положеніе женщины выводятъ только по низшей ступени ея способности мышленія. Что касается чувствованій у женщинъ, то ихъ намъ изображаютъ какъ болѣе глубокія, тонкія, многообразныя и высокія, чѣмъ у мужчинъ. Слѣдовательно, недостаточность отправленій мышленія перевѣшивается болѣе богатою жизнью чувствованій. Развѣ нельзя предположить, что въ теченіе тысячелѣтій глубокое и сильное чувствованіе женщинъ должно будетъ развить себѣ такой же сильный и обильно-организованный мозгъ, какъ развило его себѣ глубокое и сильное мышленіе мужчинъ? Развѣ это чувствованіе не расширитъ черепа, не будетъ имѣть вліянія на его усовершенствованіе?

Въ приложеніи къ своему разсужденію г-нъ Бишофъ распространяется о различіи въ тѣлесномъ строеніи мужчинъ и жен-

щинъ, о такомъ различіи, о какомъ мы можемъ прочесть въ любомъ учебникѣ физіологіи.

Совокупляя признаки различія, въ особенноси касающіеся мозга, съ различными душевными свойствами половъ, въ заключеніе онъ говоритъ слѣдующее: «изъ такого различія половъ въ тѣлесномъ и душевномъ отношеніяхъ вытекаетъ неопровержимо, что женскій полъ неспособенъ изучать и развивать науки и въ особенности медицину.

Однако же «неопровержимо» это было бы только тогда, когда почтенный профессоръ былъ бы не г-номъ Бишофомъ, а непогрѣшимымъ папою физіологіи. Странно и необъяснимо!

Можно ли изъ того обстоятельства, что мужчинѣ свойственъ болѣе быстрый физіологическій обмѣнъ веществъ, чѣмъ женщинѣ, вывести, что онъ долженъ занимать всѣ доходныя должности, между тѣмъ какъ ея департаментъ, это—кухня и швейная машина?

«У мужчины ноги длиннѣе, чѣмъ у женщины», весьма вѣрно замѣчаетъ г. Бишофъ. Охотникъ до заключеній могъ бы, пожалуй, отсюда вывести, что мужчина болѣе годенъ для разноски писемъ, чѣмъ женщина; но отказывать ей на основаніи этого въ способности изучать латинскій и греческій языки, значило бы разсуждать скорѣе смѣло, чѣмъ логично.

«Желудокъ у женщины меньше, чѣмъ у мужчины». Вѣрно, и если вопросъ о правѣ изучать науки зависитъ отъ желудка, то этотъ вопросъ совпадаетъ съ вопросомъ конкурренціи. А можетъ быть первенство ихъ желудковъ выражается въ томъ, что женскій желудокъ довольствуется черствыми булочками съ водянистымъ молокомъ, между тѣмъ какъ мужской желудокъ предпочитаетъ ѣсть филе и трюфли. Примѣнимся опять къ точкѣ зрѣнія г-на Бишофа и вмѣстѣ съ нимъ откажемъ женщинѣ во всякой способности къ высшимъ сферамъ труда.

Если тѣлесная и умственная слабость женщины служитъ дѣйствительнымъ основаніемъ ея униженія, то предоставьте ей тѣ области человѣческой дѣятельности, гдѣ при маломъ трудѣ и маломъ умѣ могутъ быть пріобрѣтаемы огромныя богатства.

Предоставьте ей биржу!

Но я знаю, что женщины напрасно будутъ стучаться въ двери храма биржи, какъ и въ двери храма науки.

Какъ ни мало знаемъ мы о таинственномъ дѣйствіи силъ природы, но намъ извѣстно, что человѣческимъ силамъ не поставлено извѣстныхъ предѣловъ.

Никто, ни даже цеховой профессоръ не можетъ къ человѣческому уму—будь даже это умъ женщины—воззвать: «досюда и не далѣе!»

Милліоны лѣтъ еще остаются для развитія человѣческаго разума. Лишь ребяческая дерзость можетъ желать уже теперь опредѣлить предѣлы его развитія.

Послѣ полемики г-на Бишофа противъ изученія женщинами наукъ вообще, онъ переходитъ къ изученію въ частности медицины, отбить отъ которой охоту у женщинъ запугиваніемъ и составляетъ собственно задачу его брошюры.

Страннымъ должно показаться, что такой ученый, какъ г. Бишофъ, не знаетъ, повидимому, что женщины въ исторіи медицины играли немаловажную роль. Насколько намъ позволяютъ судить о томъ скудныя извѣстія, женщины искони высказывали особенное дарованіе въ медицинѣ.

На слѣдующихъ пяти причинахъ Бишофъ основываетъ свою теорію устраненія:

1. Возбужденіе брезгливости.
2. Оскорбленіе чувства стыда.
3. Грубость и невѣжество студентовъ.
4. Болѣзненность женщины.
5. Непризнаніе авторитета за женщинами.

Будучи преисполнена пламеннымъ желаніемъ послужить установленію новаго общественнаго порядка, я въ борьбѣ съ воззрѣніями г-на Бишофа никакъ не могу отступиться отъ опроверженія его главныхъ основаній, касающихся физической жизни женщинъ.

1. Изученіе медицины возбуждаетъ брезгливость.

«Какъ многіе мужчины», говоритъ г-нъ Бишофъ, «нуждаются въ напряженнѣйшемъ вниманіи къ цѣли и въ возможно большей абстракціи ведущихъ къ ней средствъ для того, чтобы преодолѣть страшный видъ трупа и отвращеніе, возбуждаемое обращеніемъ съ нимъ. Все это преодолѣть — задача и обязан-

ность мужчины. Для женщины это невозможно, или же это въ ней признакъ крайней грубости чувствованія и характера. Неужели же это тѣ существа, которыхъ слѣдуетъ рекомендовать больнымъ, ради тонкости, нѣжности ихъ чувствованія? Въ моихъ глазахъ такое оскорбленіе и такой грѣхъ противъ природы столь же непростительны, какъ грѣхъ противъ Духа Святаго».

Въ другомъ мѣстѣ называетъ г-нъ Бишофъ званіе сестры милосердія превосходнѣйшимъ и самою природою предназначеннымъ для женскаго пола. Спрашиваю теперь деликатнѣйшихъ изъ моихъ сестеръ: если бы имъ предоставить выборъ, за что взялись бы онѣ предпочтительнѣе—выжимать матерію изъ гноящагося отвратительнаго нарыва у живаго человѣка, при раздирательныхъ стонахъ его, и мыть его окровавленное тряпье, или же съ научною цѣлью изслѣдовать на трупѣ жилы, мускулы и кости? Я бы предпочла послѣднее; впрочемъ о вкусахъ не слѣдуетъ спорить.

Г-нъ Бишофъ, можетъ быть, возразитъ, что женщина передъ кроватью больнаго преодолѣетъ свою брезгливость въ силу своего милосердія и человѣколюбія вообще.

На это я отвѣчаю: человѣколюбіе вообще самая абстрактная и самая высокая изъ всѣхъ добродѣтелей, и женщина, которая въ состояніи дѣйствовать подъ его вліяніемъ, будетъ, конечно, обладать не меньшею абстракціею, чѣмъ любой простодушный юноша, могущій передъ трупомъ возвыситься надъ своимъ страхомъ въ виду той высокой цѣли, къ которой онъ стремится.

Если кухаркѣ г-на Бишофа, для доказательства своей женственности, не нужно падать въ обморокъ при видѣ барахтающейся въ предсмертныхъ судорогахъ курицы, и если вы оставляете въ покоѣ акушерокъ, сидѣлокъ и т. под., не нападая на нихъ, то не осуждайте и женщины-врача за ея крѣпкіе нервы и за то, что она добилась побѣды надъ извѣстными возбужденіями чувствъ, не приносящихъ пользы ни ей и никому другому.

Вы смѣшиваете двѣ различныя вещи: слабые нервы или нѣжное чувство высшаго свѣтскаго общества съ истинно нѣж-

нымъ чувствомъ, покоящимся единственно на извѣстномъ образѣ мыслей.

Хотите знать, что̀ до послѣдняго волоконца искореняетъ нѣжное чувство у женщинъ?

Это бѣдность! Изъ 100 проститутокъ 99 лишаются своего нѣжнаго чувства въ интересѣ ихъ желудка.

Даже о зубномъ врачѣ-женщинѣ г-нъ Бишофъ ничего не хочетъ знать.

«Положимъ», говоритъ онъ, «что женщина имѣла бы столько силы, увѣренности, спокойствія въ своихъ движеніяхъ, сколько нужно для зубной операціи; все-же это немыслимо внѣ связи съ грубостью и безчувствіемъ; это простительно мужчинѣ, отъ котораго мы и не ожидаемъ ничего лучшаго; но, будучи встрѣчаемо въ женщинѣ, это должно производить непріятнѣйшее и отвратительнѣйшее впечатлѣніе».

Никто не думаетъ раздѣлять съ вами вашу, г-нъ Бишофъ, терпимость относительно грубости и безчувствія мужчинъ! Всякій паціентъ, едва замѣтивъ такія природныя мужскія качества, вытолкалъ бы врача за дверь. Я презираю грубаго, безчувственнаго мужчину совершенно столько же, сколько и женщину съ такими качествами, и то же думаютъ почти всѣ, кромѣ васъ г-нъ Бишофъ.

2. Оскорбленіе чувства стыда, стыдливости.

«Насколько вѣрно то, говоритъ Бишофъ, «что женскій полъ нравственнѣе, стыдливѣе и цѣломудреннѣе мужскаго, настолько же вѣрно и то, что необходимое невниманіе къ этимъ качествамъ и пренебреженіе ими, являющіяся послѣдствіемъ изученія медицины, вызываютъ абсолютное осужденіе этихъ безнравственныхъ стремленій нашего времени».

Я просто выворачиваю это положеніе и говорю: насколько вѣрно то, что женскій полъ по природѣ нравственнѣе, стыдливѣе, цѣломудреннѣе мужскаго и т. д., настолько же вѣрно и то, что мы должны произнести абсолютное осужденіе безнравственнымъ стремленіямъ многихъ вѣковъ, позволявшихъ мужчинамъ лечить женскія болѣзни.

Стыдливой женщинѣ будто бы невыносимо говорить съ другими женщинами, какъ врачами, о половыхъ отношеніяхъ! А будто бы нисколько не оскорбляетъ ихъ стыдливости, когда

ихъ принуждаютъ говорить о подобныхъ предметахъ съ мужчинами, предполагая, что эти дѣловыя бесѣды приносятъ мужчинамъ хорошій доходъ!

Г-нъ Бишофъ желалъ бы, чтобы было признано совершенно вѣрнымъ, «что многія женщины открываютъ свои секреты, какъ ихъ называла старая медицина, гораздо охотнѣе врачу-мужчинѣ, чѣмъ врачу-женщинѣ».

Я знаю очень многихъ женщинъ, и многія изъ нихъ признавались мнѣ, что даже наиболѣе крѣпко сложеннымъ изъ нихъ стоило не мало горя и слезъ рѣшеніе посовѣтоваться съ врачемъ-мужчиною о своей женской болѣзни. Только развѣ въ острыхъ болѣзняхъ женщины обыкновенно прибѣгаютъ къ нему за совѣтомъ. Между прочимъ знаменитая Изабелла Кастильская умерла отъ того, что стыдилась довѣриться мужчинѣ-врачу.

Во всякомъ случаѣ желательно было бы при воспитаніи дѣвушекъ придать болѣе вѣса развитію истиннаго стыда, слишкомъ часто недостающаго женщинамъ, нежели стыда ложнаго, и развитію благороднаго образа мыслей и чувствованій отдать преимущество передъ развитіемъ мыслей подкупныхъ, продажныхъ и никуда негодныхъ.

Опасаются запятнать душу женщины научнымъ образованіемъ? Нашимъ юношамъ даютъ спокойно въ руки произведенія Аристофана и Платона, гдѣ говорится о такихъ вещахъ, о которыхъ самые грязные и дерзкіе писатели новыхъ вѣковъ никогда не посмѣли бы высказаться. Въ этомъ случаѣ исходятъ изъ того положенія, что никто не имѣетъ права лишать юношей матеріала, могущаго обогатить умъ и расширить горизонтъ мыслей, и что добродѣтель, покоряющаяся всякому соблазнительному возбужденію, не имѣетъ никакой цѣны.

Это «Noli me tangere (не тронь меня)», какъ девизъ женскаго пола вообще, это невѣжество и неприкосновенность нѣжной души, требуемыя отъ женщины, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сохранены, по крайней мѣрѣ, у женщины умной, развѣ если бы ей вовсе запретили выходить далѣе ближайшаго угла своей улицы, или если бы ее могли предохранить отъ вліянія современнаго воздуха, отъ науки и знанія вообще. Пока незнаніе физическихъ процессовъ считается священнымъ

и восхваляется, какъ защита женской добродѣтели, до тѣхъ поръ мы не возвышаемся надъ почитателями гарема.

Въ исторіи всѣхъ вѣковъ читаемъ мы извѣстія о безстыдныхъ женщинахъ. Всѣ онѣ, почти безъ исключенія, принадлежатъ къ кругу праздныхъ дамъ, и на ихъ примѣрѣ разительно выясняется та истина, что пустая жизнь есть жизнь деморализующая. Желающій сохранить чистоту домашняго очага долженъ допустить участіе женщины въ современныхъ идеальныхъ интересахъ, долженъ позволить ей черпать изъ источника живаго знанія и заглядывать въ область искусства.

3. Грубость и невѣжество студентовъ.

Г. Бишофъ говоритъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что женская часть аудиторіи будетъ подвергнута постояннымъ нападкамъ со стороны мужской части... Студентки или покоряются постоянному натиску со стороны студентовъ, или, при сопротивленіи, оказанномъ первыми послѣднимъ, явится неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вражда, оскорбленіе, насмѣшка и т. под.

Однако это мнѣніе Бишофа опровергается многочисленными фактами.

Обратимъ еще вниманіе и на слѣдующее самопротиворѣчіе Бишофа. Прежде, какъ мы видѣли, онъ говорилъ: «медицинскій студентъ обладаетъ достаточной абстракціей, чтобы ради высокой цѣли, къ которой онъ стремится, преодолѣть всякое отвращеніе къ ужасамъ анатоміи». И вдругъ г-ну Бишофу эти «абстракція и высота цѣли» перестали быть нужными, и онъ быстро выворачиваетъ ихъ наизнанку: пара прекрасныхъ глазокъ низводятъ, по Бишофу, студента съ абстрактной высоты къ конкретному грѣху!

Принадлежитъ ли послѣдовательность къ добродѣтелямъ мужчинъ?

Сколько я знаю, университетъ имѣетъ свои законы и своихъ судей надъ студентами. Если студенты станутъ грубо обращаться съ дамами, то такихъ студентовъ нужно изгнать изъ университета или посадить въ карцеръ на болѣе или менѣе долгое время, соразмѣрно ихъ грубости.

А вотъ это добрые люди не называютъ притѣсненіемъ женщинъ, закрывая имъ аудиторіи университета, потому что нѣ-

которые студенты могли бы видѣть въ нихъ предметы для проявленія своей грубости.

Въ одной изъ своихъ статей г. Бишофъ на разный ладъ выставляетъ особенно на видъ, что идеальность студентовъ должна погибнуть, коль скоро лица другаго пола покажутся въ аудиторіяхъ. Хороша же идеальность, обладатели которой не боятся насмѣхаться надъ беззащитными существами и клеветать на нихъ за то, что они не хотятъ раздѣлять съ ними ихъ безнравственнаго образа мыслей.

Что студенты не протестуютъ противъ такого презрительнаго оскорбленія, наносимаго имъ душевнымъ діагнозомъ со стороны профессора, это меня удивляетъ. А учащіяся женщины оказываются какими-то сфинксами, нѣтъ—медузами науки, передъ лицомъ которыхъ цѣпенѣетъ всякая идеальность, коль скоро онѣ появляются на порогѣ университета.

4. Болѣзненность женщины есть помѣха ея врачебной практикѣ.

Само собою разумѣется, что на первое мѣсто здѣсь ставится ея беременность и роды. Признаюсь, что это возраженіе кажется мнѣ болѣе смѣшнымъ, чѣмъ серьезнымъ, и какимъ отсутствіемъ человѣколюбія дышетъ это возраженіе, приводящее меня въ содраганіе!

Женскій полъ претерпѣваетъ страданія и болѣзни изъ-за сохраненія рода человѣческаго, и чѣмъ за то награждаютъ его? Закрѣпощеніемъ!

Что касается родовъ, то они продолжаются не дольше, какъ разные недуги, не служащіе, однако же, основаніемъ къ удаленію мужчинъ въ отставку. Бишофъ напомнитъ мнѣ здѣсь, что я забыла о времени, проходящемъ въ беременности. Но вѣдь извѣстно, что женщина бѣдная работаетъ въ потѣ лица до самаго разрѣшенія своего отъ бремени, а дама богатая веселится до послѣдней минуты и, вообще, во время своей беременности не измѣняетъ своего образа жизни. Но и въ особенно тяжкомъ положеніи женщины, страдающей во время беременности, серьезное, возбуждающее умъ занятіе доставляетъ единственное облегченіе ея страданіямъ; подъ часъ оно есть единственное средство, защищающее женщину отъ отчаянія въ

тѣ минуты, когда ея страданія достигаютъ своего крайняго предѣла.

И на ежемѣсячный процессъ, которому подвержена женщина, Бишофъ указываетъ, какъ на помѣху врачебной практикѣ женщины. Но это опровергается фактами и обыкновенными совѣтами врачей, которые говорятъ женщинѣ, обращающейся къ нимъ въ случаѣ истерическаго страданія, зависящаго отъ ея половой жизни: «пустяки, вы вовсе не больны; поступайте такъ, какъ если бы вы были совсѣмъ здоровы; это не болѣе, какъ воображеніе; занимайтесь чѣмъ-нибудь полезнымъ, это будетъ самое лучшее для васъ лекарство!»

Тотъ тѣлесный процессъ, которому подвержена женщина ежемѣсячно, Бишофъ называетъ «самымъ существеннымъ призваніемъ и назначеніемъ женщины въ человѣческомъ обществѣ». Ни энциклопедисты въ своихъ дерзновеннѣйшихъ выходкахъ, ни La-Mettrie въ своей пресловутой книгѣ «L'homme-machine», не пошли такъ далеко, какъ нашъ консервативный нѣмецкій профессоръ. Матеріалисты прошлаго столѣтія—только карлики въ сравненіи съ г-номъ Бишофомъ, этимъ матеріалистическимъ Голіаѳомъ, который цѣль существованія половины человѣческаго рода видитъ въ одномъ животномъ отправленіи. Будьте только послѣдовательны, г. профессоръ! Сдѣлайте еще шагъ и смѣло выскажите: «цѣль человѣческаго рода есть измѣненіе вещества!»

Г-нъ Бишофъ думаетъ, что женщины болѣзненны вслѣдствіе того, что онѣ пріобрѣтаютъ свои познанія съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ.

«Начните только требовать, продолжаетъ онъ, отъ юнаго женскаго организма въ еще дальнѣйшемъ и болѣе общемъ расширеніи хода развитія, противнаго его естественному ходу, развитія мозга насчетъ половаго развитія, и кара природы разразится надъ женщинами въ высшей мѣрѣ».

Но, г. Бишофъ, кара природы уже послѣдовала; только въ обратномъ вашему мнѣнію смыслѣ: не за то, что женщина слишкомъ много мыслитъ и изучаетъ, а за то, что она изучаетъ и мыслитъ слишкомъ мало.

Спросите вы любую, имѣющую хорошую практику, женщи-

ну-врача, и она вамъ начертитъ наводящій ужасъ образъ нервнаго разстройства современныхъ женщинъ.

Я вамъ сообщу (что́, какъ мужчина, вы не можете знать) откуда, по крайней мѣрѣ, отчасти проистекаетъ это нервное разстройство.

Въ томъ возрастѣ, когда просыпающійся умъ нуждается въ соотвѣтствующей ему, такъ сказать, положительной пищѣ, дѣвушкѣ ничего не предлагаютъ, кромѣ возбуждающихъ нервы общественныхъ развлеченій и домашнихъ механическихъ работъ. Всѣ излишнія умственныя силы даровитой дѣвушки становятся орудіями фантазіи, и, смотря по своему характеру, она углубляется въ фантастическія грезы, чувственныя представленія или религіозныя мечтанія и въ нихъ теряется. Чтеніе огромной массы книгъ, возбуждающихъ только чувствованія, переполняетъ ея неразвитой умъ неопредѣленными идеями и вводитъ ее въ область иллюзій, состоящую въ рѣзкомъ контрастѣ съ дѣйствительностью.

Вотъ что изсушаетъ юную душу женщины и разстраиваетъ ея тѣлесный организмъ.

Вы не подозрѣваете, г. Бишофъ, что можно грезить цѣлые десятки лѣтъ и проснуться лишь тогда, когда уже поздно. Многія женщины борются и борются упорно, годами, но въ концѣ концовъ сдаются, подчиняясь своей судьбѣ съ тупою самоотверженною покорностью; тогда говорятъ о нихъ: «онѣ вѣдь довольны».

Глупость или даже ограниченность кругозора, какъ толстая кожа, защищаетъ равно и отъ непомѣрной жары, и отъ окоченѣнія. Какъ гимнастика и другія тѣлесныя движенія укрѣпляютъ члены, такъ и постоянное упражненіе и проявленіе мозговой дѣятельности укрѣпляютъ мыслительную способность. Гдѣ именно начинается чрезмѣрное напряженіе, указать трудно; это зависитъ отъ индивидуальности. Человѣкъ разумный долженъ самъ умѣть контролировать свою пищеварительную силу. Нельзя опредѣлять мѣру того, что ему слѣдуетъ изучить, подобно тому, какъ мы не можемъ предписывать взрослому человѣку качество и количество той пищи, которую ему слѣдуетъ скушать. Лѣнивый покой равно опасенъ уму, какъ и тѣлу. Умъ, изнѣженный и пресыщенный нездоровою пищею, произ-

водитъ среди женщинъ или людей, вегетирующихъ подобно растеніямъ въ образѣ обитательницъ гаремовъ, или женщинъ, страдающихъ нервами, какихъ поставляютъ намъ высшія сословія въ Европѣ.

По статистическимъ даннымъ бо̀льшая болѣзненность женщинъ въ сравненіи съ мужчинами есть не болѣе какъ сказка, выдуманная съ цѣлью притѣсненія, приниженія женщинъ. Если это такъ, то не только самъ собою отпадаетъ главный аргументъ нашихъ противниковъ противъ должностной и научной дѣятельности женщинъ, но и мы, женщины, если бы захотѣли быть столько же послѣдовательными, какъ и мужчины, могли бы требовать отъ нихъ отреченія отъ всѣхъ должностей вслѣдствіе ихъ большей въ сравненіи съ нами болѣзненности.

Эти статистическія показанія должны также служить намъ предостереженіемъ, не принимать на вѣру того, что дошло до насъ путемъ преданія, хотя бы его древность считалась тысячелѣтіями. Мы должны отвергнуть всѣ мнѣнія, пока они не найдутъ себѣ подтвержденія въ точнѣйшей научной повѣркѣ и въ нашемъ собственномъ разумѣ.

Я даже допускаю, что если бы женщина захотѣла развить свое тѣлосложеніе до чрезвычайной силы, то природа не воспротивилась бы удовлетворенію этого честолюбиваго пожеланія. Впрочемъ, я не думаю этимъ утверждать, что такое развитіе мышечной силы желательно. Мѐньшая физическая сила не есть доказательство низшей умственной способности.

5. Женщина не можетъ имѣть необходимаго авторитета.

«Представьте себѣ, говоритъ г. Бишофъ, женщину-врача директриссою больницы или судебнымъ (полицейскимъ) врачемъ. Не долженъ ли всякій смѣяться или же плакать при мысли, что женщинѣ должна принадлежать такая высокая степень авторитета, какая необходима управляющему больницею!» и т. под.

Въ другомъ мѣстѣ г. Бишофъ говоритъ: «я никакъ не могу себѣ представить, что завитые волосы и шелестящія юбки принесутъ паціенту ожидаемыя имъ надежду и утѣшеніе».

Предварительно я желала бы замѣтить, что различнымъ людямъ различныя вещи представляются смѣшными. Смѣшными покажутся всегда массѣ вещи, противорѣчащія обыч-

нымъ нравамъ и преданіямъ. Мыслящему же европейцу какой директоръ или какая директрисса должны показаться смѣшными? Несомнѣнно тѣ, которыхъ притязанія находятся въ контрастѣ съ ихъ дѣломъ. Чѣмъ можетъ или чѣмъ долженъ быть пріобрѣтаемъ авторитетъ управляющимъ больницею? Относительно этого слѣдуетъ имѣть въ виду только два условія: болѣе внѣшнее—энергично выступающую личность управляющаго и внутреннее существенное условіе, основанное на дѣльномъ управленіи. Конечно, г. Бишофъ знаетъ, что есть директора заведеній, находящіеся дома подъ башмакомъ жены своей. Такая жена, полагаю, имѣющая достаточно энергіи и силы, чтобы управлять самимъ управляющимъ, съумѣетъ и въ больницѣ пріобрѣсти себѣ послушаніе.

Но если вы, г-нъ профессоръ, находите, что авторитетъ пріобрѣтается преимущественно дѣльнымъ исполненіемъ должности, въ такомъ случаѣ способность и дѣла, а не полъ, будутъ рѣшающими моментами при опредѣленіи степени уваженія, такъ что служащіе и живущіе въ больницѣ паціенты такъ же мало будутъ уважать неспособнаго врача-мужчину, какъ и неспособную женщину-врача.

Вы, г-нъ профессоръ, говорите, что не можете себѣ представить, чтобы завитые волосы женщины или ея шелестящія юбки могли принесть больному утѣшеніе и надежду. И я тоже думаю; но я думаю еще и то, что скрипящіе сапоги, высокія цилиндрическія шляпы и лысыя головы не въ состояніи принести утѣшеніе и надежду.

Профессоръ Бишофъ, ссылаясь на опытъ, говоритъ, что даже мужчины нуждаются въ полномъ сосредоточеніи своихъ умственныхъ силъ, чтобы во время операціи не оробѣть при встрѣчѣ съ непредвидѣнною трудностью. А женщина, разумѣется, просто упадетъ при этомъ въ обморокъ! Но кто же когда-либо слышалъ, чтобы женщины на кострѣ или подъ гильотиною отставали отъ мужчинъ въ геройствѣ и присутствіи духа?

Послѣ того какъ г. Бишофъ пространно доказалъ (какъ онъ себѣ воображаетъ) низшую натуру женщины сравнительно съ натурой мужчины, онъ прибавляетъ: «если бы женщины обладали большими умственными способностями, то онѣ уже давно

сдѣлали бы мужчинъ еще больше своими рабами, какъ это и теперь уже видимъ мы явно или скрытно, почти во всѣхъ сферахъ жизни, исключая сферы наукъ.

Этимъ изреченіемъ, г. профессоръ, не хотите ли вы насмѣяться надъ женщинами? Какъ? Неужели эти подчиненныя существа дѣлаютъ явно и тайно мужчинъ своими рабами? Посредствомъ чего же? У мужчинъ разумъ господствуетъ надъ чувствованіемъ—такъ вы насъ учили—слѣдовательно, изъ чувствованій нельзя свить веревки, на которой женщины могли бы водить мужчинъ, какъ дураковъ.

О высшей интеллигенціи женщинъ, какъ вамъ извѣстно, не можетъ быть и рѣчи. Бо́льшею мышечною силою, сравнительно съ мужчинами, женщина также не обладаетъ; слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о насиліяхъ, дѣлающихъ мужчину ея рабомъ.

Да помогите же мнѣ, профессоръ! Посредствомъ чего же наконецъ? Остаются только животный магнитизмъ и чудо. Или вамъ еще что-нибудь извѣстно?

Если одинъ народъ, одно сословіе, одинъ человѣкъ господствуетъ надъ другимъ, то я могу представить себѣ только два условія этого господства: или бо́льшую силу — духовную либо физическую, подразумѣвая подъ духовной силой интеллигенцію, энергію характера; или же обладаніе могуществомъ, будетъ ли оно наслѣдственное, либо установленное закономъ, либо преданіемъ.

Не звучитъ ли странное изреченіе Бишофа ревностью? Не боится ли онъ, быть можетъ, соперничества тѣхъ, къ кому, повидимому, онъ относится съ такимъ презрѣніемъ?

Съ изложеніемъ своихъ основаній противъ изученія женщинами медицины, г. Бишофъ связываетъ нѣкоторые культурно-историческіе взгляды. «Въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени», говоритъ онъ, «всегда побѣждаетъ наконецъ сильнѣйшій и этимъ самымъ доказываетъ, что онъ сильнѣйшій. Побѣдою, которую мужской полъ одерживалъ надъ женскимъ поломъ вездѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ отношеніяхъ, гдѣ идетъ дѣло о научномъ прогрессѣ, доказывается слабѣйшая естественная способность женщинъ. Продолжительное притѣсненіе одной части другою, при естественной

равнородности ихъ, невозможно. Притѣсненіе разъ должно было начаться какимъ-нибудь образомъ, но непонятно, почему оно выпало вездѣ на долю именно женскаго пола».

Развѣ притѣсненіе выпало только на долю женщинъ? Какое странное заблужденіе!

Вы забываете рабство и крѣпостничество.

Притѣсненіе не только пало, но еще и теперь падаетъ и на часть мужскаго пола.

По вашему, г. Бишофъ, «продолжительное притѣсненіе немыслимо».

Конечно нѣтъ, и, дѣйствительно, притѣсненіе не будетъ продолжительно. Два, три тысячелѣтія вѣдь короткій срокъ времени въ міровомъ развитіи.

«Притѣсненіе разъ должно было начаться»!

Кто же споритъ противъ этого? По всей вѣроятности, уже въ первобытныя времена первыя попытки притѣснить женщинъ были отражены ими со всею энергіею и силой.

Черезъ всю древность проходитъ сказаніе объ амазонкахъ. Какія же выводы сдѣлало изъ него ученье?—что въ ихъ основѣ лежитъ полная историческая истина. По аналогіи съ подобными взглядами на сказанія, мы въ правѣ вѣрить въ борьбу половъ между собой, происходившую нѣкогда и окончившуюся побѣдою мужчинъ надъ женщинами.

О Тезеѣ и Геркулесѣ разсказывается, что они одержали побѣду надъ знаменитыми амазонками—Ипполитою и Меналиппою, но по преодолѣніи большихъ трудностей и по употребленіи всѣхъ своихъ силъ. Геркулесъ, какъ повѣствуетъ сказаніе, считалъ своимъ долгомъ освободить мужчинъ отъ господства надъ ними женщинъ. Но Геркулесъ есть символъ грубой силы. Значеніе этого миѳа, такимъ образомъ, ясно само собою.

Въ женскомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ великихъ общественныхъ вопросахъ, необходимо установить не то, что̀ было или что̀ есть, а то, что̀ должно быть.

3) Должны ли женщины изучать науки?

Отвѣтъ мой, какъ и отвѣтъ профессоровъ (Зибеля и Бишофа) вытекаетъ самъ собою изъ предыдущаго.

Чѣмъ мотивируютъ мужчины свое категорическое заявленіе: «она не должна!»?

Одно изъ ихъ наивныхъ доказательствъ было уже пространно разсмотрѣно мною. «Она не должна изучать науки, потому что не можетъ». Это «не можетъ», эта вѣра въ то, что женщина въ умственномъ отношеніи ниже мужчины, было и есть, по моему мнѣнію, единственное доказательство, честно приводимое мужчинами, доказательство, которое выставлялось и защищалось почти всѣми значительными писателями всѣхъ временъ, попеременно то со злобою, то съ остроуміемъ, то съ сердечнымъ убѣжденіемъ.

Всѣ прочія возраженія противъ научной дѣятельности женщинъ, и преимущественно теоріи, возводящія женщину на высокій пьедесталъ, на которомъ женщины слишкомъ святы и чисты, чтобы рисковать на соприкосновеніе съ наукой, — суть только резервныя, запасныя доказательства. Всѣ они могутъ быть сведены къ одному главнѣйшему изреченію: «мы мужчины, а вы женщины».

Вы мужчины, а мы женщины. Правда! Но половыя цѣли суть цѣли физическія, подчиненныя. Душа человѣческая выше половаго различія.

Вотъ тѣ мнимыя основанія, которыя должны, будто бы, отстранять женщинъ отъ изученія наукъ:

1. Ея домовитость, т.-е. ея обязанности, какъ матери и хозяйки.

2. Равными правами обусловливаются равныя обязанности.

3. Изученіе наукъ есть несчастіе въ эстетическомъ отношеніи для женщинъ, такъ какъ оно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ утрату женственной прелести и любезности.

И такъ: 1. Домовитость!

Это старое и, за свою старость, глубоко уважаемое воззрѣніе, что научно образованная женщина будетъ дурною женою и матерью. Серьезные мужчины предаются тому эксцентрическому представленію, что материнская любовь должна погибнуть отъ греческаго языка или отъ сѣрныхъ паровъ при химическихъ опытахъ. А между тѣмъ греческій языкъ и химическіе опыты едва ли находятся въ большей связи съ материнской любовью, нежели цвѣтъ материнскаго платья. Паллада-Аѳина была для грековъ не только изобрѣтательницей пряжи,

тканья и прочихъ женскихъ искусствъ, но и строгаго научнаго изслѣдованія со стороны разума.

Объ обязанностяхъ матери и хозяйки я уже пространно говорила выше и старалась доказать, что разумнымъ воспитаніемъ дѣтей, въ которомъ отецъ долженъ принимать такое же участіе, какъ и мать, не исчерпывается дѣятельность женщины. Въ серьезность сказаннаго основанія, приводимаго мужчинами, я повѣрила бы только тогда, когда они приняли бы мѣры къ обезпеченію матерямъ изъ народной среды, составляющимъ $^2/_3$ всѣхъ матерей, такого дохода и такого положенія, которые позволяли бы этимъ женщинамъ смотрѣть на заботу о своихъ дѣтяхъ, какъ на единственную задачу своей жизни. Что же касается вопроса о хозяйствѣ, которое мои противники ограничиваютъ обыкновенно кухней, то онъ разрѣшается наипростѣйшимъ образомъ, а именно—пусть кухнею занимаются кухарки.

2. Равными правами обусловливаются равныя обязанности.

Подъ обязанностями здѣсь мужчины подразумѣваютъ отбываніе воинской повинности, къ чему женщины вообще неспособны.

На это имѣю я возразить слѣдующее:

а) Гдѣ дѣло идетъ объ установленіи принциповъ, тамъ допускаемость этихъ принциповъ не должна быть измѣряема остаткомъ варварскихъ нравовъ, на которые послѣдующіе вѣка будутъ смотрѣть съ удивленіемъ и отвращеніемъ.

б) На основаніи упомянутаго принципа, всякій мужчина, не отбывшій, по какой-либо причинѣ, воинской повинности, долженъ лишиться своихъ политическихъ правъ.

в) Мужчина долженъ быть готовъ умереть за отечество. Развѣ нельзя признать эквивалентомъ рожденіе женщинами дѣтей, восполняющихъ пробѣлы, образующіеся мечемъ и пулею въ рядахъ людей? И если нужно непремѣнно умереть за отечество, то, можетъ быть, статистика въ состояніи доказать, что, приблизительно, столько же женщинъ умираетъ, исполняя свое назначеніе—дарить государству новыхъ гражданъ.

Наконецъ—г) приведемъ еще то обстоятельство, что уходъ за больными, предоставленный въ военныхъ лазаретахъ однѣмъ женщинамъ, можетъ быть разсматриваемъ какъ дѣло патріотическое, не уступающее дѣламъ мужчинъ при исполненіи ими военной службы.

3. Изученіе наукъ есть несчастіе въ эстетическомъ отношеніи для женщинъ.

Съ понятіемъ женщины мыслящей и ученой любятъ соединять представленіе о ея грубыхъ чертахъ лица, непріятной старообразности, каркающемъ по-вороньи голосѣ и т. п. Свѣряя справедливость такого представленія съ дѣйствительностью, я опять ссылаюсь на Клемма, этого врага свободы женщинъ, который, пользуясь подлинными источниками, вынуждаемъ противъ своей воли прославлять красоту, любезность и даже семейныя добродѣтели большинства тѣхъ ученыхъ женщинъ, исторію жизни которыхъ онъ излагаетъ.

Что граціозность, благородная женственность и ученость несовмѣстимы, это—одна изъ уморительнѣйшихъ выдумокъ, какія когда-либо приходили въ мыслящую голову мужчины. Конечно, теперь иногда бываетъ, что ученая женщина чванится своею ученостью, но это только потому, что она, какъ ученая, представляетъ исключеніе въ своемъ полѣ. Какъ скоро исчезнетъ исключительность такого положенія, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится и притязательность. Но если бы и было, что умственная полнота женщины идетъ рядомъ съ ея тѣлесной худощавостью, и что увеличеніемъ суммы познаній обусловливается въ ней уменьшеніе женской прелести, то такая убывающая граціозность была бы утратою только для глазъ мужчины, а не для души женщины.

Женщины съ наиболѣе развитымъ умомъ не понесутъ убыли въ добродѣтельныхъ и нравственныхъ движеніяхъ души, а это и есть для нихъ самое важное.

Если ученая дама, напримѣръ, женщина-врачъ, не по вкусу мужчинамъ, то никто вѣдь не заставляетъ ихъ любить ее и жениться на ней, какъ бы ни былъ великъ получаемый ею доходъ.

Намъ говорятъ: «мужчины и женщины должны во многомъ различаться одни отъ другихъ, чтобы привлекать другъ друга». Мужчины, кажется, думаютъ, что различіе половъ не создано творческою силою природы, и что оно можетъ быть развито только искусственно, а потому приговоръ ихъ таковъ: «учите мальчиковъ по-гречески, по-латыни, математикѣ и т. д., а дѣвочекъ не учите по-гречески, по-латыни и математикѣ, дабы

различіе половъ процвѣтало и преуспѣвало!» Послѣдовательный мыслитель увѣренно прибавилъ бы: «пусть мальчики ѣдятъ бифстексъ и пьютъ вино, а дѣвочкамъ не давайте ѣсть бифстекса и пить вина, и тогда различіе половъ будетъ принимать все большіе и все пріятнѣйшіе размѣры».

Мужчины, протестующіе такъ энергично противъ умственной эмансипаціи женщинъ, въ интересѣ половаго различія, споспѣшествуютъ ея пониженію на степень низшаго, сравнительно съ мужчиною, существа. Это доказывается очень просто. Мужъ требуетъ отъ доброй жены своей, чтобы она раздѣляла съ нимъ его образъ мыслей, его воззрѣнія, его интересы, и чтобы она ему повиновалась. Но его образъ мыслей, его воля, его интересы—мужскіе. Кто будетъ оспаривать это?

Слѣдовательно, для мужчины идеалъ женщины есть стереотипный снимокъ съ него самого. Я же думаю: женщина должна изучать науки, потому что всякій человѣкъ можетъ имѣть притязанія на индивидуальную свободу заниматься дѣломъ, соотвѣтствующимъ его наклонности. Всякая дѣятельность, удовлетворяющая человѣка, должна быть, нѣкоторымъ образомъ, внѣшнимъ проявленіемъ того, что̀ происходитъ внутри, въ душѣ его. Свобода избрать себѣ призваніе, спеціальность—есть необходимое условіе индивидуальнаго счастія.

Женщина должна изучать науки, потому что, по всей вѣроятности, она обладаетъ отличною отъ мужчины организаціею, и она, какъ можно предполагать, будетъ въ состояніи преподнести наукѣ новыя формы, новыя направленія мысли. Если Бокль признаетъ, что женщина предпочла бы дедуктивную и идеалистическую методу и тѣмъ образовала бы противовѣсъ индуктивной методѣ мужчинъ, односторонность которыхъ способна задержать успѣхи нашего познанія, то въ этомъ отношеніи я очень остерегаюсь съ нимъ согласиться. Воззрѣніе Бокля можетъ, само собой разумѣется, имѣть цѣну только остроумной гипотезы.

Медицину женщина должна изучать, во-первыхъ, въ интересахъ морали, а во-вторыхъ, чтобы возвращать женщинамъ утраченное здоровье. Женщина лучше, нежели мужчина, знаетъ дѣятельность своего собственнаго тѣлеснаго организма, и никогда мужчина не будетъ имѣть того глубокаго сочувствія,

поощряющаго изслѣдованіе, и той строгой и тонкой наблюдательности надъ страданіями, разрушающими жизнь женщины.

Женщина должна изучать науки ради обезпеченія своего существованія. Никто не имѣетъ права ограничивать какой-либо классъ общества въ его средствахъ къ существованію, развѣ если бы государство и общество приняли на себя отвѣтственность за приличное содержаніе этого класса.

Женщина должна изучать науки, потому что знаніе и познаніе есть наивысшее земное благо, и потому что наиболѣе свойственная сфера для каждаго человѣка есть наивысшая сфера, какую только дано достигать человѣчеству.

Если бы задачи наукъ были непосильны духовнымъ и физическимъ способностямъ женщины, то въ такомъ случаѣ вступилъ бы въ силу великій законъ политической экономіи: общество не дѣлало бы никакого употребленія изъ недостаточныхъ услугъ со стороны женщинъ. Но пока со стороны общества не послѣдовало отреченія отъ ихъ услугъ, предразсудку не слѣдуетъ рѣшать этого безспорно важнаго вопроса.

«Цѣлыя столѣтія и тысячелѣтія доказали», говоритъ Бишофъ, «что женская природа не одарена способностью къ изученію наукъ».

Если бы тысячелѣтія могли послужить тому доказательствомъ, то и мужчины столь же мало оказались бы годными къ изученію наукъ, потому что кто считаетъ тѣ тысячелѣтія, въ продолженіе которыхъ мужчины безъ всякихъ наукъ и искусствъ жили въ пещерахъ и свайныхъ постройкахъ?

Если домоводство дѣйствительно есть естественное назначеніе женщины, то никакая земная сила не въ состояніи искоренить въ ней такое природное влеченіе.

Мы должны всегда почерпать свѣдѣнія о женскомъ призваніи изъ исторіи цивилизаціи. Но относительно этой исторіи встрѣчается то особенное обстоятельство, что она сама пребываетъ въ совершенномъ молчаніи, такъ что многое изъ нея можетъ быть вычитано и многое вложено при чтеніи!

Такъ господа ученые влагаютъ въ нее, что, будто бы, домъ, семья суть, были и будутъ сферою женщины во вѣки вѣковъ.

Я же читаю въ исторіи цивилизаціи, что сильнѣйшій искони притѣсняетъ слабѣйшаго, будетъ ли покоиться сила перваго на его кулачномъ правѣ, на оружіи его солдатъ или на привилегіяхъ, и что сильнѣйшій опредѣлялъ слабѣйшему положеніе въ жизни по своей волѣ и на свою пользу, никогда не вопрошая естественныхъ законовъ притѣсняемаго.

Я читаю въ исторіи цивилизаціи, что положеніе женщины въ человѣческомъ обществѣ мѣнялось изъ вѣка въ вѣкъ, что мало-по-малу она возвышалась изъ глубины презрѣнія и позора на степень приблизительно человѣческаго существованія. Я читаю, какъ женщина, до начала цивилизаціи была добычею алчнаго мужчины; какъ потомъ ее похищали, а еще позднѣе, какъ нѣжный отецъ, усматривавшій, что онъ обладаетъ въ своей дочери выгодной статьей потребленія, продавалъ и промѣнивалъ ее; я читаю, какъ впослѣдствіи женщинъ загоняли въ серали, подобно стаду овецъ...

Я вижу, какъ ее бьютъ, вяжутъ, откармливаютъ, употребляютъ въ видѣ рабочаго скота, выставляютъ въ видѣ приза на спортѣ. Я вижу, какъ ее, будто-бы нечистую, выталкиваютъ изъ храма; я вижу ее служанкою мужа...

Но не только это читаю я въ исторіи цивилизаціи. Я слышу дыханіе исторіи, которое изъ замкнутой растительной сферы повлекло женщину къ сознательному чувствованію и мышленію. И вотъ, это дыханіе исторіи и безсознательно дѣйствующая сила природы неудержимо будутъ влечь ее впередъ, пока и ея лицо не засіяетъ славою Бога-человѣка.

Вы думаете, и съ вами заодно думаетъ большинство мужчинъ, что законы природы давно уже разрѣшили женскій вопросъ; я же думаю, что сознательная борьба еще только начинается, и что она кончится только тогда, когда женщина завоюетъ себѣ прирожденное всѣмъ людямъ право — право быть человѣкомъ.

Вы утверждаете, что «законы природы уже разрѣшили женскій вопросъ». Но тѣ азіаты, тѣ монголы, китайцы и турки, загоняя своихъ женъ стадами въ серали, думали также

съ полнымъ убѣжденіемъ, что они поступаютъ по закону природы. Когда индусъ сожигаетъ трепещущую женщину вмѣстѣ съ трупомъ ея мужа, онъ поступаетъ также по «закону природы». Когда сѣверный дикарь очищаетъ горящей оленьею шерстью посуду, до которой дотронулась жена его, это нечистое въ его глазахъ существо, онъ поступаетъ также «по закону природы».

Съ чего же взяли наши ученые обвинять въ нарушеніи законовъ природы тѣхъ мужчинъ, которые слѣдовали нравамъ, освѣщеннымъ тысячелѣтіями? Откуда взялось притязательное утвержденіе, что только европеецъ, въ послѣднія столѣтія, вѣрно толкуетъ законы природы относительно женщинъ?

Богъ и природа опредѣлили женщинѣ ея сферу, а потому Богъ и сохранитъ ее въ ней, посредствомъ своихъ законовъ, безъ помощи гг. професоровъ! Зачѣмъ они вмѣшиваются въ дѣла милосерднаго Бога?

Г. Бишофъ замѣчаетъ, что, по велѣнію Божьему и естественному—и по рѣшенію професоровъ, слѣдовало бы ему прибавить—женскому полу недостаетъ способности развивать науки и прилагать ихъ къ дѣлу.

Если бы гг. профессора имѣли власть, то, во имя Бога и природы, они арестовали бы въ головѣ женщины всѣ научныя представленія, какъ контрабанду, и всѣ ея политическія мысли, какъ бродячую сволочь!

Они повелѣли бы, чтобы такія чувствованія и такія мысли, какъ духовныя уродства и какъ отступленія отъ моральныхъ нормъ, душились бы, какъ душится мясо въ горшкахъ, и парились, какъ бѣлье въ стиральныхъ лоханяхъ.

Оглянитесь только за тысячелѣтіе назадъ—вы, крѣпостные нравовъ и преданій, и взгляните на время, какъ на каменную пирамиду, въ которой вы считаете возможнымъ сохранить на вѣки вѣковъ, какъ муміи, ваши прелестныя мысли! Вѣдь это не удастся вамъ!

Вѣкъ развалинъ и сантиментальныхъ чувствъ къ древностямъ прошелъ безвозвратно. Древнѣйшія пирамиды разрушаются, и сгнившія, поблекшія мысли, ископаемыя представленія должны выйти на свѣтъ сіяющей истины, чтобы, какъ курьезы,

возбуждать людское удивленіе, а обанкрутившагося антикварія судить новое время и произносить свое «виновенъ»!

Резюмирую еще разъ мои требованія.

Я требую полной равноправности половъ въ области науки по отношенію къ средствамъ образован:я и къ пользованію пріобрѣтенными познаніями; я начертываю на моемъ знамени слѣдующее изреченіе, значившееся на знаменахъ королей гренадскихъ: «No puedo desear mas, ni contentorme con menos» (я не могу ни бо́льшаго желать, ни меньшимъ удовольствоваться).

Всплытіе въ наше время женскаго вопроса не представляетъ ничего страннаго. Изъ того же источника, изъ котораго вытекли всѣ современныя стремленія къ свободѣ, вытекъ и женскій вопросъ.

Стремленія женщины совпадаютъ съ побѣдою идеи надъ предразсудкомъ, преданіемъ и обычаемъ, съ живымъ принципомъ всего нравственнаго развитія вообще, съ тоскою по свободѣ.

Не голодъ, не соціалистическое сумасбродство, не оскверненіе святости брака, не г-жа Сталь и не Жоржъ-Сандъ придали живучесть сказанному вопросу, а само развитіе цивилизаціи въ своемъ нормальномъ теченіи вызвало его къ жизни изъ нѣдръ человѣческаго сердца, какъ нѣчто необходимое по своей природѣ. Если женщина хочетъ быть свободной, то не для зла, а для добра. Чѣмъ меньше даютъ женщинѣ независимаго положенія, тѣмъ болѣе она становится куртизанкой. Это доказывается Греціею во время ея блестящаго періода.

Позволю себѣ слѣдующее заключительное примѣчаніе: если мужчина хочетъ писать о женскомъ вопросѣ, то для этого онъ нуждается въ слѣдующихъ двухъ условіяхъ: во-первыхъ, въ сердцѣ, исполненномъ чистѣйшаго человѣколюбія. Безъ такого сердца никогда не будетъ онъ въ состояніи понять и изслѣдовать тотъ классъ людей, относительно котораго онъ и его полъ находятся въ абсолютной безвѣстности. Привычка образовала ледяную кору вокругъ нашего правосознанія; кора эта можетъ растаять только отъ огня чистаго и пламеннаго чело-

вѣколюбія. Во-вторыхъ, онъ нуждается въ глубокой и оригинальной силѣ мышленія, потому что при этомъ вопросѣ надобно разобрать душевный палимпсестъ, исписанный тысячелѣтіями и всѣми народами; надобно разобрать первоначальную рукопись въ палимпсестѣ — первоначальное начертаніе самой природы.

Изъ сочиненія „Die Wissenschaftliche Emancipation der Frau“ von Hedwig Dohm.

VII.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ФРЁБЕЛЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛОЖЕНІЯ ЖЕНЩИНЪ.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Фрёбель, преданный еще устарѣлымъ дидактическимъ теоріямъ, хотѣлъ отдать въ руки мужчинъ дѣло воспитанія, какъ мы узнаёмъ это изъ статей Германа Пеше: «Письма о дѣтскихъ садахъ».

Даже такой человѣкъ, какъ Фрёбель, съумѣвшій прослѣдить чувствованія женщины-матери, — чтó рѣдко вообще встрѣчается между мужчинами,—до того былъ сыномъ своего времени, что ему не приходило въ голову искать дидактическихъ силъ между женщинами до тѣхъ поръ, пока, при дальнѣйшемъ выполненіи своихъ плановъ, онъ долженъ былъ убѣдиться, что для проведенія въ дѣло созданной имъ методы обученія женщина имѣетъ исключительную способность. И вотъ мы видимъ, какъ онъ съ священнымъ одушевленіемъ берется за эту идею, работая для нея и борясь за нее до самой своей смерти. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы живо припоминаемъ и затрудненія, противопоставлявшіяся практическому осуществленію идеи Фрёбеля. Мы знаемъ, какъ жалуется постоянно Фрёбель на безучастное отношеніе женскаго пола къ дѣлу воспитанія. Чтобы найти себѣ ученицъ для выполненія своей мысли на дѣлѣ, онъ вынужденъ былъ ограничить однимъ полугодіемъ весь подготовительный курсъ учительницъ. Не смотря

на это, идея Фрёбеля одержала побѣду въ такомъ видѣ, который привелъ бы въ изумленіе его самого. Какъ искра при благопріятныхъ условіяхъ возгорается до пламени, такъ подѣйствовало стараніе Фребеля привлечь преимущественно женщинъ къ дѣлу воспитанія.

Фрёбель рѣшительно настаивалъ на развитіи мышленія у женщинъ. Прочтите его письма о дѣтскихъ садахъ, и вы найдете подтвержденіе того, что требованіе это у него безпрестанно повторяется.

«Женщины», говорилъ онъ, «должны не только прочитать, но и изучить, не только руководиться своимъ инстинктомъ, но и регулировать его разумомъ». Онъ требуетъ, чтобы онѣ питали въ себѣ высокое одушевленіе идеей и пеклись бы о ней. Онъ рекомендуетъ женщинамъ заниматься изслѣдованіями по исторіи человѣчества и т. д. Тѣмъ, что Фрёбель рѣшительно настаивалъ на образованіи ума, рядомъ съ образованіемъ сердца, данъ былъ имъ толчокъ къ прогрессивному движенію въ умственной области со стороны женскаго пола. Его дѣтскіе сады, его училища для образованія дѣтскихъ садовницъ принадлежали къ числу немногихъ питомниковъ, гдѣ женщины могли отважиться на вступленіе въ область науки и на пріобрѣтеніе въ ней самостоятельности.

Что касается, напримѣръ, выбора учительницъ, то этотъ выборъ до крайности ограниченъ сравнительно съ тѣмъ, чего потребовалъ Фрёбель отъ дѣтскихъ садовницъ. Отъ дѣтскихъ садовницъ, въ смыслѣ Фрёбеля, до научныхъ учительницъ — одинъ только шагъ, и множество женщинъ занятіями въ дѣтскихъ садахъ были побуждаемы идти далѣе по пути, на который онѣ вступали. Съ гордостью видимъ мы, какъ учительница проложила себѣ путь, не смотря на враждебное отношеніе къ ней; все болѣе и болѣе пробивается тотъ взглядъ, что для воспитанія возрастающаго поколѣнія призваны не только мужчины, но и женщины; что вполнѣ полезная дѣятельность, въ смыслѣ Фрёбеля, можетъ выйти только изъ совмѣстныхъ усилій обоихъ половъ.

Преимущественно Фрёбель внушилъ намъ, женщинамъ, смѣлость дѣйствовать публично и сдѣлалъ насъ соучастницами своихъ благотворныхъ трудовъ. Подготовка женщины къ зва-

нію дѣтской садовницы была первымъ рѣшительнымъ дѣломъ на пути эмансипаціи женщинъ.

Такъ какъ Фребель, при своей воспитательной дѣятельности, имѣлъ въ виду весь женскій міръ, то съ этого времени должна была начаться для женщины новая эра относительно ея положенія въ человѣчествѣ. Дѣло шло о томъ, чтобы покончить съ устарѣлыми обычаями. Фрёбель съ горестью сознается, что женщины мало самостоятельны въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ. Въ своихъ письмахъ онъ говоритъ, между прочимъ, что при настоящемъ состояніи общества дѣятельность женщины опредѣляется еще волею мужчины, часто сковывается въ благороднѣйшихъ своихъ склонностяхъ или, по крайней мѣрѣ, отвлекается отъ надлежащаго направленія.

Фрёбель старается представить доказательство тому, что исполненіе общаго призванія не только не вредитъ спеціальному призванію женщины, а, напротивъ, приноситъ ему пользу.

Имѣя въ виду весь женскій полъ, мы можемъ сказать, что Фрёбелю принадлежитъ заслуга привлеченія и развитія—на благо всего человѣчества—силъ женщинъ, оставшихся, во многихъ отношеніяхъ, неразработанными.

Воспитаніе самодѣятельности есть верховный принципъ Фрёбеля и относительно образованія женщинъ. Съ сознаніемъ цѣли должны мы, женщины, идти впередъ; но для этого движенія впередъ требуется еще и дальнѣйшее образованіе нашей умственной жизни. И то, что Фрёбель поставилъ намъ это требованіе въ такое время, когда несравненно болѣе нынѣшняго склонны были называть глупостью всякій серьезный трудъ женщины—этого мы, женщины, никогда не забудемъ.

Прочтите его письма о дѣтскомъ садѣ, чтобы удостовѣриться, какъ высоко онъ ставитъ женщину, и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постоянно требуетъ отъ нея болѣе глубокаго образованія, болѣе сильнаго интереса къ высокимъ идеямъ, и вы убѣдитесь, что женщины вообще съумѣли бы жить для благородныхъ цѣлей, если бы онѣ работали надъ собою въ направленіи, указанномъ Фрёбелемъ.

Если женскій полъ не стоитъ на той высотѣ, на какую хотѣлъ поставить его Фрёбель, то мы все-же должны сознаться, что и въ этомъ отношеніи стало теперь значительно лучше.

Никто уже не удивляется, если женщина создаетъ себѣ самостоятельную дѣятельность.

Трудъ облагораживаетъ! Этотъ принципъ все болѣе и болѣе прокладываетъ себѣ путь и по отношенію къ женщинѣ. Только лѣнивые духовно, одержимые смѣшными предразсудками люди могутъ отдавать преимущество прозябанію и праздности женщины передъ дѣятельнымъ проявленіемъ ея жизненной силы. Съ гордостью можемъ мы взирать на нынѣшнее положеніе женщины, достигнутое ею. Но если мы, женщины, имѣли на то достаточно бодрости и силы, — этимъ мы въ немалой мѣрѣ обязаны *Фрёбелю*.

Изъ статьи: „Fröbels Wirken in Bezug auf die Stellung der Frauen in unserer Zeit", von Clara Streit.

VIII.

ВЗГЛЯДЪ ПИРОГОВА НА ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ И ЗАМѢЧАНІЯ ЛѢСКОВА ПО ЭТОМУ ПОВОДУ.

1.

Въ литературѣ обнаруживается между прочимъ большое разногласіе по вопросу: благоразумно ли открывать женщинамъ доступъ къ наукамъ и къ общественной дѣятельности, или же благоразумнѣе устранить ихъ отъ большихъ знаній и давать имъ только самое простое религіозное воспитаніе, а дѣятельность ихъ ограничить хозяйствомъ и семейными заботами.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ это дѣло вмѣшался графъ Л. Н. Толстой и, не обинуясь, высказался за простое религіозное образованіе, все восприяло такой видъ, какъ будто графъ своимъ словомъ принесъ «огонь на землю». Женщины встревожились. Это неудивительно: гр. Л. Толстой пользуется теперь огромнымъ вниманіемъ во всѣхъ сферахъ общества, и потому его огонь можетъ зажечь пожаръ. Вотъ что и тревожитъ пугливое воображеніе учащихся женщинъ, въ судьбѣ которыхъ ничто не застраховано, а напротивъ все шатко и валко, и все коситъ на сторону. Тревоги эти очень понятны. «Пуганыя птицы куста боятся». Надо вспомнить всѣ тяжести, которыя переносили и переносятъ наши одинокія дѣвушки и покинутыя жены, чтобы понять ихъ положеніе, когда имъ кажется, что у нихъ заду-

мываютъ вырвать изъ рукъ и то малое средство на добываніе хлѣба, которое онѣ себѣ едва, едва добыли, благодаря усиліямъ участливыхъ людей отходящей поры. Безпокойство женщинъ поддерживаетъ совсѣмъ не целибатная теорія безмужія, какъ думаютъ люди, которые не знаютъ жизни. Замужъ выходить готовы почти всѣ, но не всѣмъ это удается. Женскія заботы о правѣ на трудъ въ большинствѣ случаевъ поддерживаются соображеніями чисто экономическаго свойства; жизнь стала очень трудна; мужчины все болѣе и болѣе избѣгаютъ женитьбы, которая для многихъ стала не по средствамъ, и дѣвушкамъ волею-неволею приходится самимъ о себѣ заботиться. Слѣдовательно, надо приспособляться къ новому положенію — *надо учиться*. При этомъ, къ чести нашего времени, женщинамъ не хочется видѣть себя на распутьи, а хочется прожить, обходя тѣ унизительныя положенія, которыя начинаются обожаніемъ, а кончаются обыкновенно отверженіемъ... Женщины чрезвычайно чутки ко всему, что ихъ касается, и легко приходятъ въ безпокойство, когда ихъ пугаетъ неблагопріятное мнѣніе объ ихъ правахъ на трудъ. Отъ того въ современныхъ женскихъ и мужскихъ сужденіяхъ такъ много шума и страстности, что отъ ихъ избытка страдаетъ смыслъ. А потому теперь не безполезно будетъ людямъ услыхать на этотъ счетъ слово такого лица, которое не можетъ быть заподозрѣно ни въ какомъ современномъ сторонничествѣ, и которое, по своему умственному значенію, стоитъ, по крайней мѣрѣ, не ниже того, кто «возжегъ огонь» нынѣшняго спора.

Изъ предисловія Н. Лѣскова къ изданному имъ письму Н. Пирогова къ баронессѣ Э. Раденъ.

2.

Этотъ столь современный женскій вопросъ есть самъ по себѣ послѣдствіе и плодъ радикальнаго стремленія нашего времени и особаго рода міровоззрѣнія. Дѣло теперь не въ эманципаціи

женщинъ, о которой я мечталъ еще лѣтъ 30 тому назадъ, но настоящимъ образомъ значеніе женщины я постигъ только позднѣе при управленіи общиною сестеръ и по опытамъ во время морской кампаніи. Тамъ я могъ ежедневно убѣждаться, присматриваясь къ ихъ обдуманнымъ сужденіямъ и аккуратнымъ дѣйствіямъ, что мы не умѣемъ ни достойно цѣнить, ни разумно употреблять ихъ природный тактъ и чувствительность.

— Женщины должны только быть направляемы мужчинами,—сказала мнѣ однажды покойная великая княгиня, говоря о своей женской общинѣ.

— Это совершенно справедливо, ваше высочество,—отвѣчалъ я,—но справедливо только до тѣхъ поръ, пока женщины будутъ воспитаны по нынѣшнему и пока съ ними будутъ обращаться по той же устарѣлой и безсмысленной методѣ. Но это слѣдуетъ измѣнить, и женщины должны занять мѣсто въ обществѣ, болѣе отвѣчающее ихъ человѣческому достоинству и ихъ умственнымъ способностямъ. Я постарался изложить письменно всѣ собранныя мною впечатлѣнія во время моего управленія общиной и доказать, что сестры не только для ухода за страждущими, но даже въ управленіи многихъ общественныхъ учрежденій, болѣе одарены способностями, чѣмъ мужчины. Но я никакъ не могъ думать, что настанетъ время, когда разрѣшеніе этого диспута насчетъ умственныхъ дарованій обоихъ половъ будетъ представлено съ нынѣшнимъ безстыдствомъ. Теперь какъ бы хотятъ стереть всѣ признаки, отличающія качества мужскія и женскія—хотятъ всѣхъ остричь подъ одну гребенку.

Въ женскомъ вопросѣ позабытъ или, вѣрнѣе, совершенно игнорированъ давнишній, но столь естественный родъ воззрѣнія, по которому «человѣкъ» есть коллективность, состоящая изъ мужчины и женщины, и съ нимъ слѣдуетъ обращаться по его различнымъ, но обоимъ поламъ свойственнымъ дарованіямъ. Чтὸ наши предки у женщинъ отняли, то мы должны возвратить имъ съ лихвой. Это справедливо и обойдется недорого. При томъ мы не должны забывать, что цѣль и путь къ цѣли—одни и тѣже для мужчинъ и для женщинъ, но способы, употребляемые для совершенія этого труднаго пути, должны быть различные, если мы желаемъ быть полезными и пріятными одинъ другому.

Когда я теперь вспоминаю, какъ тогдашнія обстоятельства мало способствовали развитію только-что устроеннаго общества сестеръ, и какъ плохо эти обстоятельства соотвѣтствовали выгодамъ этой организаціи, то я чувствую, что въ самомъ дѣлѣ я принужденъ восторгаться тѣми добрыми результатами, которые дало это женское учрежденіе. *Результаты эти во всякомъ случаѣ доказываютъ, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудныя дарованія нашихъ женщинъ. Эти дарованія ясно доказываютъ, что современный женскій вопросъ и тогда уже былъ въ полномъ правѣ требовать своего* raison d'être.

То, что противники благоразумной эманципаціи женщинъ еще до сего дня утверждаютъ, будто бы велика разница въ организаціи половъ, напримѣръ меньшій вѣсъ въ мозгу и пр.— этого нечего брать во вниманіе, и это никогда не выдержитъ серьезной критики. Женщина, если она получитъ надлежащее образованіе и воспитаніе, можетъ такъ же хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина. При этомъ, главное условіе только то, чтобы женщина всегда сохраняла въ себѣ физіологическую и нравственную женственность и *выучилась не разставаться съ нею*. Это, конечно, не легко, но, однако, возможно, и это именно тó, чтó защитники, какъ и противники женскаго вопроса, упускаютъ изъ виду. *Женщина съ мужскимъ образованіемъ и даже въ мужскомъ платьѣ всегда должна оставаться женственной и никогда не пренебрегать развитіемъ лучшихъ дарованій своей женской природы*. И я рѣшительно не вижу, почему одинаковое общественное положеніе женщины съ мужчиной можетъ помѣшать такому развитію.

Изъ письма Н. И. Пирогова къ баронессѣ Э. Раденъ.

IX.

ОТПОРЪ.

Статья «Zur Haushaltungskunde», помѣщенная въ № 18-мъ 1887 г. журнала «Die Lehrerin», побуждаетъ меня выразить мой взглядъ, раздѣляемый, навѣрно, сотнями учащихъ. Эта оборона направлена собственно не противъ автора упомянутой статьи, Гольдермана, такъ какъ онъ не состоитъ въ числѣ порицателей нашихъ женскихъ учебныхъ заведеній, — а противъ упоминаемыхъ имъ рѣзкихъ нападокъ, претерпѣваемыхъ нами въ послѣдніе годы. Я имѣю въ виду также и то, что авторъ не въ надлежащей мѣрѣ оспариваетъ утвержденіе, будто эти заведенія только тогда могутъ достигнуть должной цѣли, когда они будутъ устроены какъ особый видъ училищъ.

Если этими словами хотятъ сказать, что женскія училища должны обратить особенное вниманіе на организмъ женщины; что здѣсь методы обученія и дисциплины должны быть во многихъ отношеніяхъ иныя, нежели въ мужскихъ училищахъ; что здѣсь, при установленіи учебнаго матеріала, должно постоянно предлагать, насколько это возможно, округленное цѣлое (такъ какъ, собственно, ученіе дѣвушекъ прекращается съ оставленіемъ ими училища, которое не представляется, какъ мужскія гимназіи, только подготовленіемъ къ дальнѣйшему ученію)—то съ этимъ я вполнѣ соглашаюсь. Но если идутъ дальше, утверждая, что женское училище должно быть прямою подготовкою

для женщины, какъ домохозяйки, то въ этомъ я вижу непониманіе задачи учебно-образовательнаго заведенія вообще и насильственное перенесеніе на училище родительскихъ и въ особенности материнскихъ обязанностей.

Въ чемъ цѣль училища, будь оно мужское или женское, городское или сельское, высшее или элементарное?

Облагородить и образовать умъ и сердце учащихся, возбудить въ нихъ пониманіе высокаго, просвѣтить и изощрить разумъ, чтобы наивозможно лучшимъ образомъ приспособить учащихся къ дальнѣйшей жизни и къ ихъ положенію въ ней.

Такъ же мало, какъ и при установленіи учебнаго плана для сельскихъ училищъ, слѣдуетъ прилаживать ихъ исключительно къ условіямъ сельской жизни (иначе какъ несчастны были бы всѣ дѣвушки, отправляющіяся въ городъ въ услуженіе, всѣ молодые парни во время отбыванія ими воинской повинности и т. под.); какъ не образовываются прямо для своего будущаго званія въ элементарныхъ школахъ столяръ, каменьщикъ, слесарь или землепашецъ, фабричный рабочій и т. под., такъ равно—утверждаю я—задача женскаго училища состоитъ не въ подготовкѣ дѣвушекъ спеціально къ домоводству.

Помимо того, что не всѣ дѣвушки предназначены къ домоводству, я полагаю, что тщательное развитіе въ дѣвушкѣ всѣхъ женскихъ добродѣтелей, строжайшее пріученіе ея къ порядку и точности, возбужденіе въ ней чувства долга составляютъ вполнѣ достаточную основу, благодаря которой мать, семья легко могутъ и должны руководить въ домоводствѣ и пріучить къ нему дѣвушку во время посѣщенія ею училища и въ особенности по выходѣ ея изъ него.

Теперь я подхожу къ главной цѣли этихъ строкъ, именно къ отрицанію утвержденія, будто бы женскія училища виновны въ усиливающейся страсти женщинъ къ наслажденіямъ, въ боязни труда и надменности дѣвушекъ образованныхъ классовъ; напротивъ, я отваживаюсь сказать, что почти только на матерей, на недостаточное домашнее воспитаніе, падаетъ сказанный упрекъ и вся отвѣтственность въ этомъ отношеніи. Я говорю: «почти», потому что не хочу отрицать, что многое могло бы быть устранено въ женскихъ училищахъ съ большою пользой.

Спрашивается, напримѣръ: не слѣдуетъ ли ограничить число учителей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ? и далѣе: не успѣшнѣе ли будетъ наша борьба съ тѣмъ, что женское училище дѣлаетъ дѣвушекъ чуждыми практическимъ задачамъ жизни, если мы преподаваніе въ этихъ заведеніяхъ предоставимъ болѣе учительницамъ, нежели учителямъ?

Несомнѣнно, что учительница легче найдетъ приличную для дѣвушекъ манеру обращаться съ учебнымъ матеріаломъ, лучше взвѣситъ правильную мѣру этого матеріала и, уже по своей натурѣ, приведетъ болѣе близкія для дѣвушетъ поясненія и примѣры, равно какъ собственнымъ своимъ примѣромъ, какъ образцомъ, можетъ воздѣйствовать на женскій характеръ облагораживающимъ образомъ, если этотъ образецъ представляетъ собою прекрасное соединеніе дѣятельной умственной жизни съ простымъ, практическимъ смысломъ и семейнымъ чувствомъ.

Я остаюсь при томъ мнѣніи, что все, касающееся прямого руководства къ домоводству, развитія любви къ дому, къ семьѣ и къ домашнимъ, семейнымъ обязанностямъ, — все это есть дѣло дома, семьи, а не школы. По моему мнѣнію, родители должны стыдиться громко заявлять желаніе, чтобы училище нашло способъ ввести ихъ дочерей въ пониманіе домоводства и въ знакомство съ семейными, домашними обязанностями; матери должны бояться высказывать упрекъ дочерямъ, что послѣднимъ недостаетъ охоты и интереса къ домовитости, такъ какъ тяжесть этого упрека падаетъ единственно на самихъ матерей.

Риль, въ своимъ сочиненіи «Семья» (Die Familie), говоритъ: «Образуйте дѣвушекъ такъ, чтобы онѣ были стражами общественной нравственности; наставьте ихъ такъ, чтобы онѣ научились въ домѣ, въ семьѣ самоограниченію; а ихъ нравственность, наблюденіе за которой черезъ-чуръ перешло въ руки училища, предоставьте въ большей мѣрѣ опять семьѣ».

Я понимаю эти слова такимъ образомъ, что не слѣдуетъ все болѣе и болѣе предоставлять училищу того, что̀ составляетъ принадлежность дома, семьи. Неужели матери хотятъ лишить себя своей драгоцѣнной привилегіи—самодѣятельно принимать участіе въ воспитаніи своихъ дочерей? Конечно, не всякая мать можетъ сама обучать дѣтей своихъ, но всякая мать въ состоя-

ніи сама воспитывать ихъ; она можетъ съ раннихъ поръ пріучать ихъ къ извѣстнымъ занятіямъ въ домѣ, семьѣ, къ небольшимъ услугамъ, внушаемымъ чувствомъ любви; она можетъ возбудить въ нихъ интересъ къ домашнимъ семейнымъ обязанностямъ, если дѣти видятъ, что сама мать исполняетъ эти обязанности съ любовью и преданностью; она можетъ ознакомить дѣтей съ тѣмъ довольствомъ и счастьемъ, какія доставляютъ сердечная семейная жизнь и управленіе благоустроеннымъ домомъ. Но, положа руку на сердце, скажите вы, матери, сколько изъ сказаннаго приносятъ съ собою въ жизнь ваши дочери, какъ добрую привычку? Насколько поучителенъ былъ для нихъ вашъ просвѣщающій примѣръ? Пріучаете ли вы ихъ ежедневно, ежечасно, съ неутомимымъ терпѣніемъ и съ непоколебимою энергіею къ домашнимъ, семейнымъ обязанностямъ?

Поручайте имъ съ ранняго возраста нѣкоторыя обязанности, строго слѣдите за ихъ исполненіемъ, порицайте всякую небрежность, хвалите исполнительность и награждайте вашею признательностью и усиленною любовью.—Учите ли вы такимъ образомъ вашихъ дочерей полюбить свой домъ, свою семью, находить счастье и довольство въ служеніи другимъ, въ помощи имъ и производительной дѣятельности въ своемъ небольшомъ кружкѣ? Или же вы спѣшите перейти отъ одного удовольствія къ другому, съ отвращеніемъ и жалобами исполняете свои обязанности въ домѣ, проводите время, принадлежащее дому, на улицахъ и въ обществѣ, зачитываетесь романами и т. под.?

Къ сожалѣнію, это—такъ, и многія матери, часто тѣ самыя, которыя горько жалуются на то, что училище отнимаетъ охоту и время отъ домашнихъ занятій у ихъ дочерей, сами удерживаютъ отъ нихъ дочерей своихъ, хотя удерживаютъ, быть можемъ, и безсознательно. Дѣвочки 10 — 14 - лѣтняго возраста должны уже вмѣстѣ съ матерями ѣздить по театрамъ и концертамъ, посѣщать вечеринки и балы. Къ этому ихъ побуждаетъ отчасти тщеславіе матерей, отчасти ихъ собственная страсть къ наслажденіямъ. А какъ часто отравляются юныя души дѣвушекъ вреднымъ, большею частью глупымъ содержаніемъ романовъ, прочтенныхъ ими безъ предварительнаго просмотра и одобренія!

Не говорите мнѣ, что наши дочери обременены уроками въ

училищахъ и задачами на дому, и потому-де мы можемъ дозволить имъ употреблять ихъ кратковременный досугъ на разныя удовольствія и не желаемъ мучить ихъ еще и домашними занятіями. Во-первыхъ, не должно служить для нихъ удовольствіемъ то, что подрываетъ ихъ здоровье или же составляетъ нездоровую пищу для ихъ сердца; а во-вторыхъ, вы, матери, сами большею частью виновны, если ваши дѣти принуждены слишкомъ много работать. Такъ, напримѣръ, ваши дочери, какъ бы трудно ни было для нихъ ученье, обязываются пройти въ предписанный уставомъ срокъ всѣ классы, если даже вслѣдствіе болѣзни и продолжительнаго манкированія явились большіе пробѣлы въ курсѣ ихъ ученія.

Заканчиваю сердечнымъ напоминаніемъ матерямъ, въ руки которыхъ попадутся эти строки: не закрывайте насильно глазъ вашихъ и не взваливайте на другихъ вину вашу, тяжко самихъ васъ гнетущую! Богъ, наградивъ васъ дѣтьми, возложилъ на васъ вмѣстѣ съ тѣмъ важную, отвѣтственную и драгоцѣнную задачу. Не школа, а вы должны и можете образовать изъ вашей дочери благонравную хозяйку и ангела-хранителя благословенной домовитости. Сѣйте уже съ раннихъ поръ заботливою рукою вашей благія сѣмена, зорко наблюдайте за ростомъ ихъ, но не передавайте на чужое попеченіе и заботу то, чтó поручено вамъ самимъ.

Ко всѣмъ учительницамъ, въ особенности къ служащимъ въ училищахъ, я обращаюсь съ такимъ воззваніемъ: не допускайте, чтобы задача наша была надолго отложена; не захватывайте правъ и обязанностей домашняго воспитанія! Заботьтесь добросовѣстно о жизни сердца вмѣстѣ съ жизнью ума вашихъ ученицъ; тогда не падетъ на васъ тотъ упрекъ, что училища отчуждаютъ отъ практическихъ задачъ жизни; тогда и безъ преподаванія науки домоводства въ женскихъ училищахъ вы будете способствовать выполненію назначенія женщины, ея природной миссіи.

Изъ статьи „Abwehr“, von Amanda Prüfer.

X.

ГРАЖДАНКА.

Я ищу здѣсь отвѣта на вопросъ: почему у государства перевязана половина его артерій? Почему въ государствѣ нѣтъ гражданки? Странно, что, отыскивая причину такого факта, я нахожу вмѣсто нея слѣдствіе этой причины, съ рѣзкостью и опредѣленностью представляющееся открытымъ глазамъ каждаго. Этого слѣдствія нельзя отрицать, нельзя обойти; всякій мыслящій человѣкъ долженъ видѣть его и долженъ признать, что государство, спеціально наше государство, страдаетъ недугомъ, и что его недугъ обнаруживается въ наше время тремя различными симптомами.

Первый симптомъ,—о которомъ и по времени заговорили впервые,—большой и все увеличивающійся избытокъ женщинъ, живущихъ внѣ брака.

Эти, осужденныя на бездѣятельность, душевныя и физическія силы должны дѣйствовать вредно на здоровье и процвѣтаніе всего государственнаго организма и привести его современемъ въ разстройство, если не будетъ устранена эта ненормальность.

Второй симптомъ болѣзни нашего времени—это недостатокъ любви къ отечеству.

Третій симптомъ предсталъ нашимъ взорамъ въ дѣятельности соціалъ-демократовъ за послѣдніе годы и далъ замѣтить

даже неспособнѣйшимъ къ мышленію людямъ, что, вѣроятно, есть нѣчто гнилое въ государствѣ, что какая-то причина мѣшаетъ здоровому кровообращенію въ государственномъ организмѣ, и что слѣдуетъ найти какое-либо средство для возстановленія этого кровообращенія.

Причину всѣхъ трехъ проявленій современной болѣзни я, мнѣ кажется, нашла въ томъ вышеупомянутомъ фактѣ, что въ государствѣ нѣтъ гражданки, которая стояла бы наряду съ гражданиномъ.

Какъ этотъ недостатокъ есть причина сказанной болѣзни, такъ средство къ ея устраненію, и притомъ средство безошибочное, будетъ состоять въ появленіи женщины, которая станетъ воплощенною, истинною гражданкою государства.

Но, вообще говоря, государство искони обращается со своими подданными женскаго пола не какъ съ родными дѣтьми, а какъ съ падчерицами; обращается съ ними такъ, какъ будто бы онѣ для него вовсе не существуютъ, какъ будто оно можетъ совершенно обойтись безъ нихъ. Вотъ это именно теперь отомщается государству и отомстится еще ужаснѣе, если государство не сдѣлаетъ поворота и не распространитъ на всѣхъ своихъ членовъ равныхъ попеченій и равныхъ правъ. Пока государство не устроитъ для женщинъ учебныхъ заведеній, подобныхъ заведеніямъ, устроеннымъ уже для мужчинъ, до тѣхъ поръ женщина въ правѣ жаловаться на неисполненіе государствомъ въ отношеніи къ ней его обязанностей.

Стоя передъ рѣшеніемъ вопроса, какъ должны быть вызваны къ жизни и устроены сказанныя учебныя заведенія для будущихъ гражданокъ, я не могла отрѣшиться отъ того убѣжденія, что эти заведенія должны быть общими для всѣхъ званій и состояній, по крайней мѣрѣ до 12-ти-лѣтняго возраста ученицъ.

Только такое обязательное государственное учебное заведеніе для всѣхъ безъ исключенія дѣвушекъ было бы въ состояніи дать настоящую и солидную основу для женскаго образованія. Я признаю такое учебное заведеніе, какъ единственно полезное для дѣвушекъ, по слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ, черезъ это ученицы взаимно выигрываютъ въ различныхъ отношеніяхъ. На сторонѣ дѣтей бѣднѣйшихъ клас-

совъ выгода та, что они ежедневно имѣютъ передъ глазами примѣры хорошихъ манеръ, большей опрятности; а дѣтямъ образованнѣйшихъ классовъ ихъ прочія соученицы нерѣдко служатъ поощреніемъ къ прилежанію, образцами энергическаго труда и выносливости. Затѣмъ обѣ стороны, вслѣдствіе такого совмѣстнаго обученія, пріобрѣтаютъ большую ясность и многосторонность міровоззрѣнія, а съ этимъ вмѣстѣ болѣе справедливое и человѣколюбивое сужденіе о всемъ, происходящемъ въ жизни. Напротивъ, жизнь показываетъ, какъ пагубно дѣйствуетъ на женскій характеръ разъединеніе различныхъ званій и состояній въ школахъ, разъединеніе, питающее съ одной стороны глупое тщеславіе и притязательную надменность, а съ другой—отчужденность, какъ слѣдствіе униженія, и враждебность.

Государство обязано воспитывать своихъ подданныхъ женскаго пола; но воспитывать съ успѣхомъ государство можетъ только тогда, когда оно противодѣйствуетъ всякому произволу, всякимъ сепаративнымъ интересамъ и желаніямъ индивидовъ и сословій.

Кромѣ школы, государство нуждается еще въ другомъ союзникѣ, чтобы одержать побѣду надъ тьмою, чтобы привести народъ свой къ свѣту, къ высшей нравственности и высшему благосостоянію. Такой союзникъ, котораго оно должно привлекать къ себѣ всѣми средствами, есть женщина. Для этого нужно, чтобы женщина живо чувствовала свою принадлежность къ родинѣ, въ обширномъ смыслѣ этого слова; чтобы она была увѣрена въ признаніи ея членомъ государства, принимающимъ участіе во всемъ, касающемся ея отечества. Она должна сознавать тѣсную связь своего благосостоянія, мира и счастья съ благосостояніемъ своего отечества; она должна сознавать свое съ нимъ единство всегда и вездѣ, въ радости и горѣ, во время войны и во время мира. Только тогда женщина будетъ важнѣйшею опорою всего государственнаго порядка и надежнѣйшею порукою постояннаго, неопрометчиваго, но, однако же, и неостанавливающагося прогрессивнаго развитія. Несомнѣнно, съ такою гражданкою государство будетъ стоять какъ бы построеннымъ на скалѣ, твердо и безопасно съ внѣшней стороны и непоколебимо внутри себя. Но что̀ сдѣлано или, лучше сказать, что̀ не сдѣлано, чтобы осуществить въ жизни такой заманчивый образъ?

Гдѣ тѣ нити, которыми привязана наша женщина къ государству? Гдѣ тѣ заботы, которыми окружаетъ ее государство? Гдѣ та опора, которую оно ей предлагаетъ? Гдѣ друзья женщины среди народа?

Государство, при благопріятныхъ условіяхъ, есть для нея неизвѣстная величина; въ противномъ случаѣ, оно можетъ показаться ей чудовищемъ, въ пасть котораго она бросаетъ подати со своего имущества и своихъ сыновей, выращенныхъ и воспитанныхъ съ трудомъ и нуждою.

Еще недавно я спорила съ однимъ ученымъ относительно этого вопроса. Этотъ старый философъ утверждалъ, что государство вовсе не имѣетъ своей прямой задачей воспитывать дѣльныхъ матерей и домохозяекъ; другое дѣло—воспитаніе юношей; тутъ оно трудится для достиженія своихъ цѣлей, для образованія полезныхъ, дѣльныхъ гражданъ.

Какъ будто государство не трудится для достиженія своихъ цѣлей, когда оно воспитываетъ гражданокъ мыслящихъ, религіозно-нравственныхъ и исполненныхъ любви къ отечеству?! Женщина, по натурѣ своей и по своему положенію, есть консервативный элементъ въ государствѣ, и хорошая, энергическая мать представляетъ собой государству ручательство вѣрности гражданъ, вышедшихъ изъ ея семьи.

Поэтому вліяніе государства на воспитаніе женщины, ея тѣсная съ нимъ связь не должны оканчиваться съ выпускомъ ея изъ школы; поэтому государство не должно ограничиваться тѣмъ обученіемъ и воспитаніемъ, которыя даются женщинѣ государствомъ въ ея юные годы. Это воспитаніе и обученіе должны продолжаться и по окончаніи ея пребыванія въ школѣ и дѣйствовать постоянно, въ теченіе всей ея жизни. Государство должно пріискивать средства и пути къ тому, чтобы удовлетворить справедливымъ требованіямъ женщины; чтобы быть для нея опорою въ борьбѣ съ жизненными заботами; чтобы являться ея наилучшимъ другомъ и совѣтникомъ повсюду, гдѣ она до сихъ поръ, безпомощная, упавшая духомъ, въ отчаяніи проклинала судьбу свою. Государство обязано принять участіе въ ея страданіяхъ и полностью возстановить всѣ права, подобающія женщинѣ.

Сверхъ учрежденія вышепоименованныхъ мною первоначальныхъ школъ для женщинъ всякаго званія и состоянія, гдѣ дѣвушки должны оставаться до 12-ти-лѣтняго возраста, государство обязано учредить еще среднія и высшія учебныя заведенія, гдѣ женщины могли бы получать дальнѣйшее образованіе. Изъ числа учебныхъ заведеній, имѣющихъ въ виду снисканіе женщиною средствъ къ ея существованію или спеціальную отрасль женскаго призванія, теперь имѣется,—не говоря о заведеніяхъ собственно для приготовленія учительницъ, единственномъ родѣ училищъ, государствомъ узаконенныхъ и признанныхъ имъ необходимыми,—только училища для образованія акушерокъ.

Но, кромѣ нихъ, сколько еще иныхъ училищъ могло бы учредить государство для обученія и воспитанія женщинъ, какъ будущихъ своихъ гражданокъ, руководясь той благотворною мыслью, положенною въ основаніе предлежащей статьи, что государству должны быть равно близки всѣ его члены, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола. Гражданки, какъ и граждане, составляютъ необходимые элементы для благосостоянія государства и для его развитія физическаго, или матеріальнаго, умственнаго, или интеллектуальнаго, и религіозно-нравственнаго!

Изъ сочиненія: „Die Staatsbürgerin“, von Mathilde Reichardt Stromberg.

XI.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА.

Съ такъ-называемымъ женскимъ вопросомъ происходитъ то же самое, что и съ вопросомъ соціальнымъ, подъ которымъ люди разумѣютъ то одно, то другое, и спорятъ о своихъ идеалахъ и желаніяхъ, прежде чѣмъ согласятся между собою въ томъ, чтó именно понимаютъ они подъ этими словами.

Въ женскомъ вопросѣ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, объ улучшеніи участи женщинъ; но одни хотятъ улучшить нравственное положеніе женщинъ, другіе—экономическое, а третьи—политическое. При этомъ каждый имѣетъ еще свои особенныя желанія, которыя относятся то къ семьѣ и браку, то къ образованію и пріобрѣтенію средствъ къ жизни, то къ публичной дѣятельности женщинъ и къ ихъ участію въ общеполезныхъ стремленіяхъ. Поэтому кто хочетъ съ успѣхомъ участвовать въ рѣшеніи великой проблемы, называемой женскимъ вопросомъ, тотъ долженъ прежде всего надлежащимъ образомъ ограничить область своего изслѣдованія; онъ долженъ также противопоставить обычной нынѣ всеобщности теорій и пожеланій либо обвиненій безстрастное изслѣдованіе извѣстныхъ отдѣльныхъ вопросовъ.

При этихъ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ не должно забывать того, безъ чего прежде слишкомъ часто думали обойтись: точной статистической основы.

Прежде всего надо статистически дознать важнѣйшіе факты, относящіеся до женскаго вопроса, и поставить въ извѣстность сколько теперь имѣется женщинъ и дѣвушекъ въ той странѣ или общинѣ, бытъ которой желаютъ улучшить, и въ какомъ числовомъ отношеніи находится тамъ мужской полъ къ женскому. Потомъ слѣдуетъ дознать, сколько лицъ женскаго пола не замужемъ, сколько замужемъ, сколько осталось во вдовствѣ и сколько разведенныхъ, и въ какомъ именно возрастѣ среднимъ числомъ состоятъ женщины этихъ главныхъ группъ.

Не менѣе важно опредѣлить положеніе женщинъ въ домоводствѣ, а именно: имѣютъ ли онѣ свое собственное домашнее хозяйство, или же живутъ какъ жены, дочери, служанки, работницы, мастерицы и наймички въ чужомъ домѣ.

Еще бо́льшее значеніе имѣетъ для рѣшенія женскаго вопроса изслѣдованіе нынѣшняго участія женщинъ въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни вообще и подраздѣленіе женщинъ на самостоятельно или несамостоятельно занимающихся какою-либо главною или побочною спеціальностью. Необходимо затѣмъ включить женщинъ, пріобрѣтающихъ средства къ жизни, въ извѣстныя, отдѣльныя группы по ихъ спеціальнымъ занятіямъ.

Только при помощи такой статистики народонаселенія и его занятій можно добыть основу для сужденія о нынѣшнемъ положеніи женскаго населенія въ разныхъ странахъ и общинахъ.

Когда будетъ собранъ такой матеріалъ, то затѣмъ рекомендуются спеціальнѣйшія соціально-статистическія изысканія, уясняющія, насколько женскій полъ достигъ высшей общей и спеціальной образованности, каковы жалованье и заработная плата за труды женщинъ, какія устроены для послѣднихъ благотворительныя заведенія, какое участіе принимаетъ женскій полъ въ эмиграціи, въ пособіяхъ бѣднымъ, въ нищенствѣ, въ наказаніяхъ, преступленіяхъ и самоубійствѣ.

Изъ статьи: „Die Frauenfrage in statistischer Beleuchtung", von Victor Böhmert.

XII.

РАБОТА НАДЪ САМИМЪ СОБОЙ.

Высшее достоинство человѣка состоитъ въ томъ, что онъ носитъ образъ и подобіе своего Творца. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему поставлены разностороннія задачи, которыя онъ обязанъ исполнять. Труднѣйшая, благороднѣйшая и, можно сказать, объемлющая всѣ прочія задачи — это работа надъ своею собственною личностью, надъ самимъ собой.

Человѣкъ можетъ и долженъ творить многое, и съ этой стороны онъ подобенъ своему вѣчно творящему первообразу; онъ долженъ быть также творцомъ своего собственнаго *я*; его личность должна быть произведеніемъ его собственнаго творчества.

Человѣкъ подчиненъ великому закону развитія, но до какой степени и въ какомъ направленіи развивается онъ, это зависитъ отъ него самого. Работа надъ развитіемъ своего существа, это—его честь, это серьезная и въ то же время величественная задача.

Много сѣмянъ положено въ душу человѣка; онъ можетъ дать имъ заглохнуть или же можетъ выростить ихъ. Чѣмъ совершеннѣе разовьетъ онъ свои способности, тѣмъ богоподобнѣйшій образъ придастъ онъ своей личности.

Мы принадлежимъ къ двоякому міру: къ царству чувственному и къ царству духовному; поэтому мы и воспріимчивы

въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, постоянно говоритъ нашему духу міръ, подлежащій чувствамъ, и даетъ ощущать себя, какъ нѣчто реальное; съ другой стороны, душа живетъ жизнью внутренней, проявляющейся не менѣе ощутительно.

Всякая неразвитая душа живетъ этою разнородною жизнью, не сознавая того; но достоинство человѣка требуетъ между прочимъ, чтобы все, переживаемое имъ внѣ или внутри себя, онъ проникалъ яснымъ сознаніемъ и обнималъ своимъ мышленіемъ. Гдѣ развитіе человѣческаго духа идетъ впередъ естественнымъ путемъ, тамъ рано или поздно пробуждается глубокая потребность добиться ясности и притомъ ясности во всемъ томъ, что касается его существа.

Міръ, окружающій насъ и такъ разнообразно на насъ вліяющій, кажется намъ какъ бы великимъ вопросомъ о томъ, откуда онъ и въ чемъ его цѣль. Міръ этотъ указываетъ намъ на живое, личное Божество, въ которомъ мы находимъ единственно удовлетворяющій насъ отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи всего существующаго. Чудное твореніе требуетъ и чуднаго творца, который открылъ свою вѣчную силу и свою божественность въ своихъ твореніяхъ. Что̀ можетъ быть возвышеннѣе, какъ идти по слѣдамъ такого творца и видѣть съ священнымъ интересомъ, какъ онъ осуществилъ мысль своей премудрости въ дѣлахъ своего всемогущества!

Еще опредѣленнѣе открывается Творецъ въ исторіи, предлагающей нашимъ взорамъ благія дѣла Божіи и развитіе человѣчества. Здѣсь чувству вѣрующаго раскрывается любовь Божія къ своимъ твореніямъ; здѣсь находитъ себѣ разрѣшеніе вопросъ: «для чего» (о цѣли)?

Какъ ни темны порою образы исторіи, однако же мы всегда можемъ видѣть въ ней свѣтящуюся нить любви, той любви, которая съ безпредѣльнымъ терпѣніемъ направляетъ все къ цѣли, какъ ни часто задерживается ходъ исторіи безуміемъ или злобою.

Когда мы увѣруемъ и познаемъ любовь, какъ основу всего бытія, тогда мы вступимъ на путь, ведущій къ рѣшенію самаго жгучаго вопроса, т.-е. вопроса о нашей сущности и нашемъ предназначеніи. Ставить вопросы легко, но отвѣчать на нихъ трудно. Нужны бодрость духа и выдержанность, чтобы

дойти до самаго конца, потому что много темнаго, даже непроницаемо-темнаго встрѣчается на этомъ пути, и одинъ вопросъ всплываетъ за другимъ.

Кто же ничего не знаетъ объ этомъ исканіи, и кто не чувствуетъ въ себѣ ни малѣйшаго стремленія къ свѣту, у того не развита одна изъ существеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ сторонъ человѣческой натуры, тотъ не сознаетъ вполнѣ своего человѣческаго достоинства, а такихъ людей, къ сожалѣнію, довольно много.

Иные думаютъ—по большей части, это женщины,—что глубокое изслѣдованіе превышаетъ ихъ мыслительную способность, и что подобные вопросы составляютъ область, недоступную для женскаго пола. Ошибочность этого взгляда откроется, коль скоро мы глубже познаемъ натуру человѣческаго духа.

Творецъ снабдилъ человѣка такимъ обиліемъ способностей, конечно, лишь съ тою цѣлью, чтобы онъ развивалъ ихъ все болѣе и болѣе и такимъ образомъ созрѣвалъ на пути къ достиженію цѣли, поставленной ему Богомъ. Если природа не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, то зародыши раскрываютъ во всей полнотѣ все въ нихъ содержащееся, а потому не можетъ быть согласно съ природою, чтобы способности человѣческаго духа оставались неразвитыми.

Какъ сѣмя воспріимчиво къ вліянію на него тѣхъ элементовъ, которые понуждаютъ его къ развитію—къ почвѣ, воздуху, солнечному свѣту и теплотѣ, такъ и человѣкъ снабженъ органами, которые воспріимчивы ко всѣмъ вліяніямъ, дѣлающимъ возможнымъ его духовное развитіе.

Какъ растеніе обращается къ солнцу, такъ душа наша стремится къ свѣту истины.

Да, влеченіе къ знанію такъ сильно, что говорятъ о *жаждѣ знанія*.

Что̀ совершается растеніемъ по необходимости, то въ человѣкѣ предоставлено его волѣ; онъ можетъ задержать развитіе своихъ душевныхъ способностей, такъ что онѣ мало-по-малу умрутъ, и его душа, предназначавшаяся къ безконечному расширенію, какъ бы съежится. Чтобы воспрепятствовать этому, мы должны—это звучитъ такъ просто—искать пищи для нашего духа, образовать его, стремиться къ истинной образованности.

Образованность же не слѣдуетъ смѣшивать съ ученостью. Масса скученныхъ свѣдѣній не составляетъ еще образованности. Для нея, конечно, требуется извѣстная мѣра свѣдѣній, но, можетъ быть, мéньшая, нежели это часто полагаютъ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія достаточенъ уже ясный обзоръ ихъ, и въ наше время многимъ дается тотъ фундаментъ, на которомъ можно возводить все зданіе общей образованности. Кто же стремится къ высшему, тотъ долженъ сперва избрать себѣ одну только науку и углубиться въ нее съ полною серьезностью.

Основательно овладѣвъ одною такою областью знанія и исходя изъ нея, онъ безъ труда пойметъ сродныя съ нею явленія, такъ какъ всѣ области знанія состоятъ въ связи между собою.

Истинно образованный человѣкъ не довольствуется сырымъ матеріаломъ, который можетъ быть употребленъ имъ для внѣшнихъ, полезныхъ цѣлей. Онъ старается одухотворить этотъ сырой матеріалъ, превратить его въ свою внутреннюю собственность. Такимъ образомъ его органы станутъ воспріимчивѣе, его кругозоръ обширнѣе, его сужденія остроумнѣе. Все болѣе и болѣе будетъ онъ чувствовать потребность, влеченіе понять міръ, проникнуть сущность вещей. Образованный человѣкъ стремится къ познанію взаимной связи явленій между собою; онъ обращаетъ свой взоръ преимущественно на общіе законы.

Могущественнѣйшее споспѣшествованіе нашему самообразованію рождается, безъ сомнѣнія, изъ того, чѣмъ открывается для насъ сущность Божества и сущность предназначенія нашей собственной личности.

Но можемъ ли мы обнять Безконечное пядью нашего ума? Обнять его сущности мы не можемъ, но понять нѣкоторыя ея черты и передумать мысли, воплощенныя имъ въ его твореніяхъ. Наша обязанность стараться понять Его обусловливается тѣмъ, что это пониманіе входитъ въ составъ того блаженства, которому Онъ предназначаетъ насъ; начало этого пониманія достижимо для насъ уже и здѣсь, на землѣ. При желаніи нашемъ постигнуть что-либо изъ сущности Божества, мы не должны забывать, что мы сами—Его образъ и подобіе; что мы можемъ, слѣдовательно, исходя изъ себя, дѣлать заключеніе о нашемъ

Первообразѣ и тѣмъ самымъ пріобрѣсть представленіе о немъ, стараясь свои конечныя свойства возвести до степени безконечнаго.

Все больше и больше познавать нашу собственную натуру съ ея способностями и потребностями, наше чудное существо съ его загадками, должно стать для насъ внутреннею необходимостью; нѣтъ предмета, который могъ бы быть ближе къ намъ.

Тайны души, свѣтлыя и темныя стороны человѣчества раскрываются намъ именно въ произведеніяхъ поэзіи. Въ наше время читаютъ очень много; но большинство любимыхъ романовъ не стóитъ чтенія; душа не выноситъ изъ него истинной пользы, и чтеніе ихъ есть потеря времени.

Есть, однако, такія сочиненія, которыя никогда не теряютъ своей привлекательности, такъ какъ въ нихъ отражается всеобщее исканіе истины со стороны человѣчества; вотъ такія-то сочиненія преимущественно и должно выбирать для себя, должно читать ихъ и перечитывать. Время, употребляемое на ихъ чтеніе, вознаграждается сторицею. Мы должны научиться смотрѣть на время, какъ на драгоцѣнное благо, какъ на форму, которую мы обязаны наполнить вѣчнымъ содержаніемъ. Никакая часть времени не должна пройти безъ того, чтобы мы не дѣлались все болѣе и болѣе богатыми и зрѣлыми умственно, чтобы въ продолженіе этого времени не занялись чѣмъ-либо такимъ, отъ чего не остался бы въ душѣ нашей плодотворный осадокъ. Мы испытываемъ весьма угнетающее чувство, оставляя позади себя время, которое мы должны назвать потеряннымъ. Мы обязаны обращать вниманіе на каждый часъ и хорошенько повѣрять, не осталось ли безъ благотворнаго значенія для насъ время, которое мы посвятили обществу, дружеской бесѣдѣ, и т. п.

Такимъ образомъ наша жизнь получаетъ содержаніе, становится для насъ занимательною и раскрываетъ все новыя и новыя прелести; при этихъ условіяхъ становится невозможнымъ испытывать пресыщеніе жизнью.

Жизнь представляетъ такое разнообразіе богатствъ! Нужно только, чтобы мы умѣли находить ея сокровища и пользоваться

ими. Мы окружены чудесами; мы должны только владѣть органами къ ихъ воспріятію.

Часто самое малое раскрываетъ передъ нами такую красоту и мудрость, которыя приводятъ насъ въ изумленіе.

Правда, конечно, что просвѣтленный взоръ стремящагося къ истинѣ и изслѣдующаго ее человѣка, замѣчаетъ и темныя, мрачныя стороны жизни; правда, что разнообразныя скорби тягостнымъ бременемъ ложатся на его сострадательную душу; но постоянно ищущій истины взоръ видитъ за предѣлами скорби идеальное царство, гдѣ исчезаетъ всякій земной страхъ, и гдѣ совершается вѣчное примиреніе.

Когда мы видимъ, что природа раскрываетъ передъ нами красоту, далеко оставляющую позади себя практическую полезность, не должно ли это быть для насъ предсказаніемъ того, что красота и гармонія и представляютъ собою цѣль сущаго? Кто созрѣлъ до степени самоудовлетворяющей личности, тотъ достигъ уже многаго: величіе сущаго наполняетъ его ни съ чѣмъ несравнимымъ удивленіемъ и благоговѣйнымъ восторгомъ, и при всей наполняющей его душу скорби его не покидаетъ та живая надежда, что въ концѣ концовъ все будетъ хорошо. Восторгъ такого рода, безъ сомнѣнія, свободенъ отъ эгоизма; онъ облагораживаетъ душу. Глубокая преданность великой мысли освобождаетъ душу отъ узъ эгоизма и мелочныхъ интересовъ; она дѣлаетъ также человѣка смиреннымъ. Истинно образованный человѣкъ скроменъ; только полуобразованный— не сознаетъ, что его пониманіе есть не болѣе, какъ зачаточное.

Съ другой стороны, истинно образованный человѣкъ не впадаетъ въ отчаяніе, когда въ сравненіи съ величавымъ зданіемъ всѣхъ наукъ, его собственное знаніе является столь ничтожнымъ; истинному образованію свойственно радостное стремленіе схватить мало-по-малу нѣсколько лучей свѣта истины, чтобы просвѣтиться и согрѣться ими. Ясно также, что образованіе нашихъ интеллектуальныхъ способностей споспѣшествуетъ и образованію характера.

Изо всего сказаннаго вытекаетъ, что дальнѣйшее образованіе самого себя есть такое требованіе, которое находитъ свое глубокое обоснованіе въ натурѣ человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и то, что та же обязанность лежитъ и на женщинѣ. Иногда насъ,

женщинъ, упрекаютъ въ томъ, что мы разсуждаемъ не объективно; и въ самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать того, что мы склонны утверждать на основаніи нашихъ чувствованій или предвзятыхъ мнѣній. Вслѣдствіе этого наши разсужденія, какъ говорятъ, не имѣютъ яснаго, твердаго взгляда на жизнь. Не то было бы, если бы мы стремились къ основательному образованію нашей мыслительной способности; если бы мы, учительницы, трудились ревностнѣе, основательнѣе надъ нашимъ дальнѣйшимъ образованіемъ. Кто намѣренъ воспитывать другаго человѣка, для того самовоспитаніе должно быть священною обязанностью. Кто хочетъ указывать другому на цѣль и на путь къ ней, тому должны быть ясны эта цѣль и этотъ путь. Кто хочетъ содѣйствовать раскрытію дремлющихъ способностей женской души, тотъ долженъ самъ знать свою собственную душевную жизнь, долженъ обладать пониманіемъ своеобразной натуры души и законовъ ея роста. Кто хочетъ возбудить въ другихъ любовь ко всему прекрасному и великому, тотъ долженъ напередъ возжечь въ своей собственной душѣ эту любовь, это воодушевленіе. Работающая надъ собою воспитательница, если дисгармоническіе звуки коснутся ея души, всегда съумѣетъ снова настроить ее гармонически и тѣмъ самымъ заставить звучать въ другой душѣ благозвучныя струны.

По истинѣ говоря, для того, кто порученъ будетъ руководительству учащаго, идущаго впередъ въ своемъ образованіи, такое руководительство не останется безплоднымъ.

Прелесть обученія именно и состоитъ въ умѣніи перенести изъ своего сердца въ сердце другаго воспламеняющую жизненную искру,—вотъ что̀ дѣлаетъ это призваніе священнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ.

Всякая великая личность, стоящая, какъ свѣтлый образъ передъ взорами человѣчества, должна была напередъ исполнить надъ собой сказанную работу.

«Какое мастерское произведеніе—человѣкъ, безграничный по своимъ способностямъ!» сказалъ Шекспиръ въ своемъ «Гамлетѣ». Кто научился повторять это изреченіе съ удивленіемъ и благодарностью, тотъ пришелъ къ убѣжденію о значеніи и величіи своей личности. Чѣмъ серьезнѣе будетъ онъ затѣмъ работать надъ самимъ собою, вслѣдствіе сказаннаго сознанія, тѣмъ

ими.
нами
Ч.
и му
исти
мра
тяг
но
ид
со

к

XIII.

ЖЕНЩИНА ВЪ ОБЛАСТИ ПРАВА.

Экономическое и юридическое положеніе женщины есть въ настоящее время вопросъ открытый. Многія значительныя сочиненія стараются обнять его во всей цѣлости, между тѣмъ какъ частныя преобразованія постепенно вводятся въ промышленную дѣятельность и въ законы.

Мы не льстимъ себя надеждою внести что-либо новое въ пренія по этому вопросу; то, что мы чувствуемъ въ себѣ потребность высказать,—было уже высказано и высказано очень хорошо. Однако же послѣ нѣкотораго колебанія мы взялись за перо: истины находятъ себѣ приложеніе въ жизни только послѣ многократнаго ихъ повторенія, и притомъ всякій новый толкователь повторяетъ ихъ, такъ сказать, на своемъ особомъ языкѣ и со своимъ особымъ удареніемъ. Наша цѣль при начертаніи этихъ строкъ состоитъ въ томъ, чтобы разложить сказанный вопросъ на самые простые его элементы. Очевидно, что вопросъ о правахъ женщины поглощается въ общемъ вопросѣ существованія права и разрѣшается съ нимъ вмѣстѣ. Если законъ есть не чтò иное, какъ воля сильнѣйшаго и ни чѣмъ инымъ быть не можетъ; если не законно сравненіе между тѣмъ, чтó есть и чтò должно быть; если это слово «законно» не имѣетъ своего особаго смысла; если нѣтъ нравственнаго порядка и нѣтъ права, то философскій вопросъ о правахъ женщины сводится

къ тому, какое положеніе должны обладатели власти дать женщинѣ, обращая вниманіе исключительно на свои интересы. Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ вопросъ о правахъ женщины. Если есть право, если есть разумный порядокъ, осуществлять который обязана разумная воля, то вопросъ о правѣ женщины всецѣло заключается въ такомъ вопросѣ: есть ли женщина субъектъ права? Другими словами: существуетъ ли женщина для самой себя, или существуетъ она исключительно въ виду другаго, въ его интересѣ, т.-е. въ интересѣ мужскаго пола?

Мы не думаемъ, чтобы женщина существовала для самой себя, потому что ничто не существуетъ для самого себя; такъ какъ она существуетъ въ силу цѣлаго, то мы думаемъ, что она существуетъ для цѣлаго и въ частности для человѣчества, въ которомъ она заключается. И мужчина, существуя не иначе, какъ въ силу цѣлаго и въ силу человѣчества, находитъ разумную причину и объектъ для своего существованія въ человѣчествѣ, составную часть котораго представляетъ собою женщина. Ни мужчина, ни женщина не могутъ осуществляться иначе, какъ одинъ черезъ посредство другаго и одинъ для другаго; они раскрываются и прочно установляются не иначе, какъ предаваясь одинъ другому. Но для того, чтобы одинъ могъ предаться другому, онъ долженъ принадлежать самъ себѣ. Христіанская любовь, которая есть верховная истина, не могла бы осуществиться иначе, какъ на основѣ права, потому что эта любовь есть свобода.

Для выполненія предназначенія любви, къ которой, кажется, призываютъ женщину, необходимо, чтобъ она имѣла право.

Съ моральной и религіозной стороны женщина не больше и не меньше мужчины; но, можетъ быть, она представляетъ иное средство для общаго блага, нежели мужчина; спеціально она есть средство для блага мужчины; съ юридической же стороны она сама себѣ цѣль, она—лицо.

Да, женщина есть лицо, а потому она имѣетъ свои обязанности. Ни общественное мнѣніе, ни законъ не думаютъ отказывать ей въ обязанностяхъ; а нѣтъ обязанности, отдѣленной отъ права: обязанность всегда заключаетъ въ себѣ право, по крайней мѣрѣ, исполнять свою обязанность.

Понятіе о личности не всегда было ясно отличаемо; съ юридической стороны личность женщины допускается общественнымъ мнѣніемъ и освѣщается законами не иначе, какъ съ ограниченіями, которыми уменьшается особенно ея практическое значеніе; но если извѣстный индивидъ можетъ быть въ большей или меньшей степени лицомъ съ точки зрѣнія психологіи или естественной исторіи, то съ юридической стороны личность не терпитъ такого примѣненія къ ней количественной категоріи. Противная тому система есть система рабства.

Рабство есть такой режимъ, слѣдуя которому лица низведены юридически на степень вещей. Нынѣ рабство отвергнуто. Общественное мнѣніе уже не допускаетъ того, чтобы существа, способныя по природѣ существовать для самихъ себя, могли бы путемъ хитрости или насилія принуждаться къ существованію только для другихъ.

Хотя международная война еще существуетъ какъ юридическій фактъ, но рабство плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ, не находитъ себѣ болѣе защитниковъ; работы вынужденныя допускаются у цивилизованныхъ народовъ не иначе, какъ въ видѣ наказаній, примѣняемыхъ къ преступленіямъ. Неравная способность человѣческихъ расъ управлять самими собою, которую, еще столько вѣковъ послѣ Аристотеля, приводили въ защиту института рабства,—вовсе не оспаривается какъ фактъ; но этотъ фактъ недостаточенъ для того, чтобы узаконить сдѣланный изъ него выводъ. И въ самомъ дѣлѣ, не прибѣгая къ доказательствамъ, приводимымъ теоріею трансформизма (преобразованія племенъ), мы можемъ понять, что большее или меньшее различіе, способное къ безконечной постепенности, никакъ не можетъ ничего ни отнять, ни придать къ личности въ юридическомъ смыслѣ.

Если женщина есть лицо, то юридически она есть сама себѣ цѣль: законъ долженъ обращаться съ нею какъ съ таковою, и признать за нею права.

Въ самомъ дѣлѣ, номинально, законъ признаетъ за женщиною права: если она совершеннолѣтняя и не замужемъ, она можетъ даже пользоваться нѣкоторыми правами въ жизни. Но тѣ права, которыя отмѣриваетъ ей гражданскій законъ, не суть права въ истинномъ смыслѣ слова. Въ общественномъ быту, съ

его матеріальными потребностями и моральными наклонностями индивидовъ, обусловленномъ общимъ направленіемъ воль (хотѣній),—война всѣхъ противъ всѣхъ не уничтожена, а только ограничена и упорядочена; положеніе всякаго состоитъ тамъ подъ постоянною угрозою со стороны соперниковъ, и единственныя истинныя права суть только тѣ, которыя гарантированы.

Съ идеальной точки зрѣнія лицо должно быть виновникомъ и свободнымъ распорядителемъ своихъ судебъ, да и фактически оно таково, но только въ предѣлахъ, предначертываемыхъ закономъ.

Компетенція каждаго опредѣлена закономъ; лицо не обладаетъ иными дѣйствительными правами, кромѣ тѣхъ только, какія даны ему закономъ.

Выше было сказано, что единственныя истинныя права суть тѣ, которыя гарантированы. Это слѣдуетъ сказать о правахъ не только мужчинъ, но и женщинъ, такъ какъ если права женщинъ не гарантированы закономъ, то они не суть дѣйствительныя права, и свобода женщины, полученная только изъ рукъ мужчины, никогда не будетъ ея истиннымъ правомъ; ея положеніе будетъ рабствомъ, и ея личность въ юридическомъ смыслѣ будетъ постулатомъ, требованіемъ разума, а не будетъ имѣть дѣйствительнаго бытія.

Индивидъ, который есть только то, чѣмъ дозволяетъ ему быть другой индивидъ, и который дѣлаетъ только то, что этотъ другой дозволяетъ ему дѣлать,—есть рабъ послѣдняго. Рабство женщины, раскрывающееся намъ во всѣхъ его возмутительнѣйшихъ послѣдствіяхъ у дикихъ племенъ и у варварскихъ народовъ, существуетъ въ принципѣ во всѣхъ нашихъ законахъ, образуя истинную ихъ основу, хотя послѣдствія были болѣе или менѣе смягчены, и самое слово «рабство» было болѣе или менѣе скрываемо.

Мнимыя права женщины не суть истинныя права, и это не только потому что они лишены гарантіи, но еще и потому, что они не были установлены въ интересѣ тѣхъ, кто ими пользуется, т.-е. въ интересѣ женщинъ. Чѣмъ ближе будемъ мы разсматривать существующіе факты, тѣмъ яснѣе мы увидимъ въ нихъ подтвержденіе слѣдующаго раціональнаго вывода: нѣтъ справедливости для того, кто получаетъ законъ и свое

право совершенно готовымъ изъ рукъ другаго (какъ женщина изъ рукъ мужчины). Пока человѣческая натура не будетъ преобразована до самой своей глубины,—законы, составляемые однимъ поломъ (мужчинами), будутъ имѣть въ виду единственно собственный только интересъ этого пола.

Потребности, способности половъ не однѣ и тѣ же. До чего же простирается различie? Этого мы не знаемъ и не можемъ узнать пока воспитанie дѣвушекъ будетъ регулируемо исключительно нашими распоряженiями. Мы не можемъ сказать, до какой степени должны естественныя различiя отразиться въ законахъ, чтобы образовать два класса юридическихъ личностей съ различными правами и обязанностями; мы знаемъ только, что женщины заинтеросованы въ рѣшенiи этой задачи столько же, сколько и мы, и даже прямѣе насъ. Если ихъ вмѣшательство необходимо для легитимацiи этого рѣшенiя, то ихъ опытъ, ихъ умъ не менѣе необходимы для его освѣщенiя.

Пока справедливость не будетъ воздана женщинѣ, до тѣхъ поръ нигдѣ не будетъ справедливости.

Неспособные оцѣнить разницу, потому что мы попали бы въ заколдованный кругъ несправедливости и иллюзiи, пытаясь опредѣлить ее нашимъ мужскимъ умозрѣнiемъ, мы вынуждены предварительно пренебречь ею и руководиться отвлеченною справедливостью, т.-е. свободою и равенствомъ. И мы безъ страха ввѣряемся ихъ руководительству. На основѣ равенства свобода выдвинетъ различiя; она же исправитъ ихъ отвлеченный характеръ и придастъ равенству надлежащую форму: взаимность правъ и обязанностей.

Такъ въ области промышленной справедливость, кажется, требуетъ, чтобы женщинѣ, призванной самой заботиться о средствахъ для своего существованiя, въ неравной конкурренцiи съ другимъ поломъ, были доступны всѣ спецiальныя профессiи, включая сюда профессiи свободныя и общественныя должности. Желающiе, на основанiи присущихъ женщинѣ функцiй и свойственной ей слабости, запретить ей всякiй производительный трудъ или же какую-нибудь спецiальную работу, не обезпечивъ ей другаго способа существованiя,—такiе люди не заслуживаютъ того, чтобы мы ихъ выслушали.

Постепенно растворились или полуотворились передъ жен-

щиной многія двери, бывшія прежде запертыми; справедливость требуетъ, чтобы всѣ двери были, наконецъ, растворены.

Если какая-нибудь функція должна быть сохранена за однимъ изъ половъ, то это должно быть въ пользу слабѣйшаго, какъ того пола, который силою вещей устраняется отъ многихъ другихъ функцій, и который всегда будетъ болѣе затрудняемъ въ добываніи себѣ насущнаго хлѣба нормальною дѣятельностью. Но безполезно заходить такъ далеко: интересъ предпринимателей и публики распредѣлитъ функціи между полами. Что касается до могущихъ послѣдовать возгласовъ при мысли о женщинѣ, какъ нотаріусѣ, инженерѣ или профессорѣ, то, я думаю, ими можно пренебречь, потому что если женщины къ тому неспособны, то онѣ не выдержатъ экзамена, а если онѣ способны менѣе мужчинъ, то онѣ будутъ имѣть успѣхъ въ меньшемъ числѣ, чѣмъ мужчины; если исполненіе избранной профессіи будетъ стѣснено особыми условіями жизни, то ихъ кліенты разсѣются, разбѣгутся, и данный имъ такимъ образомъ урокъ не пропадетъ даромъ для слѣдующаго поколѣнія. Силою вещей женщина всегда обладала нѣкоторою компетенціею въ этихъ сферахъ дѣятельности съ тѣхъ поръ, какъ она уже болѣе не рабыня по праву, въ силу закона семейнаго. Эта свобода труда ростетъ, и можно льстить себя надеждой, не безъ нѣкотораго основанія, увидѣть ее, рано или поздно, вполнѣ освѣщенною законами естественнаго права. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, прямой антагонизмъ половъ есть только кажущійся: только мужчины, работающія съ женщинами въ области одного и того же промысла, бываютъ непосредственно заинтересованы въ устраненіи конкурренціи женщинъ, между тѣмъ какъ въ интересѣ потребителей обоихъ половъ благопріятствовать этой конкурренціи, чтобы пріобрѣтать подешевле предметы производства.

Еще очень далекъ тотъ моментъ, когда эмансипація женщины посредствомъ труда станетъ угрожать наслажденіямъ, удовольствіямъ мужскаго пола, такъ что препятствіе къ торжеству права проявляется активнымъ сопротивленіемъ нѣсколькихъ привилегированныхъ лицъ, поддерживаемыхъ предразсудками и рутиной.

Способность исполнять всѣ профессіи не обезпечила бы окон-

чательно матеріальнаго существованія слабаго пола; однако же она дала бы большій или меньшій просторъ женскимъ промысламъ тамъ, гдѣ трудъ цѣнится слишкомъ низко вслѣдствіе избытка предложенія надъ спросомъ, и такимъ образомъ уменьшила бы число дѣвушекъ, доведенныхъ до проституціи изъ-за сохраненія своего существованія.

Такимъ образомъ вопросъ о трудѣ, доступномъ одинокой женщинѣ, естественно связанъ съ вопросомъ о половыхъ и семейныхъ отношеніяхъ, съ этой сложной и важной проблемой.

Распредѣленіе функцій въ домоводствѣ зависитъ отъ самой природы вещей; въ этой области авторитетъ de facto остается въ рукахъ способныхъ имъ пользоваться, т.-е. за волею наиболѣе устойчивою; такимъ образомъ женщина не совсѣмъ обезоружена.

Въ совѣтѣ между супругами, когда рѣшеніе вопроса не можетъ быть отложено, надобно, какъ кажется, предоставлять двойной голосъ одному изъ нихъ. Даже въ важныхъ случаяхъ, когда то или другое рѣшеніе можетъ имѣть продолжительныя послѣдствія, какъ напримѣръ избраніе мѣстожительства, учебнаго заведенія или профессіи для дѣтей, — введеніе третьяго лица для уничтоженія равенства голосовъ было бы разстройствомъ семьи. Мы не совѣтовали бы этого дѣлать; но не доказано, чтобы мужъ былъ необходимо и во всѣхъ случаяхъ лучшій судья; перевѣшивающій голосъ можетъ принадлежать то тому, то другому супругу, смотря по предметамъ, лицамъ и обстоятельствамъ. Можно было бы требовать или по крайней мѣрѣ дозволить, чтобы брачный договоръ регулировалъ эти пункты, какъ это уже сдѣлано относительно нѣкоторыхъ мелочей.

Ужъ совсѣмъ несправедливо, напримѣръ, чтобы праздный мужъ, живущій на счетъ своей жены, опредѣлялъ мѣсто ея жительства. Пререканія между супругами относительно дѣтей могли бы быть устранены посредствомъ регулированія, обусловленнаго поломъ дѣтей; коротко сказать, смягченіемъ закона, мы думаемъ, можно было бы сдѣлать его болѣе справедливымъ.

Когда дѣло идетъ о соотношеніяхъ между однимъ классомъ, обладающимъ силою и увѣренностью въ ея сохраненіи, и дру-

гимъ классомъ, безвозвратно осужденнымъ на низшее матеріальное положеніе, то мы мало можемъ разсчитывать на справедливость, несогласную съ личнымъ интересомъ властелиновъ. Вопросъ же о томъ, каковъ интересъ властелиновъ въ этомъ дѣлѣ—вопросъ рѣшительный и практическій; мы оставили его въ сторонѣ, и изученіе его потребовало бы больше томовъ, чѣмъ сколько еще осталось написать намъ страницъ. Прервемъ же наше разсужденіе, оставимъ въ сторонѣ безвыходныя затрудненія, представляемыя понятіемъ объ интересѣ, и обратимъ наше вниманіе послѣдовательно на двѣ точки зрѣнія.

Если интересъ индивида или цѣлаго класса индивидовъ состоитъ въ обезпеченіи себѣ средствъ къ достиженію преслѣдуемыхъ ими на самомъ дѣлѣ цѣлей и въ сохраненіи положенія, кажущагося имъ выгоднымъ, то мы скажемъ безъ запинки, что здѣсь въ интересѣ мужскаго пола—остаться господиномъ другаго пола и ничего не измѣнять въ своихъ къ нему отношеніяхъ.

Обыкновенно мужчина, въ качествѣ мужа, заставляетъ жену свою купить его общеніе съ нею уступкою ему имущества, увѣнчивая и освящая обязательство постоянно повиноваться его приказаніямъ и быть вѣрною исключительно ему, не обязываясь въ отношеніи къ ней ничѣмъ инымъ, какъ только терпѣть ея близость къ себѣ; или же онъ, въ качествѣ любовника, дѣлаетъ изъ нея даромъ, либо за условленную ею плату, орудіе своихъ наслажденій, возлагая на нее бремя всѣхъ послѣдствій этой связи; или, наконецъ, подъ какимъ либо предлогомъ онъ заточаетъ ее съ тѣмъ, чтобы всегда найти мало стоющее ему средство удовлетворить свои вожделѣнія. Эта система такъ полна, что, затронувши, можно только испортить ее.

Но если понятіе объ интересѣ простирается столько же на цѣли, какія слѣдуетъ себѣ поставить, сколько и на средства къ достиженію предопредѣленной цѣли, или, лучше сказать, если частныя цѣли суть сами не что иное, какъ средство для общей цѣли; если индивидъ можетъ представить себѣ положеніе выше даннаго; если мы разсматриваемъ интересъ мужскаго пола и въ будущемъ времени, такъ же, какъ и въ настоящемъ, то вопросъ принимаетъ другой видъ: антагонизмъ половъ уже не можетъ быть удержанъ, развѣ лишь—искусственно; нужно из-

слѣдовать дѣйствіе закона о женщинахъ на физическое, интеллектуальное и моральное развитіе всего человѣчества, чтобы опредѣлить его дѣйствіе на состояніе мужскаго пола.

И вотъ, прежде всего, думая о будущихъ поколѣніяхъ, скажутъ, что здоровыя и крѣпкія дѣти не родятся отъ истощенныхъ чреслъ, и что слѣдуетъ дать женщинѣ прочное среднее мѣсто между обязанностями по отношенію къ одному человѣку и обязанностямъ—ко всѣмъ. Намъ кажется, что на долю матерей падаетъ забота о первомъ возрастѣ дѣтей, и что воспитаніе начинается уже съ колыбели.

Мы далеки отъ того, чтобы жаловаться на конкурренцію съ нами женщинъ во всѣхъ профессіяхъ, и чтобы осуждать воспитаніе, приготовляющее ихъ къ нимъ; напротивъ, въ поднятіи положенія женщинъ мы увидѣли бы залогъ нашего собственнаго поднятія.

Любовь, счастье — эти слова еще сохранили свой святой смыслъ.

Безпредѣльно важное значеніе имѣло бы для нашего пола, если бы другой, восполняющій насъ полъ могъ существовать и проявлять дремлющія въ немъ интеллектуальныя и моральныя силы, которыя въ немъ гаснутъ и портятся—сокровища, безъ которыхъ человѣкъ не есть даже и полчеловѣка, и которыя могутъ быть обнаружены только свободою.

Вліяніе женщины въ семьѣ безспорно велико; но оно даетъ себя чувствовать и въ государствѣ. Однако же нынѣшнее вліяніе женщины не только недостаточно, но и порочно. Дабы дать счастье и миръ, источниками которыхъ обладаетъ женщина, надобно, чтобы она стала всѣмъ тѣмъ, чѣмъ способна стать; но чѣмъ же она способна стать, мы не знаемъ; мы все сдѣлали для того, чтобы не знать этого.

Эта мысль снова возвращаетъ насъ къ отправной точкѣ нашего изслѣдованія. Основанное на законахъ положеніе женскаго пола находится на пути къ преобразованію. Такое движеніе законно.

Кто мѣритъ разстояніе между станціями, пройденными въ своемъ развитіи женскимъ поломъ, начиная съ первобытнаго рабства и оканчивая нынѣшнимъ его положеніемъ, тотъ пойметъ, что мы еще не дошли до самаго конца, и что нашъ

режимъ временныхъ и не гарантированныхъ правъ женщинъ, правъ неравныхъ въ семьѣ и вовсе не существующихъ по отношенію къ государству,—есть не что иное, какъ компромиссъ нелогичный и не имѣющій будущности.

Кто броситъ бѣглый взглядъ на наши троттуары, суды, госпитали, мастерскія и наши жилища, тотъ убѣдится, что этотъ компромиссъ функціонируетъ дурно. Однако же всякая эволюція направляется къ цѣли. Какова же эта цѣль въ данномъ случаѣ? Мы не знаемъ. Мы не знаемъ также соотвѣтственнаго различія между полами; но мы знаемъ, что оно очень велико, не доходя, впрочемъ, до той точки, будто женщина не обладаетъ моральною индивидуальностью и слѣдовательно—юридическою личностью. Несправедливое регулированіе ея дѣлъ и отношеній всегда будетъ совершаемо ей во вредъ.

Если мужчина, дошедшій до уразумѣнія своей истинной выгоды, захотѣлъ бы воздать справедливость своей подругѣ, какой отпечатокъ лежалъ бы въ такомъ случаѣ на его законодательствѣ? Мы повторяемъ, что законъ, составляемый однимъ поломъ съ намѣреніемъ воздать справедливость другому, не долженъ былъ бы основываться на различіи, соединяющемъ и разъединяющемъ ихъ; онъ долженъ былъ бы по справедливости принимать въ соображеніе это различіе не иначе, какъ по взаимному ихъ соглашенію, основанному на равенствѣ.

Во-первыхъ, сама идея права основывается нынѣ на равенствѣ лицъ; во-вторыхъ, сказанныя различія не могли бы быть вѣрно опредѣляемы однимъ мужчиною; въ-третьихъ, самый прозорливый и безпристрастный наблюдатель не могъ бы нынѣ оцѣнить ни обширности, ни настоящей натуры этихъ различій, скрытыхъ, преувеличенныхъ, искаженныхъ воспитаніемъ, принципъ котораго состоитъ въ томъ, что существованіе женщины имѣетъ своею исключительною цѣлью ея служеніе господину, который самъ испорченъ и униженъ пользованіемъ беззаконною властью.

Мужчина остается всегда сильнѣйшимъ; если же онъ не сохранитъ навсегда своего исключительнаго господства, то это потому, что онъ имъ слишкомъ злоупотреблялъ, и потому, что онъ наконецъ пойметъ, что его деспотизмъ унижаетъ его же самого и дѣлаетъ его во всѣхъ отношеніяхъ болѣе неимущимъ,

такъ что онъ не можетъ уже управиться со своими дѣлами и нуждается въ совѣтѣ близкой ему женщины.

Мы твердо увѣрены, что установленіе справедливости въ отношеніяхъ между полами повлечетъ за собою истинно-практическія улучшенія во всѣхъ почти сферахъ жизни; но мы не думаемъ, что черезъ это будетъ все ниспровергнуто и взволновано. Перемѣна не будетъ ни столь внезапна, ни столь рѣзка, какъ это себѣ воображаютъ. Право взяло бы верхъ надъ силою, разъ ограничившею, наконецъ, саму себя, и сила стала бы дѣйствительно силою.

И такъ, мы думаемъ, что подъ режимомъ самой полной равноправности управленіе общественными интересами, дѣлами, осталось бы въ рукахъ нашего пола, между тѣмъ какъ женщина, сообразно своимъ способностямъ, оказывала бы существенно умѣряющее вліяніе на ходъ общественной жизни. Это женское вліяніе уже сказывается и теперь въ сущности, быть можетъ, въ благопріятномъ смыслѣ; но когда оно даетъ себя замѣтить, то оно оказывается вреднымъ, будучи вліяніемъ существа тщеславнаго, проникнутаго предразсудками и вовсе не знающаго справедливости; невѣжество, тщеславіе, предразсудки женщины, какъ мы должны помнить, суть *наше* дѣло, *наше* произведеніе, и безъ нихъ (не забудемъ этого) женщина не могла бы перенести ни одного дня той жизни, какую мы для нея устраиваемъ. Слѣдовательно, мы ничего не потеряли бы, если бы признали за женщиною право; по мѣрѣ увеличенія этого права дѣйствіе его становилось бы все болѣе и болѣе здравымъ и вскорѣ ограничило бы само себя.

Мы не станемъ отвѣчать на возраженія противъ права женщины: эти возраженія, по большей части, пусты, легкомысленны. Единственно супружеская равноправность представляетъ дѣйствительныя затрудненія; поэтому мы требуемъ, во имя справедливости, не равенства въ супружествѣ, а только участія обоихъ половъ при установленіи брачнаго договора.

Впрочемъ, во всемъ этомъ разсужденіи мы не имѣли намѣренія формулировать право женщины, ни даже въ самыхъ общихъ его чертахъ, такъ какъ иниціатива въ этомъ случаѣ можетъ принадлежать только соглашенію обоихъ половъ. Наша попытка болѣе скромна. Мы хотѣли напомнить о двухъ весьма

простыхъ и очевидныхъ истинахъ, которыя нельзя оспариватъ прямо, но отъ которыхъ стараются отвернуться. Первая истина есть принципъ, вторая—фактъ. Принципъ заключается въ томъ, что всякій общественный классъ, лишенный всѣхъ правильныхъ средствъ оказывать вліяніе на свое собственное юридическое положеніе—несвободенъ.

Фактъ же — таковъ: законодатели мужчины регулировали судьбу другаго пола въ томъ, что̀ считали выгоднымъ для своего пола.

И такъ, каковы бы ни были предлоги, смягченія и видимости—женщина безправна въ нашемъ, такъ-называемомъ свободномъ, обществѣ.

Лицо, насколько оно есть лицо, самоцѣльно. Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы узнать, есть ли женщина лицо, или она существуетъ исключительно ради нашихъ пользъ и выгодъ и ради нашихъ наслажденій.

Въ первомъ случаѣ женщина юридически есть сама себѣ цѣль, а морально она столько же существуетъ для насъ, сколько и мы для нея. Слѣдовательно справедливость требуетъ для женщины равной съ нами доли въ устроеніи общества.

Изъ сочиненія: „Le droit de la femme“ par M. le professeur C. Secrétan.

XIV.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ РѢШЕНІЮ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА.

Предисловіе.

Чтò я здѣсь предлагаю, — есть продуктъ долговременнаго размышленія, постояннаго наблюденія и серьезнаго самоиспытанія. Не жаловаться хочу я здѣсь, но раскрыть непризнанные факты и тѣмъ вызвать необходимую помощь. Слишкомъ ясно сознаю я, какъ мое слово отстало еще отъ моихъ мыслей, какъ мало еще исчерпала я эту необъятную тему.

Моимъ главнымъ желаніемъ было—убѣдительно просить людей наиболѣе способныхъ, и особенно женщинъ, дать намъ лучшій отвѣтъ на старый вопросъ.

Именно женщины-то и призваны обдумать его, потому что, во-первыхъ, онъ до насъ, женщинъ, собственно и касается, и вовсе не говоритъ въ нашу пользу, если мы всегда будемъ предоставлять мужчинамъ за насъ мыслить, говорить и дѣйствовать; во-вторыхъ, намъ-то и надлежитъ понимать наши собственныя желанія и стремленія и защищать ихъ. Можемъ ли мы требовать, чтобы мужчина, какъ бы благородно онъ ни чувствовалъ, какъ бы остроумно и логично ни мыслилъ, вполнѣ вѣрно понялъ то, чтó волнуетъ нашъ внутренній міръ. Уже для двухъ людей, одинаково одаренныхъ и одинаковымъ образомъ воспитанныхъ, часто бываетъ немыслимо вполнѣ понимать другъ друга; во

сколько же разъ это труднѣе для существъ, во многихъ отношеніяхъ различно одаренныхъ и, разумѣется, совершенно различно воспитанныхъ.

Поэтому мнѣ показалось своевременнымъ, чтобы снова услышали голосъ женщины, принадлежащей къ личностямъ, пережившимъ уже бурный періодъ своей жизни, и которая ревностно старается, по возможности, объективно смотрѣть на окружающія ее обстоятельства.

Еще нѣсколько словъ къ рѣшенію женскаго вопроса! Да, еще нѣсколько словъ, которыя исходятъ изъ сердца и хотѣли бы проникнуть въ сердце; которыя не смѣютъ надѣяться на теплый пріемъ, хотя и исходятъ изъ сердца, бьющагося тѣмъ, что оно признаетъ святымъ; изъ сердца, которое охотно своею кровью запечатлѣло бы новый союзъ обоихъ половъ, союзъ, который не долженъ болѣе состоять въ односторонней защитѣ одного пола и въ болѣе или менѣе замѣтномъ отодвиганіи на задній планъ другаго, но въ равномѣрномъ распредѣленіи правъ и обязанностей.

Съ этими словами я обращаюсь къ вамъ, отцы и матери, въ чьихъ рукахъ находится ближайшая будущность женскаго пола, а также и къ вамъ, незамужнія старыя и молодыя дѣвушки: вамъ предстоитъ показать, что вашъ жребій, хотя и лишенный чудной награды, отнюдь не жалокъ.

«Только не проповѣдуйте эмансипаторскихъ идей!» слышу я ваше восклицаніе, боязливыя матери.

Не пугайтесь: моя эмансипація не сдѣлаетъ вашихъ дочерей ни синими чулками, ни неженственными амазонками, полагающими благо своего пола въ перениманіи мужскихъ слабостей; нѣтъ, именно отъ этого-то я и хочу ихъ предохранить.

Мои эмансипаторскія желанія—высшаго рода; не внѣшней свободы вымаливаю я для моего пола; она послѣдуетъ сама собой — нѣтъ, я вымаливаю благороднѣйшей свободы, свободы духа, которая только и дѣлаетъ человѣка человѣкомъ.

Если бы наше воспитаніе не было такъ крайне жалко, и наша жизненная цѣль не была такъ крайне бѣдна и ограничена; если бы мы съ раннихъ поръ пріучались искать опору

не внѣ насъ, но въ нашей собственной груди, въ нашей собственной силѣ; если бы мы умѣли посвящать нашу жизнь и наши труды великимъ и благороднымъ цѣлямъ; если бы намъ не мѣшали прислушиваться къ нашему внутреннему голосу и скорѣе слѣдовать его внушеніямъ, нежели чужимъ взглядамъ; если бы намъ позволяли заниматься трудомъ, который мы могли бы любить,—тогда, я увѣрена, мы были бы счастливы.

Не ученыхъ со впалыми глазами должны вы воспитывать изъ вашихъ дочерей, но самостоятельно мыслящихъ людей, которые понимаютъ и умѣютъ цѣнить дѣйствительный дѣльный умственный трудъ, причемъ не слѣдуетъ устранять и того, чтобы онѣ сами испытывали свои силы на этомъ полѣ дѣятельности.

Не ученое многознаніе, не мнимое образованіе, но знаніе правильно расчлененное въ своей внутренней связи (систематическое), воспріимчивое къ важнѣйшимъ интересамъ человѣческой жизни и обладающее тою ясностью и вѣрностью сужденія, которыя составляютъ потребность также и женскаго ума, вотъ что̀ составляетъ наше истинное приданое при вступленіи въ жизнь. Словомъ, я желала бы помочь осуществленію равнаго раздѣла между братьями и сестрами ихъ духовнаго наслѣдства.

Развѣ эта цѣль кажется вамъ недостойною жизненной борьбы? Развѣ никогда не случалось съ вами, что ваши отцы, ваши братья, ваши мужья говорили въ вашемъ присутствіи о такихъ вещахъ, которыя заставляли блестѣть ихъ глаза, а голоса ихъ дрожать отъ святаго воодушевленія, между тѣмъ какъ вы сидѣли съ сильно бьющимся сердцемъ, чувствуя, что здѣсь идетъ дѣло о чемъ-то великомъ, однако вамъ недоставало надлежащаго слова, которое могло бы открыть передъ вами дверь полнаго пониманія? Это пониманіе не сдѣлаетъ васъ неженственными, а, напротивъ, придастъ истинный блескъ женскимъ чарамъ; кукламъ, которыя, хотя и кажутся нѣкоторымъ мужчинамъ воплощеніемъ женскаго идеала, но по большей части могутъ доставить имъ лишь преходящія, внѣшнія радости,—этимъ кукламъ оно дастъ душу и сдѣлаетъ ихъ людьми, равными по достоинству другому полу.

Что̀ за сказки вы тамъ разсказываете, будто бы ученость

разрушаетъ прекрасную, нѣжную женственность и наивность, и сердечность и т. д.?

Есть и были женщины, представлявшія воплощеніе женскихъ прелестей и женскихъ добродѣтелей, хотя, на ряду съ исполненіемъ своихъ обязанностей, предавались онѣ, подобно мужчинамъ, основательнымъ научнымъ занятіямъ. Ихъ благотворное вліяніе было тѣмъ большее, благодаря тому, что за ними признавали не только сердце и душу, но также и познанія, и разумъ. Въ томъ, чтò соединяли въ себѣ эти женщины: женственность и основательность, прелесть и знаніе, кротость и рѣшительность сужденія, развѣ намъ должно быть въ этомъ отказано?

Всѣ онѣ слѣдуютъ ихъ внутреннему голосу, который говоритъ имъ: каждый духовный даръ данъ для его развитія; каждое занятіе можетъ только выиграть отъ высшей точки зрѣнія трудящагося. Дерзнемъ же и мы пользоваться нашимъ собственнымъ разумомъ! Но не легко достичь этой цѣли; въ далекомъ будущемъ лежитъ она еще передъ нами; труденъ и полонъ лишеній путь къ ней; можетъ быть даже, на долю насъ, нынѣ живущихъ, выпала трудная работа прокладывать путь, и только будущія поколѣнія насладятся тѣми вкусными плодами, до зрѣлости которыхъ мы не доживемъ. Такъ и быть! И если даже намъ не дозволено взглянуть на обѣтованную землю, если на наши смыкающіеся глаза падутъ только первые лучи солнца жизни, то и тогда мы все-таки жили не даромъ.

Прежде всего позволю себѣ привести слова извѣстнаго профессора Вирхова *). «Спрашивается, дѣйствительно ли единственное призваніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы быть женою и матерью? Конечно, нѣтъ. Многимъ женщинамъ не пришлось стать супругою и матерью, и, конечно, о нихъ нельзя сказать, что ихъ призваніе—стать старой дѣвой. Постигнувшая человѣка судьба не есть еще его призваніе. Также для жены и матери задача жизни не ограничивается тѣмъ, чтобы быть только женою и матерью. Многія женщины одарены большими средствами влiять на судьбы человѣчества, и я далекъ отъ со-

*) „Ueber die Erziehung des Weibes für seinen Beruf". Eine Vorlesung gehalten am 20. Februar 1865 von Rudolf Virchow.

мнѣнія въ способности женщины къ такимъ всеобщимъ задачамъ. Пусть каждая женщина испытаетъ, считаетъ ли она себя къ тому способною; состояніе современнаго общества отчасти уже создало мѣру индивидуальной свободы; отчасти окажется, какъ естественный результатъ дальнѣйшаго развитія, что женскій полъ можетъ принимать самодѣятельное участіе въ рѣшеніи всеобщей задачи человѣчества. Поэтому женщина не можетъ быть устраняема отъ всесторонняго развитія. Воспитаніе женщины должно стать тѣмъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ болѣе отъ нея ожидаютъ, что она благотворнымъ образомъ проявитъ свое вліяніе на дитя и мужчину».

Да, конечно, воспитаніе женщины должно стать болѣе совершеннымъ! Но съ чего же слѣдуетъ начать?

Не смотрите на себя какъ на особый, иначе созданный, видъ человѣческаго рода; смотрите на себя прежде всего какъ на человѣка, и въ этомъ отношеніи испытывайте себя и свои способности; не представляйте себя противоположностью мужского пола и не опирайтесь на привилегіи, которыя, при надлежащемъ освѣщеніи, не возвышаютъ васъ надъ мужчинами, какъ вы это, можетъ быть, воображаете себѣ; но ставятъ васъ на низшую, сравнительно съ ними, ступень, удерживая васъ на ступени вѣчнаго дѣтства! Смотрите на себя какъ на дѣтей *одного* отца, имѣющихъ одинаковыя права, но также и одинаковыя обязанности, именно: пускать въ ростъ данные имъ таланты, а не зарывать ихъ въ землю!

Если мы дѣйствительно не болѣе какъ садовые цвѣты, которымъ нѣтъ надобности трудиться для своего самосохраненія; если это такъ, то мы должны довольствоваться назначеннымъ намъ положеніемъ; мы должны вести цвѣточное прозябаніе восточныхъ женщинъ; но тогда должны мы также всецѣло оставаться подъ охранительною сѣнью дома, а не стремиться за его предѣлы въ общественную жизнь, бурь которой въ этомъ случаѣ мы не сможемъ выдержать. Тамъ должны мы бороться всѣми нашими внутренними силами, чтобы завоевать себѣ мѣсто, а если—нѣтъ, то погибнуть, такъ какъ времена трубадуровъ, слава Богу, миновали; мы не найдемъ болѣе такихъ рыцарей, которые цѣлью своей жизни поставили бы себѣ носить наши цвѣта.

Не думайте, что мнѣ неизвѣстны трудности, съ которыми намъ придется бороться; я хорошо знаю, какой сильный, враждебный намъ союзъ составляютъ нравы, обычаи и предразсудки; но наши злѣйшіе враги, это мы сами, такъ какъ мы частью рабски подчиняемся господствующимъ нравамъ, вмѣсто того, чтобы въ должной мѣрѣ измѣнить ихъ къ нашему благу, частью же, вмѣсто того, чтобы позаботиться о своей внутренней зрѣлости, которая должна бы быть носительницей новаго,— мы безъ всякой мѣры переступаемъ эти нравы и такимъ образомъ становимся карикатурами. Но имѣйте только вѣру въ Божественное, и оно дастъ вамъ побѣду. Руководите жизнью и стремленіями женщинъ при помощи справедливости и любви; пробудите въ нихъ высшее сознаніе; дайте предстать передъ ихъ взорами женскимъ, или, лучше сказать, человѣческимъ идеаламъ, относятся ли они къ жизни домашней или гражданской, къ наукѣ, искусствамъ и художествамъ, или къ жизни высшей, религіозной,—и красота скоро прогонитъ все карикатурное.

Вслѣдствіе же недостатка этой духовной красоты, многія женщины живутъ, страдаютъ и наслаждаются какъ безсмысленныя, несамостоятельныя существа; подчиняются обстоятельствамъ вмѣсто того, чтобы господствовать надъ ними; требуютъ всего отъ другихъ и живутъ какъ паразиты, вмѣсто того, чтобы видѣть въ Богѣ миръ и жизнь и быть благодѣтельницами своего пола. Если даже мы сами не признаемъ самоцѣли нашего существованія, какъ можемъ мы требовать другаго возрѣнія отъ мужчинъ съ ихъ эгоизмомъ, развивающимся въ борьбѣ за существованіе и поощряемомъ общественными отношеніями?!

Развѣ женщина не существуетъ также и сама для себя? Развѣ не открыты и для нея царства духовное и тѣлесное? Не должна ли она, какъ и мужчина, только инымъ образомъ, чуднымъ бытіемъ своимъ прославлять своего Творца?

Откуда же происходитъ такъ часто порицаемое ребяческое неразуміе, нелогичное упрямство женщинъ—свойства, часто заставляющія мужчину раскаиваться въ его вступленіи въ бракъ?

Это происходитъ отъ пустаго образованія, отъ обремененія

памяти поверхностнымъ, мертвымъ знаніемъ, на что часто тратятъ все школьное время, вмѣсто того чтобы строгимъ образованіемъ ума дать дѣвушкѣ противовѣсъ ея жизни чувствованій, уже и въ молодости часто бьющей черезъ край.

Вотъ молодая дѣвушка вступаетъ въ жизнь. Приготовленная къ ней? Едва-ли. Никакая внѣшняя нужда не побудила ее смотрѣть на школьную жизнь во всей ея серьезности, какъ на школу, подготовляющую ее къ жизни; жизненное призваніе для нея не существуетъ. Слѣдовательно, для нея достаточно, если она только немного отвѣдала всѣхъ наукъ; если она можетъ понимать то, о чемъ говорятъ умные мужчины; если она имѣетъ внѣшній лоскъ школьнаго образованія, не обращая при этомъ вниманія на тѣ пробѣлы, которые не открываются никакимъ окончательнымъ испытаніемъ, и которые каждая мало-мальски ловкая дѣвушка умѣетъ скрыть искусною фразою, къ полному удовлетворенію всякаго обратившагося къ ней въ обществѣ съ вопросомъ. Домашнее принужденіе также, по большей части, не имѣетъ мѣста; родители, часто подкрѣпляемые врачемъ, боятся только того, чтобы не слишкомъ много требовать отъ нѣжнаго организма дѣвушки.

Не удивительно ли, что мальчиковъ постоянно спрашиваютъ, кѣмъ они хотятъ быть, къ чему имѣютъ они наклонность и способность, и что затѣмъ имъ даютъ возможность развиваться и образовываться соотвѣтственно ихъ наклонностямъ, между тѣмъ какъ никогда не поступаютъ такъ съ дѣвочками? Онѣ не смѣютъ сами избирать себѣ призваніе или жизненный путь.

Женщины—именно тѣ существа, которымъ слѣдуетъ воспитывать всѣ свои дарованія и направлять ихъ къ лучшему; онѣ-то и должны быть людьми, лишенными мысли и воли, какъ будто онѣ не имѣютъ собственной души, которая могла бы указывать имъ же ихъ путь и ихъ назначеніе. Я далека отъ того, чтобы говорить противъ домашнихъ работъ; напротивъ, онѣ-то и могутъ послужить къ тому, чтобы какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ сдѣлать ловкими и практичными.

Я даже очень рекомендовала бы поручать дѣтямъ, особенно дѣвочкамъ, опредѣленныя ежедневныя домашнія работы, за которыя они должны такъ же отвѣчать, какъ и за исполненіе

прочихъ своихъ обязанностей. Только отъ перерыванія работъ безъ распредѣленія времени хотѣла бы я предохранить дѣвочекъ, а къ сожалѣнію это-то именно и дѣлается чаще всего.

Если дѣвушка привыкла къ аккуратности, порядку, добросовѣстности и осмотрительности; если она пріучила свой умъ къ логическому мышленію; если она умѣетъ распредѣлять свой досугъ и свой трудъ, то она очень быстро овладѣетъ механическими и техническими пріемами домоводства. Развѣ дѣйствительно такъ трудно заниматься домоводствомъ, что необходимо посвящать ему исключительно всю жизнь?

Сказавши нѣсколько словъ о воспитаніи и образованіи дѣвушекъ вообще, я обращаюсь теперь къ одному изъ важнѣйшихъ видовъ спеціальнаго женскаго образованія, подготовляющаго дѣвушекъ къ педагогической дѣятельности.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что и этотъ видъ образованія недалеко уходитъ отъ той основной мысли, которая сознательно или безсознательно, добровольно или по принужденію составляетъ закулисную сторону жизни дѣвушки: *все только вполовину*.

Стѣсненныя обстоятельства отца, многочисленное семейство, вдовство матери или также похвальная забота о будущности дѣвушки, которая можетъ не имѣть счастья «нравиться», все это ведетъ къ тому, что дѣвушка, какъ и мальчикъ, слышитъ съ юности своей, что она должна добывать средства къ существованію. Братъ знаетъ, что то, за что̀ онъ примется, сдѣлается его жизненнымъ призваніемъ; сестра же, а вмѣстѣ съ нею все семейство, втайнѣ надѣются, что ея занятіе составляетъ для нея только временную необходимость; спасительная рука сказочнаго принца возведетъ еще ее на тронъ жены и хозяйки.

Послѣ скуднаго подготовленія, почти никогда не выходящаго изъ рамокъ послѣдняго класса училища, стоитъ передъ нами молодая, восемнадцатилѣтняя учительница, съ формальной, внѣшней стороны—готовая, внутренно же часто—еще незрѣлая. Выступая на поприще дѣятельности, она даже не вноситъ съ собой сознанія въ своей незрѣлости; она обладаетъ документомъ, удостовѣряющимъ въ ея способности къ высшему

преподаванію. Но что собственно называется высшимъ преподаваніемъ, объ этомъ она, можетъ быть, не имѣетъ никакого понятія, потому что, какъ дѣвушка, едва ли она могла узнать его въ училищѣ или за время своего подготовленія къ педагогической дѣятельности.

Нѣкоторое сознаніе своей обязанности, въ высшей степени присущее женской натурѣ, любовь къ общенію съ дѣтьми, которая, какъ утверждаютъ, прирождена женскому полу, пріятное чувство что нибудь сдѣлать и внѣшнимъ образомъ быть отчасти независимой,—все это приводитъ къ тому, что трудъ учительницы оказывается небезуспѣшнымъ, и что она сама не чувствуетъ себя при этомъ несчастной; однако же, этотъ трудъ не наполняетъ всей ея души, да и не долженъ наполнять ее, какъ обыкновенно думаютъ. До-и послѣ-обѣденное время—двѣ рѣзко разграниченныя фазы жизни учительницы: на утро она смотритъ, какъ на время, принадлежащее пріобрѣтенію средствъ къ жизни, чѣмъ, быть можетъ, не только она сама, но даже и все ея семейство, чувствуютъ себя униженными въ ихъ общественномъ положеніи.

За то вечеромъ старается она вознаградить себя различными удовольствіями и занятіями пріятными, но не имѣющими ничего общаго съ педагогикой.

Менѣе всего хочу я возставать противъ васъ, учительницы, съ которыми я связана двадцатью годами общаго намъ труда. Кто знаетъ лучше меня, что, относительно вѣрности обязанностямъ, аккуратности и добросовѣстности, вы очень можете равняться съ каждымъ учителемъ? Слишкомъ хорошо знаю я, какую не-эгоистичную, полную самопожертвованія жизнь ведете вы часто, и со сколькими трудностями приходится бороться женщинѣ, стремящейся къ самостоятельности! Но откуда же происходитъ то, что мы, не смотря на всю нашу преданность, встрѣчаемъ такъ мало признательности? Откуда же происходитъ то, что если, какъ это часто бываетъ, на насъ нападаютъ наши противники, то едва ли одинъ серьезный голосъ раздается въ нашу защиту? Не оттого, что мужчины соединяются противъ насъ изъ-за куска насущнаго хлѣба, хотя иногда, можетъ быть, въ томъ не безучастно и это чувство; не оттого, что мужчины боятся быть оттѣсненными нами на задній планъ: пройдутъ десятилѣтія, пока

это можетъ случиться. Нѣтъ, оттого это происходитъ, что мы хотимъ занять исключительное положеніе; что мы хотимъ быть не только учительницами, но, наряду съ этимъ, и свѣтскими дамами; что дѣятельность наша имѣетъ болѣе подражательный, нежели творческій характеръ, и что мы сами налагаемъ на себя оковы предразсудковъ, привитыхъ намъ воспитаніемъ, недостаточно понятыхъ и непобѣжденныхъ нами. Оттого происходитъ, что наши противники не безъ основанія осуждаютъ наши судорожныя, часто безумныя усилія подняться на высшую ступень, и даже наши благожелательнѣйшіе друзья съ огорченіемъ отворачиваются отъ насъ.

Что у насъ нѣтъ недостатка въ способностяхъ выполнить нѣчто лучшее, это признаютъ даже тѣ мужчины, которые думаютъ, что мы созданы только для нихъ, которые отказываютъ намъ въ конечной цѣли всякаго человѣческаго бытія—развиваться всесторонне, полно и стройно.

Намъ присущи и, не смотря на извращенное воспитаніе, въ насъ могутъ развиваться способности къ самостоятельности, ко всему высокому: это доказываютъ примѣры и новѣйшаго времени.

Пусть каждая женщина, имѣющая наклонность къ самостоятельности, опредѣлитъ точно и вѣрно, къ чему у нея достаточно способностей; если это выдающіяся умственныя способности, то пусть она занимается наукою по своему выбору, но съ твердымъ сознаніемъ, что подобное призваніе требуетъ напряженія всѣхъ ея силъ.

Если для этой дѣятельности у васъ недостаточно духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, если обстоятельства не допускаютъ другаго выбора, то беритесь за дѣло учительницы или воспитательницы—спеціальности, доступныя намъ теперь въ наибольшей мѣрѣ; но смотрите на это дѣло какъ на призваніе, а не только какъ на источникъ къ пріобрѣтенію средствъ; не будьте учительницами до обѣда, а послѣ обѣда,—свѣтскими дамами; будьте учительницами вполнѣ и при этомъ призваніи оставайтесь человѣкомъ не больше и не меньше того, насколько каждый мужчина долженъ оставаться человѣкомъ при выполненіи своего призванія.

Быть можетъ, ваша учительская дѣятельность вообще вамъ

не пó сердцу, потому что вовсе не каждая женщина отъ природы создана быть учительницей или воспитательницей, какъ насъ сладко убѣждаютъ въ этомъ наши сильнѣйшіе противники, когда они хотятъ примирить насъ съ той ролью, которую, по ихъ воззрѣнію, мы должны исполнять для блага человѣчества т.-е. собственно мужской половины его, — то не отчаивайтесь, въ васъ самихъ и въ вашей жизни.

Вѣрьте, что упорное желаніе поможетъ вамъ совершить все, самое дѣльное; такая вѣра въ себя и въ свое желаніе, соединенная съ самоотреченіемъ и стремленіемъ достичь всего лучшаго, можетъ извлечь воду изъ скалы.

Побѣждайте самихъ себя; пожелайте только найти радости, и вы найдете ихъ; чѣмъ тяжелѣе будетъ вашъ трудъ, тѣмъ болѣе самоотреченія, конечно, потребуетъ онъ отъ васъ; тѣмъ болѣе должны вы ему предаться и удалить отъ себя всѣ постороннія мысли: ваше самоотреченіе будетъ вознаграждено, потому что, въ концѣ концовъ, оно будетъ уже не самоотреченіемъ но благороднѣйшимъ наслажденіемъ.

Правда, для этого нужно много работать надъ собой, но и то сказать: гдѣ, какъ не на нашемъ педагогическомъ поприщѣ, въ такой мѣрѣ необходима внутренняя и внѣшняя работа надъ самимъ собой?

Будемъ откровенны и признаемся, что такова или приблизительно такова наша лучшая работа; да и какъ можетъ она быть иною; откуда можемъ мы получить понятіе о ея скудости? Большинство нашихъ противниковъ отказываетъ намъ во всякой высшей способности, не будучи въ состояніи, разумѣется, доказать такое свое утвержденіе, высказанное съ ненавистью. Наши же друзья желаютъ намъ всего добраго и хотятъ внезапно, однимъ своимъ волшебнымъ словомъ, поднять насъ изъ состоянія несамостоятельности въ высшія сферы не обращая вниманія на то, что такое измѣненіе совершается лишь мало-по-малу.

Вся наша работа до настоящаго времени, быть можетъ, въ состояніи указать намъ путь, на которомъ мы съ успѣхомъ можемъ развиваться въ дальнѣйшемъ направленіи, если рѣшимся покончить со старыми традиціями, касательно нашего дальнѣйшаго образованія вообще, и предварительно удовлетворимся не-

большимъ полемъ спеціальной дѣятельности. Но мы должны научиться встать на свои ноги, какъ бы ни было это намъ трудно вначалѣ; только тогда можетъ принести плоды то хорошее, что мы совершаемъ теперь въ качествѣ учительницъ. Повторяю: не беритесь разомъ за многое и не ставьте вашей цѣли сразу слишкомъ высоко; изберите себѣ одну отрасль для основательнаго труда надъ ней, и не стремитесь вашимъ уже достигнутымъ знаніемъ сразу воспользоваться для достиженія высшей ступени; чѣмъ выше чье-либо положеніе, тѣмъ болѣе открыто оно наблюденію, тѣмъ глубже и больнѣе паденіе при какой-либо неудачѣ; не много знанія нужно намъ прежде всего, но истинное знаніе.

Быть можетъ, однако, ваше отвращеніе отъ призванія учительницы и воспитательницы настолько велико, что вы не захотите принять его на себя, хотя Вирховъ и утверждаетъ, что высшее призваніе женщины есть воспитаніе дѣтей, если бы даже они и не были ея собственныя. Затѣмъ онъ продолжаетъ: «если женщина не замужемъ или бездѣтна, все же она призвана быть хранительницей домашняго очага и всѣхъ связанныхъ съ нимъ заботъ, хотя бы этотъ очагъ и не былъ ея собственнымъ». Но противъ этого я хотѣла бы сдѣлать нѣкоторыя возраженія.

Я далека отъ оспариванія того, что женской натурѣ вообще болѣе соотвѣтствуетъ домашняя жизнь, но только не въ смыслѣ, общепринятомъ въ Германіи. Разъ судьба отказала женщинѣ въ этомъ призваніи, было бы жестоко, если бы ея женственности наносился ущербъ тѣмъ, что она ищетъ себѣ занятіе внѣ дома, вдали отъ малютокъ, уходъ за которыми и воспитаніе которыхъ удаются только тогда, когда они исходятъ изъ сердца. Не всякая женщина имѣетъ природное дарованіе къ воспитанію дѣтей, но всякая мать, хотя это ея дарованіе должно также поддерживаться воспитаніемъ, которое учитъ мать руководиться собственнымъ разсудкомъ.

Итакъ, быть можетъ, ваше отвращеніе отъ преподаванія слишкомъ велико, и оно оправдываетъ вашъ отказъ взяться за это призваніе; быть можетъ, чувствуете вы вообще слишкомъ мало склонности къ умственному труду, такъ что въ этой области вы будете не болѣе какъ ремесленникомъ; въ такомъ случаѣ,

конечно, вамъ дорогъ хорошій совѣтъ. Если въ этомъ случаѣ вы сможете выступить героинями, покончивъ съ вашими предразсудками такъ же, какъ и съ предразсудками общества и вашей семьи, тогда вы сдѣлаете нѣчто большее, чѣмъ мы; вы будете стоять выше насъ, потому что мы, быть можетъ, не имѣли подобнаго мужества и сдѣлались учительницами безъ внутренняго призванія. Тогда, конечно, повидимому, вы должны выступить изъ круга свѣтскихъ дамъ; но ваша безупречная жизнь скоро примиритъ съ вами лучшее общество въ истинномъ смыслѣ этого слова. Откуда же происходитъ то, что, не смотря на многія отрасли промысловой дѣятельности, оставленныя женщинами безъ вниманія, и призванныя, и непризванныя, все продолжаютъ стремиться къ педагогической дѣятельности? Главная причина лежитъ въ томъ, что среди насъ все еще господствуетъ безумный предразсудокъ противъ промысловой дѣятельности женщинъ, и что поэтому ни одна женщина изъ высшихъ слоевъ общества не можетъ рѣшиться приняться за нее. Но если никто не сдѣлаетъ начала, то какимъ образомъ исчезнетъ подобный предразсудокъ? Развѣ не то же самое было прежде съ женщинами, посвящающими себя уходу за больными, и съ учительницами? Только съ тѣхъ поръ, какъ въ оба эти званія стали поступать женщины изъ всѣхъ слоевъ общества, только съ тѣхъ поръ, выражаясь прямо, занятія эти стали модными. Какъ хорошо было бы, если бы кто-нибудь сдѣлалъ промысловую дѣятельность модною! Тогда разомъ была бы оказана помощь всѣмъ намъ, женщинамъ. Я и не отчаиваюсь, что въ этомъ направленіи долженъ произойти здравый поворотъ, только мы всѣ должны помочь тому. И такъ, если мы сами осуществимъ тотъ принципъ, что всякій трудъ облагораживаетъ, то, навѣрное, мужчины не будутъ медлить съ его признаніемъ. Только мы не должны складывать эту теорію въ архивъ, какъ драгоцѣнный матеріалъ, но по возможности скорѣе приложить ее на практикѣ.

Очень интересны описанія Токевиля въ его сочиненіи: «О демократіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Тамъ, на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, напримѣръ, въ Ловелѣ, работаютъ, для пріобрѣтенія себѣ приданаго, до 5000 дѣвушекъ, отъ 17 до 24-хъ-лѣтняго возраста, дочерей землевла-

дѣльцевъ изъ различныхъ штатовъ, вдали отъ своихъ семействъ, предоставленныя сами себѣ и охраняемыя только національнымъ уваженіемъ къ женщинѣ и строгостью нравовъ, равно какъ и превосходными учрежденіями фабричныхъ хозяевъ; а взаимное соревнованіе побуждаетъ ихъ быть дѣльными, вести себя нравственно и безупречно, и развиваться умственно.

Зачѣмъ намъ, женщинамъ, откладывать надолго занятія промыслами, на-ряду съ педагогическою дѣятельностью?

Эмансипируйтесь въ благородномъ смыслѣ этого слова, эмансипируйтесь не отъ женской нравственности и женственнаго образа мыслей, но только отъ устарѣлаго общественнаго мнѣнія и отъ оковъ предразсудка! Будьте модистками, швеями, если вы чувствуете себя къ тому способными, или займитесь другаго рода честнымъ промысловымъ трудомъ. Быть можетъ, онъ звучитъ сурово, этотъ призывъ къ болѣе низкому труду васъ, занимающихъ болѣе вѣрное, обезпеченное въ жизни, положеніе; но, быть можетъ, онъ есть наилучшій совѣтъ, созданный путемъ собственнаго опыта и долженствующій предохранить васъ отъ внутренней борьбы. Благо вамъ, если на своемъ распутьи вы встрѣтите истинное познаніе, или же если рѣшительный талантъ позднѣе сдѣлаетъ для васъ возможнымъ возвращеніе къ собственному успокоенію! Конечно, это рѣшеніе, на которое я считаю васъ способными, вначалѣ вовсе не легко; для него нужна рѣдкая сила характера, и оно предполагаетъ иное воспитаніе, нежели то, которое теперь по большей части выпадаетъ на долю дѣвушекъ.

Поэтому я обращаюсь къ вамъ, отцы и матери: въ слѣпой любви къ вашимъ дочерямъ, не станьте, по отношенію къ нимъ, отчимами и мачихами; воспитывайте изъ нихъ не женщину только, но преимущественно человѣка. Не всѣ дѣвушки выходятъ замужъ; значительное число ихъ проходитъ свой жизненный путь въ одиночествѣ, не становясь супругою, матерью и хозяйкой.

Если единственное, первое и послѣднее, или даже важнѣйшее назначеніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы быть женою, матерью и хозяйкою, то, по истинѣ, всѣ незамужнія дѣвушки самыя безполезныя, самыя несчастныя и достойныя сожалѣнія созданія; онѣ созданы для такой цѣли, которой

никогда не могутъ достичь; онѣ были воспитаны для нея и только для нея, а между тѣмъ жизнь проходитъ мимо, не давая имъ возможности вступить на тотъ путь, который имъ указывали такъ самовластно и къ которому ихъ такъ долго приготовляли.

Не противорѣчиво ли и въ то же время не смѣшно ли это? Да, противорѣчиво, но не смѣшно, а скорѣе очень серьезно, очень грустно, потому что тысячи становятся жертвами этого заблужденія... Развѣ и ваши дочери должны стать подобными жертвами? Научите ихъ сознавать, что онѣ существуютъ также ради самихъ себя, что онѣ существуютъ не только для украшенія, но также и для труда, насколько это дозволяютъ ихъ силы и, притомъ, не исключительно для женскаго труда, но для труда общечеловѣческаго. Конечно, при этомъ онѣ должны оставаться женственными: насколько достоинъ презрѣнія женоподобный мужчина, настолько ненавистна мужеподобная женщина. Никогда не могла я понять, какъ это дѣвушкѣ можетъ придти въ голову серьезное желаніе быть мужчиной!

Дѣвушки должны становиться не амазонками, неистовствующими противъ другаго пола; нѣтъ, онѣ должны быть только людьми, какъ и мужчины, смотрящими на бракъ, т.-е. на истинный, благородный бракъ, а не на одинъ изъ обыкновенныхъ дюжинныхъ браковъ, какъ на высшее счастье, но считающими его не единственною, достойною стремленій, цѣлью, а какъ бы вѣнцомъ, который не всякому выпадаетъ на долю. Должны ли всѣ эти многочисленныя дѣвушки, которыя по той или другой причинѣ, по своей винѣ или безвинно остаются незамужними, судя по статистическимъ даннымъ, если только мы смѣемъ довѣрять имъ, должны ли онѣ безцѣльно увядать, хуже, чѣмъ лѣсной или горный цвѣтокъ, который можетъ жить хотя невидимой, но полной жизнью?

Воспитаніемъ, если не вполнѣ равнымъ, то равнозначащимъ мужскому, дайте вашимъ дочерямъ твердую внѣшнюю, а черезъ то и внутреннюю опору, которая сдѣлаетъ ихъ способными быть счастливыми и въ одиночествѣ, и которая придастъ имъ мужество отказаться отъ брака, который былъ бы только матеріальнымъ обезпеченіемъ, безъ идеальнаго содержанія, сло-

вомъ, отъ такого брака, который не имѣетъ ничего общаго съ горячей любовью. Сдѣлайте ихъ, насколько можно, самостоятельными; сдѣлайте ихъ способными судить мужчинъ, для того, чтобы онѣ, подобно многимъ молодымъ дѣвушкамъ, не привѣтствовали перваго искателя ихъ руки, какъ спасителя, только потому, что онъ льститъ ихъ тщеславію, отличая ихъ предъ подругами, а впослѣдствіи онѣ начинаютъ сознавать, что онъ не соотвѣтствуетъ ихъ сказочнымъ мечтаніямъ. Гдѣ и какъ знакомятся теперь молодые люди? На балахъ и вечерахъ, въ разныхъ сбщественныхъ собраніяхъ, разряженные по праздничному; будничная сторона жизни выступаетъ лишь позднѣе. Не въ тысячу ли разъ вѣрнѣе и лучше, если они оба научатся цѣнить другъ друга за серьезнымъ трудомъ; если она видитъ въ немъ не полубога, а онъ въ ней не сказочную принцессу, которая впослѣдствіи должна превратиться въ Золушку; но если оба стоятъ другъ противъ друга, какъ равноправныя существа, зная, что оба они въ состояніи заблуждаться и оступаться, но что каждый изъ нихъ въ сердечной любви и во внутреннемъ душевномъ согласіи протянетъ другому руку, чтобы поднять его. Приготовьте вашимъ дѣтямъ, уже съ юности, путь къ свободному, благородному общенію между обоими полами, а не къ такому общенію, какое въ обычаѣ теперь, при которомъ дѣвушка, во многихъ случаяхъ, видитъ въ молодомъ человѣкѣ лишь мишень для разнообразныхъ женскихъ стрѣлъ, а онъ видитъ въ ней средство болѣе или менѣе пріятнаго времяпрепровожденія, съ которымъ, однако, онъ всегда старается быть на-сторожѣ. Только такимъ образомъ можетъ быть достигнута идеальная цѣль истиннаго образованія обоихъ половъ; мужчина научится отъ женщины душевной деликатности и нѣжности чувствъ; женщина отъ мужчины—дисциплинированью сердца разумомъ. Научите вашихъ дѣтой, что оцѣнка достоинствъ женщины и сердечная къ ней любовь стоятъ выше, нежели обычно внушаемая ею страсть, которая не можетъ быть долговѣчною и потому, по большей части, на короткое время дѣлаетъ дѣвушку владычицей, а затѣмъ заставляетъ ее пасть очень низко, вмѣсто того чтобы она стояла всегда рядомъ, и только рядомъ, съ мужчиной. Несчастная любовь не та, которая не достигла обычной цѣли, но та, которая обманулась въ любимомъ существѣ.

Горячее, сострадательное и любящее сердце желательно для каждой женщины; только оно должно быть сердцемъ хорошо дисциплинированнымъ.

Изъ сочиненія: „Ein Wort zur Frauenfrage" von Bertha von der Lage.

XV.

ВМѢСТО ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

1.

Когда воспитаніе женщины окончено, нужно знать, чтò она будетъ дѣлать, когда выйдетъ замужъ, какія будутъ ея права, какія въ замужествѣ будутъ ея обязанности? Чтобы это узнать, я, конечно, не буду справляться съ гражданскимъ кодексомъ, помня хорошо главу подъ заглавіемъ: о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ супруговъ. Въ этомъ заглавіи прилагательное «взаимныхъ» лишнее, ибо знаете ли вы, какъ дѣлаетъ раздѣленіе гражданскій кодексъ? Всѣ права—для мужа, всѣ обязанности—для жены. Вотъ слова этой статьи: «Мужъ долженъ оказывать защиту и покровительство женѣ, жена должна повиноваться мужу». Не нужно справляться, кто написалъ эту главу въ кодексѣ Наполеона. Это тотъ самый человѣкъ, который впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, проповѣдывалъ полигамію. «Женщина, заслуживающая наиболѣе уваженія,—говоритъ онъ,—это женщина, которая приноситъ странѣ наиболѣе дѣтей». Мы знаемъ, какъ цѣнилъ онъ этотъ товаръ, и какое употребленіе онъ ему дѣлалъ.

Мужъ обязанъ защищать свою жену—чтò этимъ сказано? Что мужъ полицейскій стражъ своей жены, что онъ долженъ защищать ее противъ всѣхъ опасностей? Но если-бы, въ самомъ дѣлѣ, мужъ не защищалъ своей жены, кто-бы онъ былъ?

Написать подобныя слова въ кодексѣ, значитъ сдѣлать мужу самое кровавое оскорбленіе.

Государь, вы ошиблись, вы приняли бракъ за кордегардію. Нѣтъ: повинуйтесь тому, что́ хорошо; повинуйтесь тому, что́ справедливо—вотъ настоящее повиновеніе, и въ этомъ случаѣ часто мужъ долженъ такъ же повиноваться своей женѣ, какъ жена мужу. Каждый изъ насъ не разъ сознавался, въ глубинѣ своей совѣсти, что онъ былъ счастливъ, повинуясь своей женѣ, и что эта вторая совѣсть, въ его домашнемъ быту, составляетъ для него во многихъ случаяхъ приращеніе нравственности и добродѣтели. Вы въ вашихъ статьяхъ можете себѣ писать сколько угодно: жена должна повиноваться мужу; но обычаи и нравственныя отношенія будутъ сильнѣе законовъ и съ насмѣшкою дадутъ имъ опроверженіе. Что же, наконецъ, мы видимъ не только часто, но почти всегда? Мы видимъ смыслъ закона перевернутымъ, т.-е.—мужа, повинующагося своей подругѣ.

Изъ сочиненія: „La femme au XIX-me sièclé“ par M-r Pelletan.

2.

...Втайнѣ спрашивалъ я самъ себя: не превосходитъ ли женщина мужчину? Страсти ея не такъ неистовы, и сама она легче подчиняется воспитанію. Я думаю, вмѣстѣ съ Мольеромъ, что мы поступаемъ очень благоразумно, не слишкомъ образовывая этотъ полъ злобный и безпокойный. Держа женщинъ въ честномъ невѣдѣніи, мы придаемъ имъ всѣ пороки, а также и всѣ слабости рабы; власть наша обезпечена.

Но если бы мы воспитывали эти пламенныя и наивныя души, если бы мы воспламеняли ихъ любовью къ истинѣ, кто знаетъ,—не стали ли бы онѣ краснѣть за глупость и грубость своихъ властелиновъ?

Сохранимъ знаніе для себя самихъ: оно обоготворяетъ насъ. Наше владычество падетъ, коль скоро женщины разгадаютъ насъ.

Изъ сочиненія: „Paris en Amérique“ par M.-r Laboulaye.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

